

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 3 (85)

2025

Москва 2025

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.С. Ипполитов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, Т.А. Володина, Г. Вурцер,
В. Голдман, М.В. Грибовский, Хуан Дунцзин, Н.Т. Ерегиная,
К.С. Ингерфлом, Вэй Ин, В.Р. Карнялюк, М.В. Кротова,
В.Я. Мауль, А.М. Пашков, М.А. Пономарева, А.А. Симонов,
Д. Фильцер, Л. Чех, Чжун Цзяньпин, В.Н. Шайдуров,
П.П. Шкаренков**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: nivestnik.su

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вестник, 2025
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2025

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey S. Ippolitov

EDITORIAL BOARD

**A.B. Bezborodov, O.G. Bukhovets, Huang Dongjing,
L. Čech, N.T. Eregina, D. Filtzer, Zhong Jianping, W.Z. Goldman,
M.V. Gribovskiy, C.S. Ingerflom, V.R. Karnyalyuk, M.V. Krotova,
V.Ya. Maul, A.M. Pashkov, M.A. Ponomareva, V.N. Shaidurov,
P.P. Shkarenkov, A.A. Simonov, T.A. Volodina, Wei Ying, G. Wurzer**

Quarterly Journal

Address:
69-2-67, BolshayaFilevskaya St., Moscow, Russia, 121433
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: nivestnik.su

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: BH002537

© *Novyy Istoricheskiy Vestnik*, 2025
© *Novyy Istoricheskiy Vestnik* Editorial Staff
LLC “Smelyi Dizayn”, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Карпенко С.В. (Москва).** Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и Литературный фонд СССР в 1963 – 1965 годах: Первый опыт взаимодействия. Часть вторая 8
- Горская Н.И. (Смоленск).** Государственное ополчение Смоленской губернии в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: законодательные нормы и практическая реализация 29
- Манкевич Д.В. (Калининград).** О некоторых тенденциях и проблемах развития регионального здравоохранения в СССР накануне и в период перестройки (на материалах Калининградской области) 48
- Исаев А.В., Полякова А.С. (Санкт-Петербург).** Тепловозные железнодорожные батальоны Русской Императорской армии в период Первой мировой войны 61
- Портных В.Л. (Новосибирск).** Трофейные ганзейские архивы в послевоенном Ленинграде: в какой мере вывоз культурных ценностей был спланированной акцией 74
- Шиханов Н.А. (Элиста).** Развитие земледелия в колхозах Калмыцкой автономной области в первой половине 1930-х гг. 93
- Бенда В.Н. (Гатчина).** Подготовка артиллерийских кадров в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. 112

Россия и мир

- Гунаев Е.А. (Элиста).** Калмыцкая степь и Внутренняя Киргизская орда в XIX – начале XX вв.: модели административного управления 133
- Овсепян М.В., Карапетян А.О., Харатян А.А. (Ереван, Республика Армения).** Из истории армянских школ в России (с XIX века до начало XX века) 152
- Орлова К.В. (Элиста).** СССР – Монгольская Народная Республика: сотрудничество в 1941–1945 гг. 175
- Исупов В.А., Кайряк А.А., Шайдуров В.Н. (Санкт-Петербург).** Демографическое развитие немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. (по данным метрических книг) 190

Политическая история и историческая политология

- Кирилюк Д.В., Сердюков Д.В. (Сургут).** Роль региональных экономических интересов территорий Российской Федерации в распаде СССР (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) 207

Всеобщая история

- Криворотова А.А., Скларова Е.К. (Ростов-на-Дону).** Сирийская война (1839–

1841) во внешней политике Великобритании, Османской Империи и Австрии.....	233
---	-----

Лагошина Н.А. (Ростов-на-Дону). Интеграция ирландцев в городские сообщества на территории пэрства Ирландия в XIV–XV веках.....	247
--	-----

Баспакова М., (Калининград), Нохрин И.М. (Челябинск). Проект «Моррисон- Надсен» в Афганистане и проблема национального суверенитета в период правительства Шах Махмуд-хана (1946-1953 гг.).....	268
--	-----

События и судьбы

Митруев Б.Л. (Элиста). Сведения о путешествии калмыцкого Бааза-багши в биографии Далай-ламы XIII.....	280
---	-----

Ходжагельдыев Р. (Ашхабад, Туркменистан). Сквозь призму забвения: Жизнь Эне Гельдыевой, туркменской женщины, встретившейся со Сталиным.....	304
--	-----

Исторический дискурс

Булегенова И.Б. (Астана, Казахстан), Карабулатова И.С. (Москва). Искажение историко-культурной памяти в современной киносказке как инструмент геополитического влияния в период новейшей истории (1995-2025 гг.).....	319
--	-----

Максименко М.А. (Ростов-на-Дону). Система образов индустриального прошлого Шотландии второй половины XIX в. в зеркале литературы.....	342
--	-----

Источниковедческий анализ

Стрекалов И.Н. (Москва). «Эта премия должна быть дана за гигантский, самоотверженный подвиг...»: документы обсуждения кандидатур на Ленинскую премию по киноэпопее «Освобождение» (1971-1972 гг.).....	355
--	-----

Манджикова Л.Б. (Элиста). Архивные документы органов управления калмыцким народом как источники по изучению процесса интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему в XIX в.....	382
---	-----

Историческая семиотика

Николаева Н.Д. (Ростов-на-Дону). Женщины династии Рюриковичей в семиотическом пространстве княжеского некрополя (конец XI –70-е гг. XII вв.)	395
---	-----

CONTENTS

Russian Statehood

Karpenko S.V. (<i>Moscow</i>). The Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers and the USSR Literary Fund, 1963 – 1965: The First Attempt at Interaction. Part Two.....	8
Gorskaya N.I. (<i>Smolensk</i>). The State Militia of the Smolensk Province in the Russo-Turkish War of 1877–1878: Legal Norms and Practical Implementation.....	29
Mankevich D.V. (<i>Kaliningrad</i>). On some trends and problems of development of regional healthcare in the USSR on the eve of and during Perestroika (based on the materials of the Kaliningrad region)	48
Isaev A.V., Polyakova A.S. (<i>St. Petersburg</i>). Diesel railway battalions of the Russian Imperial army during the First World War	61
Portnykh V.L. (<i>Novosibirsk</i>). Hanseatic archives in post-war Leningrad: to what extent was the transportation of German cultural valuables to the USSR a planned action.....	74
Shikhanov N.A. (<i>Elista</i>). The development of agriculture on the collective farms in the Kalmyk Autonomous Region during the first half of the 1930s.....	93
Benda V.N. (<i>Gatchina</i>). Training of artillery personnel in Russia in the late XVIII – first half of the XIX centuries	112

Russia and the World

Gunaev E.A. (<i>Elista</i>). The Kalmyk steppe and the inner Kyrgyz Horde in the 19th – early 20th centuries: models of administrative management	133
Hovsepyan M.V., Kharatyan A.A., Karapetyan A.H. (<i>Yerevan, Republic of Armenia</i>). History of Armenian schools in Russia (19th century–early 20th century)	152
Orlova K.V. (<i>Elista</i>). USSR – The Mongolian People’s Republic: cooperation in 1941–1945	175
Isupov V.A., Kairiyak A.A., Shaidurov V.N. (<i>St. Petersburg</i>). Demographic development of the German colonies of St. Petersburg province in the late 19th and early 20th centuries (according to metric books)	190

Political History and Historical Political Science

Kirilyuk D. (<i>Surgut</i>), Serdyukov D. (<i>Surgut</i>). The role of the regional economic interests of the Russian Federation territories in the collapse of the USSR (on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)	207
---	-----

Universal history

- Krivorotova A.A., Sklyarova E.K. (Rostov-on-Don).** The Syrian War (1839-1841) in the foreign policy of Great Britain, the Ottoman Empire and Austria.....233
- Lagoshina N.A. (Rostov-on-Don).** Integration of the Irish into urban communities in the lordship of Ireland in the 14th and 15th centuries.....247
- Baspakova M. (Kaliningrad), Nokhrin I.M. (Chelyabinsk).** The «Morrison-Knudsen» project in Afghanistan and the issue of National Sovereignty during the Shah Mahmud-Khan administration (1946-1953).....268

Events and destinies

- Mitruev B.L. (Elista).** Information about the journey of the Kalmyk Бааза-багши in the biography of the 13th Dalai Lama.....280
- Hojageldiyev R. (Ashgabat, Turkmenistan).** Through the Prism of Oblivion: The Life of Ene Geldyeva, a Turkmen Woman Who Met Stalin 304

Historical discourse

- Bulegenova I.B. (Astana, Kazakhstan), Karabulatova I.S. (Moscow).** Distortion of historical and cultural memory in the modern film narrative as a tool of geopolitical influence in the period of modern history (1995-2025).....319
- Maksimenko M.A. (Rostov-on-Don).** The image system of Scotland's industrial past in the second half of the 19th century in the mirror of literature 342

Source analysis

- Strekalov I.N. (Moscow).** "This prize should be given for a gigantic, selfless feat...": documents from the discussion of candidates for the Lenin Prize for the film epic "Liberation" (1971-1972).....355
- Mandzhikova L.B. (Elista).** Archival documents of the Kalmyk people's governing bodies as sources for studying the process of integration of Kalmyk society into the All-Russian state system in the 19th century 382

Historical semiotics

- Nikolaeva N.D. (Rostov-on-Don).** Women of the Rurik dynasty in the Semiotic space of the Princely necropolis (late 11th–70s of the 12th centuries).....395

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ **Russian Statehood**

DOI: 10.54770/20729286-2025-3-8

С.В. Карпенко

Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и Литературный фонд СССР в 1963 – 1965 годах: Первый опыт взаимодействия

Часть вторая

S.V. Karpenko

The Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers and the USSR Literary Fund, 1963 – 1965: The First Attempt at Interaction

Part Two

Еще в ходе пятнадцатимесячной работы Организационного комитета Союза писателей РСФСР стало очевидно, что одна из первоочередных задач его Правления, которое изберет учредительный съезд, – создание отделений Союза в тех областях Российской Федерации, где их еще не было¹, но где живут и работают хотя бы трое-пятеро членов Союза писателей СССР. В течение 1959–1964 гг. новые отделения были открыты в 19 областях РСФСР². Два из них – в Астрахани и в Калуге – были созданы постановлением Правления Союза писателей РСФСР и распоряжением Совета министров РСФСР в октябре 1963 г.³

26 октября 1963 г. в Астрахани, в здании обкома КПСС, состоялось организационное собрание Астраханского отделения Союза писателей РСФСР. В соответствии с Уставом Союза писателей СССР, принятым Третьим съездом писателей СССР в мае 1959 г.⁴, пятеро профессиональных, то есть принятых в Союз писателей СССР, астраханских писателей (Н.Г. Поливин, Ф.Е. Субботин, А.Т. Гаркуша, Б.П. Ярочкин и Б.И. Жилин) тайным голосованием избрали бюро отделения как орган «коллективного руководства» (соблюдение «принципа коллегиальности», «коллективность в работе всех органов и звеньев» Союза писателей СССР считались «возвращением к ленинским принципам демократизма»⁵). В бюро были избра-

ны поэт Николай Георгиевич Поливин, прозаик Федор Евстафьевич Субботин и прозаик Александр Тимофеевич Гаркуша (Греков). А затем бюро из своего состава на должность ответственного секретаря отделения избрало Поливина, а его заместителем – Субботина⁶.

Одновременно с созданием Астраханского отделения Союза писателей РСФСР Правление Союза писателей РСФСР в октябре 1963 г. создало Астраханское отделение Литературного фонда РСФСР⁷, как это требовал Устав Литературного фонда СССР⁸.

Поскольку в Астрахани в октябре 1963 г. проживало всего пять членов Союза писателей СССР и Литфонда СССР, Правление Союза писателей РСФСР назначило уполномоченным Литфонда СССР по Астраханской области Александра Тимофеевича Гаркушу, которого в этой общественной должности утвердило Правление Литературного фонда СССР. И на момент проведения организационного собрания Астраханского отделения Союза писателей РСФСР он уже занимал эту общественную должность⁹. Помимо него, в ноябре или декабре 1963 г., в Астраханское отделение Литфонда СССР на штатную должность бухгалтера была по совместительству зачислена М.Д. Матковская, уже принятая секретарем-счетоводом в Астраханское отделение Союза писателей РСФСР¹⁰.

Однако свою работу Астраханское отделение Литфонда СССР смогло начать только в январе 1964 г., когда, по выражению самого Гаркуши, «нам была спущена смета и выделены деньги»¹¹.

* * *

На 1964 г. Литфонд СССР, исходя из численности своего Астраханского отделения в пять членов Союза писателей и Литфонда, выделил в его распоряжение 560руб., распределенные по статьям годовой сметы («Расходы по творческим командировкам», «Расходы по работе с молодыми авторами», «Прочие пособия» и другим). В эту сумму, помимо расходов на «оказание творческой помощи» и на «материально-бытовое обслуживание писателей и их семей», входили почтово-телеграфные расходы и зарплата бухгалтера¹². То есть расходы на улучшение материально-бытовых условий литературной работы каждого из пяти астраханских профессиональных писателей должны были быть «уложены» в пределы от 90 до 100 руб. в год.

Расходование литфондовских денег регламентировалось «Инструкцией о порядке оказания материально-бытовой помощи членам Литературного фонда СССР, их семьям и потомкам классиков отечественной литературы», утвержденной Президиумом Правления Литературного фонда СССР 5 июня 1961 г. и Секретариатом Союза писателей СССР 12 июня 1961 г. В ней подчеркивалось, что

«помощь, оказываемая Литературным фондом СССР, не должна носить благотворительный характер» – она «оказывается как активно работающим писателям, так и временно не работающим». Важнейшее положение инструкции состояло в том, что областной уполномоченный Литературного фонда СССР может единолично принять решение о выдаче члену Литфонда единовременного денежного пособия в размере не свыше 20 руб., а пособие свыше 20 руб. могло быть выдано только на основании постановления бюро областного отделения республиканского Союза писателей.

И бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, одним из трех избранных членов которого был уполномоченный Литературного фонда СССР по Астраханской области Гаркуша, широко использовало открывшуюся возможность расходования литфондовских денег на «оказание творческой помощи» и на «материально-бытовое обслуживание писателей и их семей». Заявления как профессиональных писателей, так и начинающих литераторов об оказании денежной помощи бюро рассматривало и принимало по ним решение, вероятно, на каждом своем заседании. Скорее всего, именно поэтому какие-то протоколы заседаний бюро – вместо того чтобы сделать из них необходимые выписки – забирал и уносил домой Гаркуша. Куда уносил – там и оставлял.

На заседании 14 апреля, согласно первому сохранившемуся протоколу, бюро в полном составе – Поливин, Субботин и Гаркуша – слушало вопрос: «Об оказании материальной помощи писателю Карпенко В.В. в связи со смертью его матери». Речь шла о расходах и на поездку на родину, в поселок Зимовники Ростовской области, и на похороны. Постановили: «Оказать писателю Карпенко в связи со смертью его матери единовременную помощь из средств литфонда в сумме 50 рублей»¹³.

Во втором же квартале постановлениями бюро было выдано пособие из средств Литфонда начинающим литераторам Юрию Галишникову (Селенскому) в размере 20 руб. и Игорю Бодрову – 15 руб. А бухгалтеру Матковской из тех же литфондовских средств (дополнительно к ее зарплате секретаря-счетовода писательского отделения и зарплате бухгалтера отделения Литфонда) было выписано 13 руб.¹⁴

На заседании бюро, состоявшемся 5 сентября (протокол № 6), присутствовали все три члена бюро – Поливин, Субботин и Гаркуша, – а обязанности секретаря выполнял уже назначенный вместо Матковской начинающий поэт К.М. Винокуров, однокурсник Поливина по Факультету русского языка и литературы Астраханского государственного педагогического института¹⁵.

На этом шестом заседании состоялся «разбор заявлений уполномоченного литературного фонда СССР тов. Гаркуша А.Т. и ответственного секретаря отделения СП РСФСР тов. Поливина Н.Г. о творческой командировке на строительство водodelителя в районе села Верхне-Лебяжье». Водodelитель, который начали строить на Волге в апреле 1963 г., был крайне важным для Астраханской области гидротехническим сооружением. И потому бюро, то есть те же Гаркуша и Поливин вместе с Субботиным, постановило: «Направить писателей А.Т. Гаркушу и Н.Г. Поливина в творческую командировку в район строительства водodelителя на 10 и 6 дней (шесть и десять)» [Так в документе. – С.К.]¹⁶.

На заседании 5 ноября (протокол № 7), на котором присутствовали только Поливин и Гаркуша, бюро рассмотрело два «заявления о помощи членам литфонда» – Гаркуше и Субботину. Решено было, «в связи с тем, что писатель А.Т. Гаркуша в настоящее время занят доработкой повести “Матроска”, оказать помощь в сумме 20 (двадцать) рублей», а «Ф.Е. Субботину оказать помощь на лечение в сумме 20 (двадцать) рублей»¹⁷.

Наконец, согласно выписке из протокола (без номера) заседания бюро от 30 декабря, бюро слушало вопрос: «Заявление писателя Гаркуша А.Т. о предоставлении ему ссуды за счет литфонда СССР на творческий период». И постановило: «Предоставить члену литфонда, члену Союза писателей Гаркуша А.Т. ссуду в сумме 40 (сорок) рублей сроком до 1 марта 1965 года»¹⁸.

Подобная ситуация в середине 1960-х гг. была характерна и для «некоторых», как тогда выражались, чтобы преуменьшить масштаб отрицательного явления, других республиканских, краевых и областных отделений Союза писателей РСФСР: на заседаниях бюро отделений «творческие вопросы» «вытеснялись организационно-хозяйственными делами», которые занимали «главенствующее место»¹⁹.

* * *

Уже в течение первых месяцев работы бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР и Астраханского отделения Литературного фонда СССР стало очевидным, что уполномоченный Литературного фонда СССР по Астраханской области Гаркуша относится к «канцелярщине» столь же небрежно, как и ответственный секретарь Поливин²⁰, а главное – не силен в счетоводстве и денежной отчетности. Он даже не удосужился выслать в Литфонд СССР список членов Литфонда, проживающих в Астрахани. В то же время, допустив перерасход полученных на I квартал литфондовских

средств в сумме 23 руб. 12 коп., он простодушно компенсировал его из своих личных денег²¹. К тому же Матковская бухгалтером, как и делопроизводителем, оказалась неважным, потому и была уволена летом. Не лучше нее разбирался в бухгалтерии и делопроизводстве поэт Винокуров.

Финансовый отчет за I квартал 1964 г. в Литфонд СССР (Москва, ул. Беговая, д. 17) Гаркуша отправил вовремя, в первых числах апреля. И уже примерно 20 апреля оттуда был получен ответ за подписью исполняющего обязанности директора Литфонда М. Тараканова и главного бухгалтера С. Макарова. Формально-бюрократические обороты этого ответа несли в себе выдержанное, но нелицеприятное порицание:

«Литературный фонд СССР подтверждает получение финансового отчета за 1 кв. 64 г. и сообщает, что проверить его мы не можем из-за отсутствия документов.

Просим срочно выслать все оправдательные документы отчета 1 кв. 64 г.»²².

Гаркуша поторопился исправиться – выслал требуемые документы, и около 10 мая пришло из Москвы письмо, от 6 мая, о результатах проверки финансового отчета за I квартал, подписанное теми же Таракановым и Макаровым.

Проверка вскрыла как дебиторскую задолженность в сумме 4 руб. 5 коп. – неуплаченный подоходный налог с больничного листа прозаика Бориса Ярочкина (3 руб. 90 коп.) и неуплаченный подоходный налог с зарплаты бухгалтера Матковской (15 коп.), – так и кредиторскую задолженность в сумме 27 руб. 17 коп. Замечаний по отчету в письме сделано немало, но все недостатки отчета разъяснены Гаркуше терпеливо и доходчиво.

А замечания были серьезные: присылать квартальный отчет следует в двух экземплярах («из которых один, с нашими исправлениями, мы высылаем Вам обратно»); с отчетом, помимо прочих документов, нужно присылать «выписки Госбанка»; «при оказании творческой и материальной помощи писателям совершенно необходимо указывать, по какой статье сметы оказывается помощь»; «строго следите за расходованием средств по смете, не допуская перерасходов как в целом, так и по отдельным ее статьям»; «при выплате зарплаты бухгалтеру следует удерживать подоходный налог 1,5 % с начисленной суммы»; «с больничных листов» писателей по временной нетрудоспособности необходимо удерживать подоходный налог»²³.

Составители письма попросили Гаркушу «выслать список членов Литфонда с указанием №№ членских билетов» и сделали ему прямо-таки «отеческое» внушение: «При получении от нас очеред-

ного финансирования получите из кассы израсходованные Вами Руб. 23-12. На будущее при отсутствии средств не расходуйте лично Ваши деньги»²⁴.

Письмо завершили мягкой, даже ободряющей фразой: «Просим учесть все наши замечания и не повторять их в дальнейшем»²⁵. Очевидно, работники аппарата Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения уже привыкли к тому, что уполномоченные Литфонда, избранные областными отделениями из числа местных писателей, из-за своей неопытности в бухгалтерском деле неизбежно допускают поначалу немало ошибок, а потому им нужно помогать, их нужно обучать, разъясняя их новые обязанности толково и терпеливо. И даже считали, что некоторая снисходительность и товарищеский тон помогают в этой ситуации лучше жесткой требовательности и строгости.

* * *

Второе, от 3 августа, письмо из Литфонда СССР о результатах проверки финансового отчета за II квартал, подписанное тем же и.о. директора М. Таракановым, новым главным бухгалтером В. Прониным, а еще, для внушительности, начальником Планово-финансового отдела В. Лесевицким, также содержало немало замечаний, в том числе и насчет наличия дебиторской и кредиторской задолженности. В отличие от первого письма, второе уже определяло ошибки уполномоченного Литфонда СССР как «нарушения». И нарушения эти были неизбежны, раз Гаркуша, не имея бухгалтерского опыта, согласился взвалить на себя обязанности уполномоченного.

Одно из замечаний – самое, пожалуй, серьезное – касалось материальной помощи, выданной Карпенко: «Согласно инструкции Литфонда СССР, Вы, как уполномоченный, имеете право оказывать материальную помощь писателям в сумме не свыше 20 р. Вами же писателю т. Карпенко В.В. выдано пособие в сумме 50 руб. До получения от Вас решения Правления Союза писателей об оказании помощи т. Карпенко В.В. в сумме 50 руб., сумма 30 руб. нами отнесена на расчеты с прочими дебиторами»²⁶. И далее в письме разъяснялось: «При оказании творческой и материальной помощи писателям в решениях Правления СП необходимо указывать, по какой статье сметы оказывается помощь»²⁷.

Это значит, что Гаркуша не приложил к высланному в Литфонд СССР отчету за I квартал выписку из протокола заседания бюро от 14 апреля. Странного в этом ничего нет: в очередной раз сказались его неопытность и медлительность в усвоении требований, содержащихся в «Инструкции о порядке оказания материально-бытовой

помощи...»Литфонда СССР и Союза писателей СССР 1961 г., и дополнительно получаемых из Москвы циркулярах. Странность в ином: аппарат Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения сам допустило ошибку, используя в письме название руководящего органа «Правление Союза писателей» применительно к областному отделению, где, согласно действующему Уставу Союза писателей СССР, не было и не могло быть никакого Правления – только бюро²⁸. Возможно, составители письма ошибочно использовали трафарет, предназначенный для республиканских Союзов писателей. Либо сотрудники аппарата Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения сами плохо разбирались в организационной структуре Союза писателей СССР. А скорее – не придавали этому значения, коль дело касалось «провинции» и разбросанных по ней малочисленных, по столичным меркам, писательских отделений.

Однако независимо от этой ошибки работников аппарата Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения серьезность выявленного ими нарушения усугублялась тем, что, как явствовало из финансового отчета за Пквартал, Карпенко не заплатил ни 40 коп. за членский билет Литфонда СССР, ни членские взносы в Литфонд. Тон письма, при всей деловитости и тактичности, стал более строгим и требовательным:

«Взыщите с т. Карпенко В.В. 40 коп. за членский билет и 1 руб. членских взносов.

При выдаче материальной помощи следует иметь в виду, что члены Литературного фонда СССР, имеющие задолженность по членским взносам или ссудам, теряют право на последующую помощь, за исключением медицинского обслуживания и пособий по временной нетрудоспособности. Вы же эти требования не выполняете. При наличии задолженности у писателя Карпенко по членским взносам, Вами выдается пособие, при чем [Орфографическая ошибка в письме. – С.К.] с нарушением. В дальнейшем не допускайте подобных нарушений»²⁹.

Машинописный текст августовского письма из Литфонда СССР в нескольких случаях был поправлен авторучкой с чернилами синего цвета, которой подписал письмо начальник Планово-финансового отдела В. Лесевицкий, и авторучкой с чернилами черного цвета, которой его подписал главный бухгалтер В. Пронин. В машинописном тексте требовалось «взыскать» с Карпенко 10 руб. членских взносов, но В. Пронин аккуратно двумя черточками в виде знака равенства перечеркнул 0, превратив 10 руб. в 1 руб.

Сумма 10 руб. была обычным для членов Литфонда СССР годовым взносом. Внутренние странички членского билета Литфон-

да СССР, озаглавленные «Членские взносы», были разлинованы каждая на два года по четыре квартала в каждом. Такая разлиновка сама собой предполагала право члена Литфонда СССР платить взносы поквартально, по 2 руб. 50 коп. На выданном Карпенко членском билете № 6714 стоят отметки: «время вступления в Литфонд СССР» – 1964 г., «время выдачи билета» – 20 июня 1964 г.³⁰ И, похоже, на этом основании В. Пронин оценил задолженность Карпенко по членским взносам на начало августа только в 1 руб.

Однако на деле члены Союза писателей СССР и, соответственно, члены Литфонда СССР, хорошо зная, что задолженность по членским взносам или ссудам лишает их права на «последующую помощь» Литфонда, предпочитали уже в первом квартале заплатить годовой членский взнос 10 руб. целиком. А вновь принятые в члены Литфонда СССР – если не все, то большинство – предпочитали заплатить целиком за весь тот год, когда они были приняты. В членском билете Карпенко авторучкой сделана отметка, что он заплатил 10 руб. в I квартале 1964 г., а оттиск маленького штампа «Членский взнос УПЛАЧЕНО Астраханское отд. С.П.» стоит на каждом из четырех кварталов. Приложив штамп «вверх ногами», за принятие членских взносов расписался Винокуров. Так что понятно, что уплата была произведена в середине августа, сразу после получения письма из Литфонда, а отметка об уплате сделана «задним числом».

Этот «случай с Карпенко» стал уроком для астраханских писателей: в следующем году, 1965-м, они все дружно заплатили по 10 руб. годовых членских взносов в Литфонд СССР уже в 1-м квартале³¹.

На фоне этого «случая с Карпенко» мелочью кажется даже повторное замечание работников аппарата Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения в августовском письме по поводу удержания подоходного налога с зарплаты бухгалтера: «Вторично сообщаем, что при выплате зарплаты бухгалтеру следует удерживать подоходный налог 1,5 % с выплаченной суммы»³². Хотя, конечно, в бухгалтерской отчетности мелочей не бывает.

Заканчивалось письмо столь же строго:

«Примите меры к недопущению просроченной задолженности по членским взносам, возвратным ссудам, а также дебиторской и кредиторской задолженности на конец отчетного года.

При проведении указанной работы Вам следует руководствоваться нашим циркуляром № 6148 от 15 октября 1963 года»³³.

Гаркуша никак не мог не почувствовать этого построжавшего тона, который никак не мог не задеть его чувства писательского достоинства и превосходства.

В письме из Литфонда СССР, датированном 31 октября 1964 г. и подписанном новым исполняющим обязанности директора Литфонда СССР Н. Елинсоном и главным бухгалтером В. Прониным, об итогах рассмотрения представленного Гаркушей финансового отчета за III квартал было указано на очередные «нарушения и недостатки», включая всю ту же неодолимую дебиторскую задолженность³⁴.

«По отдельным статьям сметы имеются перерасходы», а посему Гаркушу категорично предупредили: «Допущенные перерасходы по смете 1964 года будут засчитаны в уменьшение финансирования по смете 1965 года»³⁵.

Отметив отсутствие при полученном финансовом отчете заявлений писателей на оказание творческой и материальной помощи, потребовали от Гаркуши выслать их к 15 ноября. И повторно разъяснили, что квартальные финансовые отчеты следует высылать в двух экземплярах, из которых один «с нашими исправлениями Литфондом будет возвращаться Вам». При этом, поскольку отчет за III квартал был «представлен с опозданием на 4 дня», напомнили Гаркуше, что отчеты «следует представлять строго в установленный срок, т.е. к 5 числу каждого квартала»³⁶.

На этот раз самое серьезное нарушение работники Литфонда усмотрели в выдаче Поливину и самому Гаркуше денег на «творческие командировки»:

«В нарушение инструкции Секретариата Союза писателей СССР и Президиума Правления Литературного фонда СССР от 5-12 июня 1961 г. “О порядке оказания материально-бытовой помощи членам Литературного фонда СССР, их семьям и потомкам классиков отечественной литературы”, Вы выдали тов. Поливину Н.Г. 30 руб. и лично для себя получили 50 руб. на творческие командировки без решения бюро СП Астраханской области. Впредь, выдачу авансов на творческие командировки производить только на основании решений бюро СП.

На выплаченные суммы тов. Поливину Н.Г. и Вам необходимо представить до 15 ноября с.г. в Литфонд СССР решения бюро СП, с указанием сроков командировок и условий оплаты»³⁷.

Получается, что решение бюро, заседание которого состоялось 5 сентября (протокол № 6), о направлении писателей Гаркуши и Поливина «в творческую командировку в район строительства вододелиителя на 10 и 6 дней»³⁸ Гаркуша правильно посчитал необходимым и достаточным основанием для выдачи себе аванса в размере 50 руб., а Поливину – 30 руб. Однако что-то помешало ему вместе с

финансовым отчетом за III квартал отправить в Литфонд СССР копию решения бюро о выдаче аванса.

В октябрьском письме аппарат Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения исправил свою старую ошибку: орган «коллективного руководства» Астраханского отделения Союза писателей РСФСР назван не Правлением, а бюро. Но тут же сделал новую ошибку: назвал Астраханское отделение Союза писателей РСФСР «Союзом писателей Астраханской области», будто Астрахань – не областной центр, а столица, по крайней мере, автономной национальной республики.

Однако эта очередная ошибка московских литфондовских чиновников и бухгалтеров несколько не уменьшает ни серьезности их претензий к Гаркуше по сути, ни их жестковатости по словесному обличию. Беда в том, что нарушения установленного инструкцией 1961 г. порядка расходов на творческие командировки писателей происходили нередко. Выступая 3 марта 1965 г. на Втором съезде писателей РСФСР, председатель Ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР писатель-фронтовик В.А. Сытин говорил о «некоторых недостатках в расходовании средств» при оказании помощи писателям «на творческий период и на оплату творческих командировок»: выдача денег «без достаточных оснований», несоблюдение коллегиальности решений о выдаче, «слабый контроль за эффективностью творческих командировок», когда писатели, получившие и потратившие литфондовские деньги, никому не сообщали, что дала им поездка и каковы их «дальнейшие творческие планы»³⁹.

* * *

В полученном в середине февраля письме из Литфонда, датированным 2 февраля 1965 г., подписанном и.о. директора М. Таракановым и очередным новым главным бухгалтером С. Бояджанцем, было впервые сказано нечто хвалебно-поощрительное о работе уполномоченного Литфонда по Астраханской области: «Литературный фонд СССР отмечает досрочное получение отчета за IV кв. 64 г.»⁴⁰.

Сдвиг в лучшую сторону, несомненно, произошел благодаря назначению в ноябре на должность секретаря-счетовода областного отделения Союза писателей РСФСР и, по совместительству, на должность бухгалтера областного отделения Литфонда Александры Зилотиной. Поливин хорошо знал ее и высоко ценил: она работала секретарем-машинисткой в упраздненной книжной редакции издательства «Волга», то есть более полутора лет была его подчиненной⁴¹. Работник исключительно добросовестный и ответственный,

она быстро овладела делопроизводственными и бухгалтерскими премудростями как писательского отделения, так и отделения Литфонда.

Однако далее в письме указано на нарушение, допущенное самим Гаркушей:

«В нарушение инструкции Литфонда СССР вами единолично получена возвратная ссуда в сумме 40 р. – без решения бюро СП Астрахани. Кроме того, отсутствует расходный кассовый ордер с распиской в получении, вследствие чего означенная сумма не получила отражения по кассе»⁴².

Формулировка замечания наводит на неприятное предположение: кажется, неведомый литфондовский бухгалтер, проверявший финансовый отчет, заподозрил, что нарушение инструкции астраханским уполномоченным произошло не по обычной писательской небрежности или малограмотности, а с каким-то умыслом. И это несмотря на присланное в середине января 1965 г. в Литфонд СССР «Объяснение к отчету уполномоченного литфонда по Астраханской области за 1964 год», в котором Гаркуша написал: «В IV квартале мною лично, в силу сложившихся обстоятельств, взята ссуда в 40 (сорок) рублей, на которую мною написано обязательство сроком до 1 марта 1965 года»⁴³.

Мало того – в письме указано на очередную дебиторскую задолженность в размере 80 руб., а «дебиторами» названы сам Гаркуша и Поливин, получившие «аванс на творческую командировку» в размере, соответственно, 50 руб. и 30 руб. То есть повторно указано на нарушения, допущенные при выдаче литфондовских денег на творческие командировки Поливина и Гаркуши. Причем формулировки этого повторного замечания вобрали в себя и старые «организационные» ошибки аппарата Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения, и новые стилистические странности, при которых на рядовые опечатки уже просто не стоило обращать внимания:

«Полученные авансы на творческие командировки Вами Руб. 50 и т. Поливиным Н. Рб. 30 нельзя сразу списывать в расход по статье “Творческие командировки”.

Писатель, получивший средства на творческую командировку, обязан не позднее пяти дней по окончании ее срока сдать Правлению СП творческий отчет, а Литфонду представить денежный отчет.

При этом высылаем Вас бланки авансовых отчетов, просим их заполнить и возвратить в Литфонд.

К авансовому отчету должно быть приложено командировочное удостоверение с отметками в пунктах пребывания и секретаря СП Астрахани о выполнении творческих заданий, жел.дорожный билет и другие денежные документы.

После нашего утверждения принятая сумма будет списана на смету расходов»⁴⁴.

Тут-то и выплеснулось наружу все раздражение, накопившееся у высоко ставящего себя Гаркуши против литфондовских «формалистов» и «крючкотворов». В долгу он решил не оставаться, и Поливин его горячо поддержал. Письмо М.Г. Тарakanову составили вместе – вместе и подписали. Было бы совсем хорошо, если бы Поливин еще и текст письма внимательно вычитал и поправил:

«В замечаниях по нашему финансовому отчету за IV квартал 1964 года указано, что писатели Гаркуша А.Т. и Поливиным Н.Г. не сданы финансовые и творческие отчеты за творческие командировки в с. Лебяжье и поэтому авансы в сумме 50 рублей и 30 рублей числятся еще за нами. Ставим Вас в известность, что нами своевременно в начале октября 1964 года были посланы в Литфонд авансовые отчеты с приложением необходимых документов, а также творческие отчеты по командировкам. Нас удивляет, почему эти документы у вас отсутствуют. Если они и в дальнейшем не будут обнаружены, мы вышлем дубликаты командировочных удостоверений и авансовых отчетов.

Высылаем при этом решение бюро Астраханского отделения СП о предоставлении ссуды в сумме 40 (сорок) рублей писателю Гаркуша А.Т.»⁴⁵.

10 февраля 1965 г. их письмо на имя и.о. директора Литфонда СССР М.Г. Тарakanова, вместе с выпиской из протокола заседания бюро от 30 декабря 1964 г., ушло в Москву.

Об этой выписке из протокола заседания бюро от 30 декабря, на котором бюро постановило предоставить члену Союза писателей СССР и Литфонда СССР Гаркуше А.Т. ссуду в сумме 40руб. сроком до 1 марта 1965 г., уже рассказывалось. Но теперь следует обратить внимание на две странности в ее оформлении: отсутствие номера протокола и самоличная подпись Поливина вместо положенной секретарской подписи под сакраментальным «Верно»⁴⁶. Причем Александра Зилотина подшила в дело второй экземпляр ею же отпечатанной выписки. Значит, первый экземпляр был отправлен в Москву. Напрашивается нехорошее предположение, что, скорее всего, никакого протокола заседания бюро в действительности не существовало, как не было и самого заседания, а выписку из протокола изготовили задним числом. Видимо, стряслось у Гаркуши что-то такое, что стало не до литфондовских «формальностей».

Конечно, при чем-то большом желании выдачу Гаркушей самому себе ссуды без официально оформленного постановления бюро можно было посчитать «злоупотреблением служебным поло-

жением», но ясно, что не было у него никакого «умысла на казнокрадство» – обычное пренебрежение «канцелярщиной».

Худо-бедно, с нарушениями и ошибками, но за 1964 г. всего было израсходовано литфондовских 541 руб. 43 коп. «против 560 руб. по смете»⁴⁷.

В своем одностороннем «Объяснении к отчету уполномоченного литфонда по Астраханской области за 1964 год», подписанном 7 января 1965 г., Гаркуша сообщил в Литфонд СССР: «Израсходованными неполностью оказались деньги, выделенные на пособия по временной нетрудоспособности и на канцелярско-почтовые расходы». И далее он убедительно объяснил перерасходы по двум статьям годовой сметы, хотя и не смог назвать эти статьи правильно:

«Перерасход в сумме 10 рублей допущен по графе “Работа с молодыми”, т. к. в Астрахани очень много молодых начинающих авторов, нуждающихся в помощи. Средства расходовались очень экономно, несмотря на это, был допущен перерасход.

Перерасходовано также 20 рублей по графе “Санаторно-курортная помощь”. Мы вынуждены были оказать помощь литератору тов. Винокурову, страдающему тяжелой болезнью (туберкулез позвоночника), чтобы он смог выехать в Крым на лечение»⁴⁸.

И все хотя и незначительные, но все же принципиальные недоразумения, а тем более вспыхнувший конфликт между бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР и правлением Литфонда СССР по поводу «несвоевременного оформления документов по творческим командировкам» Поливина и Гаркуши были чреваты возникновением в дальнейшем совершенно ненужных «натянутостей» и «трений» в отношениях с центральным литфондовским аппаратом.

Однако волею случая этого не произошло: в конце октября или в начале ноября 1964 г. в списочный состав отделения был включен переехавший из Красноярского края на жительство в Астрахань российский немецкий писатель Андреас Закс, который до Великой Отечественной войны жил в Энгельсе и руководил Союзом советских писателей Республики немцев Поволжья. В силу своей руководящей должности он имел большой опыт работы во всех направлениях деятельности Союза писателей СССР, включая работу с бухгалтерскими документами и взаимодействие с Литфондом СССР. И когда в сентябре 1965 г. Гаркуша был избран секретарем только что созданной первичной партийной организации Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, на освободившуюся должность Уполномоченного Литературного фонда СССР по Астраханской области назначили Закса⁴⁹. Большой опыт помог ему и отношения с Прав-

лением Литфонда СССР быстро наладить, и грамотно составлять ежеквартальные отчеты, отправляемые в Москву.

* * *

27 января 1966 г., на первом отчетно-выборном собрании Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, Гаркуша отчитался перед «собратями по перу» о своей работе уполномоченного Литфонда СССР за два года – 1964-й и 1965-й. Его двухстраничный машинописный отчет, как и полагалось, был приложен к протоколу собрания.

Согласно отчету, около 80 % из выделенных Литфондом денег расходовалось на «оказание творческой помощи писателям» («расходы по творческим командировкам, пособия писателям на творческий период и т.д.») и на «материально-бытовое обслуживание писателей и их семей»⁵⁰.

В отчете особо подчеркнуто: «Средства расходовались в соответствии с инструкцией Литфонда СССР. Пособия предоставлялись, прежде всего, членам Союза писателей СССР, членам Литфонда и только изредка, в виде исключения, молодым авторам. Все пособия, кроме мелких, которые имеет право выдавать единолично уполномоченный Литфонда, выдавались по согласованию с руководством писательской организации, по решению бюро отделения Союза писателей РСФСР»⁵¹.

Утверждение Гаркуши, что «средства расходовались в соответствии с инструкцией» действительно соответствовало не полностью. Но нет никаких сомнений, что Гаркуша написал эти слова в отчете, а потом и произнес на отчетно-выборном собрании без колебаний. И вот по какой причине: идеологами Астраханского обкома КПСС было предрешиено, что на этом собрании Гаркуша будет избран ответственным секретарем Астраханского отделения Союза писателей РСФСР вместо Поливина. И все писатели хорошо знали, за кого им «рекомендует» проголосовать обком партии⁵².

Но тем не менее – то ли до собрания, перед тем как подписать свой отчет, то ли уже после своего выступления на собрании – Гаркуша своей любимой авторучкой, заправленной черными чернилами, зачеркнул одной «мелко-волнистой» чертой фразу «только изредка, в виде исключения»⁵³.

Истолковать это небрежное зачеркивание можно так, что в 1965 г., по сравнению с 1964-м, он стал реже, строго «в виде исключения», выдавать пособия начинающим литераторам. И выдавать именно мелкие суммы, до 20 руб., что не требовало согласования с ответственным секретарем Поливиным. Тогда получается, что в

1964 г. «выдача пособий» начинающим авторам, нуждающимся в деньгах, была возведена в правило. И совершенно очевидно, что на этом настаивал Поливин, всегда стремившийся материально поддерживать молодых астраханских поэтов. Результатом этого стремления ответственного секретаря и стали перерасходы по двум статьям сметы 1964 г. И, разумеется, такая ситуация не могла не вызвать поначалу сомнений, а потом и возражений Гаркуши. А также, кстати, возражений и других астраханских писателей-членов Союза.

С этим связано еще несколько «фактов литературно-бытового ряда», отмеченных Гаркушей в отчете:

«В отчетный период все писатели, без исключения, пользовались теми или иными видами помощи со стороны Литфонда. Не осталось неудовлетворенным ни одно заявление членов Литфонда. Вместе с тем, очень редко практиковалась такая форма оказания помощи, как выдача возвратных ссуд, т. к. члены Литфонда предпочитали брать преимущественно безвозвратные пособия»⁵⁴. Как-то объяснять такую «разборчивость» писателей Гаркуша деликатно не стал: иждивенческое отношение писателей к Литфонду было слишком хорошо известно, и вряд ли здесь кто-то мог посчитать себя безгрешным.

Зато Гаркуша позволил себе двусмысленной шуткой отметить еще один «весьма положительный факт, свидетельствующий, что у наших писателей – хорошее здоровье»: и в 1964 г., и в 1965 г. «неизрасходованными лишь оказывались средства, выделенные на оплату больничных листов». А тут он посчитал необходимым объяснить ситуацию безо всяких шуток: «Но, если говорить серьезно, то это объясняется, в основном, тем, что многие наши писатели работали по найму, а больничные листы в [э]том случае оплачиваются по месту работы»⁵⁵.

Эта астраханская ситуация сильно отличалась от общероссийской: в первой половине 1960-х гг. Всероссийское отделение Литфонда СССР ежегодно расходовало до 40 % своей сметы именно на «пособия по временной нетрудоспособности»⁵⁶.

Но и здесь все было очевидно и понятно: малоизвестный и не обласканный, не подкормленный партийно-государственной властью член Союза писателей, особенно живущий и творящий на просторах российской литературной провинции, издавая в местном издательстве одну книгу раз в два-три-четыре года, никак не мог прожить с семьей на одни гонорары. К тому же из года в год падал размер гонорара за издательский лист, а в областных издательствах размер гонорара был в полтора-два раза меньше, чем в центральных⁵⁷. А распространенное среди советских граждан обывательское убеждение, что «писатели гребут деньги лопатой», было досужим

домыслом, наивным и завистливым мифом. Потому-то многие члены Союза писателей вынуждены были искать работу⁵⁸. И хорошо, если удавалось «по знакомству» устроиться литературным сотрудником в редакцию газеты или журнала, а то даже редактором в книжное издательство.

* * *

Так первые год-полтора работы Астраханского отделения Союза писателей РСФСР показали склонность бюро при оказании материальной помощи из литфондовских денег не ограничиваться «узким кругом» членов Союза писателей СССР, а помогать нуждающимся молодым литераторам, облегчать им материально-бытовые условия творческой работы. Эта склонность диктовалась, прежде всего, стремлением Поливина улучшить материально-бытовые условия молодых астраханских поэтов, у которых он обнаружил литературный дар, ради ускорения их творческого роста, ради приближения перспективы их принятия в Союз писателей СССР.

С другой стороны, те же первые год-полтора взаимодействия бюро с чиновничье-бухгалтерским аппаратом Правления Литфонда СССР и Правления его Всероссийского отделения показал: ответственный секретарь отделения поэт Н.Г. Поливин и уполномоченный Литфонда СССР по Астраханской области прозаик А.Т. Гаркушане имели никакой склонности к бюрократической работе, а бухгалтерского дела – просто не знали. Хуже того – они явно недооценивали важность налаживания «служебных» отношений с центральным литфондовским аппаратом. Понятно, что свой литературный талант, свои произведения, свое членство в Союзе писателей СССР – то есть свою «избранность» – они ставили много выше канцелярского и бухгалтерского «бумаготворчества». И в этом пренебрежении к канцелярскому и бухгалтерскому «бумаготворчеству» они не уступали друг другу, что было чревато возникновением сложностей и препятствий как в денежном содействии творческим командировкам, так и в оказании материальной помощи профессиональными писателями начинающим литераторам Астрахани.

В этой ситуации произошедший в начале 1965 г. конфликт между бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР и правлением Литфонда СССР по поводу «несвоевременного оформления документов по творческим командировкам» Поливина и Гаркуши был вполне закономерен и даже неизбежен. Если пользоваться терминологией теоретика и историка литературы Б.М. Эйхенбаума⁵⁹, этот конфликт можно назвать «литературно-бытовым».

Вообще литфондовская переписка между Астраханью и Москвой 1964 – начала 1965 гг. подтвердила уже хорошо известное в советском «литературном быту»: писатели и бухгалтера не созданы для того, чтобы хорошо понимать друг друга – хоть с первого слова, хоть с тысяча первого.

Тем не менее, ответственные работники Литфонда СССР и его Всероссийского отделения, полностью зависимые от Правления Союза писателей СССР и Правления Союза писателей РСФСР, в своих замечаниях по поводу обнаруженных нарушений в расходовании литфондовских средств и ошибок в ежеквартальных отчетах неизменно проявляли скромный профессионализм, выдержанную требовательность и тактичную настойчивость в стремлении добиться от своего нового областного отделения (уполномоченного и бухгалтера) работы без нарушений и ошибок. И понять их легко: с общественными деньгами, достоянием всех российских писателей, иначе работать нельзя.

Примечания

Notes

(Endnotes)

1. Колобов Е.Ю. Литературная политика КПСС в период хрущевской «оттепели» и создание Союза писателей РСФСР: 1953 – 1957 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 156–177.

2. Второй съезд писателей РСФСР: 3 – 7 марта 1965 года: Стенографический отчет. Москва, 1966. С. 196.

3. ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 9. Д. 268. Л. 430.

4. Третий съезд писателей СССР: 18 – 23 мая 1959 г.: Стенографический отчет. Москва, 1959. С. 250.

5. Второй съезд писателей РСФСР: 3 – 7 марта 1965 года: Стенографический отчет. Москва, 1966. С. 103–104.

6. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. П-325. Оп. 11. Д. 5049. Л. 8; В большое плавание, писатели Астрахани! // Комсомолец Каспия (Астрахань). 1963. 27 окт.

7. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

8. Устав Литературного фонда Союза ССР. Москва, 1935. С. 14.

9. В большое плавание, писатели Астрахани! // Комсомолец Каспия (Астрахань). 1963. 27 окт.

10. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4об., 6, 7, 8; Д. 8. Л. 2.

11. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

12. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

13. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

14. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

15. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 20; Д. 4. Л. 3; Д. 8. Л. 5, 15.

16. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

17. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
18. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
19. Второй съезд писателей РСФСР: 3 – 7 марта 1965 года: Стенографический отчет. Москва, 1966. С. 105, 106.
20. *Карпенко С.В.* Астраханские писатели и обком партии: «Персональное дело» Николая Поливина (1964 – 1966 годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 129, 130, 134–137.
21. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
22. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
23. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–3.
24. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–3.
25. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
26. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
27. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
28. Устав Союза писателей СССР. Москва, 1955. С. 12–15.
29. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
30. Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко.
31. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
32. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
33. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
34. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 9–10.
35. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
36. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
37. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 9–10.
38. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
39. Второй съезд писателей РСФСР: 3 – 7 марта 1965 года: Стенографический отчет. Москва, 1966. С. 108, 109.
40. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
41. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1. Л. 20, 22–30.
42. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
43. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
44. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 12–13.
45. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.
46. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
47. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
48. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.
49. *Карпенко С.В., Юркина Я.В.* Возвращение писателя Андреаса Закса к общественной и культурной деятельности: Судьба репрессированного поволжского немца в документах Астраханской писательской организации (1964 – 1966 гг.) // История и архивы. 2019. № 4. С. 122–142; *Юркина Я.В.* Российский немецкий писатель Андреас Закс как рецензент // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 319–333.
50. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.
51. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–9.

52. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.
53. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.
54. ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 9.
55. Второй съезд писателей РСФСР: 3 – 7 марта 1965 года: Стенографический отчет. Москва, 1966. С. 107.
56. Второй съезд писателей РСФСР: 3 – 7 марта 1965 года: Стенографический отчет. Москва, 1966. С. 221, 364.
57. *Бодров И.* История не умалчивает: Размышления о литературной Астрахани // Комсомолец Каспия. 1987. 18 июля. С. 7; *Марков А.С.* Ускользающее время: Из дневниковых записей писателя А.С. Маркова. Ч. 1. Калининград, 2015. С. 27.
59. *Романова Г.И., Тышковска-Каспишак Э. Л.* Толстой и формалисты о сюжете // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 52–64.

Автор, аннотация, ключевые слова

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
ORCID ID: 0000-0002-7271-7874
skarpenk@mail.ru

Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и Астраханское отделение Литературного фонда СССР были организованы в октябре–ноябре 1963 г. В статье исследуется их совместная работа по оказанию денежной помощи профессиональным писателям Астраханской области за счет средств, получаемых из бюджета Литературного фонда СССР. Основное внимание уделяется их взаимодействию с центральным бюрократическим аппаратом Литфонда СССР в конце 1963 – начале 1965 гг. В качестве теоретической основы в статье применена концепция «литературного быта» Б.М. Эйхенбаума. Сохранившиеся архивные документы дают возможность детально исследовать это взаимодействие, а также выяснить, как на него влияли личные качества поэта Н.Г. Поливина, возглавлявшего отделение Союза писателей, и прозаика А.Т. Гаркуши, возглавлявшего отделение Литфонда. Уже первый год этого взаимодействия показал, что Поливин и Гаркуша не имели никакой склонности к бюрократической работе и никакого опыта работы с бухгалтерскими документами. Кроме того, они недооценивали важность налаживания служебных отношений с руководящими работниками Литфонда СССР, а это было чревато возникновением сложностей и препятствий как в денежном содействии творческим командировкам, так и в оказании денежной помощи астраханским писателям.

Союз писателей СССР, областная писательская организация, коллективное руководство, писатель, литературная деятельность, «литературный быт», материальная помощь.

Author, Abstract, Key words

Sergey V. Karpenko – Candidate of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
ORCID ID: 0000-0002-7271-7874
skarpenk@mail.ru

The Astrakhan section of the RSFSR Union of Writers and the Astrakhan section of the USSR Literary Fund were organized in October–November 1963. This article examines their joint work to provide financial assistance to professional writers of the Astrakhan region from funds received from the budget of the USSR Literary Fund. The article focuses on their interaction with the central bureaucratic apparatus of the USSR Literary Fund in late 1963 – early 1965. The concept of “literary life” developed by B.M. Eikhenbaum is used as a theoretical basis in the article. Archival documents make it possible to study this interaction in detail. They also make it possible to determine how the personal qualities of the poet N.G. Polivin, who headed the Branch of the RSFSR Union of Writers, and the prose writer A.T. Garkusha, who headed the Astrakhan Branch of the USSR Literary Fund influenced this interaction. The very first year of this interaction showed that Polivin and Garkusha had no propensity for administrative work and no practical experience in accounting. In addition, they underestimated the importance of establishing official relations with senior officials of the USSR Literary Fund, and this was fraught with difficulties and obstacles both in providing financial assistance for creative official trips and in providing financial support to Astrakhan writers.

USSR Union of Writers, regional writers’ organization, collective leadership, writer, literary activities, “literary life”, financial assistance.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Karpenko, S.V. Astrakhanskies pisateli i obkom partii: “Personalnoe delo” Nikolaya Polivina (1964 – 1966 gody) [Astrakhan Writers and the CPSU Regional Committee: Them “Personal Case” of Nikolay Polivin (1964 – 1966).]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2021, no. 3 (69), pp. 126–181. (In Russian).

2. Karpenko, S.V. and Yurkina, Ya.V. Vozvrashcheniye pisatelya Andreeasa Zaksa k obshchestvennoy i kulturnoy deyatel'nosti: Sudba repressirovannogo povolzhskogo nemtsa v dokumentakh Astrakhanskoy pisatelskoy organizatsii (1964 – 1966 gg.) [Return of the Writer Andreas Saks to Social and Cultural Activities: The Fate of the Repressed Volga German in the Documents of the Astrakhan Writers' Organization (1964 – 1966).]. *Istoriya i arkhivy*, 2019, no. 4, pp. 122–142. (In Russian).

3. Kolobov, E.Yu. Literaturnaya politika KPSS v period khrushchevskoy “ottepeli” i sozdaniye Soyuza pisateley RSFSR: 1953 – 1957 gg. [The Literary Policy of the CPSU during Khrushchev's “Thaw” and the Creation of the Union of Writers of the Russian Federation, 1953 – 1957.]. *Vestnik arkhivista*, 2014, no. 2, pp. 156–177. (In Russian).

4. Romanova, G.I. and Tyszkowska-Kasprzak, E. L. Tolstoy i formalisty o syuzhete [L. Tolstoy and the Formalists about the Plot.]. *Novyy filologicheskii vestnik*, 2021, no. 3 (58), pp. 52–64. (In Russian).

5. Yurkina, Ya.V. Rossiyskiy nemetskiy pisatel Andreas Zaks kak retsenzent [The Russian-German Writer Andreas Saks as Reviewer.]. *Novyy filologicheskii vestnik*, 2019, no. 4 (51), pp. 319–333. (In Russian).

Н.И. Горская

**Государственное ополчение Смоленской губернии
в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: законодательные
нормы и практическая реализация¹**

N.I. Gorskaya

**The State Militia of the Smolensk Province in the Russo-Turkish
War of 1877–1878: Legal Norms and Practical Implementation**

В XIX веке ополчение России эволюционировало от народного движения за защиту Отечества в 1812 г. до государственной военизированной структуры, созывавшейся в период военных конфликтов. Первый специальный закон об ополчении – «Положение о государственном ополчении» – появился 29 января 1855 г.¹ Созданное на его основе государственное подвижное ополчение российских губерний участвовало в военных событиях Крымской войны (1853–1856 гг.). После отмены крепостного права, в результате военной реформы Д.А. Милютина, ополчение было включено в структуру вооруженных сил России, а первую проверку прошло во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Тем не менее история государственного ополчения России во Второй восточной войне (Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.), в отличие от Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны², во время которых проявлялось героическое начало ополченческого движения, остается неисследованной лакуной в отечественной историографии. В немногочисленных работах по теме ополчения 1877–1878 гг. содержится лишь характеристика законодательства второй половины XIX – начала XX века³. Фактическая сторона формирования ополчения, его место в регулярной армии остаются за страницами исследований. Не проясняют вопрос и работы по истории российской армии и истории Русско-турецкой войны, поскольку ратники не принимали участия в боевых действиях⁴. Однако в эволюции государственного ополчения в России события 1877–1878 гг. имели большое значение. Ополчение формировалось на местах и в вопро-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Войны XIX века в жизни и памяти жителей Смоленской губернии (1812 – 1912 гг.)» (№ 24-28- 20194) = The reported study was funded by Russian Science Foundation, project No. 24-28-20194.

сах материального обеспечения зависело от земства. Вследствие этого для воссоздания полной истории государственного ополчения в России необходимо изучать как ополчения всех периодов его существования, так и ополчения отдельных губерний. В настоящей статье речь пойдет об ополчении Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Смоленской губернии, на территории, где последовательно осуществлялись реформы Александра II, включая крестьянскую, земскую и военную, благодаря которым происходила модернизация России и модернизация вооруженных сил.

С военно-экономической точки зрения Русско-турецкая война 1877-1878 гг. происходила в специфических для России обстоятельствах. Армия переживала период строительства на основе общей воинской повинности, введенной 1 января 1874 г. по реформе военного министра Д.А. Милютина. Было отменено крепостное право, но многие губернии, включая Смоленскую губернию, оставались аграрными. Это была одна из последних войн, когда «почти повсеместно в занятиях населения преобладало земледелие», фабрично-заводская промышленность и зависимость от капитала были незначительны⁵. Социально-экономические условия пореформенного периода оказывали существенное влияние на законодательство и практические действия по формированию ополчения.

По закону «О введении общей воинской повинности» 1 января 1874 г. ополчение вошло в вооруженные силы государства⁶. Все мужчины, вне зависимости от сословной принадлежности, достигшие 20 летнего возраста, тянули жребий, («вынимается единойжды на всю жизнь»), который одних отправлял в постоянные войска, других – в ополчение. Ополченцы именовались ратниками и собирались лишь на военное время. В ополчении входило все мужское население, не состоявшее на службе, в возрасте от 20 до 40 лет, но «способное носить оружие»⁷.

Ополчение делилось на два разряда. В первый разряд входили ратники младших четырех возрастов – четырех последних призывов, проходивших ежегодно с 15 ноября по 1 декабря. Они «предназначались» для пополнения армии, а также для «ополченческих частей». Ратники всех остальных возрастов шли во второй разряд и служили только в ополчении⁸. Как все призывники в постоянную армию они проходили медицинское освидетельствование. Ко времени русско-турецкой войны, как будет показано ниже, было осуществлено три призыва ополченцев – 1855, 1856 и 1857 гг. рождения. В ополчение были записаны молодые люди двадцати-двадцати двух

лет. В этом была особенность ополчения 1877-1878 гг. по сравнению с Крымской войной, когда часть помещиков стремилась отдавать в ополчение пожилых и больных⁹.

По закону 1 января 1874 г. ополчение становилось всесословным, а служба в нем – обязательной, как и в действующей армии. Однако в связи с необходимостью созыва ополчения буквально через несколько лет после принятия закона, многие вопросы организации ополчения требовали детализации и дальнейшей законодательной разработки.

30 октября 1876 г., в период обострения международной обстановки в связи с ситуацией на Балканском полуострове и возможной войной между Россией и Турцией, был принят второй специальный закон об ополчении – «Положение о государственном ополчении»¹⁰.

В сложных условиях ожидания возможной войны Положение уточняло важнейший аспект организации ополчения на местах – порядок призыва в ополчение: «по возрастам, начиная с младшего по порядку номеров жребия, полученных при призыве к исполнению воинской повинности»¹¹.

Для того, чтобы включить в ополчение людей, имевших военный опыт, к молодым людям, тянувшим ополченческий жребий, присоединялись уволенные из запаса и добровольцы, даже в возрасте свыше 40 лет. От призыва в ополчение освобождались преподаватели учебных заведений и лица, «занимавшие должности на государственной и общественной службе»¹².

На формирование ополчения отводилось 28 дней «со дня получения в губернии Высочайшего повеления о сборе ополчения». Число пеших дружин и конных сотен, формировавшихся в губернии, определялось Высочайшим Манифестом о призыве ополчения, а пункты сбора – губернским по воинской повинности присутствием, чтобы «в каждом пункте можно было образовать не менее одной дружины или сотни»¹³.

В создании ополчения в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. большую роль играло местное общество в лице самоуправления. В тех губерниях, где были введены земства, они заменили дворянские собрания в решении организационных вопросов и вопросах материально-финансового обеспечения ополчения. Привлечение земства для несвойственной ему государственной задачи имело финансовое и идеологическое обоснование.

Комиссия по составлению Устава 1 января 1874 г. исходила из представлений о народном характере ополчения и недостаточности государственного бюджета для его финансирования. В народном характере усматривалась связь с предшествующей историей ополчения в нашей стране и патриотическое начало всего ополченческого

движения. Кроме того, в истории России на ополчение всегда расходовались местные материальные и финансовые средства. Исходя из этих соображений, Комиссия пришла к выводу, что «ополчение должно быть организовано попечением всего населения при посредстве земских учреждений, ведающих народным хозяйством»¹⁴.

Часть расходов на ополчении брало на себя государство. От казны ратники получали оружие, боевые припасы, сигнальные рожки, барабаны, а также «полное содержание» со дня поступления в распоряжение Военного или Морского ведомства. Снабжение обмундированием и снаряжением, устройство обоза и аптек падало на земства¹⁵. Земство должно было использовать на ополчение все имеющиеся финансы: бюджетные средства, а если их не хватало, то и специальные капиталы, но «заимообразно» – Министерство финансов открывало земствам «авансные кредиты» от трех до шести лет. Поскольку ополчение собиралось лишь во время войны, в мирное время губернские земские управы обязаны были содержать «в постоянной готовности смету» расходов на снаряжение и содержание ополчения¹⁶.

После отмены крепостного права, когда бывшие крепостные получили статус «свободных сельских обывателей», по закону «О введении общей воинской повинности» 1874 г. и по Положению 1876 г., значительно изменилось положение ополченцев и отношение к ним государства. Не только офицеры, но и рядовые (ратники) ополчения, как и в регулярной армии, пользовались правами государственной службы и подчинялись военным законам¹⁷.

Государство заявило о необходимости призрения семей рядовых вооруженных сил, ратников и запасных на время их нахождения в армии, а также семей погибших или без вести пропавших¹⁸. Примечательно, что закон относительно семей ратников и запасных был принят раньше соответствующего решения относительно семей рядовых действующей армии – 25 июня 1877 г.¹⁹

Призрение пострадавших государство также возложило на органы земского и городского самоуправления, которые занимались этой социальной задачей, несмотря на серьезные финансовые проблемы²⁰.

В тех губерниях, где не было земских учреждений, все обязанности по формированию ополчения возлагались на губернские по воинской повинности присутствия. Однако, как показало создание Смоленского ополчения, воинские присутствия и земства постоянно контактировали с местными государственными учреждениями и

крестьянским общественным управлением, а общую координирующую роль в этом деле играл губернатор, отвечающий за наборы в армию. Призыв в ополчение, его дислокация, снабжение были проверкой эффективности не только военных преобразований, но и всей системы власти на местах, сложившейся после реформ 1860-х гг.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. быстро показала, «что обученный запас довольно быстро был исчерпан, и в связи с этим пришлось призвать для пополнения частей ратников»²¹. Подготовка к сбору ратников началась сразу после принятия закона об ополчении, после 30 октября 1876 г.

23 ноября 1876 г. при Военном министерстве была созвана особая комиссия из представителей Военного и Морского ведомств, МВД и Министерства финансов с участием представителей «некоторых земств». Комиссия разработала формы важнейших делопроизводственных и учетных документов: Правила для составления и ведения списка ополченцев, Инструкцию о порядке призыва ратников, Форму плана формирования ополчения и некоторые другие. Эти правила и формы были опубликованы Сенатом и разосланы на места 3 марта 1877 г.²²

Серьезная проблема при формировании ополчения, с точки зрения Комиссии, заключалась в отсутствии общероссийских данных о численности и составе населения. В крепостническую эпоху осуществлялись переписи только податного населения. Вследствие этого комиссия заявила о необходимости проводить «разверстку ополченцев между губерниями и внутри губерний», не поименно, по повесткам, а массово, призывая ополченцев только первого разряда, и 1853, 1854, 1855 гг. рождения²³. В связи с необходимостью быстрого сбора ополчения в условиях надвигающейся войны Комиссия приняла еще ряд важных решений: возможность сбора ополченцев как в призывных участках, так и в уездных городах; в тех местах, где ратники проживали на момент призыва, хотя бы были приписаны к другим местам; уточнялось время явки призывников ратников – в течение 48 часов²⁴.

Поскольку по Уставу 1874 г. в первый разряд ратников призывались четыре последних призыва, а с момента введения общей воинской повинности прошло только три призыва, особое внимание обращалось на зачисление добровольцев, даже «более сорока лет». Подчеркивалась обязанность медицинского освидетельствования. Кроме того, вводилась норма, существенно ограничившая льготников: «в военное время не может быть допущено освобождение от призыва в ополчение ни по семейному положению, ни для окончания образования»²⁵. Комиссия подробно разъясняла вопросы медицинского сопровождения и обязанности земства и казны по

формированию ополчения²⁶. Учитывая сжатые сроки снаряжения ополченцев и недостаток развития текстильной промышленности (даже в Костромской и Ярославской губерниях), а также слабость местной торговли («нельзя ни приобрести в торговле готовых предметов одежды, ни найти достаточного количества мастеров») были внесены изменения в форму ратников: разрешено являться «в своих рубахах», использовать местную верхнюю одежду и т.п.²⁷

На местах, как и в центре, подготовка к возможному созыву ополчения началась в конце 1876 г.

На подготовительном этапе у местных органов власти, как и предполагала Комиссия, обнаружились серьезные трудности, связанные с военным учетом. В воинских присутствиях губернского и уездных уровней отсутствовали сведения о числе ратников, зачисленных в ополчение по призывам 1874, 1875, 1876 гг.

При решении этого вопроса в Смоленской губернии большую роль сыграли волостные правления, которые, в отличие от военной и гражданской администрации, тщательно вели списки ратников, поскольку наборы в армию лишали деревню части рабочей силы. В апреле 1877 г. необходимые списки через исправников были доставлены в уездные по воинской повинности присутствия²⁸. Со схожей проблемой столкнулись и другие земства. Московское земство, создавшее в декабре 1876 г. комиссию для решения вопросов в связи с возможным формированием ополчения, также обратилось к волостным правлениям²⁹.

Казалось, неразрешимая проблема возникла в связи с отсутствием в земских управах сведений о численности ополченческих единиц губернии и уездов. Эти сведения они должны были получить от военных властей для немедленного составления сметы на обмундирование и снабжение ополченцев. Смоленский губернатор А.Г. Лопатин потребовал отчеты по сметам уже в ноябре 1876 г. Земские управы, а затем и чрезвычайные земские собрания, созданные в связи с «ополченческим делом», не могли дать точных сведений и строили свои расчеты на предполагаемых данных. Земская управа Ельнинского уезда оперировала численностью ельнинской дружины 1855 гг.; другие земства – собственными представлениями о возможной численности ополчения, третьи отказались назвать какую-либо определенную сумму. При этом все уездные земства заявили, что на государственное ополчение у них нет собственных средств («никакого запасного капитала»)³⁰. Все уездные земства рассчитывали на «авансные кредиты из сумм государственного казначейства», которые были разрешены Госсоветом 30 октября 1876 г.³¹

Ополченческое дело стало предметом обсуждения на очередном XII Смоленском губернском земском собрании 9-22 января

1877 г. К этому времени губернские гласные были хорошо знакомы и с требованиями законодательства, и с реальным положением дел. Специальная комиссия (Д.А. Арбузов, Д.Н. Апрелев, К.И. Кубаровский), избранная для составления сметы на обмундирование и снаряжение ополчения, предложила взять за основу ополченческой единицы численность одной уездной дружины образца 1855 г. (в Смоленской губернии было сформировано 11 дружин) и назначить на ее снаряжение 48 353 руб. Собрание определило размер предполагаемого жалования офицерам, приблизительную стоимость обмундирования одного ратника и обсудило ряд других вопросов³².

Земства Смоленской и других губерний губернии были поставлены в сложное положение. С одной стороны, по опыту 1855 г. были известны трудности с обмундированием и снабжением ополченцев (узость внутреннего рынка, нехватка сукна)³³; с другой – состояние земских финансов во многих губерниях было плачевным. Земские бюджеты центральных губерний России были дефицитны. В 1876 г. в Смоленской губернии земские расходы составили 514 363 руб., сборы всего – 490 116 руб. В Калужской губернии расходы вылились в 665 782 руб., земские сборы едва достигли 556 242 руб.; в Московском земстве эти показатели соответственно равнялись: 1 121 336 руб. и 866 253 руб.³⁴

Кроме того, на формирование ополчения был отведен слишком короткий срок, за который, учитывая бюрократическую процедуру, трудно было получить кредит.

Ситуация неопределенности относительно численности ополченцев и составления смет длилась до июля 1877 г. К этому времени земствами, военной и гражданской администрацией были осуществлены некоторые подготовительные мероприятия. В частности были уточнены списки ратников и составлено расписание призывных участков. С мая 1877 г. в «Смоленских губернских ведомостях» уездные присутствия публиковали расписание уездных призывных участков для освидетельствования ополченцев³⁵.

Указ о призыве на службу части ратников государственного ополчения Александр II подписал, находясь в действующей армии на территории Болгарии в селе Бела 10 июля 1877 г. Ополчение первого разряда созывалось с целью пополнения «запасных и резервных частей» из губерний и областей Европейской России и Кавказа численностью 185 467 человек. От призыва в ополчение освобождалась лишь Бессарабская губерния³⁶.

Не все историки согласны с тем, что действительная численность государственного ополчения соответствовала царскому указу. По данным известного военного теоретика и публициста А.А. Свечина, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было моби-

лизовано 170 тыс. ратников³⁷. В свою очередь авторитетный исследователь истории армии и флота России Л.Г. Бескровный называл другую цифру: первоначально 185, 5 тыс., к которым присоединились еще 65 тыс.³⁸

В Смоленской губернии Военное министерство назначило набор 2 900 ратников. Об этом уже 10 июля 1877 г., телеграммой МВД, был оповещен смоленский губернатор А.Г. Лопатин³⁹. Формирование ополчения показало, что в 1877 г. наблюдалось существенное снижение количества ратников в Смоленской губернии по сравнению с Крымской войной. Численность была почти в 4 раза меньше разрядки 1855 г., когда Смоленская губерния дала 11 323 ополченца из податных сословий⁴⁰. Если в 1855 г ополченческая дружина, формировавшаяся из жителей уезда, насчитывала 1 030, 1 035 ратников⁴¹, то в 1877 г. в среднем на уезд приходился 241 ратник. Кроме того, эта численность не исчерпывала всех ополченческих ресурсов губернии – она составляла всего 15% (14, 9%) от общего списочного числа ратников первого разряда (19 372 человека)⁴².

Можно добавить, что осенью 1877 г. по призыву в постоянную армию из Смоленской губернии ушло 3 238 человек⁴³. Следовательно, вместе с ополченцами во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. из Смоленской губернии было мобилизовано 6 138 человек: в 2, 2 раза меньше численности только государственного подвижного ополчения Смоленской губернии в 1855 г., не считая рекрутов.

Таким образом, с точки зрения обеспечения армии людьми и изъятия рабочих рук из хозяйства губернии, затраты 1877 г. были значительно меньше, чем это наблюдалось в 1855 г.

11 июля 1877 г. Смоленское губернское по воинской повинности присутствие направило «эстафетами» в уездные присутствия, на основании апрельских волостных списков, разрядки на призыв ратников. Одновременно предписывалось немедленно доставлять в губернию информацию о взятых призывных возрастах, изготовить «в надлежащем количестве извещения о призыве Государственного ополчения», которое при объявлении призыва передать в местные полицейские управления «для поставления в известность жителей города и уезда»⁴⁴. До населения доводились и Правила набора ратников в участках. Обращалось внимание, что «не установлено никаких льгот по семейному положению», от зачисления в ополчение освобождались только «обучающиеся в учебных заведениях (что не соответствовало решению Комиссии, но соответствовало закону) и занимающие должности по гражданской и военной службе (30 июня на места был направлен специальный список должностей и инстанций). Если ратники являлись в призывные пункты по месту жительства, а не по месту приписки, то они зачислялись в контингент

ратников по месту явки. Учитывая религиозный характер войны, лица не христианского вероисповедания не принуждались к службе. В случае отказа их места должны были занять христиане. При медицинском освидетельствовании руководствовались правилами, установленными для новобранцев и наставлением, опубликованном в «Правительственном вестнике». На сборы передачу ратников и формулярных списков уездным воинским начальникам полагались не 28, а 14 дней. Об итогах набора следовало уведомить губернское присутствие эстафетой, а где «есть телеграф – телеграммою», обязательно указывая сословную принадлежность и именные списки не явившихся ратников⁴⁵.

Прошедшие 11-16 июля 1877 г. уездные по воинской повинности присутствия уточнили последние детали призыва ополченцев в своих уездах. В связи с небольшим числом ополченцев было решено остановиться на двух или, как в Сычевском и Духовщинском уездах, на одном возрасте (для призыва ратников «таких людей достаточно»). Уездные присутствия Смоленской губернии решили набирать ополченцев «младших возрастов»: 1875 и 1876 гг. воинского призыва, или 1854 и 1855 гг. рождения⁴⁶. Но, как показали события, и эти списки были избыточны. В этом случае свою роль сыграли опасения, что часть ополченцев может не явиться на призывной пункт.

14 июля в Губернских ведомостях было опубликовано расписание очередей в 34 призывных участках губернии для освидетельствования ополченцев⁴⁷.

Таким образом, в целом уездные власти и население были оповещены о порядке проведения набора в ополчение и ждали только объявления о призыве. В худшей ситуации было земство, которое не успевало выполнить, возложенную на него задачу по снабжению ополчения.

Указ Правительствующего Сената о созыве ополчения последовал 23 июля 1877 г. и в тот же день был направлен в губернии⁴⁸. Начался первый по Уставу 1874 г. призыв ополченцев, который был завешен в очень короткие сроки, даже менее 14 дней – в самом начале августа.

А.Н. Энгельгардт наблюдал, как проходил набор ополченцев в Дорогобужском уезде Смоленской губернии: «Призыв бессрочно-отпускных, призыв ополченцев – все это было совершенно великолепно. Все было нашколено, дисциплинировано, и я думаю, что ни в одной стране, мобилизация не могла быть так быстро, так отчетливо, как у нас. Все было подготовлено заблаговременно, старшинам все было объявлено наперед <...>. В свою очередь старшины нашколили старост, десятских. Все было подготовлено, в волостных правлениях постоянно дежурили сторожа, которые должны были развести приказы до ближайших деревень.

Сельские старосты знали всех бессрочных и ополченцев волости, кто, где находился, далеко отходить на заработки не позволялось»⁴⁹.

В подготовительный период местной администрацией и земствами была проведена большая подготовительная работа, однако они не смогли сделать всего возможного главным образом из-за отсутствия сведений о численности ратников. После объявления и начала призыва главным препятствием для надлежащего исполнения ополченческого дела стал временной фактор.

Ополченцы являлись на призывные пункты, где проходили освидетельствование и частью сразу передавались в распоряжение уездных по воинской повинности присутствий, частью возвращались на несколько дней домой, а потом вновь призывались на участки. Ополченцы оставались в своей одежде из-за невозможности обмундировать их за короткий срок. Никакого специального обучения они не проходили (как это было в 1855 г.), поскольку предназначались для пополнения запасных частей, или по выражению А.А. Свечина – для «мобилизационных полевых работ»⁵⁰. Но свое значение имел и фактор времени – уже в начале августа ратники направлялись «в свои части».

А.Н. Энгельгардт замечал: «если многих требовали понапрасну, а потом возвращали, то это уже была вина не сельских начальств. Мы не знаем – отчего не требовали поименно: вытребуют всех, а потом одних оставят, других отпустят. Иных раза по три требовали и затем вовсе оставили»⁵¹.

В действительности, при избытке ратников первого призыва возвращали лиц «по старшинству жребия», то есть в ратники записывали лиц младших возрастов. Такой порядок был установлен МВД, и оно требовало придерживаться последовательности «жеребьевых номеров»⁵².

Население находило такой порядок несправедливым, считая, что освобождение от призыва в ополчение должно распространяться на льготников, на тех, кто имеет отсрочку по семейному положению⁵³. Если брали кормильца, то как замечал Энгельгардт, «семейство его останется без всяких средств к существованию и должно будет кормиться в миру, если не выйдет пособия»⁵⁴.

Недовольство населения порядком призыва отмечалось и в других губерниях центральной России. Начальник Московского губернского жандармского управления доносил в III Отделение: «исполнение же призыва мерами, указанными МВД, повергло множество семей в отчаяние, лишив их единственных работников, поддерживающих их существование и угрожая им в будущем нищетой:

отсюда общий ропот негодования, выражающийся нередко в весьма резких формах»⁵⁵.

Начальнику Калужского губернского жандармского управления, совершавшему поездку по Калужской губернии, пришлось «лично удостовериться в повсеместном возбужденном настроении общества и особенно крестьянского населения, вызванным призывом в число ратников льготных первого разряда по семейному положению, т. к. с призывом льготных образовалось по уездам значительное число крестьянских семей, лишенных возможности дальнейшего прокормления себя собственным трудом». При этом оставалась «еще масса ополченцев призыва 1874 и 1875 и даже 1876 года», не имевших «права на льготы»⁵⁶.

Население было недовольно и временем набора в ополчение, совпавшим «с самою рабочею порой»⁵⁷ и временным возвращением части призывников, которое крестьяне принимали «за ущерб», поскольку возвращаемые отказывались «уже работать, ссылаясь на скорое возвращение их на службу», и потому кормились «большей частью на общественные средства»⁵⁸.

Недостатки организации призыва обострялись в связи с тем, что для новобранцев в армию сохранялись льготы по семейному положению, для ратников – нет⁵⁹. С другой стороны, 25 июня 1877 г. вышел закон, по которому только семьи ратников и запасных, призывных на службу военное время, получали пособие. На семьи солдат действующей армии, «выступивших в поход», он был распространен лишь 12 ноября 1877 г.

Однако недостатки призыва не поколебали патриотических настроений населения, которое, по мнению начальника Калужского губернского жандармского управления, расценивало призыв льготников «как ошибку какого-либо высшего административного учреждения <...> и выражалась полная безропотная готовность идти на защиту Престола и Отечества»⁶⁰.

О преданности населения Смоленской губернии престолу в условиях войны постоянно рапортовал начальник Смоленского губернского жандармского управления генерал-майор Соколов⁶¹.

Хотя «ополчение утратило сословный характер с введением всеобщей воинской повинности»⁶², социальный состав ополченцев Смоленской губернии не изменился по сравнению с Крымской войной, оставаясь крестьянским, что объяснялось социальным составом жителей и сельскохозяйственным характером экономики губернии. Так, среди призванных ополченцев Дорогобужского уезда (186 человек) крестьяне составили 91, 4%. Из 160 ратников Юхновского уезда (всего 246 человек), о которых у нас имеются сведения, 157 являлись крестьянами и только три человека были мещанами⁶³.

Обмундирование ратники получили из местного интендантства, поскольку, как говорилось выше, земство не успело закупить и изготовить необходимые предметы и обмундирование. Однако земство оплачивало эти расходы на основании шестилетнего авансного кредита Государственного казначейства⁶⁴. Общая ситуация с обмундированием была неблагоприятной. Несмотря на большие расходы Военного министерства (в 1877 г. 33% к общей сумме расходов)⁶⁵, «войска имели серьезные затруднения в получении вещевого довольствия в период войны 1877-1878 гг.»⁶⁶

Ратники шли не на фронт, а в запасные части местных воинских частей. В Смоленской губернии ополченцев направляли в Смоленск, Дорогобуж и Вязьму, где дислоцировались местные запасные части. Уже 2 августа 1877 г., ранее двухнедельного срока, отведенного на призыв, началось передвижение ратников из уездных городов в места назначения, которое продолжалось до 12 сентября 1877 г.⁶⁷

Если во время Крымской войны крестьяне перевозили ополченцев, направившихся в Бессарабию, за счет натуральной подводной повинности⁶⁸, то в Русско-турецкую войну 1877 – 1878 гг. ситуация изменилась. Подводная повинность претерпела существенную реорганизацию. После земской реформы 1864 г. она была передана земствам. В Смоленской губернии ко времени войны, по данным председателя Смоленской губернской земской управы Н.А. Мельникова, подводная и дорожная натуральные повинности (постоянная упразднена), «сократились более чем на две трети из-за перевода их в некоторых уездах в разряд денежных земских повинностей и по причине строительства железных дорог»⁶⁹.

В Смоленской губернии передвижение ратников из уездных городов в Смоленск, Дорогобуж и Вязьму проходило не только по грунтовым, но и по железным дорогам. Большая нагрузка пала на линию Москва – Смоленск, открытую в 1870 г., на восточную часть железной дороги Москва – Брест. Например, 13 августа 1877 г. группа ополченцев из Сычевки (115 ратников из 245) двинулась в Дорогобуж, в 4-й запасной полк: «походным строем до Вязьмы, где состоялась дневка, а на следующий день по железной дороге Москва – Брест до ст. Александровка», расположенной недалеко от Дорогобужа. Ополченцы из Юхнова по Рижско-Вяземской железной дороге добрались до Вязьмы, а затем по Вяземско-Брянской дороге до той же станции Александровка⁷⁰.

В запасные части, расположенные в Смоленской губернии, по железной дороге направлялись ратники из Дерпта (железные дороги Петербургско-Варшавская, Динабургско-Витебская, Орловско-Витебская)⁷¹.

Таким образом, ополчение Смоленской губернии оставалось на территории губернии и в войне 1877 г.– 878 гг. не принимало участия. Несмотря на это, история ополчения 1877–1878 гг. сыграла свою роль в развитии законодательств об ополчении в России, которые учитывало уроки Русско-турецкой войны.

Опыт «использования ополченческих кадров во время и после войны показал необходимость радикального преобразования ополчения»⁷². Однако до 1888 г. отсутствовали сборы ополченцев и их боевая подготовка. В 1888 г. стали набирать ратников второго разряда и приступили к обучению ополченцев в летнее время⁷³. До 1911 г. на земство возлагалось снабжение ополчения всеми предметами обмундирования и снаряжения, устройство обоза, снабжение всеми хозяйственными принадлежностями, аптеками. Только по закону 1 марта 1911 г. все расходы на ополчение взяло на себя государство⁷⁴. Но в течение долгих лет земство держало смету на ополчение, закупало обмундирование, устраивало склады, заключало договоры с поставщиками, брало кредиты, создавало специальные капиталы⁷⁵.

Обязанности по ополчению, с одной стороны, расходились с обязанностями земства как местной хозяйственной единицей и порождали на местах множество бюрократических процедур; с другой – они не влияли на подготовку ополченцев.

Примечания Notes (Endnotes)

1. Положение о государственном ополчении // ПСЗ РИ -II. Т. 30. Отд. 1. № 28 994.

2. *Миронов А.А.* Ополчение 1812. По источникам, собранным А.А. Мироновым. Санкт-Петербург, 1912; *Лапина И.Ю.* Земское ополчение России 1812-1814 гг. Санкт-Петербург, 2007; *Панисяк К.В.* Смоляне в Крымской (Восточной) войне 1853-1856 гг. Смоленск, 2006; *Пирожкова Т.Ф.* «Хлопочу около колесницы» (И.С. Аксаков в ополчении) // Словесность и история. 2023. № 4. С. 62-75 и другие.

3. *Прежнецов Я.Б.* Государственное ополчение. Исторический очерк. Санкт-Петербург 1889; *Петров В.Ф.* Государственное ополчение. Санкт-Петербург, 1901.

4. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал. Москва, 1972; *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. Москва, 1978; *Гулевич А.А.* Война и народное хозяйство России. Санкт-Петербург, 1896.

5. *Гулевич А.А.* Война и народное хозяйство России. Санкт-Петербург, 1896. С. 11.
6. О введении общей воинской повинности // ПСЗ РИ-П. Т. 49. Отд. 1. №. 52983. Ст. 5.
7. ПСЗ РИ-П. Т. 49. Отд. 1. №. 52983. Ст. 10, 36.
8. ПСЗ РИ-П. Т. 49. Отд. 1. №. 52983. Ст. 14, 38.
9. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1236. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; ГАСО. Ф. 1236. Д. 15. Л. 7.
10. Положение о государственном ополчении // ПСЗ РИ-П. Т. 51. Отд. 1. № 56 325.
11. ПСЗ РИ-П. Т. 51. Отд. 1. № 56 325. Ст. 1.
12. ПСЗ РИ-П. Т. 49. Отд. 1. №. 52983. Ст. 24, 37; ПСЗ РИ-П. Т. 51. Отд. 1. № 56 325. Ст. 2, 6.
13. ПСЗ РИ-П. Т. 51. Отд. 1. № 56 325. Ст. 8, 12.
14. *Петров Ф.В.* Государственное ополчение. Исторический очерк и сравнительное исследование действующего Положения о государственном ополчении по русскому и иностранному законодательствам. Санкт-Петербург, 1901. С. 103-104.
15. ПСЗ РИ-П. Т. 51. Отд. 1. № 56 325. Ст. 32, 33.
16. ПСЗ РИ-П. Т. 51. Отд. 1. № 56 325. Ст. 35, 36, 37.
17. ПСЗ РИ-П. Т. 51. Отд. 1. № 56 325. Ст. 19.
18. ПСЗ РИ-П. Т. 49. Отд. 1. №. 52983. Ст. 41.
19. О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу // ПСЗ РИ-2. Т. 52. Отд. 1. № 57503.
20. *Горская Н.И.* Крестьянство и земство Смоленской губернии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов: сотрудничество в оказании помощи действующей армии и пострадавшим от войны // Новый исторический вестник. 2024. № 3. С. 6-26.
21. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал. Москва, 1972. С. 66.
22. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 276.
23. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Отдел хранения документации до 1917 г. (ОХД до 1917 г.). Ф 184. Оп. 2. Д. 676. Л. 1-3об, 22.
24. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф 184. Оп. 2. Д. 676. Л. 7-15 об.
25. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф 184. Оп. 2. Д. 676. Л. 15 об., 16, 18.
26. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф 184. Оп. 2. Д. 676. Л. 36- 57.
27. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф 184. Оп. 2. Д. 676. Л. 65-76 об.
28. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 287, 292.
29. ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф 184. Оп. 2. Д. 676. Л. 1.
30. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 18-26.
31. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.
32. Журналы XII очередного Смоленского губернского земского собрания. 9-22 января 1877. С. 79-81, приложение. С. 1-5.
33. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. 1855. Д. 764; ГАСО. Ф. 1129. Оп 1. Д. 6.

34. Свод сведений о земских доходах и расходах за время с 1871 по 1881 год включительно. Издание Хозяйственного Департамента МВД. Санкт-Петербург, 1884. С. 20-21.

35. Смоленские губернские ведомости (Смоленск) № 18, 5 мая 1877; № 21, 2 июня 1877.

36. Положение о государственном ополчении. Киев, С. 1, 2.

37. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. Т. II. Москва-Ленинград, 1928. С. 346.

38. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал. Москва, 1972. С. 66.

39. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

40. ГАСО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

41. ГАСО. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 24. Л. 25.

42. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 122. Л. 7-8.

43. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 109. 1 экспедиция. Оп. 52. 1877. Д. 38 Л. 2; ГАСО. Ф. 3. Д. 100. Л. 82-83.

44. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 122. Л. 10 об.

45. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 122. Л. 10 об -11 об.

46. ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 122. Л. 18, 29, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 87, 87 об.

47. Смоленские губернские ведомости (Смоленск). № 28, 14 июля 1877.

48. О призыве на службу части ратников государственного ополчения // ПСЗ РИ- II. Т. 52. Отд. 2. № 57560.

49. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. Санкт-Петербург, 1999. С. 229.

50. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. Т. II. Москва-Ленинград, 1928. С. 346.

51. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. Санкт-Петербург, 1999. С. 229.

52. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1877. Оп. 52. Д. 35. 1877. Л. 45.

53. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1877. Оп. 52. Д. 35. 1877. Л. 26.

54. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. Санкт-Петербург, 1999. С. 200.

55. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1877. Оп. 52. Д. 35. 1877. Л. 44- 44 об.

56. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1877. Оп. 52. Д. 35. 1877. Л. 27.

57. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1877. Оп. 52. Д. 35. 1877. Л. 44.

58. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1877. Оп. 52. Д. 35. 1877. Л. 26.

59. *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. Санкт-Петербург, 1999. С. 204, 205, 206.

60. ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1877. Оп. 52. Д. 35. 1877. Л. 27.

61. ГА РФ. Ф. 109. 3 экспедиция. 1877. Оп. 162. Д. 103. 1877. Л. 5.

62. *Петров Ф.В.* Государственное ополчение. Исторический очерк и сравнительное исследование действующего Положения о государственном ополчении по русскому и иностранному законодательствам. Санкт-Петербург, 1901. С. 70.

63. ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 65. Л. 1-29, 64.

64. Сборник постановлений Смоленского губернского земского собрания за 1866-1895 гг. / Сост. А.И. Петровский. Смоленск, 1897. С. 323.

65. *Гулевич А.А.* Война и народное хозяйство России. Санкт-Петербург, 1896. С. 65.

66. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военноэкономический потенциал. Москва, 1972. С. 479.

67. ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 268. Л. 8, 52.

68. ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. 1855. Д. 117. Д. 2, 7.

69. Мельников Н.А. Обзор деятельности земства Смоленской губернии за весь период существования земских учреждений. 1866-1880. Вып.

1. Смоленск, 1880. С. 35.

70. ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 268. Л. 24, 26 об.

71. ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1877. Д. 268. Л. 27 об.

72. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военноэкономический потенциал. Москва, 1972. С. 66.

73. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военноэкономический потенциал. Москва, 1972. С. 96.

74. ПСЗ РИ-III. Т. 31. Отд. 1. № 34841. Ст. 33.

75. Сборник постановлений Смоленского губернского земского собрания за 1866-1895 гг. / Сост. А.И. Петровский. Смоленск, 1897. С. 320-441.

Автор, аннотация, ключевые слова

Горская Наталья Ивановна – доктор ист. наук, профессор, Смоленский государственный университет (Смоленск)
ORCID ID: 0000-0002-5879-5956 gorskaya-n@yandex.ru

Статья посвящена изучению ополчения Смоленской губернии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В статье на основании ранее неизвестных документов, хранящихся в Государственном архиве Смоленской губернии, а также документов Центрального государственного архива Москвы и Государственного архива Российской Федерации впервые в историографии рассматривается процесс формирования ополчения во время Второй восточной войны в одной из земских губерний Центральной России. Основное внимание уделяется анализу законодательства относительно ополчения в рамках военной реформы 1874 г., в результате которой ополчение стало частью вооруженных сил России; действиям местной администрации и земства по подготовке призыва ратников, особенностям набора во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по сравнению с Крымской войной 1853–1856 гг. Военный призыв ратников проходил в новых условиях пореформенного развития России,

что позволяло использовать новые пореформенные институты в лице крестьянского и земского самоуправления. Автор приходит к выводу, что в результате военной реформы, несмотря на введение общей воинской повинности, численность ополчения Смоленской губернии резко сократилось; что ополчение использовалось для пополнения запасных частей, дислоцированных в Смоленской губернии; что накануне призыва местная администрация провела большой комплекс подготовительных мероприятий, но набор ратников, впервые проводившийся на основе военной реформы 1874 г., сопровождался трудностями, вызванными обстоятельствами военного времени и ошибками администрации. Негативный опыт по созданию ополчения привел к развитию военного законодательства относительно ополчения и изменению системы его обеспечения, в результате чего земство было освобождено от этой обязанности.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Смоленская губерния, ополчение, законодательство, призыв ратников, местная военная и гражданская администрация, земство, волостное общественное управление

Author, Abstract, Key words

Natalya I. Gorskaya – Doctor of History, Professor, Smolensk State University (Smolensk)

ORCID ID: 0000-0002-5879-5956 gorskaya-n@yandex.ru

The article aims to study the militia of the Smolensk province during the Russo-Turkish War of 1877–1878. Based on previously unknown documents stored in the State Archive of the Smolensk Province, as well as documents from the Central State Archive of Moscow and the State Archive of the Russian Federation, this article is the first in historiography to examine the process of forming a militia during the Second Eastern War in one of the zemstvo provinces of Central Russia. The article focuses on the analysis of legislation regarding the militia as part of the military reform of 1874, which resulted in the militia becoming part of the Russian armed forces. It also examines the actions of the local administration and zemstvos in preparing for the conscription of soldiers, as well as the specific features of recruitment during the Russo-Turkish War of 1877–1878 compared to the Crimean War. The military conscription of soldiers took place in the new conditions of Russia's post-reform develop-

ment, which allowed for the use of new post-reform institutions such as peasant and zemstvo self-government. The author concludes that as a result of the military reform, despite the introduction of general military service, the number of militiamen in the Smolensk province decreased dramatically; that the militia was used to replenish reserve units stationed in the Smolensk province; and that the local administration carried out extensive preparations before the conscription, but the recruitment of soldiers, which was carried out for the first time based on the military reform of 1874, was accompanied by difficulties caused by wartime circumstances and administrative errors. The negative experience of creating a militia led to the development of military legislation regarding the militia and a change in the system of its provision, as a result of which the zemstvo was relieved of this duty.

The Russo-Turkish War of 1877-1878, Smolensk Province, militia, legislation, conscription of soldiers, local military and civil administration, zemstvo, volost public administration

References (Articles from Scientific Journals)

1. Nikolayev, D.A. Nizhegorodskoye zemstvo i voprosy pomoshchi russkoy armii v 1877-1878 gg. organizatsiya opolcheniya i material'no-finansovoye obespecheniye [Nizhny Novgorod Zemstvo and the Issues of Assistance to the Russian Army in 1877-1878. The Organization of Militia and Material and Financial Support.]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya*. № 3. 2003. S. 101-104. (In Russia).

Monographs

3. Beskrovnyy, L.G. Russkaya armiya i flot v XIX veke. Voenno-ekonomicheskiy potentsial. [The Russian Army and Navy in the 19th Century. Military and Economic Potential.]. Moscow, 1972. 615. s. (In Russia).

4. Vinogradov, V.I. Russko-turetskaya vojna 1877- 1878 gg. i osvobozhdeniye Bolgarii. [The Russo-Turkish War of 1877-1878 and the Liberation of Bulgaria.]. Moscow, 1978. 295 s. (In Russia).

5. Gulevich, A.A. Vojna i narodnoye khozyaystvo Rossii. [War and the Russian Economy. Saint Petersburg, 1896.]. Saint-Petersburg, 1896. 188 s. (In Russia).

6. Petrov, F.V. Gosudarstvennoye opolcheniye. Istoricheskiy ocherk i sravnitel'noye issledovaniye deystvuyushchego Polozheniya o gosudarstvennom opolchenii po russkomu i inostrannomu zakonodatel'stvam. [State Militia. Historical Essay and Comparative Study of the Current Regulations on State

Militia in Russian and Foreign Legislation.]. Saint-Petersburg. 1901. 196 s. (In Russia).

7. Prezhentsev, YA.B. Gosudarstvennoye opolcheniye. Istoricheskiy ocherk. [State Militia. Historical Essay]. Saint-PetersburgSPb, 1889. 180 s. (In Russia).

8. Svechin, A.A. Evolyutsiya voyennogo iskusstva. T. II. [The Evolution of Military Art.]. Moscow-Leningrad, 1928, 573 s. (In Russia).

Д.В. Манкевич

О некоторых тенденциях и проблемах развития регионального здравоохранения в СССР накануне и в период перестройки (на материалах Калининградской области)

D.V. Mankevich

On some trends and problems of development of regional healthcare in the USSR on the eve of and during Perestroika (based on the materials of the Kaliningrad region)

19 ноября 1987 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР совместным постановлением утвердили документ, в котором были определены ближайшие задачи и актуальные меры в сфере общественного здравоохранения. Уже его название («Основные направления развития охраны здоровья населения и перестройки системы здравоохранения СССР в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года») акцентировало внимание на предстоящих значительных изменениях. В документе подчеркивались несомненные достижения советской власти: «В СССР создана подлинно общенародная система здравоохранения, основанная на ленинских принципах бесплатности и общедоступности медицинской помощи, профилактики, единства науки и практики, активного участия общественности в оздоровительных мероприятиях. На всех этапах развития нашего общества эта система надежно обеспечивала охрану здоровья населения и санитарное благополучие страны»¹. В то же время, отмечалось нарастание кризисных явлений: отставание практической медицины от «переднего края» науки, медленное обновление материально-технической базы здравоохранения, недофинансирование этой важной отрасли социальной политики, «нравственные и этические деформации» в среде профессионального медицинского сообщества. В качестве стратегической была заявлена цель «подъема здравоохранения на качественно новый уровень». Обострение экономических проблем, погружение страны в глубокий политический кризис, процессы дезинтеграции, а затем и распад СССР помешали реализации амбициозных планов, родившихся на волне «перестройки».

В различных регионах огромной страны «стартовые позиции», с которых началась реализация реформаторских инициатив второй половины 1980-х гг., как и их темпы, конкретное содержание, результаты, имели определенную специфику. Свой комплекс

особенностей был характерен и для самой западной из российских областей – Калининградской. В статье предпринята попытка выявления ряда важных тенденций и проблем развития регионального здравоохранения накануне и в период развертывания общесоюзной реформы.

В современной историографии и междисциплинарных исследованиях наметилась тенденция к осмыслению пути, пройденного советским здравоохранением в послевоенный период, с позиций социальной и культурной истории медицины². Однако «перестроечные» годы чаще пребывает «в тени» более ярких или более продолжительных периодов истории медицины Страны Советов.

Развитие здравоохранения Калининградской области в советский период изучено весьма неравномерно. Внимание исследователей сосредоточено, в основном, на первом послевоенном десятилетии, когда на отошедшей по решению Потсдамской конференции к СССР территории формировались базовые институты советского здравоохранения и его кадровый потенциал, были отмечены первые значимые успехи в борьбе с инфекционной заболеваемостью³. Полноценное научное изучение дальнейшего развития социальной медицины в регионе делает лишь первые шаги⁴. Сохранившиеся в Государственном архиве Калининградской области документы областного отдела здравоохранения и медицинских учреждений позволяют реконструировать, по крайней мере, частично, ситуацию, сложившуюся в регионе к середине 1980-х гг., а также определить траекторию ее развития во второй половине десятилетия.

К началу 1980-х гг. на «крайнем западе» РСФСР действовала типичная для «провинциальных» советских областей система здравоохранения, включавшая три областных, районные и городские больницы, родильные дома, поликлиники, амбулатории, управление «Медтехника» и другие учреждения. Формально регион входил в число хорошо обеспеченных медицинскими кадрами. На протяжении предшествующего десятилетия наблюдался значительный рост численности медработников: если в 1970 г. в области работало 1 703 врача, то к началу 1983 г. – уже 2 781, за тот же период число фельдшеров и медсестер возросло с 4421 до 8866⁵. Этот позитивный процесс сильнее всего затронул врачей-терапевтов (их численность почти удвоилась, с 288 до 512), педиатров и хирургов (с 235 до 336 и с 105 до 197 соответственно). Менее выраженным был рост рядов травматологов-ортопедов, эпидемиологов и психиатров.

Поразительно стабильным при этом оставалось число работающих в области онкологов (17 врачей и в 1970, и в 1983 г.)⁶. Этот феномен отражает не только кадровую, но и инфраструктурную стагнацию в региональной системе онкологической помощи. Цен-

тром проведения специализированного лечения был онкодиспансер областного центра. Успешная работа его специалистов в 1973 г. ставилась в пример сотрудникам других лечебных учреждений страны⁷. Однако в стационаре было всего 155 мест (коек) – диспансер был размещен в старом, тесном здании. «Спартакскими» были и бытовые условия: не хватало умывальников, туалетов, палаты были рассчитаны на 12–14 пациентов. На балансе учреждения числилось два «видавших вида» рентгеновских аппарата (которые, согласно акту проверки «часто выходят из строя»), но отсутствовал фиброгастроскоп. Неоднократные обращения руководства областного центра к региональному руководству о необходимости строительства современного диспансера на 400оек не дали результата – кардинального обновления материально-технической базы онкодиспансера не произошло и к середине 1980-х гг.⁸ Справка о состоянии онкологической помощи, подготовленная в апреле 1987 г., содержит описание все тех же проблем: тесные помещения, устаревшее оборудование, слабое внимание к благоустройству прилегающей территории⁹. За десять лет количество мест в стационаре увеличилось на 10 (!), до 165, и это при значительном росте смертности калининградцев от новообразований (вторая по числу умерших причина смерти в регионе и в 1960-е, и в 1970-е, и в 1980-е гг.). Калининградская область в первой половине 1980-х гг. была весьма неплохо обеспечена стационарными «койками» общего профиля. Однако в регионе остро не хватало специализированных мест для тех, кто нуждался в сложном лечении¹⁰. Это приводило к закономерным результатам: многие пациенты были вынуждены лечиться районных и городских больницах (неспециализированных учреждениях), а показатели смертности от злокачественных образований, болезней обмена веществ, сердечных и неврологических патологий постоянно росли.

Строительство нового онкодиспансера было в очередной раз согласовано в 1988 г. и запланировано на 1991 г.¹¹ К сожалению, этим планам не суждено было реализоваться. Современный онкологический медицинский центр в регионе был построен уже в XXI веке и начал работу только в 2024 г.

Капитальное строительство других медицинских учреждений тоже не было свободным от серьезных проблем. Несколько запоздалые планы расширения областной больницы в начале 1980-х гг. натолкнулись на непредвиденные препятствия. В 1984 г. облисполком специально рассматривал ситуацию с больничным «долгостроем». Текущее положение дел было подвергнуто суровой критике: «К сожалению, начинает разрушаться заложенный нулевой цикл под поликлинику, в котловане для глазного корпуса ребята ловят рыбу. Более 5 лет строится лабораторный корпус с пищеблоком, ввод ко-

торого был запланирован 2 года назад. В настоящее время в связи с выходом из строя энергетического хозяйства старого пищеблока создается угроза закрытия областной больницы»¹². Область неоднократно получала замечания республиканского министерства здравоохранения из-за плохого освоения капиталовложений, выделенных на капитальное строительство¹³.

Оставляло желать лучшего и качество строительства. В 1981 г. была проведена проверка текущего состояния Калининградской многопрофильной больницы, принятой в эксплуатацию буквально несколько месяцев назад. Согласно выводам комиссии 1981 г. здание стационара, возведенное методом «народной стройки», находилось в неудовлетворительном санитарно-техническом состоянии: не работала система вентиляция, частыми были перебои в подаче холодной и горячей воды, в холодное время года не получалось соблюдать температурный режим, что затрудняло (или делало невозможной) работу операционных, не функционировали душевая, часть унитазов и раковин¹⁴.

Проблемным «участком» областного здравоохранения оставалась система стоматологической помощи. Несмотря на отдельные позитивные тенденции (открытие четырех специализированных поликлиник, зубоучастков в ряде школ и на некоторых предприятиях), всё больше критики пациентов и руководства здравоохранением вызывал низкий уровень оказываемой помощи. Актуальными для калининградской стоматологии были и материально-технические проблемы, и нехватка специалистов (врачей-ортопедов и зубных техников)¹⁵.

Одним из самых заметных явлений «перестроечных» лет стала «гласность» – установка на большую свободу деятельности средств массовой информации, большую «прозрачность» деятельности властных структур, расширение диалога между ними и гражданами, повышенное внимание к острым, злободневным вопросам советской повседневности. Определенное воздействие «гласность» оказала и на ситуацию в калининградском здравоохранении, и в ее освещение в прессе. При этом активизация профессиональных и общественных дискуссий отчасти началась еще в первой половине 1980-х гг. и приобрела очевидную динамику уже в первые годы «нового курса» горбачевской «команды».

Одним из признаков этого стал значительный рост критических замечаний и писем жителей области, недовольных качеством медицинской (особенно стоматологической) помощи и связанными с ней рисками, очередями на прием к специалистам, неудобным графиком работы врачей¹⁶. Параллельно в коммуникацию по набравшим проблемам втягивались и медработники. Первыми стали

сотрудники скорой помощи, которые отмечали эгоизм и непросвещенность жителей городов и сел региона, постоянно умножающих количество необоснованных вызовов¹⁷.

В областном отделе здравоохранения велась системная работа с жалобами трудящихся, их динамика и содержание регулярно обсуждались на коллегии облздравотдела. Усиление потока жалоб в 1986 г. побудило коллегию обсудить дилемму, четко сформулированную председателем совещания: «Почему увеличивается число жалоб? Ведь мы не стали работать хуже». По итогам обсуждения было выработано общее мнение: всему виной – сенсационные публикации в прессе о достижениях столичной медицины и слабая реклама возможностей местных учреждений. Как итог – «хронические больные с необратимыми явлениями ищут любые зацепки, чтобы поехать в НИИ»¹⁸.

«Гласность» повлияла и на стиль проведения рабочих совещаний, собраний, встреч, на содержание выступлений руководителей учреждений здравоохранения, представителей «первичного звена». В источниках второй половины 1980-х гг. все явственнее проявлялись реальные трудности и тупики функционирования социальной медицины самой западной из российских областей. Так, например, было признано, что планы проведения прививочных кампаний нередко «составляются формально», их «выполнение» «создает видимость благополучия», в то время как значительная часть детей младшего возраста не охвачены иммунизацией¹⁹. В 1987–1988 гг. коллегия облздравотдела отмечала ухудшение качества питьевой воды, многочисленные проблемы санитарного характера на предприятиях пищевой промышленности²⁰. После длительного перерыва начали озвучиваться факты незаконной выплаты зарплат и премий, хищений в больницах и санаториях инвентаря и продуктов питания, использования медработниками в корыстных целях автотранспорта и оборудования, завышение строительными управлениями и бригадами расценок при выполнении ремонта по трудовым соглашениям²¹.

Сетовали врачи и на своих сельских коллег: «Мы обязаны контролировать сельское здравоохранение. Но сколько раз эти районы слушали наши указания, но не могли обеспечить людей на профосмотр. Мы требуем, а люди не делают. Мы дали все методические материалы, указания, как составлять планы и всё другое, но не делают же!»²². С 1985 г. регулярно обсуждались случаи нарушения трудовой дисциплины. В зоне особого внимания были, разумеется, ведущие медицинские учреждения региона, в том числе и областная больница, 4 работника которой в 1984 г. были привлечены к уголовной ответственности, а более 60 – допустили нарушение трудовой дисциплины. Отмечалось и неподобающее поведение отдельных

сотрудников больницы, а также группы прикрепленных к ней интернов²³.

Второе дыхание получили обсуждения материально-бытовых трудностей калининградских медучреждений, и особенно – сложностей в организации ремонта корпусов больниц и амбулаторий. Наиболее типичные из них были отражены в выступлении главного врача городской инфекционной больницы М.Г. Киенской на заседании коллегии облздравотдела в 1987 г.: «Руководство больницы беспокоят всё ухудшающееся положение и условия труда сотрудников и уменьшающиеся площади. Принималось много решений, но ни одно из них не выполнено. Главная причина в том, что разбрасывались средства и очень трудно найти строителей из-за недостатка лимитных средств. Два с лишним года главный врач не пользовался отпуском. Ежедневно ездил в РСУ, караулил рабочих и приводил по 2–3 человека. И сейчас положение дел практически не меняется... Договор на реконструкцию заключен, но на кабальных условиях: должна больница доставать все строительные материалы»²⁴. Отмеченные главврачом проблемы были типичными отнюдь не только для ситуации с ремонтом учреждений здравоохранения.

Первый этап развития «гласности» оценивался руководством областного здравоохранения положительно, несмотря на наличие отдельных «пробуксовок» и «несознательных» начальников, «не до конца осознавших объективную необходимость перестройки». В решении коллегии облздравотдела от 23 июня 1987 г. содержалась весьма оптимистичная реляция: «В настоящее время широкая гласность вопросов медицинского обслуживания повысила активность населения, его нежелание мириться с грубостью, бестактностью отдельных медицинских работников, а также недостатками в организации ухода, питания, оказания лечебно-диагностической помощи»²⁵.

Важным результатом развития «гласности» следует признать начало открытой критики положения в медицинской сфере в целом. Показательным в этом отношении можно считать выступление председателя областного комитета профсоюза работников здравоохранения В.С. Вышкова, состоявшееся в конце 1988 г. «Перестройка, идущая в стране, со всей наглядностью показала, как еще несовершенно по многим позициям наше здравоохранение, — констатировал В.С. Вышков — как еще слаба его материально-техническая база, как отстает от современного уровня требований медицинская наука и техника и какие допущены просчеты в подготовке медицинских кадров. Все это не могло не сказаться на службе здоровья и нашей области. Положение с состоянием материальной базы учреждений здравоохранения сегодня сложное, многие буквально дышат на

ладан и вот-вот обрушатся»²⁶. Затронул в своем выступлении В.С. Вышков и вопрос о материальном и социальном положении медработников: «Почему мы все требовали от медиков жертвенности, ставя впереди присягу, как щит, и голос профсоюза, как защитника, на всех уровнях был слаб? Но кто позаботиться о самих медработниках — о действительной заработной плате, о социально-бытовых условиях, о пенсиях, об отпусках»²⁷. Признание сложившегося кризисного состояния могло стать предпосылкой дискуссии о задачах и направлениях реформы здравоохранения.

Во многом традиционной для области, но получившей особую актуальность в условиях развертывания очередной масштабной кампании угрозой была алкоголизация населения края, по показателям которой область опережала среднероссийский уровень. На конец 1983 г. на учете состояло почти 15 тыс. больных алкоголизмом. С начала 1983 г. областной наркологический диспансер был преобразован в областную наркологическую больницу, во всех городах и районах были созданы наркологические кабинеты, на предприятиях промышленности, транспорта и строительства работали 26 фельдшерских пунктов аналогичного профиля. Для лечения хронического алкоголизма были созданы два стационара с трудовым режимом²⁸.

После старта в Калининградской области общесоюзной антиалкогольной кампании в фокусе внимания коллегии облздрава оказались застарелые, но ставшие вдруг весьма актуальными проблемы. В регионе остро не хватало квалифицированных наркологов, необходимых для работы с населением учебных и наглядных пособий, просветительских материалов. Было признано, что многие участковые врачи не готовы были включиться в борьбу с алкоголизмом²⁹. В 1985 г. коллегия облздравотдела признала борьбу с пьянством и алкоголизмом «важнейшей и неотложной задачей» всех медицинских работников региона. Одновременно были отмечены не только успехи в деле выявления больных хроническим алкоголизмом, но и наличие кадровой проблемы — в ряде районов не были укомплектованы должности врачей-наркологов³⁰.

В 1986 г. облздравотдел забил тревогу из-за распространения пьянства среди несовершеннолетних. Было признано, что «бытовое пьянство приходит в семьи с улицы», а взрослые играют ведущую роль в вовлечении в пьянство детей и подростков³¹. Трезвая оценка ситуации привела к появлению комплексного плана развития наркологической службы региона на период до 1990 г. В органах и учреждениях здравоохранения создавались комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, областная комиссия дважды в месяц обсуждала отчеты главных врачей городов и районов о ходе выполнения плана и распоряжений республиканского Министерства здра-

вохранения. В области были развернуты дополнительные наркологические «койки», а количество стационаров с трудовым режимом было увеличено до четырех. В рамках традиционной для советского здравоохранения практики по привлечению общественности к решению задач профилактики и санитарного просвещения к концу 1987 г. совместно с обществом Красного Креста было создано 604 общественных наркологических поста³². В справке о состоянии наркологической помощи в области от 22 июля 1987 г. отмечалось, что наркологические учреждения располагают возможностями для проведения как медикаментозных, так и немедикаментозных методов лечения алкоголизма. Обеспеченность психотропными препаратами признавалась удовлетворительной. В работу с пациентами «широко внедряются методики групповой, семейной и иных видов психотерапии». К позитивным результатам проведенной работы авторы справки относили сокращение смертности в регионе с 921,0 на 100 000 населения в 1985 г., до 884,0 в 1986 г. В том числе смертность от отравлений и травм снизилась с 15,8 до 13,4 на 100 000 населения, смертность от последствий употребления алкоголя в % по всем умершим составила 2,7% против 3,9% в 1985 г.³³. Разумеется, степень реального влияния медицинских и профилактических мер на снижение смертности населения требует проведения дополнительного исследования. Однако в Калининградской области на начальном этапе антиалкогольной кампании, действительно, наблюдалась позитивная динамика смертности взрослого населения.

В 1980-е гг. в регионе была осознана угроза распространения наркомании, однако остановить этот процесс, несмотря на согласованные усилия правоохранительных органов, медиков и педагогов, не удалось. На конец 1983 г. на учете состояло 122 гражданина, страдающих наркоманией, а в конце 1989 г. — уже почти 497 человек³⁴.

Начальный период «перестройки» народного хозяйства ознаменовался не только ростом ожиданий советских людей от инициатив «партии и правительства», но и подъемом энтузиазма значительной части общества. Данная тенденция прослеживается и на материалах калининградского здравоохранения, хотя для медиков и было характерно более сдержанное отношение к радужным перспективам государственных кампаний. В 1985–1988 гг. в работу учреждений здравоохранения вносились многочисленные коррективы, активно действовали партийные ячейки, профсоюзный актив, разворачивались социалистические соревнования. Руководство регионального здравоохранения стало внимательнее относиться к критике и инициативам «с мест». Усилился контроль за проблемными участками противоэпидемической работы. Эти действия принесли определенные позитивные результаты. За три года в области было достигну-

то снижение заболеваемостью по 15 инфекционным заболеваниям. Сильнее всего по сальмонеллезу (в 3,5 раза), кори (в 2,7 раза), гепатитом А (в 2 раза), дифтерией (на 58%)³⁵. Наблюдались успехи в деле сокращения детской (прежде всего, младенческой) смертности, показатели которой были значительно ниже средних по РСФСР. В детской областной больнице было создано отделение патологии новорожденных, открылся перинатальный центр на базе областной акушерско-гинекологической больницы (роддом № 1), детские и родильные постепенно оснащались новейшей аппаратурой. Однако существующие возможности для оперативной и эффективной помощи детям были очень разными в областном центре и удаленных от него районах. В 1989 г. более 25% детской смертности было связано с периферийными районами области – Нестеровском, Правдинском, Славском, Полесском (менее 10% населения края)³⁶.

Изученные документы свидетельствуют о понимании руководством областного здравоохранения системных проблем отрасли, о готовности включиться в ее реформирование при наличии соответствующих импульсов из профильного министерства, о вовлечении региона в общегосударственные процессы модернизации (перестройки) системы социальной медицины. На начальном этапе «перестройки» в Калининградской области существенно улучшилась ситуация с инфекционной заболеваемостью, смертностью от последствий употребления алкоголя, были сделаны крупные капиталовложения в переоснащение больниц и поликлиник, с «мертвой точки» сдвинулась реализация некоторых «долгостроев». На волне «гласности» активизировались дискуссии об актуальных проблемах и перспективах региональной (да и общенациональной) медицины. Началась реализация комплексной программы «Здоровье», важнейшей задачей которой было системное повышение качества медицинской помощи.

К концу 1980-х гг. калининградское здравоохранение подошло в состоянии реформирования, одним из направлений которого стало развитие системы платных медицинских услуг. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1985–1986 гг., когда в некоторых стоматологических поликлиниках, в ответ на «многочисленные заявления» граждан (ставшие, кажется, неожиданностью для облздравотдела), появились дополнительные («хозрасчетные») услуги. В 1986 г. была составлена соответствующая программа (до 2000 г.), которая охватывала стоматологию, косметологию и физиотерапию³⁷.

С другой стороны, не были преодолены традиционные для региона «узкие места». Не был построен (хотя и появился в планах) новый онкологический диспансер, множество нареканий вызывала работа областного туберкулезного диспансера, сохранялись се-

рзные проблемы в материально-техническом оснащении службы скорой помощи, не удалось справиться с систематическими нарушениями трудовой дисциплины, все более массовыми становились претензии граждан к качеству работы конкретных учреждений и врачей. В последние годы «перестройки», в условиях нарастания кризисных явлений в экономике страны, обострились проблемы снабжения области лекарственными препаратами. В начале февраля 1990 г. начмед районной больницы г. Черняховска упоминал эту проблему в выступлении на коллегии облздравотдела как хорошо знакомое всем присутствующим явление: «Как и большинство медицинских учреждений области мы постоянно испытываем острую нехватку белковых препаратов и препаратов крови, антибиотиков широкого спектра действия, а на рентгеновскую пленку и контрастные вещества, видимо, пора вводить талоны»³⁸.

Актуальной оставалась и кадровая проблема. На заседании коллегии облздравотдела, состоявшемся 7 февраля 1989 г., констатировалась нехватка только в областном центре около 400 врачей³⁹. В 1990 г. в пяти районах области не было окулистов, в семи невропатологов и фтизиатров, в шести – психиатров и наркологов. В большинстве районов не были укомплектованы должности кардиологов и эндокринологов. Облздравотдел был вынужден направить для работы в эти районы врачей-интернов⁴⁰.

В таком противоречивом состоянии калининградское здравоохранение вступило в последнее десятилетие XX века.

Примечания

Notes

(Endnotes)

1. «Основные направления развития охраны здоровья населения и перестройки системы здравоохранения СССР в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года». Утверждены Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1318 от 19 ноября 1987 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753587>

2. Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А., Чалова В.В. Состояние и возможности советского здравоохранения в 1960 – 1980-х годах // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29(1). С. 153–160; Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. «Клубы» и «гетто» советского здравоохранения. М., 2022.

3. Жданович Л.Н. Санитарно-эпидемиологическая ситуация в Калининградской области в первые послевоенные годы // Калининградские архивы. 2011. Вып. 9. С. 171–181; Манкевич Д.В. Заболеваемость малярией в Калининградской области в первые послевоенные годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2016. № 2. С. 32–36.

4. Медицина Янтарного края: от истории к современности: здравоохранению Калининградской области – 75 лет. Калининград, 2021.
5. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 140. Л. 25; Д. 301. Л. 23.
6. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 8. Л. 18, 19; Д. 301. Л. 22, 23.
7. ГАКО. Ф. 297. Оп. 10. Д. 578. Л. 26.
8. ГАКО. Ф. 297. Оп. 10. Д. 578. Л. 27, 28.
9. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1065. Л. 43.
10. ГАКО. Ф. 297. Оп. 9. Д. 378. Л. 10.
11. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1121. Л. 6, 8.
12. ГАКО. Ф. 297. Оп. 10. Д. 578. Л. 84.
13. ГАКО. Ф. 297. Оп. 10. Д. 578. Л. 51.
14. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 975. Л. 90.
15. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 713. Л. 100.
16. См., например: Леонидов И. СПИД и стоматология // Калининградский комсомолец. 1987. №31.
17. Маркишев М. «Скорой» всегда быть скорой // Калининградская правда. 1984. №9.
18. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1013. Л. 1, 2.
19. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1050. Л. 60.
20. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1050. Л. 60, 61.
21. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1014. Л. 62, 63.
22. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 975. Л. 6.
23. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 975. Л. 93.
24. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1050. Л. 12.
25. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1051. Л. 6, 7.
26. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1119. Л. 46.
27. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1119. Л. 51.
28. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 947. Л. 1, 3, 19.
29. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1014. Л. 102.
30. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 975. Л. 70–73.
31. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1013. Л. 122–125.
32. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 140. Л. 67–69.
33. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 140. Л. 69, 70.
34. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1150. Л. 43.
35. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1119. Л. 67.
36. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1150. Л. 27–35.
37. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1014. Л. 102.
38. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1150. Л. 43.
39. ГАКО. Ф. 233. Оп. 6. Д. 1119. Л. 1.
40. ГАКО. Ф. 233. Оп. 76. Д. 1150. Л. 27.

Автор, аннотация, ключевые слова

Манкевич Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований,

доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
ORCID: 0000-0002-2983-1962
DMankevich@kantiana.ru

Воздействие процессов «перестройки» второй половины 1980-х гг. на различные стороны жизни советского общества и государства привлекает постоянное внимание исследователей. Однако полноценное изучение их влияния на отечественное здравоохранение еще только начинается. Перспективным в этом контексте является использование регионального подхода, позволяющего как проследить общенациональные процессы, так и определить местную специфику. Цель статьи - выявить тенденции и проблемы развития здравоохранения Калининградской области накануне и в период «перестройки». Документальной основой статьи стали справки, акты, протоколы и другие материалы областного отдела здравоохранения и облисполкома из фондов Государственного архива Калининградской области. В первой половине 1980-х гг., несмотря на некоторые позитивные изменения, в регионе сформировался комплекс проблем инфраструктурного, кадрового и технологического характера, ставший объектом критики в условиях реализации курса на развитие «гласности». В годы «перестройки» калининградское здравоохранение активно включилось в общесоюзные процессы модернизации системы оказания медицинской помощи. Однако запущенные процессы, за счет которых удалось добиться отдельных положительных сдвигов, в условиях нарастания экономического кризиса в стране, не привели к преодолению системных проблем регионального здравоохранения.

Перестройка, история Калининградской области, история здравоохранения, гласность

Authors, Abstract, Key words

Dmitrii V. Mankevich – Senior Research Fellow, Centre for the Study of Historical Memory, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
ORCID: 0000-0002-2983-1962
DMankevich@kantiana.ru

Collective the impact of the “perestroika” processes of the second half of the 1980s on various aspects of the life of Soviet society and the

state attracts constant attention of researchers. However, a full-fledged study of their impact on domestic healthcare is just beginning. Promising in this context is the use of a regional approach, which allows both to trace national processes and to determine local specifics. The purpose of the article is to identify trends and problems in the development of healthcare in the Kaliningrad region on the eve of and during the “perestroika” period. The documentary basis of the article is certificates, acts, minutes and other materials of the regional department of healthcare and the regional executive committee from the funds of the State Archives of the Kaliningrad Region. In the first half of the 1980s, despite some positive changes, a set of problems of an infrastructural, personnel and technological nature formed in the region, which became the object of criticism in the context of the implementation of the course on the development of “glasnost”. During the years of “perestroika”, Kaliningrad healthcare was actively involved in the all-Union processes of modernization of the medical care system. However, the launched processes, due to which it was possible to achieve individual positive shifts, in the context of the growing economic crisis in the country, did not lead to overcoming the systemic problems of regional healthcare.

Perestroika, history of the Kaliningrad region, history of health care, glasnost

References

1. «Osnovnye napravleniya razvitiya ohrany zdorov'ya naseleniya i perestrojki sistemy zdavoohraneniya SSSR v dvenadcatyj pyatiletke i na period do 2000 goda». Utverzhdeny Postanovleniem CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR № 1318 ot 19 noyabrya 1987 g. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753587>
2. Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A., Chalova V.V. Sostoyanie i vozmozhnosti sovetskogo zdavoohraneniya v 1960 – 1980-h godah // Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny. 2021. № 29(1). S. 153–160; Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A. «Kluby» i «getto» sovetskogo zdavoohraneniya. M., 2022.
3. Zhdanovich L.N. Sanitarno-epidemiologicheskaya situaciya v Kaliningradskoj oblasti v pervye poslevoennye gody // Kaliningradskie arhivy. 2011. Vyp. 9. S. 171–181; Mankevich D.V. Zabolevaemost' malyarjev v Kaliningradskoj oblasti v pervye poslevoennye gody // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2016. № 2. S. 32–36.
4. Medicina Yantarnogo kraja: ot istorii k sovremennosti: zdavoohraneniyu Kaliningradskoj oblasti – 75 let. Kaliningrad, 2021.
5. GAKO. F. 639. Op. 1. D. 140. L. 25; D. 301. L. 23.
6. Sm., naprimer: Leonidov I. SPID i stomatologiya // Kaliningradskij kom-somolec. 1987. №31.
7. Markishev M. «Skoroy» vseгда byt' skoroy // Kaliningradskaya pravda. 1984. №9.

А.В. Исаев, А.С. Полякова

Тепловозные железнодорожные батальоны Русской императорской армии в период Первой мировой войны

A.V. Isaev, A.S. Polyakova

Diesel railway battalions of the Russian Imperial army during the First World War

Железнодорожные войска (ЖДВ) как специализированные воинские формирования возникли в России в ответ на потребности стремительно развивавшейся транспортной инфраструктуры XIX века. В Российской Империи история ЖДВ началась 23 сентября 1851 года, когда в соответствии с «Положением об управлении Санкт-Петербурго–Московской железной дорогой» Приказом по Главному управлению Путей сообщения и публичных зданий №180 были сформированы 14 отдельных военно-рабочих, 1 телеграфическая и 2 кондукторские роты¹. Эти части стали основой будущих ЖДВ, чьей задачей было обеспечение бесперебойной работы стратегических магистралей, восстановление железнодорожных путей и организация воинских железнодорожных перевозок как в мирное, так и в военное время.

К началу Первой мировой войны (1914-1918) значение ЖДВ для русской армии резко возросло. Железные дороги превратились в ключевой элемент логистики: от их функционирования зависели мобильность частей и соединений, скорость и оперативность доставки боеприпасов, своевременная эвакуация раненых и регулярность снабжения фронтов. Однако в условиях тотальной войны и дефицита ресурсов для надёжной и стабильной эксплуатации российских железных дорог потребовались нестандартные технические и технологические решения.

Одним из таких решений стало образование тепловозных железнодорожных батальонов (тепжелбатов). Тепжелбаты – уникальные армейские подразделения, ориентированные на эксплуатацию машин с двигателями внутреннего сгорания (ДВС) на железных дорогах в военное время.

Цель настоящей статьи – на основе архивных документов исследовать роль и задачи тепловозных железнодорожных батальонов в Первой мировой войне, важность принятого руководством страны решения о закупке американских тепловозов и влияние принятого решения на военную логистику и технический прогресс. Для реше-

ния поставленной цели необходимо изучить историографию вопроса; рассмотреть миссию по закупке тепловозов в США; исследовать практическое применение закупленных тепловозов во время Первой мировой войны.

Источниковой базой исследования выступают архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива, брошюры-проспекты и статьи XIX в. – начала XX в.

Изучение ЖДВ в российской историографии развивалось в контексте военно-инженерной науки и истории транспорта. До революции 1917 года вопросы их организации освещались в трудах военных инженеров, С.П. Бутурлина, В.К. Шенка, А.С. Ермолова², акцентировавших стратегическую роль путей сообщения в военной логистике. В советский период данная тема получила развитие в работах, посвящённых Гражданской и Великой Отечественной войнам³, при этом Первая мировая война несправедливо оставалась в тени. Современные исследователи Н.В. Старостенков, Н.Л. Волконский, Г.И. Когатко⁴, раскрывают структуру и задачи железнодорожных батальонов, включая использование техники с ДВС в разные периоды истории Советского союза и России. Однако вопросы, связанные с необходимостью создания тепжелбатов, которые должны были взять на вооружение новую зарубежную технику, обладающую высокими техническими возможностями, и возникновением необходимости поставки таковой из-за океана для новых железнодорожных формирований, остаются малоизученными, что подчёркивает необходимость углублённого анализа архивных источников.

Есть все основания полагать, что образование в ЖДВ тепловозных железнодорожных батальонов относится к началу XX в. Важно подчеркнуть, что начало применения термина «тепловоз» принято относить к 1921 году, когда инженером Я.М. Гаккелем был создан проект дизель-электрического локомотива, а широкое распространение этот термин получил уже после 1925 года, когда были проведены сравнительные испытания тепловозов конструкции Я.М. Гаккеля и Ю.В. Ломоносова⁶. В Российском государственном военно-историческом архиве хранятся материалы о тепловозных железнодорожных батальонах, указанные материалы дают все основания полагать, что термин «тепловоз» начал использоваться ещё в период Первой мировой войны⁷. Однако в этих же документах тепловозы также именуются тракторами.

Смешение понятий «тепловоз» и «трактор» в документах тепжелбатов объясняется лингвистическими и технологическими особенностями той эпохи. Английский термин *traction engine* применялся для обозначения двигателя внутреннего сгорания. При переводе на русский язык, вероятно, слово *traction* («тяга») воспринималось

как слово tractor – устройство для перемещения грузов, вошедшее в русский язык как «трактор». Таким образом, тепловозами назывались как локомотивы для узкоколейных полевых железных дорог, так и тяговые средства дорожного транспорта, то есть трактора.

Факт смешения понятий также подтверждается и тем, что в 1915 г. главное представительство завода Baldwin в России активно распространяло проспекты с описанием промышленных бензино-керосиновых локомотивов для узкоколейных железных дорог⁸. Отмечалось, что такие машины имели высокую пригодность в различных промышленных условиях, начиная от сельского хозяйства и заканчивая рудоплавильным производством, где требовалась перевозка по рельсовым путям тяжелых грузов при средних скоростях. Особое преимущество таких локомотивов состояло в том, что они могли эксплуатироваться в той местности, где нет доступа к воде или источнику движущей силы⁹.

В годы Первой мировой войны российская железнодорожная система столкнулась с серьёзными вызовами, обусловленными стремительным ростом потребностей фронта и ограниченными возможностями отечественной промышленности и транспорта. В этих условиях закупки за границей стали неотъемлемой частью стратегии обеспечения армии необходимыми ресурсами.

Формирование тепжелбатов в Русской императорской армии (РИА), по мнению авторов, стало ответом на вызовы механизации войны. Их создание было связано с острой нехваткой традиционных транспортных ресурсов и необходимостью внедрения технологических инноваций. Одним из ярких эпизодов в истории этих подразделений стала командировка командного и личного состава тепжелбатов в Соединённые Штаты Америки в 1916 году¹⁰.

Как отмечают Н.Д. Пригодич и Н.И. Богомазов¹¹, уже в начале войны стало очевидно, что российская промышленность не способна удовлетворить все потребности железнодорожного транспорта, особенно в условиях военного времени. Это обусловило необходимость обращения к иностранным поставщикам для приобретения железнодорожного подвижного состава и других необходимых материалов. Такая практика была не только логичной, но и жизненно необходимой для поддержания функционирования железнодорожной системы страны.

В июне 1915 года начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич направил запрос о срочных закупках за границей техники для нужд фронтовых железных дорог¹². Это подчёркивает осознание высшим военным руководством критической важности иностранных поставок для обеспечения эффективной работы транспортной системы в условиях войны.

Общественная дискуссия вокруг американских закупок также свидетельствует о признании необходимости таких мер. Хотя в прессе и среди политиков высказывались опасения по поводу зависимости от иностранных поставок, большинство признавали, что в условиях войны такие закупки были оправданными и необходимыми¹³. Это подчёркивает, что иностранные закупки для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны были нормальной и необходимой практикой, обусловленной объективными обстоятельствами.

Завод «Baldwin Locomotive Works» в США стал одним из ключевых поставщиков паровозов для нужд российских железных дорог в годы Первой мировой войны¹⁴. Этот завод, основанный в 1831 году в Филадельфии¹⁵, к 1916 году превратился в крупнейшее паровозостроительное предприятие в мире. Он обладал колоссальными производственными мощностями, современной организацией труда и репутацией надежного экспортера. Благодаря высокой скорости выполнения заказов, индивидуальному проектированию под нужды клиента и качеству сборки, Baldwin стал предпочтительным выбором для иностранных заказчиков, включая Россию. В условиях войны и дефицита подвижного состава российское правительство размещало заказы именно на этом заводе, рассчитывая на оперативные поставки и проверенное качество.

В рамках индустриальной модернизации Российской империи конца XIX века практика командирования специалистов на ведущие зарубежные предприятия, в том числе на завод Baldwin, являлась важным элементом технологического трансфера. Эти командировки, инициируемые государственными структурами и учебными заведениями, носили систематический характер, что отражало стратегию заимствования передового опыта для развития отечественной промышленности. Ярким примером стало направление в 1897 году по решению Учебного комитета Санкт-Петербургского технологического института Императора Николая I инженера-технолога, профессора П.С. Селезнева, чья стажировка предусматривала детальное изучение организационной структуры предприятия, специфики инженерных решений и технологических процессов¹⁶. Подобные миссии не только способствовали внедрению зарубежных методик в российское производство, но и формировали основу для организации работы и эксплуатации подвижного состава.

30 ноября 1915 г. постановлением Исполнительной комиссии заводу Baldwin в Америке через представителя военного министерства генерала Балдина был передан заказ на изготовление 350 тракторов-тепловозов для полевых железнодорожных парков¹⁷.

30 января 1916 г. военным министром, генералом от инфантерии А.А. Поливановым был отдан приказ о командировании 6 офицеров и 20 нижних чинов Железнодорожного отделения Главного военно-технического управления Военного министерства в Америку.

Целью командировки была подготовка необходимых специалистов тракторного дела, так как механизированная тяга в войсках до этого времени не применялась. Командированные офицеры и нижние чины должны были, возвратившись с первой партией тракторов в Россию, стать инструкторами по организации тракторной тяги в полевых железнодорожных парках.

ЖДВ в указанный период времени подчинялись начальнику Главного управления военных сообщений (ГУ ВОСО) генерал-майору С.Н. Ронжину. Согласно его телеграмме №364/291 от 30 января 1916 г.¹⁸ подлежали командировке в Америку на завод Baldwin следующие офицеры:

командир шестого железнодорожного батальона (ЖДБ) военный инженер полковник И.М. Карпинский;

военный инженер для поручений при начальнике ВОСО Западного фронта полковник С.А. Болотов;

состоящий в распоряжении начальника ГУ ВОСО капитан М.Н. Лосев;

1-го Сибирского ЖДБ капитан А.А. Альгин;

7-го ЖДБ поручик А.А. Быховец;

прикомандированный к Управлению ВОСО Западного фронта поручик Сластенин¹⁹.

Нижние чины были откомандированы в распоряжение железнодорожного отделения Главного военно-технического управления из следующих частей:

старший унтер-офицер Д. Рон, рядовые И. Шмыров, И. Поточкин, В. Зубревич – из 1-го Сибирского ЖДБ;

рядовой Г. Нейбахер – из 2-го Сибирского ЖДБ;

рядовые И. Корнилов и А. Шестеров – из 5-го Сибирского ЖДБ;

младший унтер-офицер И. Асташев – из 2-го Заамурского ЖДБ;

младший унтер-офицер К. Звольский – из 1-го запасного ЖДБ;

ефрейтор Э. Сташ – из 5-го ЖДБ;

ефрейтор М. Мозалевский, рядовые И. Рузинский и Ф. Панкин – из 6-го ЖДБ;

младший унтер-офицер Г. Августовский – из 7-го ЖДБ;

рядовой Г. Зданкевич – из 8-го ЖДБ;

младший унтер-офицер И. Ушаков, ефрейтор В. Ростовцев, рядовые И. Александров и С. Пациновский – из 12-го ЖДБ²⁰.

Также в состав команды нижних чинов был включён прикомандированный к железнодорожному отделению Главного военно-технического управления (ГВТУ) ратник запасного электротехнического батальона инженер-механик Ф. Холмогоров²⁰. Это было совершенно необходимо сделать по причине того, что, помимо него, английского языка из девятнадцати вышеперечисленных нижних чинов никто не знал²².

Так как поездка в Америку была сопряжена со значительными расходами, то в соответствии с установленными нормами при сроке командировки до 4 месяцев общая сумма денежного довольствия для офицеров составила 26 450 руб. С расчётом денежного довольствия для нижних чинов ЖДВ вышли затруднения, так как в действующих на то время нормативно-правовых и подзаконных актах не было такого вида расчётов. Поэтому было предложено командировать нижних чинов на тех же основаниях, на которых ранее были командированы в Америку нижние чины Артиллерийского ведомства, а именно каждому нижнему чину²³:

прогонных до Торнео и обратно – 55 руб. 15 коп.;

подъёмных (в том числе на обзаведение «партикулярной», то есть гражданской, одеждой) – 170 руб. 46 коп.;

жалования за 4 месяца – 681 руб. 84 коп.;

путевых в оба конца от Торнео до Нью-Йорка и обратно – 293 руб. 71 коп.

Итого каждому из нижних чинов причиталось по 1201 руб. 16 коп., а команде из 20 нижних чинов – 24 023 руб. 20 коп.

Итоговое распределение средств по статьям расходов выглядело следующим образом²⁴:

Таблица 1

Чин и фамилия	Подъёмные, руб.	Путевые в оба конца, руб.	Суточные за 4 месяца, руб.	Прогонные от Петрограда до Торнео и обратно	Всего
Полковник Карпинский	1500	1602,50	2027,70	165,45	5295,65
Полковник Болотов	1500	1602,50	2027,70	165,45	5295,65
Капитан Лосев	1200	1275	1351,80	165,45	3992,25
Капитан Альгин	1200	1275	1351,80	165,45	3992,25
Поручик Быховец	1200	1275	1351,80	110,30	3937,10

Поручик Сластенин	1200	1275	1351,80	110,30	3937,10
20 нижних чинов	3409,20	5874,20	13636,80	1103	24023,20
Всего					50 473,20

Таким образом, общая сумма денежного довольствия составила 50 473 руб. 20 коп.

Расчёт суточных для офицеров проводился, исходя из размера таковых во франках: для полковников – $45 \text{ фр./сут.} \times 30 \times 4 = 5400 \text{ фр.}$ (2027,20 руб.), для капитанов и поручиков – $30 \text{ фр./сут.} \times 30 \times 4 = 3600 \text{ фр.}$ (1351,80 руб.)

Расчёт денежного довольствия для нижних чинов был сделан следующим образом:

Таблица 2

Статья затрат	В валюте на каждого нижнего чина	В рублях на каждого нижнего чина	В рублях на 20 нижних чинов
Прогонные до Торнео и обратно		55,15	1103
Подъёмные в размере месячного оклада жалования	18 фунтов стерлингов	170,46	3409,20
Жалование за 4 месяца	18 фунтов стерлингов	170,46	3409,20
Путевые от Торнео до Нью-Йорка и обратно	563,20 шведских крон	293,71	5820

В феврале 1916 г. офицеры и нижние чины были откомандированы в Америку на завод Baldwin.

2 марта 1916 г. на имя полковника Веселова была направлена телеграмма, в которой отправитель спрашивал, есть ли сведения о том, когда ожидается первое поступление тепловозов²⁵. Однако уже в июне 1916 г. командированные в Америку подлежали немедленному возвращению в свои части²⁶.

Указанные тепловозы-тракторы были доставлены в Россию. Исходя из анализа дальнейшей работы этих машин, становится ясно, что в данном случае речь идёт не о локомотивах, а о тяговых средствах дорожного транспорта, так как тепловозы-тракторы в основном использовались для постройки узкоколейных (полевых) железных дорог на конной тяге. Так, в рапорте от 3 ноября 1916 г. №35 прапорщика Богданова, прикомандированного к 208-ому

обозному батальону²⁷, указывалось, что, как показал опыт работы в 18-ом ЖДБ, для постройки узкоколейной железной дороги тепловозы-тракторы для земельных работ малоприменимы. Главным образом с большей пользой они применялись для перевозки тяжестей при постройке дороги с применением тележек. Для эксплуатации таких тракторов в рапорте требовалось выдать из Одессы 3 тележки, 30 пуд. машинного масла, 1,5 пуд. штауферного масла, 6 пуд. обтирок, 300 пуд. нефти и 10 пуд. бензина²⁸.

4-ая и 6-ая роты 2-го тепловозного железнодорожного батальона, объединенные с 1-ой ротой с целью выполнения земельных работ для вновь строящейся узкоколейной полевой железной дороги от станции Этулея Юго-Западных железных дорог до монастыря Св. Ферапонта на реке Дунай. Согласно пояснительной записке из дневника работ 6-ой роты за ноябрь 1916 г.²⁹, в двух верстах от станции Этулея дорога должна была подняться на высоту 21,78 саж. с использованием двух тупиков, которые впоследствии должны быть соединены петлями радиусом 25 саж., причем наибольшая глубина выемки в петлях должна была составлять 4 саж. На первых этапах работы производительность рот была довольно высокой, поскольку сначала снимался верхний мягкий растительный слой земли, не требовавший тщательной обработки. Впоследствии с углублением выкопов, увеличением твердости грунта и необходимостью в отделке откосов и кюветов производительность уменьшилась.

Таким образом, тепловозные железнодорожные батальоны Русской императорской армии периода Первой мировой войны, по сути, представляли собой формирования, схожие с батальонами механизации ЖДВ ВС РФ. Однако поставки тепловозов для нужд коренных военно-железнодорожных парков (КВЖДП) ЖДВ РИА также происходили – зафиксирован случай наличия таких локомотивов в 1-ом КВЖДП, сформированном в марте 1916 г. в Твери³⁰.

Проведённое исследование демонстрирует немаловажную роль тепловозных железнодорожных батальонов в логистике Российской империи в годы Первой мировой войны. Командировки специалистов на завод Baldwin в США, сопряжённые со значительными финансовыми затратами, позволили не только закупить парк тепловозов-тракторов, но и адаптировать их эксплуатацию к условиям военного времени. Анализ дневников и отчётов работ подтверждает, что эти машины активно использовались для восстановления путей и транспортировки тяжелых грузов, что повысило оперативность снабжения фронта. Несмотря на технические сложности и высокие издержки, внедрение тепловозов стало важным шагом в модернизации военного транспорта, предвосхитившим переход от паровой тяги к двигателям внутреннего сгорания. Опыт батальонов подчёр-

кивает значение международного технологического сотрудничества в условиях глобальных конфликтов и открывает новые перспективы для изучения малоизученных аспектов военно-технической истории начала XX века.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. *Кириченко А.В.* История военных сообщений российской армии / А.В. Кириченко, И.В. Мартыненко, П.Ф. Махонько и др. Москва, 2008. С. 71.

2. *Бутурлин С.П.* О военном значении железных дорог и особенной их важности для России. Москва, 1865; *Шенк В.К.* Инженерные и Железнодорожные войска. Санкт-Петербург, 1909; *Ермолов А.С.* Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798-1898 гг.). Санкт-Петербург, 1898.

3. *Терехин К. П.* Воины стальных магистралей. Краткий военно-исторический очерк о Железнодорожных войсках Советской Армии за 50 лет / К. П. Терехин, Л. С. Таралов, Л. Л. Томашевский. Москва, 1969; *Косович С., Лепешенков А.* Призванные строить и защищать: Очерк истории железнодорожных войск Советской Армии (1918-1988). Москва, 1988;

4. *Старостенков Н.В.* Железнодорожные войска России. Кн. 1. На службе Российской империи: 1851–1917. Москва, 2001; *Старостенков Н.В.* Железнодорожные войска России. Кн. 2. От Первой мировой до Великой Отечественной: 1917–1941. Москва, 2001; *Волконский Н.Л.* Железнодорожные войска России. Кн. 3. На фронтах Великой Отечественной войны: 1941–1945. Москва, 2002; *Когатько Г.И.* Железнодорожные войска России. Кн. 4. В период мирного строительства: 1945–1991. Москва, 2002.

5. *Стрекопытов В.В., Януш Б.В.* Ученые Университета путей сообщения-создатели первых локомотивов / Петербург. гос. ун-т путей сообщ., каф. «Локомотивы и локомотив. хоз-во». 1995. С. 8.

6. *Фурдуйев В.В.* Паровоз и его соперники. Новая Москва, 1926. С. 57.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730.

8. Промышленные бензино-керосиновые локомотивы. Паровозостроительные заводы «Балдвин». Петроград, 1915.

9. *Там же.* С. 5.

10. РГВИА.Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730.

11. *Пригодич Н.Д., Богомазов Н.И.* Иностранные закупки для нужд российского транспорта в годы первой мировой войны: постановка проблемы и историографические аспекты // Genesis: исторические исследования. 2023. №4. С. 12.

12. *Богомазов Н.И.* «Я прошу о срочном заказе за границей»: запрос начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Януш-

кевича о закупках для нужд фронтовых железных дорог (июнь 1915 г.) // НИР. 2021. №2. С. 508.

13. *Иванов А.А., Богомазов Н.И.* Общественная дискуссия вокруг американских закупок для нужд российских железных дорог в годы первой мировой войны // Научный диалог. 2023. №1. С. 336–338.

14. *Богомазов Н.И.* С. 334.

15. *Baird M.* Baldwin locomotive works. Illustrated catalogue of locomotives. Philadelphia, 1871. P. 6–7.

16. *Селезнев П.С.* Паровозостроительный завод Бальдвина. Санкт-Петербург, 1905. С. 1–2.

17. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 1

18. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 8.

19. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 8.

20. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 35–35об.

21. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 41.

22. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 32.

23. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 8об.

24. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 10.

25. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 64.

26. РГВИА. Ф. 802. Оп. 4. Д. 1730. Л. 80.

27. РГВИА. Ф. 5926. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

28. РГВИА. Ф. 5926. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.

29. РГВИА. Ф. 5926. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

30. Торжокский вагоностроительный завод. Историко-публицистический сборник. 1916–1996. Москва, 1996. С. 6, 16.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Исаев Александр Владимирович – кандидат технических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

ORCID: 0000-0002-2527-1566 isaev@avtomashinist.ru

Полякова Арина Сергеевна – аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ORCID: 0009-0009-3342-5420

polyackova.ar@yandex.ru

Железнодорожные войска (ЖДВ) в годы Первой мировой войны играли критическую роль в обеспечении мобильности армии, восстановлении разрушенных путей и снабжении фронта, однако их деятельность, особенно связанная с технологическими инновациями, остаётся недостаточно изученной. В статье на основании ранее неизвестных документов Российского государственного военно-и-

сторического архива (РГВИА), включая отчёты-дневники работ и финансовые ведомости, рассматривается деятельность тепловозных железнодорожных батальонов Российской империи в период Первой мировой войны. Впервые в отечественной историографии детально исследуются закупки тепловозов-«тракторов», затраты на командировки личного состава и практика применения этой техники в рамках военно-полевых работ. Ключевым элементом исследования становится анализ сотрудничества с американским заводом Baldwin, ведущим производителем железнодорожной техники, чьи тепловозы-«тракторы» стали основой парка батальонов благодаря своей мощности и адаптивности к сложным условиям фронта. Особое внимание уделяется анализу структуры батальонов, преимуществам машин, их роли в восстановлении путей и постройке конных дорог. На основе архивных материалов делается вывод о том, что внедрение тепловозов не только повысило оперативность полевых работ, но и стало одной из отправных точек в переходе военных железных дорог от паровой тяги к двигателям внутреннего сгорания, подчеркнув значение международного технологического сотрудничества в условиях войны. Работа восполняет пробел в исследованиях военно-технического сотрудничества России и США в годы Первой мировой войны, демонстрируя, как глобализация технологий влияла на ход военных операций.

Тепловозные железнодорожные батальоны; железнодорожные войска; российские железные дороги; Первая мировая война; тепловоз; завод Baldwin; американские закупки; США.

Authors, Abstract, Key words

Alexander V. Isaev – candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

ORCID: 0000-0002-2527-1566 isaev@avtomashinist.ru

Arina S. Polyakova – postgraduate Student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

ORCID: 0009-0009-3342-5420

polyakova.ar@yandex.ru

During the World War I, the railway force played a critical role in ensuring the mobility of the army, restoring destroyed tracks and supplying the front, but their activities, especially those related to technological innovations, remain insufficiently studied. Based on previously unknown documents from the Russian State Military Historical Archive (RGVIA),

including work diaries and financial statements, the article examines the activities of the diesel railway battalions of the Russian Empire during the World War I. For the first time in Russian historiography, purchases of diesel locomotives-”tractors”, the cost of military personnel trips and the practice of using this technique in the framework of military field work are being studied in detail. A key element of the study is the analysis of cooperation with the American Baldwin Locomotive Works, a leading manufacturer of railway equipment, whose tractor locomotives have become the basis of the battalion fleet due to their power and adaptability to difficult conditions of the front. Special attention is paid to the analysis of the battalion structure, the advantages of vehicles, their role in the restoration of tracks and the construction of horse-drawn roads. Based on archival materials, it is concluded that the introduction of diesel locomotives not only increased the efficiency of field work, but also became one of the starting points in the transition of military railways from steam traction to internal combustion engines, emphasizing the importance of international technological cooperation during the war. The work fills a gap in the research of military-technical cooperation between Russia and the United States during the World War I, demonstrating how the globalization of technology influenced the course of military operations.

Diesel railway battalions; railway force; Russian railways; World War I; diesel locomotive; Baldwin Locomotive Works; American purchases; USA.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bogomazov N.I. «Ya proshu o srochnom zakaze za granitsej»: zapros nachalnika shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego generala N.N. Yanushkevicha o zakupkakh dlya nuzhd frontovykh zheleznykh dorog (iyun 1915 g.) [“I am asking for an urgent order abroad”: a request from the Chief of Staff of the Supreme Commander-in-Chief, General N.N. Yanushkevich, for purchases for the needs of front-line railways (June 1915).]. *NIR*, 2021, no. 2, p. 508. (In Russian).
2. Ivanov A.A., Bogomazov N.I. Obshchestvennaya diskussiya vokrug amerikanskikh zakupok dlya nuzhd rossiyskikh zheleznykh dorog v gody pervoy mirovoy voyny [Public discussion around American purchases for the needs of Russian railways during the First World War]. *Nauchnyy dialog*, 2023, no. 1, pp. 336–338. (In Russian).
3. Prigodich N.D., Bogomazov N.I. Inostrannyye zakupki dlya nuzhd rossiyskogo transporta v gody pervoy mirovoy voyny: postanovka problemy i istoriograficheskiye aspekty [Foreign purchases for the needs of Russian transport during the First World War: problem statement and historiographical aspects]. *Genesis: istoricheskkiye issledovaniya*, 2023, no. 4, p. 12. (In Russian).

(Monographs)

4. *Baird M.* Baldwin locomotive works. Illustrated catalogue of locomotives. Philadelphia, 1871. P. 6–7. (In English).

5. Buturlin S.P. O voyennom znachenii zheleznnykh dorog i osobennoy ikh vazhnosti dlya Rossii [About the military importance of railways and their special importance for Russia.]. Moscow, 1865. (In Russian).

6. Volkonskiy N.L. Zheleznodorozhnyye voyska Rossii. Kn. 3. Na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny: 1941–1945 [Russian railway troops. Book 3. On the fronts of the Great Patriotic War: 1941–1945.]. Moscow, 2002. (In Russian).

7. Ermolov A.S. Kratkiy istoricheskiy ocherk razvitiya i deyatelnosti Vedomstva putey soobshcheniya za sto let ego sushchestvovaniya (1798-1898 gg.) [A brief historical sketch of the development and activities of the Railway Department over the hundred years of its existence (1798-1898).]. St.Petersburg, 1898. (In Russian).

8. Kirichenko A.V. Istoriya voyennykh soobshcheniy rossiyskoy armii [The history of military communications of the Russian army.]. Moscow, 2008. P. 71. (In Russian).

9. Kogatko G.I. Zheleznodorozhnyye voyska Rossii. Kn. 4. V period mirnogo stroitelstva: 1945–1991 [Russian railway troops. Book 4. During the period of peaceful construction: 1945–1991.]. Moscow, 2002. (In Russian).

10. Kosovich S., Lepeshenkov A. Prizvannyye stroit i zashchishchat: Ocherk istorii zheleznodorozhnykh voysk Sovetskoy Armii (1918–1988) [Called to build and protect: An Essay on the History of the Railway troops of the Soviet Army (1918–1988).]. Moscow, 1988. (In Russian).

11. Seleznev P.S. Parovozostroitelnyy zavod Baldvina [Baldwin Steam Locomotive Works.]. St.Petersburg, 1905. Pp. 1–2. (In Russian).

12. Starostenkov N.V. Zheleznodorozhnyye voyska Rossii. Kn. 1. Na sluzhbe Rossiyskoy imperii: 1851–1917. [Russian railway troops. Book 1. In the service of the Russian Empire: 1851–1917.]. Moscow, 2001. (In Russian).

13. Starostenkov N.V. Zheleznodorozhnyye voyska Rossii. Kn. 2. Ot Pervoy mirovoy do Velikoy Otechestvennoy: 1917–1941 [Russian railway troops. Book 2. From the First World War to the Great Patriotic War: 1917–1941.]. Moscow, 2001. (In Russian).

14. Terekhin K. P. Voyny stalnykh magistralei. Kratkiy voyenno-istoricheskiy ocherk o Zheleznodorozhnykh voyskakh Sovetskoy Armii za 50 let [Warriors of steel highways. A brief military historical sketch of the Railway troops of the Soviet Army for 50 years.]. Moscow, 1969. (In Russian).

15. Shenk V.K. Inzhenernyye i Zheleznodorozhnyye voyska [Engineering and Railway troops.]. St.Petersburg, 1909. (In Russian).

В.Л. Портных

**Трофейные ганзейские архивы в послевоенном Ленинграде:
в какой мере вывоз культурных ценностей был
спланированной акцией¹**

Valentin L. Portnykh

**Hanseatic archives in post-war Leningrad: to what extent was the
transportation of German cultural valuables to the USSR a planned
action**

В наши дни в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге имеются отдельные рукописи и архивные документы (в том числе, средневековые), а также печатные книги, которые ранее хранились в Германии – в Любеке, Гамбурге и Бремене. Еще во время войны, по мере роста угрозы со стороны союзнической авиации, три архива и три крупнейшие библиотеки этих известных ганзейских городов эвакуировали свои ценности в более безопасные места, расположенные на территории будущей ГДР. После войны все они – рукописи, архивные документы, печатные книги – стали «военными трофеями» советской армии и были вывезены в Советский Союз – в Ленинград, в Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ)¹. К слову, отметим, что, хотя сейчас принято называть подобные материалы «перемещенными культурными ценностями», в соответствии с принятым юридическим языком, термин «трофеи» также уместен, поскольку часто встречается в послевоенных документах.

До недавнего времени дальнейшая судьба находившихся на борту поезда ганзейских библиотечных и архивных ценностей была лишь кратко освещена в немецкоязычных обзорах, подготовленных

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00518 «Средневековые рукописи и архивные документы немецкого происхождения в российских собраниях: исторические и лингвистические исследования».

Благодарность. Хотелось бы поблагодарить Г.Р. Ильеву (РНБ) и О.А. Шарова (РНБ) за помощь в поиске источников для статьи в Отделе архивных документов РНБ, а также М.М. Беклемишеву (ИРИ РАН) за привлечение моего внимания к важному для исследования архивному делу из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

архивистами и библиотекарями, причем, как правило, без использования российских архивов². Мы знаем, что в Ленинграде архивные документы и библиотечные рукописи, которые будут далее в центре нашего внимания, обособили от остального груза: часть (примерно две трети) уже в 1952 г. передали на хранение в ГДР, а оставшуюся часть в определенный момент перевезли в Москву и хранили в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Затем советская и немецкая стороны долго вели переговоры относительно возможного обмена архивами, и, в конце концов, в 1990 г. ганзейские фонды были переданы в Германию в обмен на увезенный немцами при отступлении и все это время хранившийся в ФРГ Таллинский городской архив.

По версии немецких авторов, не подкрепленной ссылками на источники, ганзейские рукописи и документы передали в Москву (причем, по умолчанию, сразу в ЦГАДА) в 1958 г.³ Изучение темы показало: не в 1958, а в 1964 г., и не сразу в ЦГАДА, а вначале в Центральный государственный особый архив СССР, созданный специально для хранения трофеев. Таким образом, ганзейские рукописные фонды находились в городе на Неве почти двадцать лет – немалая веха в истории связанных с ними послевоенных перипетий. Что может дать нам изучение этого двадцатилетия в истории ганзейских архивов? Помимо узкого краеведческого значения как части истории Любека, Гамбурга или Бремена, можно говорить и о более широком контексте: перед нами частный случай, который поможет разобраться, как и с какими целями из Германии вывозились культурные ценности, в какой мере это мероприятие было спланированным или спонтанным, а для самих ценностей – травматичным или щадящим. Был ли вывоз ганзейских материалов в Ленинград продуманной акцией с четко определенными целями? Было ли в Ленинграде найдено применение вывезенным ценностям? Почему почти двадцать лет они оставались в Ленинграде, а затем все-таки были перевезены в Москву? Как вывоз в СССР сказался на самих культурных ценностях?

1 августа 1946 г. по маршруту Берлин-Ленинград был отправлен эшелон №176/8037 с книжными трофеями. Вначале он доехал до Бреста, где ценности были перегружены на другой поезд⁴, а затем продолжил свой путь уже непосредственно до Ленинграда. В акте сдачи и приема груза сообщается: «Транспорт прибыл в Ленинград 28-го августа 1946 г. в 3-00, поставлен под разгрузку на платформу Московской товарной /ветка Александро-Невской Лавры/ в 11-00 и 14-00 и был разгружен в тот же день к 19-35»⁵. Два вагона, потерпевшие аварию⁶, прибыли позже. К моменту разгрузки платформа была занята 30 вагонами дров, которые пришлось убрать с платформы⁷.

Оказалось, что груз доехал в Ленинград не без приключений: 69 ящиков были повреждены настолько, что не подлежали восстановлению, и еще 900 пострадали, но их, все же, удалось восстановить⁸. От 5% до 10% всего количества книг находилось в вагонах без ящиков, и значительная их часть была выбрана и перевезена в здание Дублетного фонда библиотеки⁹. Такое положение не удивительно: есть сведения немецкой прессы о том, как ящики с книгами из одного поезда в другой перекладывали в Бресте пленные немцы, которые узнали об их содержимом как раз потому, что немалое число этих весьма тяжелых ящиков в процессе сломалось¹⁰. В документах тех лет упоминается, что иностранный дублетный фонд располагался тогда в помещении ГПБ в Александро-Невской Лавре¹¹, а значит недалеко от станции выгрузки.

В составе эшелона из 42 вагонов¹² были ценности, вывезенные сразу из нескольких пунктов. Ящики были обозначены литерой «А» с соответствующим номером (Таблица 1)¹³:

Таблица 1.

1	Книжные фонды из шахт Бернбурга	A1	3717 ящиков
2	Магдебургская городская библиотека	A2	1230 ящиков
3	Берлинская техническая библиотека	A4	720 ящиков
4	Гамбургская библиотека	A8	309 ящиков
5	Библиотека Берлинского Географического института	A12	281 ящик
Всего пять библиотек с общим количеством ящиков - 6257			

«Несплошная» нумерация в данном случае объяснялась тем, что примерно в то же время с той же базы Советской военной администрации в Германии (СВАГ) отправлялся еще один эшелон, в Москву (№ 176/8036), и нумерация по библиотекам происхождения была сплошной сразу для всех находившихся на базе грузов, отправленных двумя эшелонами¹⁴. В упомянутом в таблице Бернбурге находились, среди прочего, архивные и библиотечные фонды из Любека и Бремена, а под определением «Гамбургская библиотека», на самом деле, скрывалась еще и небольшая часть архива этого города.

Следует отметить, что эшелон № 176/8037 был единственным, отправленным в Ленинград, а не в Москву. Формально груз предназначался не для ГПБ, а для Ленинградского филиала Госфонда Литературы, однако в документах, связанных с отправкой, значился адрес «Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина»¹⁵. Что за

организацией был упомянутый Госфонд, и почему в качестве адреса, тем не менее, значилась Государственная публичная библиотека?

Государственный фонд литературы был создан в феврале 1943 г. с целью восстановления библиотечных фондов, пострадавших или полностью утраченных во время войны¹⁶. Поначалу в дар пострадавшим библиотекам передавались книги из дублетных фондов других библиотек, а также пожертвования частных лиц, но после войны к этому добавились немецкие «перемещенные ценности». Сохранилась инструкция от 30 декабря 1945 г., согласно которой вся трофейная литература, прибывающая из Германии для последующего распределения по другим библиотекам, должна была поступать вначале в Госфонд литературы¹⁷.

Тем не менее, физически немецкие книги были доставлены в ГПБ, потому что у Госфонда литературы не было собственных помещений в Ленинграде. Аппарат и фонды Ленфилиала, по соглашению с Публичной библиотекой, располагались в помещениях резервных фондов ГПБ в Петропавловской крепости, в закрытой к тому моменту Базилике святой Екатерины (называемой в наших документах бывшим польским костелом) на Невском проспекте 32, а также на Литейном проспекте 53а¹⁸. При этом литература, которая хранилась в Ленфилиале, была отнюдь не только со спецэшелона¹⁹. Представители других библиотек могли выбирать себе литературу из имеющейся в Ленфилиале при условии, что она не была востребована ГПБ²⁰. Ганзейские рукописные материалы и другие грузы с эшелона № 176/8037 были среди тех, что по прибытии в Ленинград находились в помещениях Публичной библиотеки, но формально относились к ведению Госфонда. Однако первоначальные планы были иные: эшелон №176/8037 изначально не должен был быть исключением и, как и все остальные эшелоны с библиотечными материалами, подлежал отправке в столицу.

Специальная комиссия, которая еще в октябре 1945 г. осматривала фонды в местах их нахождения после окончания войны на предмет целесообразности вывоза в СССР, не давала рекомендаций, куда именно стоит вывозить то, что стоит вывозить²¹. Отправку интересующих нас материалов, происходивших из Любека, Гамбурга и Бремена, из мест эвакуации с последующей концентрацией на складе в Берлине, организовывал Отдел народного образования СВАГ. В письме от 5 июня 1946 г., отправленном из этого отдела главноначальствующему СВАГ, мы впервые находим следы планов относительно конкретной организации-адресата: «в г. Москву в адрес Всесоюзной Библиотеки им. Ленина»²².

Именно по этой причине фонды нужно было передать Уполномоченному Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР: этой структуре, которая

впоследствии будет упразднена и войдет в состав Министерства культуры РСФСР, подчинялась библиотечная система. Уполномоченным комитета на тот момент была отправленная в Германию для работы в звании подполковника Маргарита Ивановна Рудомино – знаменитая основательница Библиотеки иностранной литературы, которая сегодня названа в ее честь. К слову, именно так материалы архивного профиля, архивную, а не библиотечную принадлежность которых зафиксировала еще комиссия по отбору материалов на вывоз²³, оказались на территории СССР в структуре библиотечных учреждений, подчинявшихся ведомствам, связанным с культурой, а не архивного управления, подчинявшегося МВД СССР. Будучи эвакуированными в те же места, что и библиотечные фонды, архивы оказались среди библиотечных книг и именно в этом окружении были вывезены в Советский Союз.

Решение о пункте назначения, вероятно, было изменено в последующие два месяца. В акте от 23 июля 1946 г., в котором был засвидетельствован факт передачи библиотечных фондов из ведения СВАГ в ведение М.И. Рудомино и возглавляемой ею библиотечной группы, уже говорилось, что на ящиках с книгами указан неверный адрес отправки: «Указанные фонды передаются для отправки их по адресу: Ленинград, Октябрьский вокзал, Филиал Госфонда литературы, Библиотека им. Салтыкова-Щедрина. При этом необходимо отметить, что на ящиках маркирован адрес: Москва, Белорусский вокзал. Данная маркировка является неправильной и не должна приниматься во внимание»²⁴. В рапорте об отправке эшелона есть и более детальное объяснение ошибке: «Все ящики, отправляемые в Ленинград, помечены адресом: Москва, Белорусск. вокз. Это объясняется тем, что указанные фонды первоначально предназначались к отправке в Москву. Решением Комитета Культпросветучреждений при Совете Министров РСФСР часть фондов была переадресована в Ленинград, но в связи со срочной погрузкой эшелона провести перемаркировку ящиков не представлялось возможным»²⁵. Не исключено, что решение перенаправить груз в Ленинград было принято за считанные дни до его передачи в ведение М. И. Рудомино: удивительно, что в 1949 г. в отчете директора Любекского архива Ахасфера фон Брандта о состоянии дел с попытками вернуть городской архив домой говорилось даже о якобы вагонах поезда с надписью «Москва» – правда, как о чем-то, что он явно не видел сам (*angeblich in Wagons mit der Aufschrift 'Moskau'*)²⁶.

Таким образом, в результате весьма спонтанного решения, книги проследовали вместо Москвы в Ленинград. После прибытия эшелона ящики были отправлены в различные помещения Государственной публичной библиотеки²⁷, а приемку при этом осуществля-

ла не библиотека, а упомянутый Ленинградский филиал Госфонда литературы, который располагался в ее помещениях²⁸. Разбирали же литературу на базе ГПБ²⁹ с привлечением внештатных сотрудников³⁰, и библиотека могла отобрать для себя все представляющее для нее интерес³¹. Ящики с трофеями при приемке не распечатывались, и проверки характеристик книжных фондов, согласно сопроводительным документам, не производились³².

Госфонду предстояло распределить груз по библиотекам страны. При этом трофейные рукописи и архивные документы, похоже, изначально планировалось определить в ГПБ. Об этом говорят сохранившиеся тома с актами ИС «иностранная старая [книга]»: по мере разбора ящиков, всю рукописную часть прибывших «перемещенных ценностей» выделили как единую массу, обособленную от остальной части груза, и определили на хранение в отдел рукописей. Надежные свидетельства того, что библиотекари приступили к ящикам с архивными документами из ганзейских городов, можно увидеть в актах за последние числа декабря 1946 г.³³. Нужно отметить, что именно в эти дни разборка эшелона шла особенно интенсивно: возможно, для отчетности было важно обработать определенное количество именно в уходящем 1946 г. Судя по актам, разборка ящиков с ганзейскими рукописными материалами продолжалась весь 1947 г., в то время как практически все акты «ИС» за 1948 г. уже оформлялись на редкую печатную книгу. Все эти акты, в силу форсированного ритма работы, были лишь очень общими описаниями единиц хранения, которые основывались на немецких надписях на упаковке. Происходившее пока не было полноценной записью в фонд с должной атрибуцией и присвоением шифра, однако штампы ГПБ ставились уже тогда.

В то же время, возможности ГПБ принять новые грузы были весьма и весьма ограничены. Библиотеке катастрофически не хватало помещений, причем проблема возникла еще до войны. Прибывшие из Германии трофейные материалы было в буквальном смысле некуда девать. О катастрофической нехватке площадей говорил, например, непосредственно директор библиотеки Л. Л. Раков в своем письме в Совет министров СССР 20 марта 1948 г.³⁴. Он жаловался, что разговор о необходимости новых помещений начался еще до революции, но никаких мер так и не было принято. На тот момент в основном здании находилось шесть миллионов книг вместо положенных трех. С 19 февраля 1948 г. библиотека была закрыта для читателей из-за аварийного состояния зданий, и это, как утверждал директор, – первый случай за 150 лет истории библиотеки, которая продолжала обслуживать читателей даже в годы войны и блокады. Он же, в письме в Комитет Культпросветучреждений от 19 мая

1948 г., докладывал о катастрофическом положении книгохранилищ ГПБ в здании бывшей библиотеки духовной академии в Александро-Невской Лавре: из-за изношенности канализационной сети во многих местах лопнули трубы; вследствие этого фонды, находившиеся в подвале, отсырели и покрылись плесенью³⁵.

Мы находим и другие яркие свидетельства очень тяжелого положения библиотеки. В акте осмотра книгохранилища в Петропавловской крепости от 26 мая 1948 г. говорится, что из-за плохих условий хранения часть книг (не из числа относящихся к спецэшелону) покрылась плесенью³⁶. В общей сложности, частично зараженных плесенью книг было около ста тысяч, причем 45 тыс. из них – активной плесенью³⁷. В книгохранилище на Фонтанке-10 книги были сложены штабелями, очень загрязнены; там было обнаружено около трех тысяч подмокших и заплесневелых книг³⁸. К слову, по результатам войны фонд ГПБ увеличился за счет «нового резервного фонда», состоящего из «бесхозного имущества» (кавычки стоят в самом документе!) частных лиц, покинувших Ленинград во время блокады, некоторые из которых, к слову, предъявили после войны требования возврата незаконно отобранных у них книг³⁹. Ситуация не изменилась и с обретением библиотекой в начале 1950-х гг. здания по адресу Фонтанка-36: за это библиотека должна была освободить ряд других помещений, а потому около миллиона книг по-прежнему лежали штабелями и оставались недоступными для читателей⁴⁰.

В письме Л.Л. Ракова секретарю Ленинградского городского комитета ВКП(б) упоминается, что в войну пострадало историческое здание библиотеки с главным читальным залом, поскольку в него попала фугасная бомба: от разрыва бомбы образовались трещины, есть помещения в аварийном состоянии, а книги даже некуда перенести, чтобы сделать ремонт⁴¹. В письме и.о. директора секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) от 14 февраля 1952 г. говорилось, что здания ГПБ используются в том числе как жилые помещения⁴²: в них проживает 160 семей, из которых 147 – посторонние люди, не работающие в библиотеке. Их квартиры иногда были расположены вперемежку с помещениями книгохранилищ. Среди прочего, жилые помещения все еще были в здании на Садовой-18: в свое время там проживало 80 семей; часть семей переселили, однако еще 32 семьи продолжали там проживать⁴³. ГПБ был необходим жилой дом, чтобы выселить жильцов и отдать помещения под книги.

Разумеется, в такой ситуации трофейный поезд, по крайней мере, с теми гигантскими объемами литературы, какие на нем прибыли, не был для библиотеки горячо желанным даром. У нее были весьма ограниченные возможности для создания должных условий даже для самой ценной и требующей бережного отношения части

груза. В координации планов и действий, связанных с вывозом книжных трофеев, явно были проблемы: комиссия, оценивавшая фонды еще в Германии, признала Любекский городской архив очень ценным для советской науки хранилищем документов по истории Ганзейского союза, напрямую связанных с историей средневекового Новгорода⁴⁴, однако другие ответственные за это инстанции не продумали четко, где он будет храниться, и отправили в Ленинград, где подарку были явно не рады.

Не стоит думать, что интересующие нас рукописи и архивные документы оказались в историческом здании библиотеки, выходящем на Невский проспект. Для этого использовались иные помещения не с самыми лучшими условиями. В акте проверки данных приемки ящиков от 11 сентября 1946 г. говорится, что первым делом трофейные грузы с маркировкой А1 (фонды, извлеченные из шахт в районе Бернбурга, а значит в том числе материалы из Любека и Бремена) были размещены в здании бывшего польского костела на Невском проспекте⁴⁵. 26 января 1947 г. в этом помещении случился пожар. Согласно предварительному заключению, среди уничтоженного материала была «часть ящиков с литературой трофейного эшелона, прибывшего в Ленинград в августе 1946 г.»⁴⁶. В костеле была далеко не только трофейная литература, но, среди прочего, были утрачены и около 40 ящиков с маркой А1 (Бернбург)⁴⁷. Тем не менее, костел не перестал использоваться как помещение для хранения книг, в том числе, трофейных со спецэшелона №176/8037: по состоянию на 6 апреля там еще находилось 4847 ящиков с этого поезда⁴⁸. Освобождение костела лишь к 1 ноября было заявлено в приказе по ГПБ от 19 августа 1947 г.⁴⁹.

В источниках не раз встречаются сведения о том, что архивные документы и рукописи хранились в Петропавловской крепости. Собственно, после их вывоза из базилики на Невском проспекте, упоминаний других мест хранения мы не встречаем. В протоколе одного из совещаний руководства ГПБ от 30 мая 1947 г. высказывались планы до 15 июня принять от Госфонда и вывезти из крепости рукописи со спецэшелона, «предназначенные для рукописного отдела» ГПБ⁵⁰, однако в письме директора Ленфилиала Госфонда в отдел комплектования от 26 августа ставилось на вид, что это так и не было сделано⁵¹. Акт обследования помещений Петропавловской крепости от 26 мая 1948 г. сообщает, что там все еще хранились рукописи со спецэшелона в количестве 200 тыс. томов, будучи «сложены в штабель в небольшом и не приспособленном для их хранения помещении»⁵². Хранились они в крепости в весьма стесненных условиях. Далее говорится: «обследовать указанные рукописи не представилось возможным, так как помещение настолько

мало, что в него совершенно невозможно войти». По результатам обследования был сделан вывод о том, что «опасность загнивания этих книг совершенно реальна»⁵³. В акте обследования фондов от 27 сентября 1948 г. о рукописях на первом этаже помещения крепости (видимо, тех самых со спецэшелона – именно они, согласно более раннему акту, там хранились)⁵⁴ говорится: «В двух комнатах нижнего этажа, где хранятся рукописи, обнаружена большая сырость, и на книгах образовалась плесень. С потолка местами обвалилась штукатурка»⁵⁵. Тем не менее, они пробыли в этих условиях несколько лет: имеется составленная 28 ноября 1951 г. характеристика «немецких рукописей, хранящихся в крепости с 1945 г.»⁵⁶. Источники обычно не называют, какие именно здания крепости были задействованы, однако письмо директора библиотеки в Комитет по культпросветучреждениям от 24 декабря 1951 г. говорит о помещении бывшей Усыпальницы⁵⁷.

Не удивительно, что библиотека явно стремилась избавиться, по крайней мере, от требующей особенно щадящих условий хранения архивно-рукописной части трофейного груза. Известно, что уже 17 июня 1947 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений (не исключено, что с подачи ГПБ) обратился в Ленинградское областное архивное управление МВД СССР с предложением забрать в свое ведение архив города Бремена⁵⁸. Местное архивное управление отказалось решать проблему за неимением свободного пространства для этого и ряда других трофейных архивов, о которых также зашла речь, и 30 июля обратилось с письмом на общесоюзный уровень⁵⁹. Документ вернулся с резолюцией начальника Главного архивного управления МВД СССР: необходимо возбудить ходатайство о создании особого областного архива для хранения подобных материалов⁶⁰. Видимо, идея так и осталась проектом.

Важно, что рукописи и архивные документы, т.е. все рукописные материалы в целом, находились в ведении рукописного отдела как единая масса. Вся она воспринималась, скорее, как архив (что соответствовало количественному соотношению архивных документов и рукописей), и это противоречило специализации библиотеки как хранилища. Если в масштабах прибывшего в Ленинград эшелона в целом, с учетом печатных книг, архивные материалы были очень незначительными на фоне библиотечных, теперь, при выделении рукописных материалов в отдельную группу, именно архивная составляющая станет ее доминантой. Это было на руку библиотекарям и в силу чисто бюрократических соображений.

Пытаясь избавиться от ганзейских рукописных фондов в целом, как архивов, так и библиотечных рукописей, библиотекари обобщающе говорили о них именно как об «архивах», тем самым

пытаясь добиться их перевода из библиотечной системы в архивную. При этом документы показывают, что и библиотека, и комитет, которому она подчинялась, осознавали наличие в массе как архивных документов, так и рукописей – стоит полагать, по умолчанию библиотечных. В приказе от 26 февраля 1951 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений распорядился закрыть с 1 марта Ленинградский филиал управления Госфонда литературы. Директору ГПБ В. А. Андрееву было предписано принять от филиала на сохранность *«архивные материалы и рукописные книги (здесь и далее курсив мой – В.П.) иностранного фонда в количестве 19.645 единиц»*, находившиеся в Петропавловской крепости⁶¹. Специальная комиссия, готовившая исполнение этого решения, постановила *«архивные материалы и рукописные книги иностранного фонда, полученные в 1947 г. с эшеломом специального назначения»*, «оставить в книгохранилище Петрокрепость», передав «на хранение Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина до получения особых указаний вышестоящих органов»⁶². Акт приемки материалов от 11 апреля сообщает, что в процессе их передачи был сделан пересчет количества единиц хранения: оказалось, что их 21.508 ед.: дело, как говорилось в комментариях, было в особенностях определения единицы учета материалов, в методике подсчета⁶³.

Тем не менее, ни библиотека, ни Комитет, похоже, не рассматривали вариант выделения из массы библиотечных рукописей с целью их оставления в ГПБ. От груза нужно было избавиться полностью, провозгласив его «архивным»: эту позицию также разделяла как библиотека, так и Комитет. В докладной записке от 30 марта 1951 г. зав. отделом комплектования сообщал директору: «Указанный материал [архивные материалы и рукописные книги иностранного фонда в количестве 19.645 единиц – *ранее по тексту в том же документе*] после пересчета будет принят на сохранность. Но поскольку он не имеет отношения к профилю библиотеки, а *материал чисто архивный*, убедительно прошу вновь поставить вопрос перед соответствующими органами о принятии от нас этого материала»⁶⁴. Тем не менее, в силу вышедшего приказа, «архивные материалы и рукописные книги на немецком языке в количестве 19.645 единиц» библиотеке пришлось принять на сохранность, о чем 4 апреля 1951 г. было доложено в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений⁶⁵. В том же ответе в Комитет была выражена надежда на то, что данная мера является заведомо временной: «Ввиду того, что материал этот исключительно архивный и к профилю Библиотеки отношения не имеет – прошу Вас поставить вопрос перед Архивным Управлением Министерства Внутренних дел СССР о передаче ему этого материала»⁶⁶. Видно, что ГПБ явно

утрирует «архивность» груза для демонстрации его «непрофильности» для библиотеки, причем не очень последовательно: в том же самом письме говорится, что там есть и рукописные книги, но тут же говорится о том, что материал «архивный», и поэтому должен храниться в другом месте.

Какое-то время ганзейский архив продолжал оставаться в крепости. В докладной записке заведующего отделом комплектования заместителю директора библиотеки, последовавшей за приказом от 10 ноября 1951 г. освободить занимаемые библиотекой помещения Петропавловской крепости, говорится, что там до сих пор хранятся «принятые на сохранность архивные материалы и рукописные книги иностранного фонда в количестве 21 508 единиц»⁶⁷. В этих условиях 24 декабря 1951 г. директор ГПБ В.А. Андреев еще раз обратился в Комитет по делам культурно-просветительных учреждений по поводу трофейного архива, по-прежнему находящегося в Петропавловской крепости: «Возникли большие затруднения в размещении как организованных, так и неорганизованных фондов, в том числе и иностранного архива рукописных книг и материалов, переданных на хранение библиотеке при ликвидации Ленинградского филиала Управления Госфонда литературы (1-III-51 г.). У библиотеки нет возможностей выделить для указанного архива (21.805 ед.⁶⁸) надлежащее хранилище и предохранить эти материалы от порчи и распада бумаги. Как видно из прилагаемой характеристики материалов архива, он не представляет для нас интереса и не может быть использован нашими читателями»⁶⁹.

Характеристика фондов, составленная 28 ноября 1951 г. заведующей отделом рукописей Г.А. Озеровой, весьма любопытна⁷⁰. Здесь мы достоверно узнаем, что под условными «архивными материалами» понимались, в том числе, и рукописи, принадлежавшие именно библиотекам, а не архивам. Их наличие вполне четко осознавалось: «отдельные рукописи с печатями городских и университетских библиотек этих же городов». Действительно, у библиотек интересующих нас городов были хорошо читаемые штампы. В деле оценки значимости материалов для науки, ГПБ всячески пыталась обосновать нежелание брать их на постоянное хранение. Делопроизводственные документы из архивов, как написано в характеристике, были бы полезны для изучения отдельных вопросов путем применения статистических методов, однако учитывая разрозненность материалов, представляющих «случайно вырванные звенья вековых исторических процессов», могут служить лишь для очень частных вопросов, «вряд ли актуальных для советской науки». Характеристика допускает ценность ряда рукописей, однако ввиду нехватки штата библиотека не берется их выявлять: «Возможно, что среди подавляющей массы рукописных книг богословского содержания и значительного количества

макулатуры можно обнаружить и ценные рукописи, но для этого потребовалась бы длительная работа высококвалифицированных специалистов, которыми в настоящее время библиотека не располагает»⁷¹.

«Борьба» за избавление от ганзейских архивов продолжалась и позднее. В этом деле руководство ГПБ последовательно проявляло настойчивость. Так, например, в документе, направленном в Главное архивное управление МВД СССР председателем Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР 18 марта 1952 г., выражена просьба «дать разрешение на уничтожение этих [ганзейских] архивов или принять их к себе на хранение», поскольку «все вышеперечисленные архивы не имеют научного значения и не могут находиться среди книжных фондов Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и Госфонда литературы Комитета»⁷². В письме в Министерство культуры РСФСР, в состав которого вошел Комитет по делам культурно-просветительных учреждений РСФСР, от 20 августа 1953 г. и.о. директора ГПБ Г. Г. Фирсов настаивает на том, чтобы библиотеку избавили от ганзейского архива, который к тому времени все-таки переехал на Фонтанку 36: библиотеке по-прежнему остро не хватает помещений, архивные ценности не могут храниться надлежащим образом, библиотеке как таковые не нужны, а помещение, где они лежат, нужно под типографию⁷³. В письме из ГПБ в Министерство культуры РСФСР от 11 января 1954 г. немецкие архивные материалы, для которых в библиотеке не было приспособленных помещений, рекомендовалось передать в ГДР (видимо, подобно той их части ганзейских архивов и рукописей, которую туда уже передали ранее в надежде на обмен перемещенными архивами – сюжет, который достоин отдельной публикации)⁷⁴.

Библиотека продолжала настаивать на своем, используя сложившуюся политическую конъюнктуру. Большие надежды вызвал у ГПБ начавшийся массовый возврат трофейных культурных ценностей ГДР в рамках советско-немецкой дружбы. 19 апреля 1955 г. библиотека обратилась к Министерству культуры СССР с инициативой передать в Восточную Германию не только ряд материалов, происходящих оттуда, но и архивы ганзейских городов, «в связи с актом Советского Правительства о передаче немецкому народу картин Дрезденской галереи»⁷⁵. Предложение делалось повторно в 1956-1957 гг.⁷⁶, однако западногерманские материалы ГДР тогда передавать не стали.

При этом судьба ганзейских материалов находилась в «подвешенном» состоянии. Власти не только не хотели передавать их в другое ведомство, но и разрешать их полноценное оформление

на хранение в ГПБ. Как сообщается в письме в МИД от 25 марта 1963 г., их так и не записали в фонд: такова была в свое время воля начальства из Комитета по культпросветучреждениям⁷⁷. Согласно инструкции, направленной в ГПБ 4 марта 1952 г., «трофейная литература, переданная библиотеке Госфондом, находящаяся в Петропавловской крепости» должна была быть «передана под ответственное хранение в спецфонд библиотеки»⁷⁸. Было велено до особых распоряжений к этим материалам никого не пускать. В очередном запросе передать ганзейские архивы ГДР, сделанном в Министерство культуры СССР в 1957 г., говорилось, что уже двенадцать лет архивы так и лежат без использования⁷⁹. Как утверждалось в уже упомянутом письме в МИД, они не имели описей и хранились в ящиках. Вряд ли, правда, это были немецкие ящики, которые уже по прибытии в Ленинград были не в лучшем состоянии: когда в 1951 г. архивы принимали у Ленфилиала Госфонда, в ящиках была лишь незначительная часть – там было всего лишь 10 ящиков⁸⁰. В то же время, в справке о перемещенных немецких фондах ГПБ за 1958 г. говорится, что единицы, находящиеся в отделе редкой книги, «имеют печати ГПБ, штампы поступлений и шифры; на полках они стоят в общем ряду с основными фондами отдела»⁸¹. Выходит, редкую книгу, в отличие от рукописей, воспринимали как находящуюся в Публичной библиотеке «всерьез и надолго».

Все это наглядно иллюстрирует, что ганзейские архивы не рассматривали как объекты, находящиеся в ГПБ на постоянном хранении. Вероятно, это было связано с возможным обдумыванием других планов использования архивных материалов: в конечном итоге в конце 1970-х гг. советское руководство предложило ФРГ обменять их на Таллинский городской архив. Пожалуй, подвешенное положение, в котором были ганзейские архивы, было на руку библиотеке, которая не была обязана окончательно интегрировать нежеланный архив в свои фонды. Дело сдвинулось «с мертвой точки» лишь в 1960-е гг. В августе 1963 г. Министерство культуры РСФСР предписало ГПБ готовить архивные материалы для последующей передачи в Особый архив Главного архивного управления при Совете министров СССР⁸². Наконец, в конце 1964 г. передача трофеев в Особый архив состоялась⁸³.

Подводя итог, можно констатировать: сами по себе двадцать лет, которые провели в Ленинграде ганзейские архивы и библиотечные рукописи, были большой случайностью. Признанные ценными для советской науки рукописи не были определены в какое-то конкретное подходящее для этого архивохранилище. В последний момент их вместе с огромной массой печатных книг перенаправили в Ленинград, куда привезли в частично поломанной таре. подгото-

вить должны условия для всех вывезенных из Германии книг было, конечно же, нереально: даже по грубым оценкам в документах библиотечной группы под руководством М.И. Рудомино на всех эшелонах их было около двух миллионов томов. Тем не менее, пример ганзейских архивов показывает, что даже в случае особо ценных уникальных фондов в условиях послевоенного времени детали не продумывались заранее. По всей видимости, при всем обилии проблем, стоявших тогда перед властями, было не до этого. Их определили в Государственную публичную библиотеку, где еще до войны была острая нехватка помещений. Более того, оказавшись в тех же местах эвакуации, что и немецкие библиотеки, в структуре учреждений культуры очутились архивные фонды, которые не подходили ГПБ по профилю, однако на периодические переговоры об их переводе в архивные структуры и потребовались эти почти двадцать лет. Видимо, в связи с катастрофической нехваткой ресурсов для этого, библиотека, в которой прекрасно осознавали, что в рукописной части ганзейского груза было немало библиотечных рукописей, предпочла утрировать в документах ее «архивность» и таким образом иметь больше оснований от нее избавиться.

Примечания Notes (Endnotes)

1. См. следующий обзор: *Портных В.Л., Сквайрс Е.Р.* Судьба трофейных средневековых рукописей и документов из ганзейских городов // Вестник СПбГУ. История. 66/4 (2021). С. 1334-1348.

2. См. литературу в обзоре, упомянутом выше. См. также обзор по истории Любекской городской библиотеки: *Schweitzer R.* Die alten und wertvollen Bestände der Stadtbibliothek. Entstehung der Sammlung, Geschichte der Auslagerung, Bedeutung der Rückkehr // *Wagen. Ein lübeckisches Jahrbuch.* 1992. S. 73-105. Единственная немецкая работа с использованием российских источников – это сборник источников в основном по отбору и вывозу книжных фондов из Германии, приведенных сразу в немецкой версии без публикации русской: *Die Trophäenkommissionen der Roten Armee. Eine Dokumentensammlung zur Verschleppung von Büchern aus deutschen Bibliotheken*, hg. K.-D. Lehmann, I. Kolasa. Frankfurt am Main, 1996.

3. *Müller H.* “... for safekeeping”. Bremer Archivschutzmassnahmen im Zweiten Weltkrieg und ihre Folgen // *Bremisches Jahrbuch.* 1988. Bd. 66. S. 422; *Graßmann A.* Zur Rückführung der Lübecker Archiv-Bestände aus der ehemaligen DDR und UdSSR 1987 und 1990 // *Hansische Geschichtsblätter* 110 (1992). S. 68; *Graßmann A.* Nun ist es schon Geschichte: die Rückkehr der hanseatischen Archivalien aus dem Osten vor zwanzig Jahren // *Aus erster Quelle. Beiträge zum 300-jährigen Jubiläum des Staatsarchivs der Freien und Hansestadt Hamburg* / hg. J.W. Frank, T. Brakmann. Hamburg, 2013. S. 110.

4. Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (ОАД РНБ). Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 52.
5. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 36.
6. Основные сведения об эшелоне №176/8037 с книгами, прибывшем в Ленинград 28 августа 1946 г. (ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 52): «В пути один вагон потерпел аварию и был отцеплен. В момент принятия эшелона второй вагон опрокинулся и разгружен в кладовой №19 Московской товарной станции».
7. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 52.
8. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 36-37.
9. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 52.
10. Bundesarchiv Berlin/Lichterfelde. DO 1 31661 (Übersicht über Schicksale und Verbleib der nach Bernburg an der Saale ausgelagerten historischen Archivalien des Archivs der Hansestadt Lübeck; этот отчет приложен к письму директора Любекского городского архива фон Бранта от 15 июня 1949 г.). См. также: *Graßmann A.* Von der Trave an die Wolga. Bericht über die Auslagerung und Rückkehr der Lübecker Archivalien nach 1945 // *Der Bardewiksche Codex des Lübischen Rechts von 1294. Band 1: Faksimile und Erläuterungen* / hg. N. Ganina et al. Oppenheim am Rhein: Nünnerich-Asmus, 2021. S. 44.
11. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 1281. Л. 29-30, 36.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 534. Оп. 2. Д. 2. Л. 104.
13. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 2. Л. 1; см. также ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 2. Л. 104-106.
14. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 1. Л. 66; ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 8. Л. 59.
15. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 1. Л. 69; Д. 2. Л. 1.
16. *Мазурицкий А.М.* Особенности управления библиотечным делом в годы Великой Отечественной войны // *Научные и технические библиотеки* 4 (2025). С. 51-52.
17. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 8. Л. 219.
18. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1280. Л. 3 (копия соглашения между ГПБ и Госфондом литературы).
19. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1280. Л. 3.
20. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1280. Л. 3.
21. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 4. Л. 234-250.
22. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 8. Л. 121.
23. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 4. Л. 234-250.
24. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 2. Л. 1, 105; ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 11. Л. 5.
25. ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 2. Л. 106; ГАРФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 11. Л. 6.
26. Bundesarchiv Berlin (Lichterfelde). DO 1/31661 (Отчет приложен к письму фон Бранта от 15 июня 1949 г.).
27. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 36, 48.

28. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 2-3; Оп. 3. Д. 1366. Л. 32-33.
29. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 3, 13, 15, 18, 19, 24, 52, 74.
30. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 52.
31. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 3, 32, 52.
32. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 2; Оп. 3. Д. 1366. Л. 32.
33. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 99.
34. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 7. Л. 25-27. См. также другое его письмо: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1273. Л. 2-3.
35. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 8. Л. 35.
36. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 3, 22.
37. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 22.
38. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 22.
39. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 17-19.
40. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 483. Л. 3-5.
41. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 10. Л. 41. Письмо без даты, находится в деле за 1948 год.
42. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 483. Л. 3-4.
43. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 483. Л. 5.
44. ГА РФ. Ф. А 534. Оп. 2. Д. 4. Л. 239.
45. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 30/3. Ед. хр. 35. Л. 34.
46. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1366. Л. 3.
47. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1366. Л. 4.
48. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 14.
49. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1280. Л. 23; ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 58.
50. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 30. См. также лист 43.
51. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 3. Д. 1281. Л. 61.
52. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 3.
53. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 22.
54. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 3.
55. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 29. Л. 73.
56. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 363. Л. 10.
57. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 44.
58. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-892. Оп. 65-1. Д. 292. Л. 2. Любек там почему-то не упоминался, хотя из актов поступлений в рукописный отдел мы знаем, что ящики с архивом Любека уже начали вскрывать, при этом осознавая, что речь идет именно об этом архиве.
59. ЦГА СПб. Ф. Р-892. Оп. 65-1. Д. 292. Л. 1.
60. См. также: ЦГА СПб. Ф. Р-892. Оп. 65-1. Д. 292. Л. 8.
61. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 1; ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 349. Л. 11.
62. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 349. Л. 8.
63. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 3. См. также лист 4.
64. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 2.

65. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 363. Л. 16.
66. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 363. Л. 16.
67. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 383. Л. 50.
68. В другом экземпляре (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 44) исправлено на 21.508, что соответствуют ранее упоминавшейся цифре.
69. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 44; Д. 363. Л. 9.
70. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 363. Л. 10-11.
71. См. также: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 42-43.
72. ГА РФ. Ф. А-534. Оп. 3. Д. 8. Л. 16.
73. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 93. Ед. хр. 9. Л. 157.
74. Копии этих писем: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2329. Оп. 52. Ед. хр. 138. Л. 201-202.
75. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 52. Ед. хр. 138. Л. 199.
76. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 52. Ед. хр. 305. Л. 30-34.
77. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 93. Ед. хр. 9. Л. 171-172. Это письмо является ответом на письмо, ранее отправленное из МИД СССР, с которым в ходе работы ознакомиться не получилось. В ответ на запрос из Архива внешней политики Российской Федерации сообщили, что документ имеется в составе дела, находящегося на секретном хранении.
78. Копия письма: РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 52. Ед. хр. 138. Л. 208.
79. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 52. Ед. хр. 305. Л. 32.
80. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 382. Л. 3.
81. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 93. Ед. хр. 9. Л. 166.
82. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 93. Ед. хр. 9. Л. 170.
83. ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 93. Ед. хр. 9. Л. 173. Конкретно в этом письме-подтверждении из ЦГОА в ГПБ говорится о 50 ящиках, что явно не все. Тем не менее, по информации, полученной из Российского государственного военного архива, в состав которого вошел ЦГОА, годом поступления ганзейского архива считается 1964 год.

Автор, аннотация, ключевые слова

Портных Валентин Леонидович – доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет, главный научный сотрудник

ORCID0009-0008-5972-4050

valport@list.ru

В течение почти двадцати лет в городе на Неве, в помещениях, находившихся в ведении Государственной публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека), хранились трофейные архивные документы и библиотечные рукописи из немецких городов Гамбурга, Любека и Бремена, вывезенные в составе эшелона, груженого в основном печатными книгами. Материалы из этих трех ганзейских городов, относившихся к оккупационным зонам союз-

ников, оказались в распоряжении советских властей, поскольку во время войны были эвакуированы немцами на территорию будущей ГДР. Впоследствии они были переданы в Москву и спустя еще более двух десятилетий возвращены в Германию по обмену. Изучение «ленинградского двадцатилетия» в судьбе ганзейских трофейных ценностей важно отнюдь не только как сугубо архивоведческий сюжет. Детальное рассмотрение подобного казуса проливает свет и на более общие вопросы, связанные с трофейной политикой советских властей: был ли вывоз культурных ценностей из Германии четко продуман от начала до конца, насколько были скоординированы действия различных органов, каковы были цели вывоза ценностей (в нашем случае, библиотечного и архивного плана)? В результате проведенного исследования было выявлено, что процесс вывоза и распределения ганзейских рукописных фондов был в значительной степени спонтанной акцией: в последний момент их отправили в Ленинград, а не в Москву, как предполагалось изначально, и сделано это было без четкой согласованности действий с принимающей организацией, которая вынуждена была долгое время держать особо ценные фонды в недостаточно хороших условиях. Вследствие этого, когда архивы ганзейских городов как непрофильные для библиотеки после долгих стараний удалось передать в архивные структуры, ГПБ заодно избавилась и от перемешанных с ними библиотечными рукописями, не желая оставлять их на хранении.

Ленинград, трофеи, рукописи, архивы, Государственная публичная библиотека, Российская национальная библиотека, Госфонд литературы, Любек, Гамбург, Бремен

Author, Abstract, Key words

Portnykh Valentin L. – Principal Research Fellow at Novosibirsk State University
ORCID 0009-0008-5972-4050 valport@list.ru

For almost twenty years, displaced archival documents and library manuscripts from the German cities of Hamburg, Lübeck and Bremen were preserved in the premises of the State Public Library (modern-day National Library of Russia) in Leningrad. Materials from these three Hanseatic cities, which belonged to the Allied occupation zones, ended up at the disposal of the Soviet authorities, since during the war they were evacuated by the Germans to the territory of the future GDR. Subsequently, they were transferred to Moscow and, more than two decades later, returned to Germany in exchange for another displaced

archive. The study of the “Leningrad” years in the fate of the Hanseatic materials is important not only as a subject of purely archival studies. A detailed examination of such case sheds light on more general issues related to the policy of the Soviet authorities concerning displaced German cultural goods: was the transportation of German cultural heritage thoroughly planned from beginning to end, to what extent were the actions of various authorities coordinated, what were the goals of the transportation of cultural treasures (in our case, library and archival materials) to the USSR? It was discovered that the process of transporting and distributing of the Hanseatic fonds was largely a spontaneous action: at the last moment they were sent to Leningrad, and not to Moscow, and this was done without clear coordination of actions with the host library, which was forced to keep especially valuable fonds in insufficiently good conditions for a long time.

Leningrad, trophies, manuscripts, archives, State Public Library, National Library of Russia, State Literature Fonds, Lübeck, Hamburg, Bremen

References

1. Graßmann A. Nun ist es schon Geschichte: die Rückkehr der hanseatischen Archivalien aus dem Osten vor zwanzig Jahren. *Aus erster Quelle. Beiträge zum 300-jährigen Jubiläum des Staatsarchivs der Freien und Hansestadt Hamburg*. Hamburg, 2013. S. 105–123.
2. Graßmann A. Von der Trave an die Wolga. Bericht über die Auslagerung und Rückkehr der Lübecker Archivalien nach 1945. *Der Bardewiksche Codex des Lübisches Rechts von 1294. Band 1: Faksimile und Erläuterungen* / hg. N. Ganina et al. Oppenheim am Rhein, 2021. S. 43-50.
3. Graßmann A. Zur Rückführung der Lübecker Archiv-Bestände aus der ehemaligen DDR und UdSSR 1987 und 1990. *Hansische Geschichtsblätter*. 1992.Bd. 110.S. 57-70.
4. Mazuritsky A. M. Administering the library sector during the Great Patriotic War. *Scientific and Technical Libraries*, 2025, iss. 4, pp. 37-59. (In Russian)
5. Müller H. “... for safekeeping”. Bremer Archivschutzmassnahmen im Zweiten Weltkrieg und ihre Folgen. *Bremisches Jahrbuch*. 1988. Bd. 66. S. 409–422.
6. Portnykh V.L., Squires E.R.The Fate of Displaced Medieval Manuscripts and Documents from the Hanseatic Cities. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2021.Vol. 66.Issue 4, p. 1334–1348. (In Russian)
7. Schweitzer R.Die alten und wertvollen Bestände der Stadtbibliothek. Entstehung der Sammlung, Geschichte der Auslagerung, Bedeutung der Rückkehr. *Wagen. Ein lübeckisches Jahrbuch*. 1992. S. 73–105.

Н.А. Шиханов

Развитие земледелия в колхозах Калмыцкой автономной области в первой половине 1930-х гг.¹

N.A. Shikhanov

The development of agriculture on the collective farms in the Kalmyk Autonomous Region during the first half of the 1930s.

Одним из наиболее ключевых процессов сталинской модернизации было проведение сплошной коллективизации в сельском хозяйстве. При этом особое внимание руководства страны в этом процессе было сконцентрировано на зернопроизводящих районах, поскольку хлеб занимал важное место в структуре экспорта. Именно поэтому регионы, поставляющие значительные объемы товарного хлеба, подверглись наибольшему давлению со стороны государства и пострадали во время голода 1932–1933 гг.¹. В регионах, ориентированных на развитие иных отраслей сельского хозяйства, ситуация могла отличаться заметно, в том числе и в области земледелия. В данной статье мы рассмотрим специфику развития земледелия в 1-й пол. 1930-х гг. в колхозах региона животноводческой направленности на примере Калмыцкой автономной области.

В этом регионе коренное население издавна традиционно занималось скотоводством, причем пастбищным (экстенсивным), и вело кочевой образ жизни. Со 2-й трети XIX в. в Калмыцкую степь стали переселяться крестьяне, которые начали распространять в регионе земледелие, однако и у них животноводство играло важную роль². С 1920 г., после окончательного установления Советской власти и создания Калмыцкой автономной области в регионе был взят курс на диверсификацию и интенсификацию сельского хозяйства, в том числе за счет активного внедрения земледелия среди кочевников, которых стремились перевести на оседлый образ жизни.

Основной источниковой базой данной статьи послужила делопроизводственная документация, отложившаяся в фондах Национального архива Республики Калмыкии: переписка, постановления, протоколы обследований и перспективные планы развития земледелия в Калмыкии. Многие из этих документов вводятся в научный

¹Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

оборот впервые. Использование широкого круга этих источников позволило раскрыть изучаемый вопрос и проследить его развитие в динамике на всем протяжении исследуемого периода. При проведении анализа использовались также из данных из работ, освещающих развитие сельского хозяйства Калмыцкой автономной области в конце 1920-х – 1-й пол. 1930-х гг.³.

В зависимости от климатических условий, рельефа местности, почвенного и растительного покрова, в области можно выделить следующие сельскохозяйственные макрорайоны:

1. Западная часть (на левом берегу Маныча) — зона черноземных и темно-каштановых почв, где ведущей отраслью хозяйства было зерновое земледелие.

2. Район Ергеней, Приманычская терраса и Приманычская долина — зона каштановых почв, где преобладающей отраслью было животноводство, главным образом разведение крупного рогатого скота и мериносовых овец с подсобным земледелием.

3. Центральная часть области, так называемая низменная степь — район экстенсивного скотоводства мясного направления (крупный рогатый скот и овцы), где земледелие было развито слабо.

4. Приволжская часть, в которой было большое количество смешанных хозяйств (рыболовецких, земледельческих, скотоводческих). Земледелие велось главным образом на ильменных (аллювиальных) и бурых почвах, причем среди культур значительное место занимали бахчи и хлопок. Скотоводство было преимущественно мясомолочного направления.

Таким образом, в Калмыцкой автономной области большой процент земельного фонда изначально не подходил для ведения земледелия из-за особенностей климата и почвенного покрова. С другой стороны, политика активного внедрения земледелия среди кочевых хозяйств привела к широкому распространению полеводческих работ в регионе, пусть даже и не в значительных объемах. Распространенность земледелия обуславливалась наличием пахотоспособных земель, общая площадь которых исчислялась ориентировочно в 225,7 тыс. га. Эту площадь можно было значительно увеличить при условии мелиоративных работ, прежде всего в районе Сарпинских озер и строительстве водоподъемных установок в приморских районах⁴. По климатическим и почвенным условиям устойчивым полеводство было только в Большедербетовском улусе, где оно являлось ведущей отраслью хозяйства. В остальных улусах этот вид хозяйства носил второстепенный характер.

В 1928 г. (перед началом массовой коллективизации) хозяйства в Калмыкии распределялись так: 52,2 % скотоводческих, 26,7 % земледельческо-скотоводческих, 12,5 % рыболовецких, 8,6 % про-

чих⁵. При этом 13,6% земледельческо-скотоводческих хозяйств не имели ни одной десятины посева, 47,6% — до 6 десятин, 26,5% хозяйств — от 6 до 16 десятин и только 12,3% хозяйств имели свыше 16 десятин посева в среднем. Последняя группа хозяйств, которую мы условно назовем «кулацкой», в 1928 г. сосредоточила у себя 48 % поголовья скота и 42,5 % посевов⁶. Это свидетельствовало о значительной экономической дифференциации хозяйств Калмыкии и о том, что часть населения находилась в экономической зависимости от «кулацкой» группы хозяйств Калмыкии.

Массовая коллективизация в Калмыкии началась осенью 1929 г., после проведения кампании по экспроприации хозяйств бывших нойонов, зайсангов и крупных скотоводов. При этом заданные сроки и темпы коллективизации были изначально невыполнимыми. Калмыцкий обком ВКП(б) постановил коллективизировать батрацко-бедняцкие и середняцкие хозяйства в Большедербетовском улусе (зона «первого макрорайона») на 100% к 15 февраля 1930 г.; в Малодербетовском и Манычском улусах (зона «второго макрорайона») на 100 % к 1 апреля 1930 г.; в Икицохуровском, Багацохуровском, Яндыко-Мочажном, Эркетеневском, Хошеутовском (зоны «третьего» и «четвертого макрорайонов») на 50 % к 1 апреля 1930 г.⁷. Реальное развитие процесса массовой коллективизации в 1929–1930 гг. можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1. Распределение посевных площадей в Калмыкии в 1929–1930 гг. (в га)⁸

	1929 г.	1930 г.
Совхозы	—	—
Колхозы	3 073 (4,2 %)	37 962 (54,5 %)
Учреждения	270 (0,4 %)	1 011 (1,4 %)
Простейшие объединения и единоличники	70 406 (95,4 %)	30 522 (43,9 %)
Итого	73 749 (100 %)	69 615 (100 %)

Как видно, заявленные планы по сплошной коллективизации планы выполнены не были, однако вновь созданные колхозы к концу 1930 г. сконцентрировали у себя большую часть посевных площадей. Любопытно отметить, что в Калмыкии в 1929 г. было организовано 3 совхоза, в 1930 г. — как минимум, еще 2, однако посевные площади у них отсутствуют. По всей видимости, они еще не начали проводить посевы.

В целом процесс завершения массовой коллективизации в Калмыкии, учитывая кочевой образ жизни калмыков и колебания в курсе партии («головокружение от успехов» и т.п.), затянулся на несколько лет. Только в 1939 г. кочевники в целом были переведены на оседлость, а коллективизация в целом завершена. Динамику роста посевных площадей в колхозах Калмыкии и их долю в общем объеме посевных площадей можно оценить по таблице 2.

Таблица 2. Распределение посевных площадей в Калмыкии в 1930–1936 гг. (в га)⁹

	1930 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Колхозы	37 962	82 546	88 118	99 486	108 900
Совхозы	0	14 414	20 717	36 421	44 092
Итого	37 962 (54,5 %)	96 960 (87,7 %)	108 835 (83,5 %)	135 907 (86,52 %)	153 592 (91,59 %)
Единоличники и личные подворья колхозников	30 522	13 558	21 485	21 175	14 705
Всего	69 615	110 518	130 320	157 082	167 697

Как видно из данной таблицы, в результате интенсификации сельского хозяйства в улусах заметно увеличилась площадь посевов в целом (почти в 2,5 раза). Посевные площади колхозов после пертурбаций 1931–1932 гг. уверенно росли, но без сколь-нибудь заметных рывков. Заметен резкий рост посевных площадей совхозов, которые увеличились более чем в 3 раза. При этом следует учесть, что в указанный период многократно увеличилось и количество совхозов (с 3 до 16, включая зерносовхоз № 112 «Калмыцкий»), причем большинство из них были созданы не путем выделения из действующих, а формировались заново на новых территориях¹⁰.

Если проанализировать площадь посевов единоличников и личных подворий колхозников, то здесь мы увидим любопытную картину. К концу 1933 г. посевные площади этой категории лиц вполне логично сократились более чем в 2 раза, однако в 1934 г. мы фиксируем резкий рост. По всей видимости, это было связано с бунтами в Ивановской области в 1932 г., после которых Сталин открыл колхозные рынки, на которых разрешил колхозникам и единоличникам продавать излишки своей продукции, увеличил площадь личных подсобных хозяйств колхозников и разрешенные объемы производимых продуктов¹¹. В 1936 г. мы отмечаем заметное сокра-

шение площади посевов единоличников, что, на наш взгляд, стало следствием политики налогового прессинга, предпринятого государством в 1934–1935 гг.¹²

Колхозы, несмотря на зонирование, четко не разделялись на животноводческие или полеводческие. Отдельно выделялись только рыболовецкие колхозы. Каждый колхоз в той или иной мере занимался одновременно скотоводством и полеводством. Даже в скотоводческих районах колхозы занимались земледелием, при этом оно было подчинено потребностям животноводства (сенокошение, выращивание многолетних трав для кормов и т.д.).

Для того, чтобы понять какое место занимали колхозы в структуре земледелия Калмыкии в разные годы, проанализируем доли засеваемых площадей по отдельным группам сельскохозяйственных растений в динамике по каждому сектору по отдельности. Результаты анализа приведены в таблице 3.

Таблица 3. Доля засеваемых площадей по отдельным группам сельскохозяйственных растений и по секторам в 1931–1934 г. (в %) ¹³

	Год	Совхозы	Колхозы	Учреждения	Колхозники	Единоличники	Всего
озимые	1931 г.	0,2	62,5	0,6	23,8	12,9	100
	1932 г.	0,1	91,6	0,6	0	7,7	100
	1933 г.	14,1	73,1	1,3	0	11,5	100
	1934 г.	11,4	69,8	0,7	0	18,1	100
зернобобовые	1931 г.	0,8	82,6	1,1	6,7	8,8	100
	1932 г.	18,2	75,1	0,8	0	5,9	100
	1933 г.	13	73,5	3,6	0,1	9,8	100
	1934 г.	19,4	65,4	0,9	0	14,3	100
технические	1931 г.	7,7	68,2	1,4	7,8	14,9	100
	1932 г.	1,3	88,7	0,8	0	9,2	100
	1933 г.	7,2	73,2	3,1	0	16,5	100
	1934 г.	10,8	71,9	1,3	0	16	100

картофель	1931 г.	11,2	62,1	3	3,7	20	100
	1932 г.	0	67,2	17,5	0	15,3	100
	1933 г.	7,6	50,3	22,1	0	20	100
	1934 г.	6,4	62,2	8,2	0	23,2	100
бахче- огородные	1931 г.	2,3	66,3	3,8	7,5	20,1	100
	1932 г.	0,5	62	10,5	0,1	26,9	100
	1933 г.	7,6	52,9	12,3	0	27,2	100
	1934 г.	7,4	57,6	5	0	30	100
прочие (в основном, кормовые травы)	1931 г.	0,7	88,9	0	4,9	5,5	100
	1932 г.	23,2	59,4	9,9	0,5	7	100
	1933 г.	51,6	35,8	12,1	0	0,5	100
	1934 г.	87,5	2,3	10,2	0	0	100

Из таблицы 3 видно, что совхозы Калмыкии в 1931 г. занимали незначительную часть посевных площадей, но в 1932–1933 гг. происходит заметное увеличение их доли в общей структуре посевов, особенно в сферах зернобобовых культур и кормовых трав. Однако в целом в земледелии лидировали колхозы. В некоторых категориях их удельный вес достигал 91,6 %. В большинстве остальных случаев он составлял не менее 50 %. Доля посевов учреждений была очень маленькой, за исключением картофеля и огородно-бахчевых культур, что было в целом характерно почти для всей страны. Доля личных посевов колхозников была достаточно высокой в 1931 г. (особенно среди озимых культур, засеянных в 1930 г.), но в последующие годы эта категория практически исчезает в общей структуре. Одновременно с этим сектор единоличников продолжает функционировать, подтверждая незавершенность процесса сплошной коллективизации к тому времени. При этом почти по всем группам сельскохозяйственных культур (если не считать «прочих») мы наблюдаем «проседание» доли посевов у единоличников в 1932–1933 гг. и заметный рост в 1934 г. Причины этому мы уже объясняли ранее.

Если говорить о конкретных культурах земледелия, то наиболее распространенными культурами региона являлись озимая и яровая пшеница, занимавшая 34,28 % ко всей посевной площади 1930 г. Урожайность основных культур, выращиваемых в Калмыкии, при-

ведена в таблице 4 в сравнении со средними дореволюционными показателями.

Таблица 4. Урожайность основных земледельческих культур в 1928–1930 гг. (в ц с 1 га)¹⁴

Культуры	1928 г.	1929 г.	1930 г.	Средняя урожайность за 10 лет (1905–1915 гг.)
Озимая рожь	3,2	2,9	1,2	4
Озимая пшеница	1,5	3,3	1,2	4,8
Яровая пшеница	2,3	2,5	1,5	—
Ячмень	2,3	3,3	1,5	7,4
Горчица	—	2,8	0,9	4,5
Кукуруза	2,9	6,6	2,7	6

Как видно, реакция земледельцев в Калмыкии на массовую коллективизацию была примерно такой же, как и во всей стране: урожайность почти всех культур стала сокращаться, притом, что средние показатели и так заметно отставали от дореволюционных.

Тем не менее, несмотря на падение урожайности, в 1931 г. Западный улус не только обеспечил себя зерновой продукцией, но и дал государству 250 тыс. ц товарного хлеба¹⁵. Также была успешно проведена одна из важнейших для животноводческого хозяйства кампания — сеноуборка. План сенокошения, спущенный руководством Нижне-Волжского края (400 тыс. га), был выполнен на 169 %, а встречный план Калмыцкой автономной области (646 тыс. га) — на 105 %¹⁶.

В рамках курса на интенсификацию сельского хозяйства в Калмыкии начали внедрять новые культуры, которые ранее здесь не выращивались. Показатели распространения этих культур приведены в таблице 5.

Таблица 5. Площадь посевов новых земледельческих культур в 1928–1930 гг. (в га)¹⁷

Культуры	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Хлопок	42	224	389
Соя	—	—	104

Клещевина	—	—	274
Подсолнух	407	707	1 163

Однако новые культуры в целом не играли значимой роли в общей структуре посевов. В этом можно убедиться, обратившись к статистике, например, за 1934 г., приведенной в табл. 6. Для наглядности сведения по посевам колхозов и единоличников приведены раздельно.

Таблица 6. Посевная площадь земледельческих культур в 1934 г. (в га)¹⁸

	Культуры	Колхозы	Единоличники
Озимые	Пшеница	3 434,3	7,3
	Рожь	23 473,7	6 894,5
	Итого	26 908	6 901,8
Яровые колосовые, включая просо и горчицу	Пшеница	21 699,5	2 595,65
	Ячмень	5 681,9	1 412,85
	Просо	15 152	4 733,6
	Овес	332,6	3
	Горчица	7 097,92	2 163,15
	Итого	49 963,92	10 908,25
Итого озимых и яровых		76 871,92	17 810,05
Пропашные и поздно- убираемые технические культуры	Кукуруза	3 502,9	452,45
	Подсолнух	1 614,9	110,5
	Клещевина	287,25	—
	Хлопок	823	—
	Сорго	258	—
	Лен	18	6
	Табак	73	—
	Итого	6 577	568,95
Бахче- огородные культуры и картофель	Огород	400,27	204,5
	Бахча	2 332,26	888,45
	Картофель	975,81	272,5
	Итого	3 708,34	1 365,45
Однолетние травы		7	—

Как видно, в изучаемый период основными культурами для Калмыкии оставались пшеница и рожь. На третьем месте по площади посевов было просо, на четвертом — горчица (высокодоходная культура, которая активно выращивалась в Калмыкии и до революции 1917 г.), на пятом — ячмень. Если анализировать отдельно показатели посевов единоличников, то они уступали колхозам по всем показателям. Впрочем, по некоторым культурам они имели относительно значимые площади посевов (рожь, просо, горчица, ячмень), не говоря уже об огородах и бахчах.

Изменения площади посевов основных сельскохозяйственных культур в Калмыкии в 1931–1935 гг. отражены на графике 1.

График 1. Посевные площади основных сельскохозяйственных культур в 1931–1935 гг. (в га)¹⁹

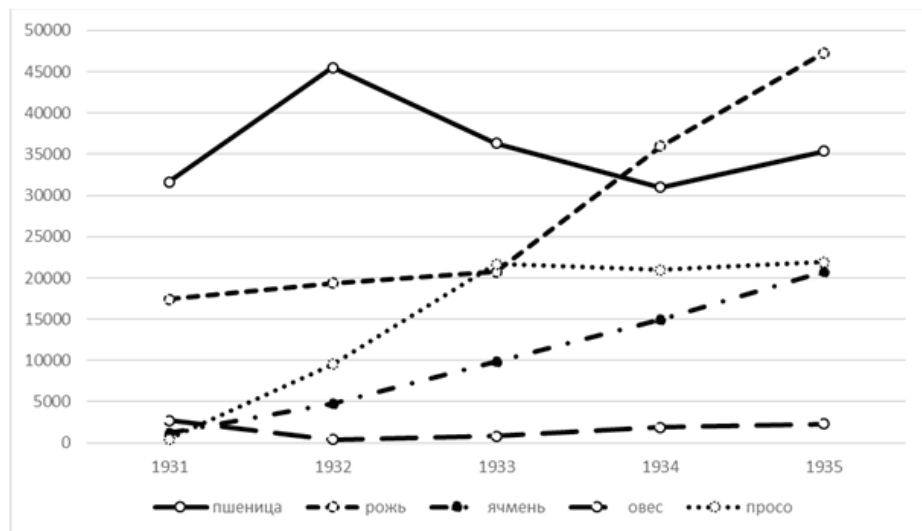

График 1 показывает, что показатели посевных площадей основных сельскохозяйственных культур в Калмыкии были неустойчивыми, хотя в целом их объем заметно увеличился. Например, в 1932 г. наблюдался заметный рост посевов пшеницы, но затем они начали снижаться, и в 1935 г. этот показатель был сопоставим с данными 1931 г. В то же время, посевы ржи и ячменя демонстрируют стабильный рост. В 1931–1933 гг. росли показатели проса, но в 1934–1935 гг. они фактически «застыли» на одном уровне. На очень низком уровне оставались показатели овса, что может показаться странным для животноводческого региона, но не надо забывать о степных пастбищах и посевах кормовых трав, относившихся к другой категории.

Теперь проведем анализ по посевам групп сельскохозяйственных растений в колхозах в исследуемый период в разрезе улусов и с учетом их доли по секторам. Следует заметить, что в январе 1930 г. Калмыцкий облисполком осуществил кардинальную реформу административно-территориального устройства, отказавшись от традиционного районирования по этническо-родовому принципу, и перераспределил все территории внутри региона среди пяти вновь созданных улусов, созданных по территориально-экономическому принципу: 1) Западный (совпадал с «первым макрорайоном»); 2) Центральный; 3) Сарпинский (совпадали большей частью со «вторым макрорайоном»); 4) Приволжский (совпадал с «четвертым макрорайоном» и частично с «третьим макрорайоном»); 5) Приморский (совпадал частично с «третьим макрорайоном», но прибрежные колхозы, как правило, были рыболовецкими и в данной статье не анализируются). Также в самостоятельный район была выделена столица автономии – г. Элиста с пригородными селами (Аршан, Лола, Джурак, Ярта и др.). Позже административная реформа была продолжена: в ноябре 1934 г. появился Черноземельский улус (совпадал с «третьим макрорайоном»), в январе 1935 г. – Приморский улус был разделен на Лаганский и Долбанский улусы. Поэтому поулусный анализ был проведен только за период 1931–1934 гг. Результаты анализа приведены в графиках 2–7²⁰.

График 2. Доля засеваемых площадей
по группам сельскохозяйственных растений
в колхозах Западного улуса
в 1931–1934 г. (в %)

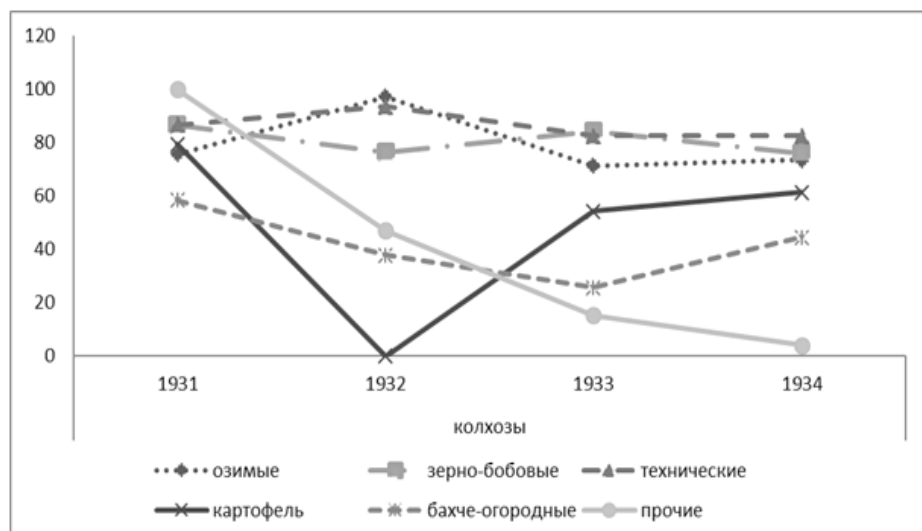

График 3. Доля засеваемых площадей
по группам сельскохозяйственных растений
в колхозах Сарпинского улуса
в 1931–1934 г. (в %)

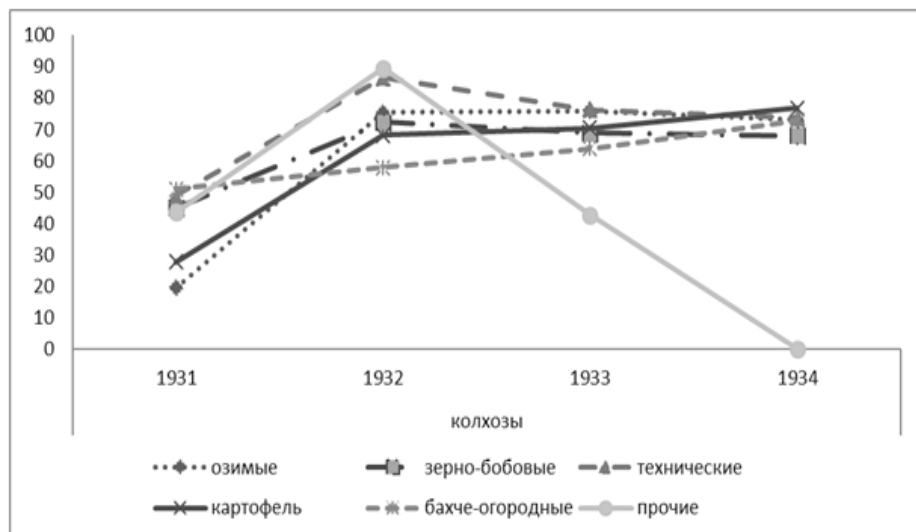

График 4. Доля засеваемых площадей
по группам сельскохозяйственных растений
в колхозах Центрального улуса
в 1931–1934 г. (в %)

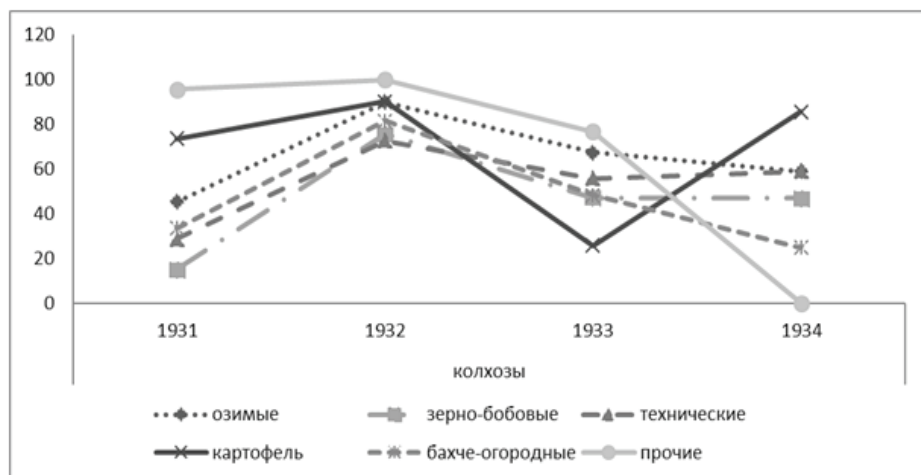

График 5. Доля засеваемых площадей
по группам сельскохозяйственных растений в колхозах
Приволжского улуса
в 1931–1934 г. (в %)

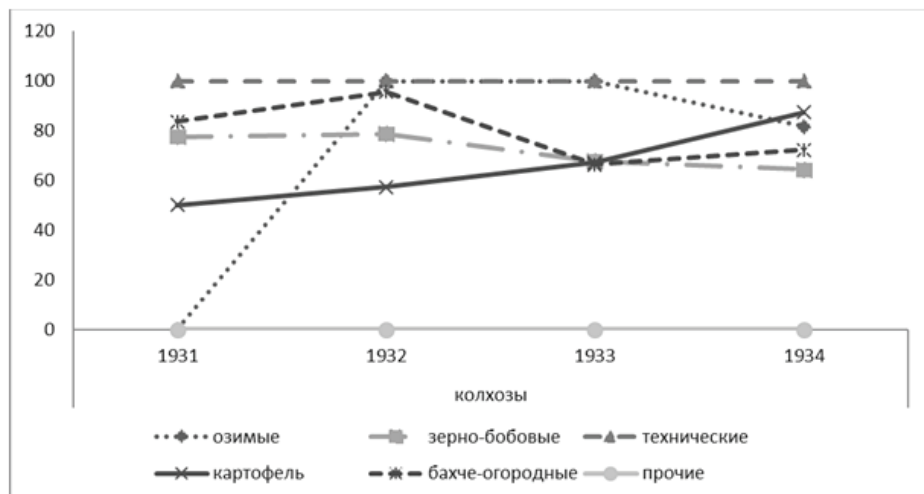

График 6. Доля засеваемых площадей
по группам сельскохозяйственных растений в колхозах
Приморского улуса
в 1931–1934 г. (в %)

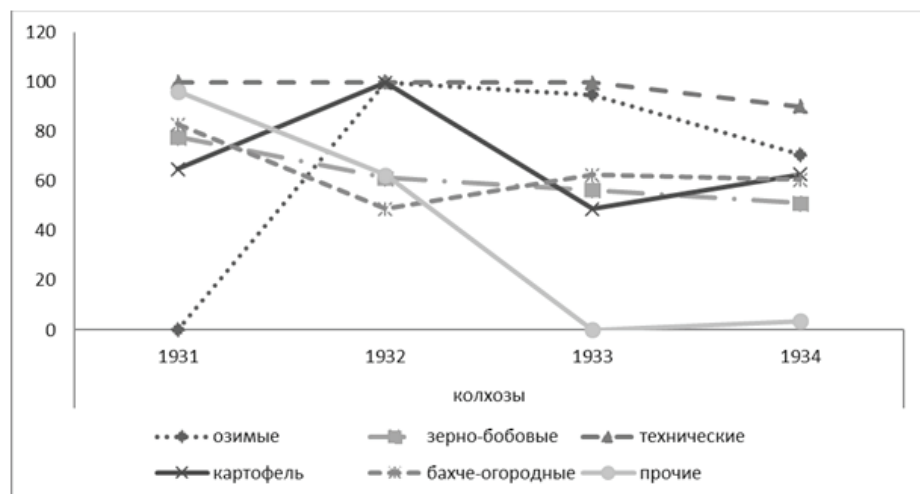
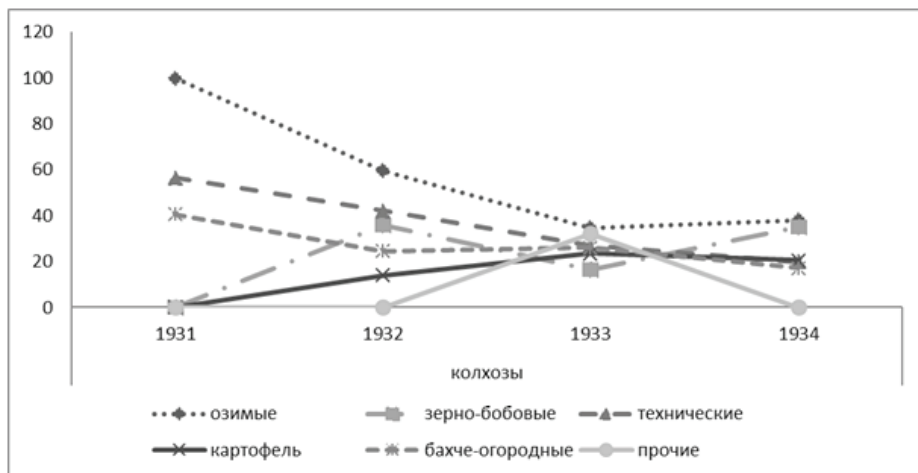

График 7. Доля засеваемых площадей по группам сельскохозяйственных растений в колхозах г. Элисты пригородными селами в 1931–1934 г. (в %)

Практически во всех улусах мы фиксируем сокращение доли посевов «прочих культур» (в основном, многолетних кормовых трав), что объясняется многократным повышением этого показателя во вновь создаваемых совхозах.

Для колхозов земледельческого Западного улуса характерна высокая доля посевов зерновых и технических культур, при этом посадки картофеля в 1932 г. упали до нуля, но затем восстановились. В 1931 г. посевы кормовых трав производились только в колхозах Западного улуса, но с созданием зерносовхоза № 112 «Калмыцкий» и совхозов № 105 и 383 этот показатель начинает резко уменьшаться и к 1934 г. полностью исчезает²¹. У колхозов Сарпинского улуса мы фиксируем повышение уровня основных сельскохозяйственных культур в 1932 г. (включая картофель и бахче-огородные культуры), после чего эти показатели держатся примерно на одном уровне (даже создание совхозов № 2, 10, 12 и 819 в разные годы не повлияли на статистику)²². В колхозах Центрального улуса также замечен рост основных сельскохозяйственных культур в 1932 г., после чего этот показатель начинает стабильно и заметно падать, как за счет усиления совхозов, многократно увеличивших свои посевы в 1933 г., так и за счет деятельности единоличников, активизировавшихся после ослабления давления государства в 1933–1934 гг., особенно

по озимым и бахче-огородным культурам. Сильнее всего у колхозов «просели» посадки картофеля – в 1933 г. с 90,2 % до 25,6 %, но в 1934 г. этот показатель вновь вырос до уровня 1932 г. (85,5 %) ²³.

Для колхозов Приволжского улуса характерна относительно ровная динамика доли посевов. Это связано, прежде всего, с отсутствием совхозов в этом районе, которые не влияли своей деятельностью на статистические показатели. Единоличники, как и в других улусах, активизировались в 1933–1934 гг., но их доля посевов была относительно невелика и больше концентрировалась в бахче-огородных культурах. Характерно, что в 1931 г. посевы озимых в улусе не производились вовсе, но стали активно применяться уже со следующего года. Посевов кормовых трав в этом улусе не было ²⁴. Относительно ровной (за некоторыми исключениями) выглядит и динамика доли посевов в Приморском улусе. Посевы озимых в 1931 г. здесь производились только единоличниками (в этом улусе был специально созданный кулацкий поселок, куда ссылали кулаков «3-й категории»), но затем первенство перехватили колхозы. В целом единоличники этого района концентрировались на выращивании зернобобовых и бахче-огородных культур, картофеля, занимая в этой сфере от четверти до трети посевов ²⁵. Для колхозов Элисты и пригородных сел характерны достаточно низкие доли посевов почти по всем культурам. При этом единственный совхоз мало влиял на эту статистику. Гораздо более заметное влияние оказали посевы учреждений. Элиста — единственный район, в котором этот сектор имел достаточно высокие показатели по всем культурам, а посевы кормовых трав в 1934 г. даже достигли 100 %. Как и в других улусах мы наблюдаем активизацию единоличников, особенно в 1934 г. в области озимых и технических культур, причем по последнему показателю они даже обошли колхозы ²⁶.

Почти во всех улусах доля личных посевов колхозников в 1932–1934 гг. равна нулю. Лишь в 1931 г. они проявляли какую-то активность. Например, в Западном улусе доля личных посевов колхозников достигала 10,8 % озимых и 18,4 % бахче-огородных культур, но в дальнейшем эти показатели исчезают ²⁷. Небольшая активизация в 1932 г. наблюдалась в Элисте и пригородных селах, особенно при посевах кормовых трав, но с 1933 г. в статистике этого сектора вновь появляются сплошные нули ²⁸.

Таким образом, проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам. В 1-й пол. 1930-х гг. сплошная коллективизация сельского хозяйства в Калмыкии еще не была завершена, хотя охват колхозами и совхозами достигал 90%. В этот период происходит резкое увеличение количества совхозов, которые к 1935 г. представляли собой значимый сектор экономики региона. Тем не менее, в

области земледелия колхозы Калмыкии занимали лидирующие позиции почти по всем показателям, причем полеводческие работы осуществлялось почти во всех животноводческих колхозах, не говоря уже о зерновых. Однако, несмотря на это, индивидуальные хозяйства продолжали существовать, а их доля в общем объеме сельскохозяйственного производства к середине 1930-х гг. даже увеличилась. Увеличиваются засеваемые площади, усиливается интенсификация сельского хозяйства, в том числе за счет внедрения новых технологий и культур (хлопка, сои и т.д.). Большая часть продуктов земледельческого производства колхозов использовалась для внутренних нужд региона, его населения и экономики, и лишь небольшая часть продукции имела товарный характер и поставлялась за пределы Калмыкии.

При этом в земледельческом производстве Калмыкии мы видим процессы, характерные для страны в целом. Урожайность по всем сельскохозяйственным культурам была довольно низкой по сравнению с дореволюционными показателями. При этом в 1930 г. мы наблюдаем заметное снижение урожайности, произошедшее в ответ на насильственную коллективизацию. В 1932 г. в результате усиления давления государства площади посевов возрастают, но эффективность колхозного земледелия остается низкой. В 1933–1934 гг. в ответ на послабления единоличникам происходит заметный рост посевов у этой категории лиц, однако после усиления налогового пресса в 1935 г. наблюдается процесс снижения этого показателя.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. *Ильных В.А.* Итоги весенней посевной кампании 1930 г.: цена форсированной коллективизации // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 50–54; *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1(1). С. 6–21; *Столяров А.В.* Коллективизация сельского хозяйства в 1928–1930 гг. (на материалах Ульяновского округа) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 4(28). С. 364–372. DOI 10.30914/2411-3522-2021-7-4-364-372.

2. *Борисенко И.В., Убушиева С.И.* Очерки исторической географии Калмыкии: 1917 г. – начало 90-х г. XX в. Элиста: Джангар, 2000. С. 106.

3. *Бадмаев С. Б.* Развитие экономики Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 174 с.; *Бадмаева Е.Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере

(1921–1933 гг.). Элиста: Джангар, 2010. 544 с.; *Борисенко И.В., Убушиева С.И.* Очерки исторической географии Калмыкии: 1917 г. – начало 90-х г. XX в. Элиста: Джангар, 2000. 168 с.; *Максимов К.Н.* Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 363–440; *Оглаев Ю.О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 1987. 159 с.; *Оглаев Ю. О.* Социалистическая реконструкция сельского хозяйства Калмыкии (октябрь 1929–1932 гг.) // Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 96–143.

4. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 250. Л. 2–3.

5. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 363. Л. 43.

6. *Максимов К. Н.* Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 369.

7. *Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калмыцкое книжное издательство. 1987. С. 85.

8. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 204. Л. 26.

9. *Бадмаев С. Б.* Развитие экономики Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. С. 26.

10. *Бадмаева Е.Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: Джангар, 2010. С. 306.

11. НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 235. Л. 6.

12. *Бадмаева Е.Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: Джангар, 2010. С. 301.

13. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 6.

14. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 204. Л. 26.

15. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 217. Л. 99.

16. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 217. Л. 99.

17. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 204. Л. 26.

18. НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 250. Л. 17.

19. НА РК. Ф. Р-26. Д. 212. Л. 3–4; Д. 226. Л. 9–10; Д. 235. Л. 6; Д. 250. Л. 17–19.

20. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 6–12.

21. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 7.

22. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 8.

23. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 9.

24. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 11.

25. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 10.

26. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 6.

27. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 7.

28. НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 282. Л. 12.

Автор, аннотация, ключевые слова

Шиханов Намсыр Александрович – младший научный сотрудник, аспирант. Калмыцкий научный центр РАН.

ORCID:0000-0001-7273-7253

nshikhanov@gmail.com

В статье на основании ранее неизвестных делопроизводственных документов Национального архива Республики Калмыкия анализируется развитие земледелия в колхозах Калмыцкой автономной области в первой половине 1930-х гг. Был проведен анализ статистических данных, связанных с посевами сельскохозяйственных культур в пяти улусах и городе Элиста с пригородными селами, в том числе их урожайности, которая оказалась значительно ниже дореволюционных показателей. В это время активно развивались совхозы, которые к 1935 году стали важным элементом региональной экономики. Тем не менее, лидерами в области земледелия на всем протяжении исследуемого периода оставались колхозы Калмыкии. Однако единоличники не утратили своей значимости и даже увеличили свою долю в общем объеме сельскохозяйственного производства к середине 1930-х годов. Увеличение посевных площадей и внедрение новых культур, таких как выращивание хлопка и сои, способствовали развитию сельского хозяйства и стремлению региона к самообеспечению. В статье акцентируется внимание на том, что большая часть продукции, созданной в колхозах, была предназначена для использования внутри региона, его жителями и экономикой. Лишь небольшая доля продукции имела товарный вид и отправлялась за пределы Калмыкии. Исследование выявляет процессы, характерные для сельскохозяйственного сектора страны в целом. Таким образом, статья подчеркивает сложные и противоречивые процессы, происходившие в аграрном секторе Калмыкии в период коллективизации, и их влияние на урожайность и эффективность земледелия.

Калмыцкая автономная область, коллективизация, посевные площади, колхозы, совхозы, единоличники, сельскохозяйственные культуры

Author, Abstract, Key words

Shikhanov Namsyr A. – Junior Researcher, Post-graduate student, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ORCID:0000-0001-7273-7253

nshikhanov@gmail.com

Based on previously unknown records of the National Archive of the Republic of Kalmykia, the article analyzes the development of agri-

culture in the collective farms of the Kalmyk Autonomous Region in the first half of the 1930s. The analysis of statistical data related to agricultural crops in five villages and the city of Elista with suburban villages, including their yields, which turned out to be significantly lower than pre-revolutionary indicators, was carried out. At that time, state farms were actively developing, which by 1935 had become an important element of the regional economy. Nevertheless, the collective farms of Kalmykia remained the leaders in the field of agriculture throughout the period under study. However, individual farmers did not lose their importance and even increased their share in total agricultural production by the mid-1930s. The increase in acreage and the introduction of new crops, such as cotton and soybeans, contributed to the development of agriculture and the region's desire for self-sufficiency. The article focuses on the fact that most of the products created on collective farms were intended for use within the region, by its inhabitants and by the economy. Only a small proportion of the products were marketable and shipped outside Kalmykia. The study reveals the processes characteristic of the agricultural sector of the country as a whole. Thus, the article highlights the complex and contradictory processes that took place in the agricultural sector of Kalmykia during the period of collectivization, and their impact on agricultural productivity and efficiency.

Kalmyk Autonomous Region, collectivization, Acreages, collective farms, state farms, individual farmers, agricultural crops

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Ilinykh V.A. The results of the spring sowing campaign of 1930: the price of forced collectivization // *Humanities in Siberia*. 2011, No. 2, pp. 50–54.

2. Kondrashin V.V. Famine of 1932–1933 in the Russian Federation (RSFSR) // *Journal of Russian and East European Historical Research*. 2010. No. 1(1), pp. 6–21.

3. Stolyarov A.V. Collectivization of agriculture in 1928-1930. (based on the materials of the Ulyanovsk region) // *Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences*. 2021. Vol. 7, No. 4(28), pp. 364-372. DOI 10.30914/2411-3522-2021-7-4-364-372.

(Monographs)

4. Badmaev S.B. *Kalmykia's Economic Development*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 174 p. (In Russ.)

5. Badmaeva E. N. *The Lower Volga, 1921–1933: Experiences and Outcomes of Government Socioeconomic Policies*. Elista: Dzhangar, 2010. 544 p. (In Russ.)

6. Borisenko I.V., Ubushieva S. I. Essays in Kalmykia's Historical Geography, 1917 – Early 1990s. Elista: Dzhanger, 2000. 168 p. (In Russ.)
7. Ilinykh V.A. The results of the spring sowing campaign of 1930: the price of forced collectivization // Humanities in Siberia. 2011. No. 2. pp. 50-54.
8. Kondrashin V.V. Famine of 1932-1933 in the Russian Federation (RSFSR) // Journal of Russian and East European Historical Research. 2010. No. 1(1). pp. 6-21.
9. Maksimov K.N. Kalmykia in the years of enforced Socialist construction. In: Maksimov K.N., Ochirova N.G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 363–440. (In Russ.)
10. Oglaev Yu.O. Implementing Lenin's Cooperation Plan in Kalmykia, 1917–1937. Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
11. Oglaev Yu.O. Socialist reconstruction of Kalmykia's agriculture, October 1929–1932. In: Scholarly Notes of KNIIYALI. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 96–143. (In Russ.)
12. Stolyarov A.V. Collectivization of agriculture in 1928-1930. (based on the materials of the Ulyanovsk region) // Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2021. Vol. 7, No. 4(28). pp. 364-372. DOI 10.30914/2411-3522-2021-7-4-364-372.

В.Н. Бенда

Подготовка артиллерийских кадров в России в конце XVIII – первой половине XIX вв.

V.N. Benda

Training of artillery personnel in Russia in the late XVIII – first half of the XIX centuries

Основным военно-учебным заведением, в котором велась подготовка кадров для артиллерии и инженерного корпуса в конце XVIII в., являлся Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус (АИШКК), основанием для учреждения которого послужил указ Екатерины II изданный ею 25 октября 1762 г.¹. С момента образования АИШКК и вплоть до 1782 г. директором АИШКК был Михаил Иванович Мордвинов. Следует заметить, что становление вновь образованного военно-учебного заведения и организация в нём учебно-воспитательного процесса проходили при самом активном участии Михаила Ивановича. К его заслугам можно отнести и его труды по учреждению и обеспечению успешной деятельности Гимназия для чужестранных единоверцев (Корпус чужестранных единоверцев или Гимназия для чужестранных единоверцев существовал при АИШКК более 20 лет (1775-1796) – В.Б.) основанной в начале 1775 г.². В октябре 1882 г. М.И. Мордвинов скончался. По представлению Григория Александровича Потемкина, новым директором АИШКК был назначен генерал-майор Пётр Иванович Мелисино, которого Потёмкин характеризовал, как «...генерал известный своими обширными познаниями и прославивший себя на военном поприще»³.

В 1797 г. П.И. Мелисино умер. При его преемниках корпус постепенно начинает терять свое специальное предназначение и становится всё более похожим на Сухопутный шляхетный кадетский корпус, который в 1800 г. был переименован в 1-й кадетский, а АИШКК во 2-й кадетский. Практикуемые в период руководства корпусом Мелисино специальные занятия по выполнению практических стрельб из артиллерийских орудий при его приемниках были отменены, что привело к снижению уровня как теоретической, так и практической подготовки выпускников кадетского корпуса.

Что касается ежегодного количества выпускников АИШКК, направляемых для дальнейшего прохождения службы в войска, то

приведённые в военно-исторической литературе данные подобного рода несколько разнятся. Например, в одном из изданий указано, что в период с 1796 г. и по 1800 г. АИШКК подготовил 296 офицеров, что, примерно, составило 60 человек в год⁴. В другом источнике количество ежегодно выпускаемых офицеров указано существенно меньше – 15-20 человек в год⁵.

В 1800 г. АИШКК был преобразован во 2-й Кадетский корпус (2-й КК). И хотя большинство выпускников 2-го кадетского корпуса по-прежнему назначались для дальнейшего прохождения службы в артиллерийские части, в условиях военно-политической обстановки, сложившейся в Европе в начале XIX в., для полного укомплектования артиллерийского корпуса офицерским составом, увеличения численности и развертывания армии до штатов военного времени выпускников 2-го КК явно было недостаточно. Более того, офицеры, выпущенные из 1-го КК (бывший Сухопутный шляхетный кадетский корпус, преобразованный в 1800 г. в 1-й КК – В.Б.) и даже из 2-го КК, не владели необходимыми практическими навыками и достаточной специальной артиллерийской подготовкой, необходимой для службы в артиллерии. Недостающие знания им приходилось приобретать уже в ходе своей служебной деятельности в артиллерийских частях. Артиллерия в основном комплектовалась офицерами из юнкеров и небольшой части фейерверкеров, проходивших службу в артиллерийских частях. Юнкеры и фейерверкеры в войсках обязаны были самостоятельно приобретать необходимые познания в области артиллерийского дела. Такие офицеры, как правило, имели слабые теоретические знания в вопросах артиллерийского искусства, которые необходимы были для артиллерийского офицера того времени.

Существовал еще один источник пополнения артиллерийского корпуса офицерским и унтер-офицерским составом. Это «артиллерийские юнкера» гвардейского артиллерийского батальона и других артиллерийских батальонов, расположенных около Санкт-Петербурга. Чтобы повысить теоретический уровень знаний юнкеров и фейерверкеров, в 1800 г. при всех артиллерийских полках и батальонах учреждаются математические классы, обучение в которых производилось специально выделенными для этой цели офицерами из состава полка или батальона. Вся ответственность за обучение и нормальный ход учебного процесса возлагалась на шефов и командиров полков.

Юнкера, назначаемые для дальнейшего прохождения службы в артиллерийские полки, причём иногда в довольно молодом возрасте, сами должны были проявлять беспокойство о приобретении необходимых знаний для производства их в офицерский чин. Что касает-

ся минимального возраста, при достижении которого разрешалось принимать юнкеров на службу, то только в 1809 г. последовал запрет на то, чтобы юнкера моложе 16 лет не принимались на службу⁶. В 1800 г. последовал указ императора о том, чтобы всех юнкеров, служивших в гвардейском артиллерийском батальоне, в первом полку и в роте восьмого полка, которые из-за затруднительного материального положения не могли самостоятельно пройти дополнительный курс обучения по артиллерийской и другим наукам, обучать во 2-м кадетском корпусе, для чего их прикомандировывали ко 2-му кадетскому корпусу, в котором они находились на положении кадет⁷.

В 1801 г. последовало указание Александра I о назначении на вакантные офицерские должности в артиллерийском корпусе только тех кадеты, которые хорошо знали «артиллерийскую науку». Чтобы контролировать уровень образования будущих артиллерийских офицеров, которое они получали в кадетских корпусах, и которые назначались для дальнейшего прохождения службы в артиллерийские части, инспектор всей артиллерии граф А.А. Аракчеев на основании повеления императора ввёл правило проведения повторных экзаменов для таких выпускников, которые проводились уже не в кадетском корпусе, а в артиллерийской экспедиции, соответствовавшей по своему назначению Главному артиллерийскому управлению. В 1803 г. Аракчеевым был отдан приказ по артиллерии, суть которого заключалась в том, чтобы юнкера и фейерверкеры, обучающиеся в математических классах, раз в квартал сдавали экзамены по знанию тех или иных дисциплин (наук), которые они изучили за отчётный период. Экзамены проходили в присутствии всего офицерского состава (штаб и обер-офицеров) артиллерийского подразделения⁸.

Вскоре ввиду того, что этот 2-й Кадетский корпус не давал специальной артиллерийской подготовки, от практики посылки в него юнкеров для обучения вскоре отказались, и создали при гвардейском артиллерийском батальоне специальные юнкерские классы. Преподавание в юнкерских классах осуществлялось наиболее подготовленным в теоретическом и практическом плане артиллерийским офицером гвардейского батальона⁹. Юнкера не только проходили теоретическую подготовку в классах, но и проходили хороший курс практической подготовки по эксплуатации и боевому применению артиллерийского вооружения, выполняя обязанности фейерверкеров (унтер-офицерский чин в артиллерийских частях русской армии – В.Б.) и руководя артиллерийским расчётом в ходе практических занятий.

Со стороны графа Аракчеева осуществлялся постоянный контроль за ходом занятий в юнкерских и математических классах. Более того, Александр I иногда лично присутствовал на занятиях.

В частности, в ноябре 1804 г. император посетил математический класс, учреждённый для нижних чинов в гвардейском артиллерийском батальоне, и остался весьма доволен уровнем организации занятий и результатами обучения юнкеров и фейерверкеров¹⁰.

Юнкерские классы при гвардейском артиллерийском батальоне и математические классы артиллерийских полков не располагали достаточными денежными средствами, широкой учебной базой и налаженным учебным процессом. В силу отмеченных обстоятельств эти учебные заведения не заняли ведущего места в подготовке офицерских кадров для артиллерии¹¹.

Из сказанного следует, что в начале XIX в. кадетские корпуса, а также юнкерские и математические классы, не обеспечивали Русскую императорскую армию необходимым количеством квалифицированных артиллерийских кадров, что приводило к серьёзным просчетам в ходе боевого применения артиллерии. Особенно это сказалось с началом развернувшихся боевых действий в 1805 и последующие годы. Например, при развертывании артиллерии в боевой порядок допускались сужение интервалов, на которых должны были располагаться артиллерийские орудия друг от друга таким образом, что номера артиллерийских расчетов с трудом находили себе место между орудиями. В некоторых случаях артиллерия готовилась открыть огонь по неприятелю, а в это время пехота начинала движение и тем самым перекрывала собой сектора ведения огня артиллерией.

Не всегда обеспечивалось прикрытие пехотой артиллерийских расчетов, что в случае неудачного ведения боя влекло захват нашего вооружения неприятелем¹². После поражения союзных войск в сражении под Аустерлицем, в ходе которого была потеряна практически половина русской артиллерии (133 орудия¹³), были проанализированы причины неудачных действий артиллерии, среди которых можно выделить следующие: 1) низкая эффективность артиллерийского картечного огня против рассыпного строя пехоты неприятеля; 2) низкая эффективность помощи артиллерии другим войскам; 3) слабое взаимодействие артиллерии с пехотой и конницей¹⁴.

Органами государственного и военного управления проводилась постоянная работа по расширению базы, на основе которой возможно было увеличить количество подготовленных кадров, необходимых для укомплектования артиллерийских подразделений. В качестве такой базы в начале XIX в. выступали гвардейские артиллерийские юнкера, численность которых с каждым годом постоянно увеличивалась. Так, например, после переименования в 1811 г. резервной роты для лейб-гвардии артиллерийского батальона в «учебную гвардейскую артиллерийскую роту», численность юнкеров в ней была увеличена до 48 человек¹⁵.

Накануне начала Отечественной войны 1812 г. Александр I утвердил штат второй учебной гвардейской артиллерийской роты, в которой по штату полагалось содержать также сорок восемь юнкеров. После утверждения штата второй учебной роты в обеих учебных ротах числилось девяносто шесть юнкеров¹⁶ и 420 бомбардиров и канониров¹⁷. Юнкеры и фейерверкеры подготавливались для производства в офицеры, а бомбардиры и канониры после окончания курса обучения выпускались фейерверкерами.

Программа обучения, помимо строевых предметов, предусматривала изучение арифметики, алгебры, геометрии, тригонометрии, приложения алгебры к геометрии, начальных оснований механики, артиллерии и фортификации полевой и долговременной. Юнкера, окончившие курс обучения, в соответствии с «Положением об экзаменах юнкерам и фейерверкерам, отобранных для производства в офицеры»¹⁸ сдавали обязательный выпускной экзамен в артиллерийском отделении Военно-учёного комитета, после успешной сдачи которого, юнкерам присваивался первый офицерский чин в гвардейской или полевой артиллерии¹⁹. Юнкера, не сумевшие сдать положенные экзамены, как правило, направлялись в артиллерийские части для дальнейшего прохождения службы в качестве фейерверкеров.

Бомбардиры и канониры каждого из взводов учебных гвардейских артиллерийских рот после прохождения определенного курса обучения сдавали экзамены в самой учебной роте, после чего направлялись фейерверкерами в артиллерийские части по разнарядке Канцелярии инспектора всей артиллерии. В каждой учебной роте гвардейского артиллерийского батальона имелось восемь орудий, из них $\frac{1}{4}$ -пудовых (калибр примерно 123 мм. – В.Б.) единорогов – 4 и четыре 6-фунтовых пушек (калибр примерно 95 мм. – В.Б.). На проведение боевых стрельб из артиллерийских орудий ежегодно отпускалось на каждого юнкера, фейерверкера и рядового по 6 боевых снарядов (2 гранаты и 4 ядра) и, кроме того, на каждого рядового 12 холостых выстрелов²⁰.

Необходимо отметить, что учебные гвардейские артиллерийские роты по своему учебному процессу и качеству подготавливаемых кадров стояли не на должном уровне. Проведение занятий по всем предметам в каждом классе только одним преподавателем, отсутствие каких-либо учебных пособий, особенно по артиллерии, недостаток денежных средств, – все это не могло не сказаться на общем состоянии этих учебных подразделений. Обе учебные роты со дня своего формирования и до 1819 г. подготовили для артиллерии 907 фейерверкеров (первая рота – 678, вторая – 229)²¹.

Существовавшие пути подготовки офицеров и унтер-офицеров по своим возможностям не могли обеспечить русскую армию необходимым количеством квалифицированных специалистов артиллерийского дела. Подтверждением вышесказанному может служить мнение одного из бригадных артиллерийских командиров генерал-майора Иван Христиановича Сиверса, которое он изложил в своей докладной записке о действиях русской артиллерии в сравнении с французской и о недостатках нашей артиллерии, поданной им на имя Аракчеева. В частности, И.Х. Сиверс писал, что «Некоторые батарейные командиры упускают из виду весьма важную часть в обучении артиллеристов, чтобы всякий из них умел собрать и разобрать орудие как пехотное ружье и умел самым быстрым и ловким образом перекладывать орудие с одного лафета на другой»²².

Военные годы (1805-1815 гг.), а также послевоенное время настоятельно требовали проведения неотложных мероприятий, улучшающих подготовку артиллерийских кадров и систематическое пополнение ими русской армии в необходимом количестве.

Совершенствование системы подготовки артиллерийских кадров

В 1820 г. на основе учебных рот гвардейской артиллерии были созданы «Учебная артиллерийская бригада», в которой, согласно штата, обучалось 670 человек²³ и «Артиллерийское училище».

Курс обучения в Учебной артиллерийской бригаде был рассчитан на три года, в процессе которого обучавшиеся после завершения годового обучения в одной из рот переходили в другую, как из класса в класс. Организация и проведение учебных занятий с переменным составом рот вменялось в обязанности офицерскому и унтер-офицерскому составу каждой из рот учебной бригады. Численность офицерского и унтер-офицерского состава в каждой из рот представлена в таблице 1 (см. табл. 1).

Программа обучения в бригаде предусматривала получение начальных сведений по арифметике, грамматике, русскому языку, а также изучение устройства материальной части артиллерии и выполнение практических стрельб. Помимо этого, проводились занятия по строевой и огневой подготовке. Для занятий по огневой подготовке и боевой стрельбе в 1-й роте имелось 12 орудий (восемь 6-фунтовых пушек и четыре $\frac{1}{4}$ -пудовых единорога) с тремя зарядными ящиками и с необходимым количеством лошадей²⁴.

Постоянный состав учебной артиллерийской бригады²⁵

Должностные лица	Первая батарейная рота	Вторая батарейная рота	Третья лёгкая рота
Командир бригады и первой роты – полковник	1	-	-
Командир второй роты – полковник	-	1	-
Командир третьей роты – подполков-ник	-	-	1
Капитаны	1	1	-
Штабс-капитаны	1	1	1
Поручики и подпоручики	3	3	3
Прапорщики	3	3	3
Фельдфебели	1	1	1
Фейерверкеры	23	23	23
Итого	33	33	32

Как известно, 25 июля 1819 г. Великий князь Михаил Павлович, достигнув совершеннолетия, приступил к исполнению обязанностей генерал-фельдцейхмейстера (главный начальник русской артиллерии – В.Б.) которым он формально считался со дня день своего рождения – 28 января 1798 г.

В приказе №1 от 25 июля 1819 г., в котором Михаил Павлович объявлял личному составу артиллерийского корпуса, что он принял главное управление артиллерией на себя, он заметил, что «... вступая в отправление моей должности по званию генерал-фельдцейхмейстера, я считаю себя счастливым принять в управление знаменитый артиллерийский корпус, который, отличив себя мужеством в бранях и редким устройством...» и определил основную цель и направления своей последующей деятельности в этой должности – «доведение всех частей артиллерии до совершенства»²⁶.

Достижение таких целей имело важное значение, т.к. и артиллерийская техника, и теоретические основы артиллерийского дела развивались в то время довольно ускоренными темпами, что, в свою очередь, всё более и более усиливало значение артиллерии на поле

боя. Заметим, что ещё во время нахождения Михаила Павловича с русскими войсками в Париже в 1814 г. им был отмечен тот факт, что французские артиллеристы существенно превосходили своей общей и специальной подготовкой отечественных артиллеристов²⁷.

Ранее мы отмечали, что после переименования АИШКК во 2-й кадетский корпус, уровень преподавания и подготовки в области артиллерийской и инженерной науки существенно снизился. Предпринятые меры, в частности учреждение А.А. Аракчеевым юнкерских артиллерийских школ (классов), не смогли устранить остро проявлявшиеся недостатки специального образования у военнослужащих артиллерийского корпуса.

У генерал-фельдцейхмейстера сложилось отчётливое понимание того фактора, что преобразования в области артиллерийского дела и науки могли бы осуществлять широко и всесторонне образованные артиллерийские офицеры, которые имели бы способности к самостоятельной разработке на научных основах всех вопросов и проблем, возникавших при интенсивном развитии и росте артиллерийского искусства. Более того, необходимо было иметь и такие артиллерийские кадры, которые по уровню своей подготовки и знаний могли обучать и готовить офицерские и унтер-офицерские кадры, способные к самостоятельной работе и обучению своих подчиненных при эксплуатации артиллерийского вооружения.

Учитывая вышеизложенное и то, что главной целью деятельности генерал-фельдцейхмейстера являлось «доведении до совершенства всех частей русской артиллерии», Михаил Павлович с первых своих шагов на поприще управления артиллерией стал обращать внимание на необходимость учреждения в России специального артиллерийского учебного заведения, которое могло бы помочь в реализации этой главной цели. В мае 1820 г. Александр I утвердил предложенный Михаилом Павловичем план нового военно-учебного заведения – Артиллерийского училища, главной целью которого являлось «...образование искусных артиллерийских офицеров»²⁸.

Штат «Артиллерийского училища», утверждённый в 1820 г.,²⁹ предусматривал наличие офицерского отделения, разделённого на два класса, и юнкерского отделения, которое в начале было разделено на три класса, а в последующем на четыре. На содержание Артиллерийского училища предполагалось ежегодно выделять денежные средства в размере 61688 р. 90 коп. В эту сумму было включено 48125 руб., которые отпускались на содержание расформированной солдатской полуроты³⁰.

После выполнения всех необходимых предварительных распоряжений, касающихся открытия училища, оно было открыто 25 ноября 1820 г. и к занятиям приступило 56 человек³¹. Заметим, что в

другом источнике количество учащихся, которые приступили к занятиям, с момента открытия училища несколько отличается от приведённой выше цифры. Указано, что классные занятия в училище после его открытия начались с 22 юнкерами, численность которых в 1821 г. увеличилась до 76 человек³².

Для управления вновь учреждённое военное училище было предложено подчинить командованию учебной артиллерийской бригады – полковнику Ваксмуту и генерал-майору А.Д. Засядко.

В первый год создания артиллерийского училища в его состав вошли все портупей-юнкеры, юнкеры и фейерверкеры, обучавшиеся до этого в учебных ротах гвардейской артиллерии. В училище принимались юнкера и фейерверкеры дворянского происхождения, проходившие службу в артиллерийских частях и учреждениях, по представлениям начальников артиллерии армий, отдельных корпусов и других артиллерийских частей. Окончательное решение о приеме кандидатов для обучения в училище, возраст которых был не моложе 14 и не старше 18 лет, принималось генерал-фельдцейхмейстером. Все изъявившие желание поступить в артиллерийское училище, должны были сдавать экзамены по определенной программе в артиллерийском отделении Военно-ученого комитета. Экзамен разрешалось держать в различные классы училища, включая и офицерские.

Не будем подробно останавливаться на программах обучения в юнкерских классах и в классах офицерского отделения, так как они уже подробно описаны в других работах³³. Следует заметить, что обучение по этим программам давало хорошую подготовку как по общеобразовательным, так и по военным дисциплинам. Особое внимание обращалось на математические науки, которые служили базой для понимания теории стрельбы и устройства материальной части артиллерии.

На лекциях в офицерском отделении разрешалось присутствовать всем артиллерийским офицерам, находящимся в Санкт-Петербурге. Это отделение училища в последующем явилось основой для создания артиллерийской академии. На учебные занятия в юнкерских классах отводилось по 7 часов, а в офицерских классах – по 5 часов в день.

Профиль училища из всего перечня предметов, по которым в нём велось преподавание, определил степень важности некоторых из них. Конечно, это должна была быть артиллерия. Однако на начальном этапе деятельности училища с преподаванием курса артиллерии не всё обстояло благополучно. Училище пока не имело преподавателя, который мог бы читать лекции по артиллерии в объеме принятой учебной программы. «Препод-

давание артиллерии в училище заключалось в том, что один из учеников по указанию учителя открывал огромный том курса генерала Маркевича и читал его своим товарищам, прерываемый толкованиями учителя. Этот метод не мог возбудить особенного внимания к главному предмету и не мог дать хороших результатов»³⁴.

Конечно, если бы за преподавание артиллерии взялся сам А.Д. Засядко, который прежде занимался научной деятельностью в области артиллерийского дела и составил записки истории артиллерии, то можно было бы рассчитывать на более успешное изучение артиллерийской науки. Михаил Павлович и предлагал ему взять на себя преподавание этого курса, но А.Д. Засядко, не надеясь на свои силы, вынужден был отказаться от этого предложения. В частности, А.Д. Засядко по этому поводу писал генерал-фельдцейхмейстеру: «...прослужа 25 лет в поле и оставаясь, в продолжении оных, десять лет в войне непрерывной, могу ли я быть профессором»³⁵. Таким образом, кафедра артиллерии, в сущности, не существовала до назначения Е. Х. Весселя.

Ежегодно в октябре месяце, в присутствии генерал-фельдцейхмейстера, воспитанники офицерского и юнкерского отделений училища экзаменовались членами артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. Лицам, окончившим полный курс юнкерских классов и выдержавшим положенные экзамены, присваивалось офицерское звание прапорщик. Но для того, чтобы получить право быть посланным в войска полевой артиллерии, эти офицеры обязаны были окончить еще офицерское отделение училища, после окончания которого они выпускались уже в чине подпоручика или поручика. Окончившие же только юнкерское отделение посылались офицерами в гарнизонную артиллерию или в пехотные и кавалерийские войска. Программа обучения юнкерского отделения училища не давала полного артиллерийского образования, которое требовалось для офицера полевой артиллерии. Таким образом, срок обучения для окончания полного курса училища исчислялся в 4-5 лет. Первый выпуск офицеров, окончивших полный курс училища, был произведен в январе 1825 г.³⁶

Учебная бригада и Артиллерийское училище находились под наблюдением и в непосредственном подчинении специального управляющего, который подчинялся генерал-фельдцейхмейстеру. Первым таким управляющим был генерал А.Д. Засядко. Находясь на этой должности с 1820 по 1826 г., он затратил много энергии и труда для создания этих учебных заведений, подбора и укомплектования училища профессорско-преподавательским составом, создания и расширения учебной базы.

Обеспечение учебного процесса в училище необходимой литературой и учебными пособиями

Обучение по общевоенным дисциплинам велось по учебным пособиям кадетских корпусов. Некоторые учебные пособия хотя и существовали к моменту открытия артиллерийского училища в 1820 г., но значительная их часть уже не соответствовала новым требованиям. Более того, учебников по артиллерии в объеме программы обучения в училище в этот период еще не было. К сожалению, на этот недостаток было уже поздно обращено внимание. Только в 1823 г. был образован комитет для рассмотрения вопроса о соответствии учебных пособий и книг новым требованиям. Комитет в начале его работы возглавлял директор 2-го кадетского корпуса А.И. Маркевич, а в последующем генерал-инженер К.И. Опперман.

Главной задачей комитета считалась разработка учебных пособий, по которым велось бы однообразное преподавание тех или иных дисциплин во всех учебных заведениях. Рассмотренные комитетом существовавшие на тот момент учебные пособия и различного рода «записки», получившие широкое распространение из-за неимения достаточного количества учебников и пособий, были признаны не в полной мере пригодными для успешной организации учебного процесса и усвоения изучаемого материала обучающимися³⁷. Поэтому возникла необходимость подготовки издания новых учебно-методических материалов по многим предметам и дисциплинам, по которым в соответствии с учебной программой велось обучение. Следует заметить, что работа комитета, возглавляемого К.И. Опперманом, затянулась. Больше всего трудностей возникало при решении вопроса об издании тех или иных учебников и пособий.

Можно предположить, что возложенная на комитеты задача по составлению программ и учебных пособий в полной мере не была решена. Окончательное решение проблемы составления руководств и учебных пособий последовало во второй трети XIX в., когда в должность главного начальника военно-учебных заведений в 1830 г. вступил генерал-фельдцейхмейстер Михаил Павлович, а с 1835 г. начальником штаба военно-учебных заведений был назначен полковник Яков Иванович Ростовцев (с 1841 г. генерал-майор – В.Б.)³⁸.

Генерал-фельдцейхмейстер в приказе, изданном в феврале 1835 г.,³⁹ обратил внимание на тот факт, что затруднения в успешном освоении воспитанниками учебной программы происходили из-за того, что на тот момент изданные на русском языке учебные пособия уже не удовлетворяли новым требованиям, а, например, по таким предметам обучения как «Тактика», «Фортификация», «Артиллерия», «Статистика» и другим – вообще не было учебных пособий,

напечатанных на русском языке. Для устранения этого недостатка, наиболее известным и авторитетным учёным и преподавателям учебных заведений было поручено подготовить и напечатать свои учебные пособия по тем или иным предметам обучения. В частности, главному директору Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка генерал-майору Николаю Васильевичу Модему было поручено составить учебные пособия по тактике, артиллерии и фортификации. А члену совета о военно-учебных заведениях, французскому и российскому инженеру, математику и механику генерал-лейтенанту П.П. Базену было поручено составить полный курс теоретической и прикладной математики и «краткую ручную книгу всех наук математических»⁴⁰.

Любопытна ситуация, которая сложилась с подготовкой в последующие годы новых учебно-методических пособий для замены устаревших и не соответствующих по своему содержанию новым требованиям. Так, в марте 1841 г. в штаб генерал-фельдцейхмейстера поступила докладная записка от начальника артиллерийского училища генерал-майора И.Ф. Розена, в которой он сообщал, что в ходе преподавания курса артиллерии в юнкерских классах Артиллерийского училища использовался учебник (курс) подготовленный Е.Х. Весселем, и изданный в 1830 г. В записке отмечалось, что «... эта книга, имевшая в то время большие достоинства, теперь весьма несовершенна по причине значительных перемен, следовавших в устройстве нашей артиллерии»⁴¹. Более того, тираж изданного учебного пособия Е.Х. Весселя был весь распродан, и не было возможности удовлетворять запросы на приобретение этой книги поступавшие «...от разных лиц и военно-учебных заведений». По этой причине генерал-майор Розен обратился к начальнику штаба генерал-фельдцейхмейстера с ходатайством о разрешении на подготовку нового учебника по курсу артиллерии и просил поручить составление этого курса трем преподавателям артиллерии в училище – капитану Резвому, штабс-капитану Платову и поручику Бумгарту, каждый из которых «...может составить ту часть курса, которая входит в круг его преподавания, но под особым надзором капитана Резвого как исправляющего должность инспектора классов и старшего преподавателя артиллерии»⁴².

Разрешение на подготовку нового учебного пособия по курсу артиллерии было получено, и авторский коллектив приступил к его составлению⁴³. В июне 1841 г. капитан Резвый (Резвой) рапортом на имя начальника артиллерийского училища доложил, что штабс-капитаном Платовым завершена подготовка первой части «Начального курса артиллерии», которую Резвый лично «...пересмотрел и несколько исправил»⁴⁴. Представляя эту рукопись начальнику ар-

тиллерийского училища, капитан Резвый сообщил, что по составленной первой части курса «...уже два года успешно преподается артиллерия в 4-м юнкерском классе... и желая сделать курс достаточным для других учебных заведений и имея ввиду возможность ознакомить наших артиллеристов с теми изменениями которые произошли в последнее время в артиллерии» и предложил приступить к изданию первой части данного курса, не дожидаясь пока составление других частей будет окончено⁴⁵.

Помимо первой части данного курса включавшей в себя описание материальной части русской артиллерии, предполагалась подготовка и издание «технической части» по которой велись занятия в 3-м юнкерском классе, а также «правил стрельбы» из артиллерийского вооружения, по которым соответственно велись занятия во 2-м и 1-м юнкерских классах.

Капитан Резвый отмечал, что «...составляемый курс и представленная теперь 1-я часть, отличаются от курса полковника Веселя не только тем, что в них описаны устройство нашей артиллерии в том виде, как оно в настоящее время высочайше утверждено, но сам план сочинения существенно изменен. Так, например, материальная часть совершенно отделена от технической, порядок и подробности при изложении различных статей значительно изменены. Факты, служащие основанием для некоторых правил, заимствованы из новейших иностранных сочинений, и прочее»⁴⁶.

В своем рапорте Резвый также ходатайствовал о разрешении на издание 1-й части пособия с чертежами и о выделении для этой цели «восемьста рублей серебром» штаб-капитану Платову т.к. он без финансовой помощи не мог самостоятельно напечатать подготовленное им учебное пособие⁴⁷.

Полагаем, что будет интересно узнать, как дальше развивались события с издание 1-й части учебного пособия по курсу артиллерии подготовленного штабс-капитаном Платовым.

Начальник артиллерийского училища генерал-майор И.Ф. Розен представил подготовленное учебное пособие в штаб генерал-фельдцейхмейстера с просьбой о разрешении издания этого учебника. Из штаба генерал-фельдцейхмейстера оно было направлено Военно-учёный комитет (ВУЧ) для подготовки рецензии и оценки возможности его издания. В сентябре 1841 г. начальник штаба генерал-фельдцейхмейстера обратился с рапортом на имя директора Военно-ученого комитета с тем, чтобы в артиллерийском отделении ВУЧ ускорили рассмотрение 1-й части курса Артиллерии, составленного состоящим при Артиллерийском училище штабс-капитаном Платовым⁴⁸. По всей видимости, это обращение начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера к директору ВУЧ не возымело

никакого действия, и поэтому уже в марте 1842 г. он был вынужден повторно с аналогичной просьбой.

Мы полагаем, что начальник штаба генерал-фельдцейхмейстера обратился к нему с жалобой на излишнюю волокиту, проявленную артиллерийским отделением Военно-учёного комитета при рассмотрении курса артиллерии, составленного штабс-капитаном Платовым, потому что в его повторном рапорте уже сказано, что он «...по приказанию Его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера...» просит о скорейшем рассмотрении курса артиллерии⁴⁹. Видимо, упоминание имени генерал-фельдцейхмейстера Михаила Павловича возымело своё действие, поскольку буквально на следующий день появилось заключение о целесообразности печатанья 1-й части нового курса артиллерии, составленной состоящим при артиллерийском училище штабс-капитаном Платовым⁵⁰.

Общий вывод, сделанный артиллерийским отделением ВУЧ по результатам рассмотрения рукописи штабс-капитана Платова, содержал отрицательное мнение о целесообразности печатанья этого учебного пособия. В заключении артиллерийского отделения ВУЧ были отмечены существенные замечания и недостатки этой рукописи, среди которых отмечалось отсутствие логичности и ясности в изложении материала, недостаточность объема изложения важных частей курса, в которых описывалось устройство материальной части. По этому поводу в заключении говорится, что «В ней постоянно встречаются определения темные, описания недостаточные. Говорится о предметах, о которых только 50 параграфов спустя дается понятие, даже о таких, которым нет объяснения в этой книге. О предметах важных сказано лишь несколько слов, о мелочах, не заслуживающих внимания говорится подробно... Можно найти целые параграфы ни к какой цели не ведущие, и сверх того для учащихся не понятные. Словом сказать, в книге штабс-капитана Платова недостает плана, порядка, ясности, определенности и соразмерности в изложении предметов»⁵¹. Помимо этого, в доказательство вывода о нецелесообразности печатанья 1-й части книги Платова, артиллерийским отделением ВУЧ был указан и ряд других недостатков данного учебника⁵².

Выводы

Таким образом, на протяжении всего этого времени отечественная артиллерия пополнялась офицерскими кадрами за счет кадетских корпусов, юнкерских классов учебных рот при гвардейской артиллерии и некоторым количеством офицеров, произведенных из юнкеров и фэйерверкеров строевых артиллерийских частей. Ун-

тер-офицерские кадры (фейерверкеры) поступали в артиллерию в основном из этих же учебных рот, а также из числа подготовленных в самих войсках.

Отсутствие у выпускников 2-го и других кадетских корпусов должной практической подготовки необходимой офицерскому составу артиллерии в руководстве действиями своих подчиненных при боевом применении артиллерийского вооружения, а также отсутствие письменных инструкций и печатных наставлений для организации совместных действий других родов войск с артиллерией приводило к тому, что артиллерия часто на поле боя оказывалась в невыгодном для себя положении, и не могла оказывать эффективную помощь своим войскам.

После Аустерлицкого сражения Россия готовилась продолжать войну с Наполеоном и пока не заключала с ним мира. Но русская артиллерия после этого сражения оказалась довольно в плачевном состоянии. Сложилось тяжелое положение в русской армии и с артиллерийскими кадрами. Назревала острая необходимость кардинальных изменений в области артиллерийского дела, необходимости улучшения качества подготовки артиллерийских кадров и проведения ряда мероприятий по созданию специальных учебных заведений.

Одним из условий успешности освоения учебной программы обучающимися в военно-учебных заведениях, в том числе и в артиллерийском училище, было наличие достаточного количества учебников и пособий по изучаемым предметам. Однако, только в конце первой половины XIX в. цель по составлению единых учебных пособий для военно-учебных заведений была достигнута.

Примечания

1. Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф.2 Оп. 110/35. Д.4.Л.1.

2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д.4611. Л.1–70б.

3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.2. Оп. ШГФ. Д.3971. Л.1.

4. История Отечественной артиллерии. Т.1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн.3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). М.,1962. С.78–79.

5. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Книга 1. СПб.,1902. С.113–114.

6. Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 гг.// Артиллерийский журнал. 1853. Т.1. С.188.

7. Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 гг. // Артиллерийский журнал. 1853. Т.1. С.188–189.
8. Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 гг. // Артиллерийский журнал. 1853. Т.1. С.189.
9. *Платов А.С., Кирпичев Л.Л.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820-1870. СПб., 1870. С.21–22.
10. Краткое обозрение состояния артиллерии с 1798 по 1848 гг. // Артиллерийский журнал. 1853. Т.1. С.190.
11. История Отечественной артиллерии. Т.1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн.3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). М., 1962. С.80.
12. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником (ныне генерал-майором) Ратчем в 1860 г. Чтение I. // Артиллерийский журнал. 1861. №1. С.19–20.
13. *Там же.* С.10.
14. *Там же.* С.24.
15. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф3. Оп. Сборная. Д.6094. Л. 164–170.
16. Торжество двадцати пятилетия Артиллерийского училища // Артиллерийский журнал. 1846. №1. С.7–8.
17. История Отечественной артиллерии. Т.1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн.3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). М., 1962. С.80.
18. О экзамене // Артиллерийский журнал. 1806. №6 С.93–103.
19. *Платов А.С., Кирпичев Л.Л.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820-1870. СПб., 1870. С.22.
20. История Отечественной артиллерии. Т.1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн.3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). М., 1962. С.81.
21. *Гродский Г.Д.* Михайловские артиллерийские училище и академия в XIX столетии. Ч. 1. 1820-1881 гг.: исторический очерк их деятельности как артиллерийских учебных заведений / сост. Г. Гродский. СПб., 1905. С.3.
22. Публичные лекции, читанные при гвардейской артиллерии полковником (ныне генерал-майором) Ратчем в 1860 г. Чтение I. // Артиллерийский журнал. 1861. №1. С.82.
23. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф3. Оп. Сборная. Д.6094. Л. 40–49.
24. История Отечественной артиллерии. Т.1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн.3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). М., 1962. С.82.
25. История Отечественной артиллерии. Т.1. С.83.
26. Приложения к историческому очерку образования и развития артиллерийского училища. СПб., 1870. С.3.

27. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Книга 1. СПб., 1902. С.114.

28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том XXXVII. СПб., 1830. С.198–204.

29. Приложения к историческому очерку образования и развития артиллерийского училища. СПб., 1870. С.8-10.

30. *Мельницкой Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства) / Сост. полк. Н. Мельницкой. Т. 1-4. Т.1.Ч.II. СПб., 1857. С.91.

31. *Мельницкой Н.Н.* С.92.

32. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Книга 1. СПб., 1902. С.114.

33. *Гродский Г.Д.* Михайловские артиллерийские училище и академия в XIX столетии. Ч. 1. 1820-1881 гг.: исторический очерк их деятельности как артиллерийских учебных заведений / сост. Г. Гродский. СПб., 1905. С.16.

34. История Отечественной артиллерии. Т.1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн.3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). М., 1962. С.85.

35. *Платов А.С., Кирпичев Л.Л.* Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820-1870. СПб., 1870. С. 49.

36. История Отечественной артиллерии. Т.1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн.3. Артиллерия русской армии в период разложения феодализма (конец XVIII – первая половина XIX в.). М., 1962. С.85–86.

37. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Книга 1.Ч. I-II. Часть I. СПб., 1902. С.126.

38. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Книга 1.Ч. I-II. Часть II. СПб., 1902. С.24.

39. *Мельницкой Н.Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (Сухопутного ведомства) / Сост. полк. Н. Мельницкой. Т. 1-4. Т.1.Ч.II. СПб., 1857. С.24.

40. *Мельницкой Н.Н.* С.25.

41. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.1-1об.

42. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.1об.

43. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.3.

44. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.4.

45. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.4-4об.

46. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.4об.-5.

47. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.5.

48. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.8.

49. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.10.

50. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.12-14.
51. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.13-14.
52. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.5. Оп.5. Д.31. Л.14об.-24.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бенда Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент. Профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

ORCID: 0000-0001-9553-7262 bvn.1962@mail.ru

Цель исследования – раскрыть особенности организации учебного процесса и учебно-методической работы в военно-учебных заведениях, в которых в конце XVIII – первой половине XIX вв. велась подготовка кадров для артиллерии. В статье на основании ранее неизвестных архивных документов Научного архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и других мало изученных источников рассматриваются отдельные аспекты, характеризующие формирование предпосылок для учреждения новых военно-учебных заведений артиллерийского профиля, процесс их создания и организацию в них учебно-воспитательного процесса в рассматриваемый период. Основное внимание уделяется тому, что материальная часть артиллерии, её обслуживание и применение в боевых условиях требовало от всех офицеров артиллерии более широкой образованности и подготовки по сравнению с офицерами других родов войск. Все эти обстоятельства и определили необходимость создания специального военно-учебного заведения нового типа, в котором будущие артиллерийские офицеры получали бы качественную общую и специальную подготовку и восполняли бы некомплект офицерского состава в строевых артиллерийских подразделениях и частях. Автор приходит к выводу, что в 1800 г. после переименования Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса во 2-й кадетский корпус утратил свое специальное назначение по подготовке кадров для артиллерии и инженерного корпуса. Более того, уровень технической и военно-специальной подготовки выпускников 2-го кадетского корпуса был весьма посредственным и не соответствовал требованиям, предъявляемым к офицерскому составу артиллерийских подразделений. Также делается вывод о том, что одним из важных условий обеспечения деятельности и развития нового военно-учебного заведения, была

работа по подготовке и изданию учебно-методических пособий необходимых для обеспечения учебного процесса.

Конец XVIII в., первая половина XIX в., 2-й кадетский корпус, генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович, юнкерские и математические классы, учебная артиллерийская бригада, артиллерийское училище, учебно-воспитательный процесс, учебно-методическая литература.

Author, Abstract, Key words

Benda Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Professor of the Department of History of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin.

ORCID: 0000-0001-9553-7262

bvn.1962@mail.ru

The purpose of the study is to reveal the specifics of the organization of the educational process and educational and methodological work in military educational institutions in which artillery personnel were trained in the late XVIII – first half of the XIX centuries. Based on previously unknown archival documents from the Scientific Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops and other little-studied sources, the article examines certain aspects that characterize the formation of prerequisites for the establishment of new military educational institutions of artillery profile, the process of their creation and the organization of the educational process in them during the period under review. The main focus is on the fact that the material part of the artillery, its maintenance and use in combat conditions required all artillery officers to be more educated and trained than officers of other branches of the armed forces. All these circumstances determined the need to create a special military educational institution of a new type, in which future artillery officers would receive high-quality general and special training and would fill the shortage of officers in combat artillery units and units. The author comes to the conclusion that in 1800 After the renaming of the Artillery and Engineering Gentry Cadet Corps to the 2nd Cadet Corps, it lost its special purpose for training personnel for the artillery and engineering corps. Moreover, the level of technical and military-special training of graduates of the 2nd Cadet Corps was very mediocre and did not meet the requirements for officers of artillery units. It is also concluded that one of the important conditions for ensuring the activities and development of the new military

educational institution was the work on the preparation and publication of teaching aids necessary to ensure the educational process.

The end of the XVIII century., the first half of the XIX century., 2nd Cadet corps, Field Marshal Grand Duke Mikhail Pavlovich, cadet and mathematical classes, training artillery brigade, artillery college, educational process, educational and methodical literature.

References

1. Grodskii, G.D. Mikhailovskie artilleriiskie uchilishche i akademiya v XIX stoletii. Ch. 1. 1820-1881 gg.: istoricheskii ocherk ikh deyatel'nosti kak artilleriiskikh uchebnykh zavedenii / sost. G. Grodskii [Mikhailovsky Artillery College and Academy in the 19th century. Part 1. 1820–1881: a historical sketch of their activities as artillery educational institutions / comp. G. Grodsky]. Sankt-Peterburg, 1905, 404 p. (In Russian).

2. Istoriya Otechestvennoi artillerii. T.1. Artilleriya russkoi armii epokhi feodalizma. Kn.3. Artilleriya russkoi armii v period razlozheniya feodalizma (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.)[History of Russian artillery. Vol. 1. Artillery of the Russian army of the feudal era. Book 3. Artillery of the Russian army during the period of the disintegration of feudalism (the end of the XVIII – the first half of the XIX century.)]. Moscow, 1962, 695 p. (In Russian).

3. Kratkoe obozrenie sostoyaniya artillerii s 1798 po 1848 gg. [A brief overview of the state of artillery from 1798 to 1848.] // *Artilleriiskii zhurnal*. 1853. T.1. pp. 188–208. (In Russian).

4. Mel'nitskoi, N.N. Sbornik svedenii o voenno-uchebnykh zavedeniyakh v Rossii (Sukhoputnogo vedomstva) / Sost. polk. N. Mel'nitskoi [Collection of information about military educational institutions in Russia (Land Department) / Comp. regiment N. Melnitskaya]. T. 1–4. T.1. Ch.II. Sankt-Peterburg, 1857, 128 p. (In Russian).

5. O ekzamine [About the exam] // *Artilleriiskii zhurnal*. 1806. №6. pp. 93–103. (In Russian).

6. Platov, A.S., Kirpichev, L.L. Istoriicheskii ocherk obrazovaniya i razvitiya Artilleriiskogo uchilishcha. 1820-1870 [Historical sketch of the formation and development of the Artillery College. 1820–1870]. Sankt-Peterburg, 1870, 374 p. (In Russian).

8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [The Complete collection of laws of the Russian Empire. The first meeting]. Tom XXXVII. Sankt-Peterburg, 1830, 981 p. pp.198–204. (In Russian).

9. Prilozheniya k istoricheskomu ocherku obrazovaniya i razvitiya artilleriiskogo uchilishcha [Appendices to the historical sketch of the education and development of the artillery school]. Sankt-Peterburg, 1870, 180 p. (In Russian).

10. Publichnye leksii, chitannye pri gvardeiskoi artillerii polkovnikom (nyne general-maiorom) Ratchem v 1860 g. Chtenie I.[Public lectures delivered at the Guards Artillery by Colonel (now Major General) Ratsch in 1860 Reading I] // *Artilleriiskii zhurnal*. 1861. №1. pp. 1–85. (In Russian).

11. Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. Glavnoe upravlenie voenno-uchebnykh zavedenii. Istoricheskii ocherk. Kniga 1 [The centenary of the Ministry of War. 1802-1902. The Main Directorate of Military Educational Institutions. A historical sketch. Book 1]. Sankt-Peterburg, 1902, 370 p. (In Russian).

12. Torzhestvo dvadtsati pyatiletiya Artilleriiskogo uchilishcha [Celebration of the twenty-fifth anniversary of the Artillery School] // *Artilleriiskii zhurnal*. 1846. №1. pp.1–36. (In Russian).

Е.А. Гунаев

Калмыцкая степь и Внутренняя Киргизская орда в XIX – начале XX вв.: модели административного управления¹

Е.А. Gunaev

The Kalmyk steppe and the Inner Kyrgyz Horde in the 19th – early 20th centuries: models of administrative management

Исследование особенностей административного управления в XIX в. для Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орды в отечественной историографии проводилось, как правило, по отдельности, что объясняется различиями между калмыками и казахами по происхождению и вероисповеданию. Вместе с тем их объединяло проживание в рамках одной российской губернии – Астраханской, и кочевой образ жизни. Соответственно, задачи имперской власти по приобщению кочевников к оседлому образу жизни и в целом по их интеграции в общероссийское правовое поле виделись одинаковыми. Отсюда возникает исследовательская проблема изучения практик управления названными народами, нахождения общих черт и различий.

Целью статьи является анализ моделей административного управления указанными образованиями с позиций сравнительного подхода в контексте общей эволюции государственного управления в отношении национальных окраин юго-востока Российской империи. В этой связи необходимо предоставить общую характеристику этапов управления Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орды в указанный период, раскрыть специфику функционирования

¹Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6)= The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

тех или иных моделей управления применительно к каждому этно-политическому образованию и выявить сходные черты условий развития, способствовавших выработке общего подхода по их реформированию к концу XIX – началу XX вв.

Если XIX в. для Калмыцкой степи Астраханской губернии и Большедербетовского улуса Ставропольской губернии – это время дальнейшей постепенной инкорпорации калмыков в систему управления инородцами Российской империи без своего единоначалия, т.н. института наместничества в рамках приставства и в дальнейшем системы попечительства¹, то для Киргизской Внутренней орды – это сначала время образования и функционирования в форме ханства с ханом Букеем, а затем его сыном Джангиром, которые фактически являлись наместниками российского престола, и одновременно применения системы попечительства, которая стала всеобъемлющей после смерти Джангира и фактической ликвидации ханской власти².

На наш взгляд, использование институционального подхода позволяет осуществить анализ моделей административного управления, а также определить этапы исторического развития государственных и общественных институтов в отношении Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орды в XIX – начале XX вв. В качестве моделей можно рассматривать такие формы как наместничество, приставство, попечительство³.

В предлагаемой статье будут рассмотрены модели Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орды в сравнительном аспекте. Источниками исследования выступают опубликованные материалы, включая сборники документов, нормативные акты, отдельные статьи газеты «Астраханский вестник» конца XIX в. и материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) по проектам реформирования названных образований в начале XX в.

Калмыки в количестве 136 254 чел. занимали обширную степь в юго-западной части Астраханской губернии, в пределах которой им на правах общего пользования было предоставлено 7 515 759 дес. или 72 267 кв. верст казенной земли. В административном отношении степь делилась на улусы: Малодербетовский, Харахусовский, Эркетеневский, Яндыко-Мочажный, Икицохуровский, Александровский, Багацохуровский и Калмыцкий Базар, во главе которых стояли улусные управления, функционирующие как уездные полицейские управления. Состояли они из попечителей и заведующих улусами, их помощников и демчеев, или сборщиков податей⁴.

Киргизы (казахи) кочевали в северо-восточной части Астраханской губернии, на пространстве 66 633 кв. верст, в количестве 208 706 чел. Киргизская степь делилась на пять частей: Калмыцкую,

Торгунскую, Нарынскую, Камыш-Самарскую, Таловскую и два Приморских округа – первый и второй. Каждой частью и округом управляли правитель и его помощники. На основании указа правительствующего сената от 20 августа 1876 г. за № 30 002, Внутренняя Киргизская орда не вошла в состав Астраханской губернии, а была лишь подчинена губернатору на тех самых основаниях, на которых состояла в подчинении главного начальника Оренбургского края. Управлял ордой Временный совет, состоявший из председателя, двух русских чиновников и двух ордынских (казахских) советников⁵.

Уже с начала XVII в. «в распорядках калмыцкой жизни принимает участие русская администрация»⁶, хотя степь и продолжает быть самостоятельным ханством под протекторатом России. В 1771 г. часть калмыков вместе с ханом Убуши ушла с русской территории в Китай, и с тех пор ханство было упразднено, а заведывание передано коллегии иностранных дел. В это время в качестве суда оставались бывшие ханские зарго,² но с тем изменением, что, вместо назначаемых ханом чиновников, судьями являлись представители народа. В 1786 г. суд этот был упразднен, учреждены были уездные суды, затем военные, и, наконец, в 1825 г., когда степь перешла уже в ведение Министерства внутренних дел, снова был узаконен зарго, в который избиралось 8 чел. от народа, но уже как апелляционная ступень суда, первой же инстанцией являлись улусные суды, также состоявшие из выборных, а кассационной – сенат. Суды функционировали под непосредственным наблюдением русских чиновников – главного и частных приставов. В 1834 г. было издано первое положение, по которому суд зарго был преобразован: председатель и советники стали назначаться из русских чиновников, причем руководствоваться эти судьи должны были калмыцким судопроизводством и уложением, основанных на местных обычаях. «Однако на деле калмыцкое право не применялось, потому что русские чиновники не были и не могли быть, в силу понятного антагонизма, хорошо знакомыми с этим правом и бытом калмыков, так и потому, что слишком были склонны преувеличивать свою власть и злоупотреблять ею, что было в то тяжелое время не редкостью и в российских судах»⁷. В 1836 г. главный пристав и частные пристава были заменены главным попечителем и улусными попечителями, а в следующем году Калмыцкая степь перешла в ведение министерства государственных имуществ⁸.

После издания в 1847 г. второго «Положения об управлении калмыцким народом», именно в 1849 г., суд зарго был вовсе закрыт,

²Зарго – система управления и судопроизводства в Калмыцком ханстве, которая существовала в конце XVII – первой половине XVIII веков

улусные суды переименованы в улусные зарго, дела же 2-й инстанции переданы в Астраханскую палату уголовного и гражданского суда, которая и заменена была в 1894 г., окружным судом. Утверждалось, что калмыцкого в этих судах практически ничего не оставалось, хотя калмыки во всех деталях сохранили свои бытовые особенности, следовательно, и представление о суде, основанном на началах крепостнических, пережитки которого существовали в степи в форме особой экономической зависимости простолюдинов от нойонов, зайсангов и бакшей. Российские чиновники отмечали, что по обычному праву, «как и у всех вообще малокультурных народов, уголовная ответственность касалась, главным образом, имущества обвиняемых, хотя «ногайка» и «кулак» – аксессуары «высшей ступени цивилизации» – не были совсем изъяты из средств воздействия на нравственность калмыков»⁹. Однако, калмыки были слишком привержены к своему выборному суду и, если не сохранили его в чистом виде в качестве законного суда, то пользовались им нелегально, чем и объяснялось сравнительно малое количество дел, разбираемых в улусных бюро и окружном суде¹⁰.

Киргизы, находившиеся в переходной стадии от кочевого к оседлому состоянию, так как зимой они не кочевали, а жили на определенном месте в постоянных землянках, – с 1805 г. были подчинены русским административным установлениям и находились сначала в ведении министерства иностранных дел, но управлял ими и судил хан и султаны-правители, права и власть которых определялись особыми грамотами, например, от 22 июня 1823 г., и указами, как Указ правительствующего сената от 30 ноября 1839 г. Казахи Внутренней орды судились по своим степным обычаям и законам, причем последний хан Джангир издал, так называемый «Шариат», – свод постановлений по судопроизводству и статей о наказаниях. Имущественная ответственность – «Кун» – в их уголовном кодексе также была на первом месте. Однако, более важные дела, соответствующие уложению о наказаниях, передавались чиновникам Уральского казачьего войска и затем вносились в суд Оренбургской пограничной комиссии. В 1846 г. со смертью хана Джангира его заменил Временный совет, к которому и перешли все права и обязанности ханов, звание которых было упразднено лишь в 1848 г. С 1838 г. Внутренняя Киргизская орда поступила в ведение министерства государственных имуществ. А в 1862 г. была перечислена под управление Министерства внутренних дел. Иных перемен до 1917 г. в управлении ордой практически не было, если не считать, что в 1849 г. существовало предложение приравнять казахов Внутренней орды к казенным крестьянам; в 1875 г. образовать из степи три уезда: Нарынский, Камыш-Самарский и Никольский с упразднением Временного Совета и введением судебной реформы на

началах положения об управлении в степных областях по казахским народным обычаям; и наконец, в 1881 г. вопрос о переустройстве Внутренней орды рассматривался в подлежащем министерстве, но одобрен не был¹¹.

Никаких кардинальных перемен за вторую половину XIX в. в Киргизской Внутренней орде не последовало, и Временный совет более полувека считался временным учреждением. В то время как общие законы империи подверглись переменам, специальные правила для Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орды лишь в некоторых частях согласовывались с новыми законоположениями путем кодификации министерских циркуляров и распоряжений местных начальств. Но, как отмечается, «отозваться неблагоприятно на жизни “инородцев” это не могло»¹². Поэтому вместе с распространением на Астраханскую губернию закона 12 июля 1889 г., в 1894 г. начались подготовительные работы по проекту преобразования Киргизской Внутренней орды и Калмыцкой степи. В 1895 г. астраханское губернское присутствие представило в министерство внутренних дел проект об административном и судебном реформировании Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орды, с образованием из них пяти уездов и с распространением на них закона о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. В самой Астраханской губернии в октябре 1894 г. соединенная палата гражданского и уголовного суда была упразднена и заменена окружным судом, сначала без участия присяжных заседателей, а затем с 1 июля 1897 г. был введен и суд присяжных. В 1894 г. в уездах было введено положение о земских начальниках, вскоре же предстояло и введение земства¹³.

Предполагалось калмыков и казахов Астраханской губернии причислить к казачьему войску, или передать в ведение Министерства внутренних дел, тем более, что министр земледелия и государственных имуществ в том же 1894 г. нашел управление калмыцким народом неудобным и не соответствующим целям и задачам министерства. В начале 1895 г. проект сформулирован был в такой форме: образовать из степей 5 новых уездов, ввести Положение о сельском состоянии и Закон 12 июля с некоторыми изменениями, вызываемом кочевым образом жизни населения¹⁴.

Законом от 9 июня 1912 г. «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Астраханскую губернию» с 1 января 1913 г. в губернии вводилось земство, за исключением земель, отведенных в пользование кочевым инородцам, а также расположенных в пределах этой губернии земель казачьего войска¹⁵.

Так отмечается, что приступая к разработке реформы, Министерство внутренних дел не могло не заметить, что калмыки,

«по образу жизни и своему состоянию, ничем не отличаются от остальных инородцев, входящих в состав населения Империи, почему считало целесообразным в вопросе о реформе управления калмыков Астраханской губернии и в судебном их устройстве держаться тех начал, кои применяются к прочим инородцам и в частности к соседям, их по губернии – киргизам Внутренней Орды»¹⁶.

В 1913 г. был разработан проект Временного положения об управлении и судебном устройстве Алексеевского и Павловского уездов Астраханской губернии, в котором устанавливалось, что Алексеевский и Павловский уезды, в порядке управления, подчиняются Астраханскому губернатору и соответствующим губернским учреждениям по принадлежности. Уездное управление составляли: 1) Уездный начальник; 2) Помощники его по административной и полицейской частям; 3) Уездный съезд; 4) Земские начальники и 5) Становые приставы¹⁷. Глава 8 «Управление инородческого населения», согласно которой общественное управление оседлого и кочевого населения устанавливалось по правилам, изложенным в Общем положении о Крестьянах, с изменениями и дополнениями для кочевого населения, установленными в указанном Временном положении. Утверждалось, что «кочевые киргизы и калмыки по делам хозяйственным и земельным составляют сельские (аульные и хотонные) общества. Означенные общества для ближайшего управления соединяются в волости»¹⁸. Об устройстве судебной части было сказано, что «судебные установления в Алексеевском и Павловском уездах Астраханской губернии образуются на основании судебных уставов Императора Александра II» с изменениями и дополнениями, установленными во Временном положении¹⁹.

Одним из завершающих шагов российского правительства по реформированию устройства Калмыцкой степи и Внутренней Киргизской орды стала попытка введения земства на указанных территориях. Согласно Постановлению Временного Правительства «О введении земских учреждений в Калмыцкой степи и в Киргизской Внутренней Орде, Астраханской губернии» от 1 июля 1917 г., в местностях, занятых в Астраханской губернии кочующими калмыками и киргизами Внутренней Орды, вводилось действие Положение о губернских и уездных земских учреждениях, а равно утвержденное Временным Правительством 21 Мая 1917 года Временное Положение о волостном земском управлении²⁰.

Управлениям означенных земель присваивались наименования Калмыцкого Степного и Киргизского Внутреннего Ордынского Земских Управлений. Местопребыванием данных управлений утверждались: в Калмыцкой степи – поселение Элиста, а в Киргизской Внутренней Орде – поселение Ханская Ставка. Улусы

в Калмыцкой Степи и части Внутренней Орды, в отношении дел местного управления и общественного хозяйства, приравнивались к отдельным уездам. Указанным управлениям в Калмыцкой Степи присваивалось наименование улусных, а во Внутренней Орде – участковых. Местопребыванием данных управлений назначались поселения, в которых находились улусные участковые управления²¹.

В отношении приведения в действие названного постановления устанавливалось: распоряжения по приведению в действие указанного постановления в Калмыцкой Степи и во Внутренней Орде возлагались на комиссаров и на Астраханский Калмыцкий и Киргизский Ордынский исполнительные комитеты, по принадлежности. Указанные в статье 1-й действия в улусах и частях возлагались на улусные и участковые исполнительные комитеты или соответствующие им организации. Ближайший порядок действий указанных комитетов, а равно прочие меры по приведению в действие названного постановления должны были определяться наказом министра внутренних дел. Расходы местных учреждений по приведению в действие указанного постановления были отнесены на доходы общественного Калмыцкого капитала Астраханской губернии и капитала Внутренней Киргизской Орды, по принадлежности, а при недостатке таковых доходов – на заимствования за счет этих капиталов²².

В Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орде вводилось в действие, утвержденное Временным Правительством 30 Мая 1917 г. Положение о судах по административным делам, и были отнесены дела, подведомственные окружному суду (по административному отделению) к ведению Астраханского окружного суда. В дополнение к действующим штатам судебных установлений с 1 июля 1917 г. учреждалось по одной новой должности административного судьи в Калмыцкой Степи и во Внутренней Киргизской Орде и две должности секретаря при административном судье²³.

Таким образом, правительственные проекты реформирования Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орде начала XX в. планировали постепенное приближение уровня управления в них к общероссийскому уровню, проекты отдельного уездного управления в составе Астраханской губернии и попытка введения земства в 1917 г. признавали этнотерриториальные особенности данных территорий.

Анализ историографии истории административного управления по Калмыцкой степи показал, что большинство исследователей рассматривают модели административного управления как этапы развития системы управления. В основном применяются такие определения для моделей административного управления: «полити-

ческая автономия», «административная автономия», «интеграция с губернской административно-территориальной единицей на правах ее особой структуры»²⁴. Исключением является, пожалуй, работа И.К. Очир-Гаряевой «Региональное управление в России: историко-правовой анализ», в которой автор рассматривает наместничество, приставство и попечительство как общественно-политические и социальные институты²⁵.

На взгляд автора, названные институты можно рассматривать и как модели управления в Калмыцкой степи, которые имели разную природу объекта: наместничество – институт главы народа; приставство – поначалу больше надзор за знатью, но затем и за всем населением Калмыцкой степи; попечительство – полноценная опека со стороны государства, выстроенная в определенную систему. При этом указанные модели соответствуют этапам истории системы управления.

В начале XIX в. при Павле I была осуществлена попытка воссоединения всех калмыцких улусов под руководством назначаемого наместника, однако после смерти наместника Чучея Тундутова в 1803 г. эта идея не реализовалась. В 1825, 1834 и 1847 гг. принимались различные правила и положения об управлении калмыцким народом, которые де-факто передавали контроль над Калмыцкой степью сначала приставам, а затем попечителям. Система попечительства, внедренная в 1847 г. как временная мера, просуществовала в Калмыцкой степи вплоть до 1917 г. При этом следует помнить, что должность Главного пристава калмыцкого народа была учреждена в 1802 г., то есть еще в период наместничества.

Однако наместничество Ч. Тундутова, ввиду слабой проработанности этой структуры управления и кратковременностью существования, можно исключить из этих этапов. Поэтому применительно к XIX столетию мы можем говорить о существовании двух этапов формирования системы управления в Калмыцкой степи: приставства и попечительства. Следует учитывать, что приставство в Калмыцкой в течение десятилетий эволюционировало и к концу своего существования мало чем отличалось от сменившего его попечительства. То есть с точки зрения анализа модели управления можно говорить о том, что фактически она была одна, но подвергалась эволюционной трансформации с учетом обстановки на местах, внутренних и внешних условий.

Если говорить о Киргизской Внутренней орде, то и здесь мы видим эти три института (модели): наместничество, приставство и попечительство. Однако условия их функционирования и этапы развития были несколько иными. Мы согласны с мнением Ж.А. Еремкбая, что Джангир-хан, несмотря на ханскую титулатуру, являлся

фактически наместником российского императора, реализовавшим в жизнь политику царской администрации²⁶. Представляется, что в целом институт ханской власти в Киргизской Внутренней орде можно условно считать наместничеством, начиная с 1812 г. (когда султан Букей был утвержден ханом) и до 1845 г. (когда скончался Джангир-хан). Однако параллельно с этим неофициально функционировала система приставства, фактически введенная в Киргизской Внутренней орде с начала появления в Астраханской губернии (1801 г.). Почему данная модель характеризуется как неофициальная? Дело в том, что, например, в отличие от Малой орды, где данный пост был введен официально²⁷, была попытка ввести должность пристава во Внутренней орде, однако в последствии было признано отсутствие в этом необходимости²⁸. Д.В. Васильев отмечает, что оренбургская администрация в данном случае «...не смогла реализовать калмыцкую модель местного управления кочевниками»²⁹.

В то же время, по нашему мнению, данный институт существовал де-факто. На наш взгляд, функции приставов осуществляли командиры (войсковые атаманы) Астраханского казачьего войска, в частности П.С. Попов и В.Ф. Скворцов³⁰. Д.В. Васильев отмечает, что генерал-майор П.С. Попов состоял при хане Бокее (Букее – *Е.Г.*) «в качестве представителя российской администрации»³¹. Далее, в представлении султана Шигая оренбургскому военному губернатору П.К. Эсену от 20 апреля 1819 г. о несогласии с назначением в Букеевскую орду постоянного пристава сказано следующее: «Во внимании к сим справедливым обстоятельствам, я осмеливаюсь ходатайствовать об оставлении подвластного мне народа, меня даже самого, под непосредственное влияние г. Скворцова, как уже в расположении, благомыслии и даже самом бескорыстии через столько лет совершенно испытанного. Влияние коего, по связи Астраханского кордона по связи с кочеванием подвластных мне киргизцев, и необходимо, и полезно»³².

В 1828 г., после ревизии сенатора Энгеля, российские власти учреждают при хане Джангере особую должность чиновника со званием попечителя Внутренней Киргизской орды, «для защиты интересов посторонних лиц в суде ордынском и для защиты интересов киргизов в судах русских»³³, «...и вообще наблюдать за спокойствием и благоустройством всей Орды»³⁴. Выбор указанного чиновника, его определение и увольнение было поручено Министерству иностранных дел, в ведении которого находились казахи. Как отмечает Д.В. Васильев, «введение должности попечителя вызвало резко негативную реакцию среди казахских старшин»³⁵. И данное решение было отложено на некоторое время. Но все-таки во Внутреннюю орду оренбургским военным губернатором ежегодно на несколько меся-

цев командировался чиновник «для наблюдения за безопасностью казахов и справедливостью их менового торга»³⁶.

Система попечительства была введена в 1838 г., когда Внутренняя Киргизская орда была передана в ведение Министерства государственных имуществ, а затем с 1862 г. Министерства внутренних дел и существовала (как и в Калмыцкой степи) до 1917 г. Отношение казахов к институту попечителей было различным, зачастую в этой власти они видели ограничение собственных прав³⁷. Д. В. Васильев считает, что «во Внутренней орде утвердилась система, основанная на комбинировании местных традиций и бюрократических реалий империи»³⁸. Хотя Внутренняя орда с принятием Положения 1844 г. об управлении Оренбургскими киргизами осталась в зависимости от Оренбургской пограничной комиссии, все же с 1838 г. она находилась в ведении Министерства государственных имуществ, тогда как казахи Малой орды в ведении Министерства иностранных дел. Отличительной чертой управления Внутренней ордой являлось сосредоточение административной и полицейской власти на уровне назначавшихся ханом родоправителей и старшин³⁹. Как отмечал С. З. Зиманов, «Во Внутренней орде каждый род делился на старшинства, которые совпадали с отделениями и подотделениями рода. Во главе старшинств стояли старшины, которые так именовались независимо от того, какие они имели звания (кроме султанов)»⁴⁰.

Таким образом, система, основанная на учете родовой структуры общества, сохранялась на протяжении XIX в. и начала XX в. То же самое можно сказать и о системе (модели) управления в Калмыцкой степи и в целом в отношении коренных народов восточных окраин России. Исследователи именуют данную систему улусной или монгольской, золотоордынской⁴¹.

В XIX в. Калмыцкая степь и Киргизская Внутренняя орда развивались разными путями как этнополитические образования на юго-востоке Российской империи. Калмыки, известные ранее как ойраты прикочевали в Россию в начале XVII в., однако только в XIX в. стали постепенно интегрироваться в общероссийское пространство, сохраняя во многом прежний быт и порядки. Калмыцкая степь Астраханской губернии являлась основным ядром расселения калмыков в составе Российской империи, поэтому административные реформы, проводимые здесь, можно назвать главной линией имперской политики в отношении данного народа. Обращает на себя внимание более детальное регламентирование основных сторон жизни и быта калмыков нормативными документами Российской империи. В XIX в. это правила 1825 г., положения об управлении калмыцким народом 1834 и 1847 гг. В конце XIX в. важным актом, затронувшим

основную массу населения, стала реформа 1892 г., отменившая обязательные отношения между правящим и зависимым сословиями калмыцкого общества, по сути крепостничества.

Киргизская Внутренняя орда только образовалась в начале XIX в., когда султан Букей прикочевал с подвластным населением в междуречье Волги и Урала. Было образовано Букеевское ханство, во второй половине XIX в., со смертью сына Букея хана Джангира, оно ликвидируется, и власть в орде начинает принадлежать Временному совету, во главе которого находился русский чиновник. Особенности управления Киргизской Внутренней орды являлась двойственность административного подчинения оренбургским и астраханским властям до 1876 г. Модернизационные процессы в орде в первой половине века проводились под российским влиянием ханами Букеевской орды – Букеем и особенно его сыном Джангиром. Однако самовластие ханов имело и негативные стороны в виде чрезмерного роста налогов, обезземеливания беднейшей части населения. Крепостничества, закреплённого законодательно российскими актами в орде, как и во всей Казахской степи, не было, но это не отменяло определенные повинности между правящим и зависимым сословиями, характерными для феодального общества.

В целом к концу XIX в., и особенно в начале XX в., в отношении обоих этнополитических образований российскими властями стали разрабатываться проекты по модернизации управления и интенсификации интеграции обоих народов в общеправовую и экономическую систему государства. Постепенно эти проекты объединяли в плане модернизации управления указанные территории Астраханской губернии, что свидетельствовало о примерно одинаковом достигнутом уровне социально-экономического развития и предпосылок к их реформированию.

В отношении указанных этнополитических образований прослеживаются три модели управления: наместничество, приставство и попечительство. У астраханских калмыков эти модели сменяются одна за другой, у казахов Внутренней орды они в первой половине XIX в. применялись наряду одна с другой, как бы формируясь одновременно. Фактически это была одна модель попечительства, которая реализовывалась сначала путем назначения наместника или пристава, затем полностью переходила в ведение Министерства государственных имуществ, затем внутренних дел с соответствующей структурой управления. На низовом и среднем уровне управления применялась улусная (золотоордынская, монгольская) система управления, учитывавшая родоплеменную структуру кочевых обществ. Только в начале XX в. начался переход к общероссийской

модели управления, подразумевающее введение земства, который так и не был завершен.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. Батыров В.В., Горяев М.С., Команджаев А.Н., Команджаев Е.А. Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века. Элиста: Джангар, 2014. 159 с.; Белоусов С.С. Глава 2. Калмыкия в период преобразований (первая половина XIX в.). // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с. (С. 464–514); Белоусов С.С. Глава 3. Калмыкия во второй половине XIX в. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с. (С. 514–559); Деев С.Ю. К вопросу о проблемах системы управления калмыцким народом в XIX в. // Вестник КИГИ РАН: сб. науч. трудов. Вып. 20. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. С. 121–137; Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) / КИГИ РАН. М.: Наука, 2002. 524 с.

2. Аспандияров Б. Образование Букеевской Орды и ее ликвидация. Алматы: Казакэнциклопедиясы, 2007. 400 с.; Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с. (С. 562–624).

3. Избасарова Г.Б. Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII–XIX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2 (54). С. 113–124; Избасарова Г.Б. Институт попечителей во внутренней политике Российской империи: на примере Казахской степи Оренбургского ведомства XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 6. С. 85–96; Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21; Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. В 5 ч. Ч. 2. Попечительство; Поземельное устройство. СПб.: Тип. Я.И. Либермана, 1888. 559 с.

4. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.

5. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.

6. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 19 августа. № 3091. С. 2.

7. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.

8. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.

9. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.
10. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2..
11. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.
12. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.
13. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 13 августа. № 3086. С. 2.
14. Навстречу реформе // Астраханский вестник (Астрахань). 1899. 19 августа. № 3091. С. 2.
15. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1913 г. / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: типография губернского правления, 1913. 692 стб. Приложения.
16. «О преобразовании административного, судебного и земского управления Внутренней Киргизской орды и Калмыцкой степи Астраханской губернии» 14 февраля – 27 июля / Совет министров. 1913 // РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.11. л. 22.
17. РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.11. л. 22.
18. РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.11. л. 22.
19. РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.11. л. 22.
20. Постановление Временного Правительства «О введении земских учреждений в Калмыцкой степи и в Киргизской Внутренней орде Астраханской губернии» от 1 июля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 29 июля 1917. № 175. Ст. 968. С. 1725–1729.
21. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 29 июля 1917. № 175. Ст. 968. С. 1725–1729.
22. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 29 июля 1917. № 175. Ст. 968. С. 1725–1729.
23. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 29 июля 1917. № 175. Ст. 968. С. 1725–1729.
24. *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.) / КИГИ РАН. М.: Наука, 2002. С. 74–244; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. / Ответственные редакторы [С. Г. Агаджанов], В. В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
25. *Очир-Гаряева И.К.* Региональное управление в России: историко-правовой анализ. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2014. С. 50–109.
26. *Ермекбай Ж.А.* Хан Жангир: верноподданный России и реформатор степи // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425.с. 128.

27. *Горбунова С.В.* Приставство Горихвостова в Младшем казахском жузе (1822–1824 гг.) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре, Нижневартовск, 24–25 октября 2013 г. / Ответственный редактор: Я.Г. Солодкин. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2013. С. 254–257.

28. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 190, 201, 203, 208.

29. *Васильев Д.В.* Организация управления Внутренней казахской ордой в первой половине XIX в. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 78.

30. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 172, 177, 183, 186, 187, 190, 212.

31. *Васильев Д. В.* Организация управления Внутренней казахской ордой в первой половине XIX в. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 78.

32. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 204

33. «О преобразовании административного, судебного и земского управления Внутренней Киргизской орды и Калмыцкой степи Астраханской губернии» 14 февраля – 27 июля / Совет министров. 1913 // РГИА. Ф.1276. Оп.9. Д.11. Л. 3.

34. Высочайше утвержденное положение Азиатского комитета «Об отводе земли под кочевья Киргизцам внутренней Орды; о запрещении добывания им и торго Баскунчатскою и других озер солью, и о назначении при тамошнем Хане и учрежденном при нем Совете особого Чиновника, с званием Попечителя той Орды» от 7 апреля 1828 г. № 1928 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830–1885. – Тип. Т. 55 и Общ. алф. указ.: Гос. тип. Т. 3: 1828: от № 1677 до 2574. 1830. 1642 с. (С. 367–370).

35. *Васильев Д.В.* Организация управления Внутренней казахской ордой в первой половине XIX в. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 80.

36. *Васильев Д.В.* Организация управления Внутренней казахской ордой в первой половине XIX в. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 80; История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: Сб. документов и материалов / сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. С. 319, 322–323.

37. *Избасарова Г.Б.* Институт попечителей во внутренней политике Российской империи: на примере Казахской степи Оренбургского ведомства XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 6. С. 92.

38. *Васильев Д.В.* Реформы управления казахами Оренбургского ведомства второй четверти XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 124.

39. *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 567.

40. *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века / Акад. наук Казах. ССР. Ин-т философии и права. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1958. С. 207.

41. *Лысенко Ю.А.* Механизмы взаимодействия Российской империи с казахской этноэлитой Младшего и Среднего жузов (XVIII–XIX вв.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, № 8(82). С. 16; *Шерстова Л.И.* Улусная традиция административного устройства сибирских народов в XVII – начале XX в.: евразийский контекст // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: материалы первой Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти известного учёного, педагога, просветителя и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956–2019), Барнаул, 29–30 октября 2020 г. Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2021. С. 145–150.

Автор, аннотация, ключевые слова

Гунаев Евгений Александрович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН
ORCIDID: 0000-0002-7173-4170
gunaeva@yandex.ru

Исследование особенностей административного управления в XIX – начале XX вв. для Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орды в отечественной историографии проводилось, как правило, по отдельности, что объясняется различиями между калмыками и казахами по происхождению и вероисповеданию. Вместе с тем их объединяло проживание в рамках одной российской губернии — Астраханской, и кочевой образ жизни. Соответственно, задачи имперской власти по приобщению кочевников к оседлому образу жизни и в целом по их интеграции в общероссийское правовое поле виделись одинаковыми. Отсюда возникает исследовательская проблема изучения практик управления указанными народами, на-

хождения общих черт и различий. Целью статьи является анализ моделей административного управления указанными образованиями с позиций сравнительного подхода в контексте общей эволюции государственного управления в отношении национальных окраин юго-востока Российской империи. Использование институционального подхода позволяет осуществить как анализ моделей административного управления, так и определить этапы исторического развития государственных и общественных институтов, властных институтов Калмыцкой степи и Киргизской Внутренней орды в XIX – начале XX вв. В качестве моделей рассматриваются такие формы как наместничество, приставство, попечительство. В отношении указанных этнополитических образований прослеживаются три модели управления: наместничество, приставство и попечительство. У астраханских калмыков эти модели сменяются одна за другой, у казахов Внутренней орды они в первой половине XIX в. применялись наряду одна с другой, как бы формируясь одновременно. Фактически это была одна модель попечительства, которая реализовывалась сначала путем назначения наместника или пристава, затем полностью переходила в ведение Министерства государственных имуществ, затем внутренних дел с соответствующей структурой управления. На низовом и среднем уровне управления применялась улусная (золотоордынская, монгольская) система управления, учитывавшая родоплеменную структуру кочевых обществ. Только в начале XX в. начался переход к общероссийской модели управления, подразумевающее введение земства, который так и не был завершен.

Калмыцкая степь, Киргизская Внутренняя орда, калмыки, казахи, административное управление.

Author, Abstract, Key words

Evgeniy A. Gunaev – Candidate of Jurisprudence, Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia)

ORCID: 0000-0002-7173-4170

gunaeva@yandex.ru

The study of the peculiarities of administrative management in the 19th and early 20th centuries for the Kalmyk steppe and the Kyrgyz Inner Horde in Russian historiography was carried out, as a rule, separately, which is explained by the differences between Kalmyks and Kazakhs by origin and religion. At the same time, they were united by living within

the same Russian province, Astrakhan, and a nomadic lifestyle. Accordingly, the tasks of the imperial government to introduce the nomads to a sedentary lifestyle and, in general, to integrate them into the all-Russian legal field were seen as the same. This raises the research problem of studying the management practices of these peoples, finding common features and differences. The purpose of the article is to analyze the administrative management models of these entities from the perspective of a comparative approach in the context of the general evolution of public administration in relation to the national outskirts of the south-east of the Russian Empire. The use of an institutional approach makes it possible to analyze administrative management models and determine the stages of the historical development of state and public institutions, the power institutions of the Kalmyk Steppe and the Kyrgyz Inner Horde in the 19th and early 20th centuries. Such forms as viceroyalty, bailiffship, and guardianship are considered as models. Three management models can be traced in relation to these ethnopolitical formations: viceroyalty, bailiffship and guardianship. Among the Astrakhan Kalmyks, these models are replaced one after another; among the Kazakhs of the Inner Horde, in the first half of the 19th century, they were used along with one another, as if forming simultaneously. In fact, this was one model of guardianship, which was implemented first by appointing a governor or bailiff, then completely transferred to the Ministry of State Property, then Internal Affairs with an appropriate management structure. At the grassroots and middle management levels, the ulus (Golden Horde, Mongolian) management system was used, taking into account the tribal structure of nomadic societies. It was only at the beginning of the 20th century that the transition to the all-Russian management model began, implying the introduction of the Zemstvo, which was never completed.

Kalmyk steppe, Kyrgyz Inner Horde, Kalmyks, Kazakhs, administrative management

References **(Articles from Scientific Journals)**

1. Deev S. Yu. K voprosu o problemakh sistemy upravleniya kalmytskim narodom v XIX v. [Governing Kalmyks: Problems faced by the administrative system in the nineteenth century]. *Vestnik KIGI RAN* [Bulletin of Kalmyk Humanities Research Institute RAS. Collected scholarly papers]. Vol. 20. Elista, 2006, pp. 121–137. (In Russ.)
2. Gorbunova S. V. Pristavstvo Gorixvostova v Mladshem kazaxskom zhuze (1822–1824 gg.) [Gorikhvostov's bailiffship in the Younger Kazakh zhuz (1822-1824)] In: Yuga, Siberia, Russia: political, economic, socio-cul-

tural aspects of the past and present: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 20th anniversary of Higher Historical Education in Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Nizhnevartovsk, October 24-25, 2013 / Executive editor: Ya. G. Solodkin. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2013. pp. 254–257. (In Russ.)

3. Ermekbay Zh.A. Khan Zhangir: vernopoddannyy Rossii i reformator stepi [Zhangir khan: a loyal subject of Russia and steppe reformer]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2017, no 425, pp. 124–130. (In Russ.)

4. Izbasarova G.B. Imperskie mekhanizmy pravleniya okrainami: bashkiry, kalmyki, kazakhi v XVIII-XIX vv. [Imperial mechanisms of management of suburbs: Bashkirs, Kalmyks, Kazakhs in the XVIII-XIX centuries]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of Russian Nation]. 2017, no 2 (54), pp. 113–124. (In Russ.)

5. Izbasarova G. B. Institut popechitelej vo vnutrennej politike Rossijskoj imperii: na primere Kazaxskoj stepi Orenburgskogo vedomstva XIX v. [The Institute of Trustees in the Internal Policy of the Russian Empire: on the example of the Kazakh Steppe of the Orenburg Department of the 19th century.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya* [Moscow University Bulletin. Series 8: History]. 2017, no 6, pp. 85–96. (In Russ.)

6. Izbasarova G.B., Lyubichankovskiy S.V. Pristavstva na okrainakh Rossiyskoj imperii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: ot administrativnogo litsa k sisteme upravleniya [Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th century: From a personal position to a management system.]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2018. no 2. pp. 13–21. (In Russ.)

7. Lysenko Y. Mexanizmy` vzaimodejstviya Rossijskoj imperii s kazaxskoj e`tnoe`litoj Mladshego i Srednego zhuzov (XVIII–XIX vv.) [Mechanisms of the Russian Empire's Interaction with the Kazakh Ethnic Elite of the Younger and Middle Zhuzes (18th – 19th Centuries)]. *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal "Istoriya"* [ISTORIYA]. 2019. Vol. 10, issue 8 (82), p. 16. (In Russ.)

8. Sherstova L. I. Ulusnaya tradiciya administrativnogo ustrojstva sibirskix narodov v XVII – nachale XX v.: evrazijskij kontekst [The Ulus tradition of the administrative structure of the Siberian peoples in the XVII – early XX century: the Eurasian context]. In: *Siberia in the focus of historical, Oriental and legal studies: materials of the first All-Russian scientific conference dedicated to the memory of the famous scientist, teacher, educator and public figure, Doctor of Historical Sciences, Professor Alexander Vladimirovich Startsev (1956–2019)*, Barnaul, October 29–30, 2020 Barnaul, 2021. pp. 145–150. (In Russ.)

9. Vasil`ev D. V. Organizaciya upravleniya Vnutrennej kazaxskoj ordoj v pervoj polovine XIX v. [The creation of governing system for the Inner kazakh horde in the first half of the 19th century]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences]. 2015, no 4, pp. 76–85. (In Russ.)

10. Vasil'ev D. V. Reformy' upravleniya kazaxami Orenburgskogo vedomstva vtoroy chetverti XIX v. [Reforms of kazakh administration in Orenburg governorate in the second quarter of the 19th century]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences]. 2015, no 5, pp. (In Russ.)

(Monographs)

11. Aspandiyarov B. Obrazovanie Bukeyevskoy Ordy i ee likvidatsiya [Bukey Horde: Its Emergence and Abolition]. Almaty, 2007. 400 p. (In Russ.)

12. Batyrov V.V., Goryaev M.S., Komandzhaev A.N., Komandzhaev E.A. Izmeneniya v sisteme upravleniya Kalmykiey v kontse XVIII – nachale XX veka. [Kalmykia in the Late Eighteenth to Early Twentieth Centuries: Changes in the Government System]. Elista, 2014. 159 p. (In Russ.)

13. Belousov S.S. Glava 2. Kalmykiya v period preobrazovaniy (pervayapolovina XIX v.). [Kalmykia in the turbulent early-to-mid nineteenth century]. In: *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days]. In 3 vols. vol. 1. Elista, 2009. 848 p. (In Russ.)

14. Belousov S.S. Glava 3. Kalmykiya vo vtoroy polovine XIX v. [Kalmykia in the mid-to-late nineteenth century]. In: *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days]. In 3 vols. vol. 1. Elista, 2009. 848 p. (In Russ.)

15. Maksimov K.N. *Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII – XX vv.)* [Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System]. Moscow: Nauka, 2002. 524 p. (In Russ.)

16. Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya [Ethnic Peripheries of Imperial Russia: The Shaping and Development of Administrative Systems]. (eds.) [S.G. Agadzhanov], V.V. Trepavlov. Moscow, 1998. 416 p. (In Russ.)

17. Ochir-Garyaeva I.K. Regional'noe upravlenie v Rossii: istoriko-pravovoy analiz [Regional Governance in Russia: A Historical and Legal Analysis]. Elista, 2014. 126 p. (In Russ.)

18. Vasil'ev D. V. Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v. [The Imperial Burden: Russia's Administrative Policy in Central Asia. Mid-to-Late Nineteenth Century] Moscow, 2018. 638 p. (In Russ.)

19. Zimanov S. Z. Obshhestvenny'j stroj kazaxov pervoy poloviny' XIX veka [The social system of the Kazakhs of the first half of the 19th century]. Alma Ata, 1958. 296 p. (In Russ.)

M.V. Hovsepyan, A.A. Kharatyan, A.H. Karapetyan

**History of Armenian schools in Russia
(19th century—early 20th century)**

М.В. Овсепян, А.О. Карапетян, А.А. Харатян

**Из истории армянских школ в России
(с XIX века до начало XX века)**

Introduction

The existence of Armenian schools in Russia was conditioned by the formation of Armenian colonies in that country (as early as the 14th century) when Armenian communities were established in Moscow, Novgorod and later-in Astrakhan, Kazan and other places¹. In quantitative and qualitative terms, those schools developed significantly in the mid-18th century and the first decades of the 19th century due to Russia's broad-minded policy of enlightenment and the development of the school building sector. These phenomena were inevitably linked to the cultural relations between the titular nation in Russia and the peoples that were part of it. Thanks to the latter, wide opportunities opened up for Armenian schools to develop their national schools bearing the benevolent influence of the Russian school². The latter circumstance was mostly related to the organization and management of school affairs, the expansion of the secular significance of education in Armenian schools and the strengthening of advanced teaching methods.

In the preparation of this work, we have primarily relied on the most significant studies in Soviet and contemporary Armenian historiography, where the subject under consideration has undergone thorough scientific analysis. By applying methods of historical criticism and scholarly research to these studies, we have arrived at several important conclusions. Based on the results of our analysis, we find it necessary to highlight the following points. Soviet Armenian historiography thoroughly examined the available primary sources and, for the first time, approached the topic scientifically, while also placing considerable emphasis on descriptive essays. This approach aimed to provide both the academic community and the general public with a comprehensive understanding of the Armenian schools that operated in Russia. However, this descriptive tendency is scarcely observed in the works of modern Armenian researchers focusing on the subject. Instead, their works are primarily dedicated to a critical analysis of the contributions

made by their predecessors in the field. It is important to note that both Soviet and contemporary Armenian historiographies have consistently acknowledged and highly valued the positive role played by Russia-particularly in the development of school infrastructure, as well as in the educational and cultural advancement of the Armenian people.

The history of Armenian schools of Russia (19th century-early 20th century) has been studied mainly in two directions to date. The ones relate to elementary church schools (parish schools) and diocesan schools (colleges, seminaries) and, secondly, to the important significance of the aforementioned schools in the field of Armenian-Russian educational and cultural relations. There is valuable information on the Armenian schools of Russia and the problems of school construction in the works of A. Shavarshyan, V. Yerkanyan, K. Grigoryan, M. Santrosyan, V. Diloyan, V. Barkhudaryan, H. Aleksanyan and others³.

A. Shavarshyan in particular referred to the status of the Armenian Church of Russia, its rights and obligations in the development of Armenian schools which were defined by the famous Charter of "Polozhenie" (1836). V. Yerkanyan thoroughly presented valuable information about the legislative regulations implemented in the field of education of Russia showing their important positive consequences for Armenian schools of Russia. V. Barkhudaryan closely linked the gradual process of development of Armenian schools and its content with the reforms taking place in the country in general also focusing on the effective results of the independent activities of the Armenian Church in this area. With specific statistical data, he presented the significant increase in the number of Armenian schools in Russia (including in the dioceses of Astrakhan, New Nakhichevan) and Bessarabia as well as in the Armenian settlements of the Crimean Peninsula. Among the mentioned works, V. Diloyan's study has special merit, in which the role and significance of the Moscow Lazarian Seminary in the field of Armenian and Russian Oriental Studies as well as the development of the Eastern Armenian School and pedagogical thought were highlighted.

The research materials of this article testify to the need to reflect on the beneficial influence of Russian culture on Armenian pedagogical thought and school construction based on the history of schools that existed in the Armenian colonies of Russia (18th century-the first decades of the 20th century). It should be emphasized that researchers have addressed this issue but not in sufficient depth.

CONTENT

Armenian colonies were formed in Russia in the 11th-12th centuries⁴. In the 14th century, there were Armenian communities in Moscow, Novgorod, and later in Astrakhan, Kazan and other places⁵. Armenians have gradually expanded their activities in various fields, from trade and

industry to culture. They also built Armenian schools in their settlements. At the end of the 18th century, among the most famous Armenian educational centers were the schools of the Holy Cross Monastery of Nor Nakhichevan⁶, Aghababyan of Astrakhan and the Lazar Seminary of Moscow⁷.

In the article, we will present important Armenian educational centers that operated in Russia. We will try to present the importance of the role of those educational centers not only from the point of view of preserving the national image and introducing new teaching methods into the national education system but also from the point of view of promoting the development of Armenian-Russian socio-political and cultural relations. In our scientific research, we will also present the activities of a number of Armenian educational centers that operated during the Soviet period, as well as in the Russian Federation (that have been operating in recent years).

The used professional literature, researches, works and articles, as well as the official information posted on the websites of the state structures of the Republic of Armenia, greatly helped to complete our conclusions. From this point of view, it should be noted that the researches conducted to date are largely descriptive (despite their analytical aims). Of course, there are objective assessments of the fate of Armenian schools of Russia. On the other hand, there has not yet been an in-depth discussion of the approaches adopted in that country towards national minorities in general taking into account their and the national preservation issues of the Russian-Armenian community. As for the analysis of issues related to the fate of Armenian schools that survived in Russia during the Soviet period and the years after the collapse of the *Union of Soviet Socialist Republics*, there are no serious studies on them in scientific circles; existing ones are in the nature of conclusions obtained from the results of opinion polls.

Let's emphasize that at the initial stage of the formation of Armenian colonies in Russia, the desire to preserve Armenian traditions, language and culture was stronger and was among the national priorities than it is at the modern stage where globalization and universal values have been pushed to the forefront all over the world. It was already clear that in the future, instead of Armenian day schools, there would be one-day educational institutions or a certain number of teaching hours in schools with Russian basic education. For example, if the Lazarian Seminary opened in Moscow in 1815, which initially engaged in the education of poor Armenian children, turned into a high-class educational center for the development of Oriental studies and Armenian studies over the decades,

then today most of the small number of Armenian Sunday educational centers are facing the threat of closure due to the lack of students and due to financial difficulties.

For Armenian schools operating in Russia for 300 years, certain rules for the organization of the school process were formed and specific educational programs and teaching methods were developed in which positive changes and shifts took place starting from the first half of the 19th century. After a long struggle by the progressive forces of the Armenian society for the sake of secularization, popularization of educational centers and the development of unified educational programs, school charters were created in the late 1860s, and schools began to be opened not only in Eastern but also in various provinces of Western Armenia⁸. Until then, in the small number of church and monastic schools, teaching was done in a scholastic way using corporal punishment, and the range of knowledge provided was limited. Individual, home schooling was widespread which lacked any control as there were no such supervisory or regulatory bodies. In the absence of Armenian statehood, the Armenian Apostolic Church was officially considered the organizer of Eastern and Western Armenian educational affairs for centuries.

The Armenian historian V. Yerkanyan has conducted extensive research on these issues, with a particular focus on the general development of Armenian school construction in the 19th century, the history of Armenian culture up to 1917, and the establishment and progress of several Armenian schools in Russia. However, Yerkanyan's studies do not include a comparative analysis or description of the Russian and other national minority schools operating in Russia during the same period. We believe that addressing this aspect would have significantly enhanced the objectivity of his research.

It can be stated that Armenian schools of Russia developed thanks to the great efforts of a small number of nationalist Armenian individuals and progressive church figures, who rightly fought against the clerical and conservative methods of teaching in national schools. The schools existed mainly on their own budgets and funds provided by Armenian philanthropists. It should also be noted that the event of the joining of Eastern Armenia to Russia in 1828 by the Treaty of Turkmencha became the impetus for this movement, which started with the aim of new educational programs and modern teaching methods, improving the quality of education⁹. Before that, there were only one school attached to the churches in Yerevan and Nakhichevan, although there were also a number of private Armenian schools opened by priests in Russia.

In 1868, the First General Rules of the Armenian parish schools came into force, according to which the church-parish elementary school with a duration of 2-3 years became the main focus of the people's educa-

tion¹⁰. In this way, the development of education reached a new level because in those educational institutions teachers were employed in specific professions and scholastic teaching methods and corporal punishment were no longer used.

Armenian church-parish schools were similar in structure to the folk-zemstvo schools operating in Russia bearing the positive influence of the latter. In the 1870s, based on the programs of those Armenian schools, Armenian spiritual or state schools were created as pre-schools with a duration of 6-8 years of study including various scientific subjects in the curriculum¹¹. Karapetian School of Akhaltskha, Mesropian School of Akhalkalak, Spiritual Schools of Baku and Agulis, Church Schools attached to the Saint Savior Church of Alexandropol were among such educational centers. Armenian female schools were also part of the spiritual schools.

In 1836, high-type Armenian secondary schools were built which were called diocesan schools or spiritual seminaries. Those types of schools had a secular content. Until the 1870s, of the 6 Armenian dioceses of Russia, such schools were only in Tiflis (Tbilisi), Yerevan and Shushi. The ones gradually became centers contributing to the progress of the education of Eastern Armenians.

In the 70s of the 19th century, 4 types were formed in the educational system of Armenian schools in Russia: parochial, spiritual, diocesan, seminary.

According to the data of the Etchmiadzin Synod, in 1871 there were 90 Armenian schools (including diocesan schools) in Transcaucasia in particular, in 1885 there were 270 schools, 41 of which were female, and in total, more than 310-330 Armenian schools were operating in the Armenian-populated areas of Russia. In 1894-1895, the number of Armenian parish schools operating in Russia was 253. In the academic year 1914-1915, the number of Armenian church-parochial schools in Transcaucasia alone was about 400, and in the North Caucasus and Middle Asia, there were more than 40 Armenian schools (including parochial schools)¹².

The Armenian parochial schools operating in the territory of Russia coordinated their programs with the Armenian Apostolic Church and were in fact subordinated to that spiritual structure remaining independent from the Russian educational authorities¹³. However, this did not mean that these state institutions were indifferent to the Armenian educational system. For understandable reasons, they were concerned about the issues of those schools and their governance. In the 30s of the 19th century, those issues were the focus of more serious attention¹⁴.

The Armenian Community of Astrakhan had been making efforts to create a national educational institution since the 1780s, but the relevant

government structures did not immediately approve the requests sent to them to establish Armenian schools¹⁵. Thanks to the broad-minded educational policy of the Russian authorities, the first Armenian educational center started operating there at the end of the 18th century. In 1788, first of all, with the efforts of the local resident Minas Dilanchyan, a national school was opened next to the Armenian church of Astrakhan, and then, until 1799, they started teaching the Armenian language in the main Russian school of the city¹⁶. They taught Armenian, Russian and Latin in that spiritual school founded by M. Dilanchyan, and the costs of the educational center were covered by the money received from renting the booths of the guest house built especially for that purpose¹⁷.

Among Armenian historians, H. Zakaryan has conducted a historical and scientific analysis of the cultural life of the Armenian community, touching to some extent on the activities of local Armenian educational institutions. However, his work remains largely within the framework of descriptive essays. A similar observation applies to the articles written by V. Khachatryan. In contrast, the work of another researcher, K. Grigoryan, is distinguished by well-founded and valuable conclusions derived through the historical-comparative analysis method.

Margar Manucharyan, one of the outstanding public figures of the Armenian Community of Petersburg greatly contributed to the opening of an Armenian Secular School in Astrakhan. Hoping to achieve that goal, in 1782, he applied to the Petersburg Academy of Sciences to help draw up the program of the educational institution¹⁸. Let's emphasize that there is very little information about that school¹⁹. In the 80s of the 18th century in Astrakhan, there were no appropriate teaching staff, developed school curricula and textbooks thanks to which it would be possible to ensure the educational work of Armenian students, and the students were mostly the children of Armenian merchants who were more interested in knowledge related to the success of trade²⁰. The prominent Armenian educator, spiritual and public figure, poet H. Alamdaryan (1795-1834) graduated from the Aghababyan School. He was the First Superintendent of the Lazaryan Seminary of Moscow (1814), and later, the Superintendent of the Nersisyan School of Tiflis (1824 -1830). Alamdaryan had a Russian orientation. Due to this, he had a great positive influence on Russian progressive pedagogical thought, school construction as well as the application of progressive pedagogical methods in the schools he led.

A concise account of the history of Armenian schools in Russia can be found in the works and articles of the renowned Armenian historian V. Barkhudaryan. His research provides a deep scientific analysis of the development and trajectory of Armenian schools in Russia, as well as the beneficial influence of Russia on their survival and growth. While his works offer an informative overview of the subject, they are often written

in an encyclopedic style, providing only brief information. This brevity, however, may overshadow the broader scope of the scientific work conducted, potentially leading to an incomplete understanding of the subject.

At the end of the 18th century, several Armenian schools were opened by the efforts of the Armenian Colony of Astrakhan²¹. At the beginning of the 19th century, in 1810, the Aghababian School operating there became famous for its curriculum and teaching staff in a short period of time contributing to the educational and cultural life of the local Armenians²². The foundation works of the educational center started as early as in 1804 under the patronage and financing of the Astrakhan merchant Nikoghayos Aghababyan²³. The school which had been in educational activity for about a century had a stable number of students: there were about 70 students every year.

In 1817, another educational institution was opened in Astrakhan, the Armenian Theological Seminary or Mother School of Astrakhan which operated for more than 35 years²⁴.

In the second half of the 19th century, several Armenian schools were founded in Astrakhan. The Armenian Parochial School of Astrakhan (it was opened in 1850), the Armenian Four-Grade Female School of Astrakhan (it was founded in 1870) and the local Armenian Vocational School (which had been operating since 1877) were famous among the ones. The Armenian Catholic School of Astrakhan founded in 1806 also played a special role in publishing the local Armenian press²⁵.

In the 50s of the 19th century, there were 7 Armenian schools operating on a private basis and 1 Armenian Catholic School in Astrakhan²⁶. National colleges and schools were also operating in the Armenian Colony of New Nakhichevan from the end of the 18th century. It should be noted that the Lazaryans initially decided to open their seminary in this city taking into account the educational and cultural interests of the local Armenian community and its significant weight. At the end of the 18th century, with the financial resources of the Lazaryans, an Armenian city school was founded in the city instead of a seminary where famous Armenian pedagogues and intellectuals of the time worked and taught²⁷.

It is worth noting the school opened in Nor Nakhichevan in the 30s of the 19th century with the assistance of the famous writer Theodoros Khadamyán. Among the best Armenian female educational centers operating in Russia in the same period were the Srbuhyán School of Grigoriopol (opened in 1868)²⁸, the Girls' School of Teodosia (opened in 1860)²⁹, the Gogoyán Girls' School of Nor Nakhichevan (opened in 1882), the Girls' Parish School of Astrakhan (opened in 1870), the female school named after Saint Nune of Tbilisi (opened in 1846), the Hripsimyants Female School of Yerevan (opened in 1850) and others.

The Armenian Colony of Crimea was quite rich in schools. An Armenian religious or desert school operated here in the 15th century. The first Armenian school was founded in Gharasubazar in 1816 by Manvel Kyumashkhanetsi. Armenian schools were operating in Old Crimea, Teodosia, Evpatoria, Simferopol, Kerch, Orabazar and other local Armenian settlements³⁰. The Khalibyan School was special, which was opened in Feodosia in 1858 with the efforts of Gabriel Aivazovsky and Harutyun Khalibyan. It had been operating for about 13 years³¹. It should be emphasized that in the history of Armenian intellectual culture and school, G. Aivazovsky is known for publishing textbooks that were innovative for their time. He used methodologically based approaches to teaching, which gradually deepened moving from simple to complex. In the years 1870-1917, parish schools functioned in almost all Armenian-inhabited areas of Crimea³².

The best students and graduates of most of the Armenian schools mentioned above continued their studies at the Lazarian Seminary in Moscow. It was founded by the initiative of the wealthy Russian resident Hovhannes Lazaryan and operated for years with the support of his heirs³³.

In 1824, this multi-level educational institution with an Oriental orientation became a gymnasium of oriental languages, and in 1827 it was named the Armenian Institute of Oriental Languages. The lyceum department of this educational institution transformed into a first-class higher education institution in 1848 and operating for more than 100 years corresponded in its scientific level to the Department of Oriental Languages of St. Petersburg University³⁴. Applicants of different nationalities not only from Russia but also from Ottoman Turkey, India and Persia applied to study here.

The Lazarian Seminary greatly contributed to the development of Armenian culture and Armenian studies. Famous Armenologists Levon Mseryants, Karapet Kusikyan, Grigor Khalatyan and others taught there³⁵. Especially at the beginning of the 20th century, the Seminary contributed to the scientific study and development of oriental studies becoming one of the important centers of oriental thought in Russia. In that period, the students and professors of the educational institution published their oriental studies and articles in the issues of the scientific collection «Oriental Studies» published by the Seminary. In addition, textbooks, study manuals, methodological guides, chrestomaties, dictionaries for various fields of oriental studies were published by the authority of the seminary's employees³⁶. The Seminary took an active part in the works of the Eastern Commission created by the Moscow Archaeological Society.

The role played by the Lazarian Seminary in the mutual recognition of Armenian and Russian literature and cultural values in general is unde-

niable. Thanks to the translations made by the seminarians, the Armenian readers and the intellectual elite communicated the progressive trends of the Russian culture of the time contributing to the development and secularization of the new Armenian literature³⁷.

It should be noted that from the beginning of the 18th century, Armenian private schools were operating in Tiflis, among which E. Galstyan, N. Mamulyan and S. Patkanyan Schools were famous³⁸. Already in the 30s of the 19th century, not only their number increased but also changes were made in educational and training programs and methods. New teaching methods were used especially in private schools of Kh. Abovyan, G. Yeretspokhyan, H. Orbeli, G. Patkanyan³⁹.

The Nersisian School⁴⁰ which was opened in Tbilisi in 1824 played a prominent role among the Armenian schools of Russia. This school was opened by the efforts of Nerses Ashtaraketsi, the *head* of the Armenian Diocese of Georgia and the local Armenian community⁴¹. The school began to be called after Nersisyan since 1861. The latter had been active for almost a century. In 1837, it was transformed into a diocesan spiritual school, and from the 1850s, it became the main educational center that gave impetus to the educational work of Armenians in the entire Transcaucasia.

The Nersisian School of Tiflis played an exceptional role in the educational and cultural life of Armenians living in Russia preparing famous figures, teachers, Armenologists and writers in those fields. It was not only an educational center for training spiritual-ecclesiastical servants, but also became in some sense a general education school for Armenians⁴². Even here, educational trips were organized for the students, during which they saw the native nature, Armenian architectural monuments and ancient monuments and also got acquainted with the living conditions of the working Armenian peasant⁴³.

In the first half of the 19th century, the Diocesan Theological Schools of Yerevan and Shushi were distinguished among the Armenian spiritual schools of Russia. Although the works of the latter were regularly disrupted, the efforts of their management and employees did not stop to improve the educational process⁴⁴. The first of those schools was founded in 1837, and the second-in 1838. Initially, there was a limitation in the selection of students of those educational centers: only the children of clergymen were accepted, because future clergymen had to be trained in them. After some time, that restriction was removed, subjects with secular content were added, and teaching was conducted in Armenian along with the Russian language.

It is necessary to state that the Armenian diocesan spiritual schools operating in Russia gradually turned into secondary educational institutions of secular education during their activity, mainly training teaching

staff. From this point of view, the Gevorgyan Seminary opened in Etchmiatsin in 1874 was particularly outstanding. It was both a school for training clergymen and an important center of Armenian studies. Armenology education was given to the students in the classroom section of the Gevorgyan Seminary⁴⁵.

In 1843-1844, the Yerevan Provincial School stood out, which tried to educate students with new and advanced pedagogical methods, involving them in school construction.

In the 18th and 19th centuries, Moscow and St. Petersburg also became centers for the development of Armenology. Thousands of young Armenians received their education in the Russian and Armenian schools operating in those cities. Later, they were involved in the works of the best institutions in the scientific, cultural and educational spheres of both the motherland and Russia⁴⁶. In addition, it should be noted that already in the second quarter of the 19th century, the number of Armenian schools in Russia increased, and the range of national elementary schools expanded. For example, on the eve of the First World War, there were more than 34 Armenian elementary schools in the North Caucasus.

There were also diocesan, church-parish and vocational schools in various Armenian settlements of Russia. Such educational centers operated particularly in Nor Nakhichevan. There were diocesan, vocational and female schools. In the local vocational schools, students were skilled in locksmithing, carpentry and shoemaking⁴⁷. The girls were given handicraft lessons in the 6-year-old Girls' School of Gogoyan of Nor Nakhichevan along with general education subjects. This educational center was among the gymnasiums under the management of the empress⁴⁸.

It is necessary to mention that in the Armenian-populated cities of Middle Asia joined to Russia in the second half of the 19th century, having no intra-community units, the Armenians nevertheless tried to maintain their national image through church-parish Armenian schools. The number of the latter was 8 at the beginning of the 20th century, although there were also private schools⁴⁹.

After the annexation of Eastern Armenia to Russia, provincial Armenian schools were opened in Shushi (in 1830), in Akhaltskha (in 1831), in Yerevan (in 1832), in Nakhichevan (in 1837), and in Alexandropol (in 1847)⁵⁰. In the same period, there were 108 Armenian schools that did not obey any rules, which were closed in the second half of the 1830s by the order of the tsarist authorities of Transcaucasia.

In 1836, the Armenian Apostolic Church was allowed to have diocesan schools attached to its dioceses and parish schools attached to churches. An important role in the development of education was played by the diocesan school founded in Yerevan in 1837, which at first had a spiritual orientation and then turned into a secular school⁵¹.

All Armenian schools of Russia were subjected to certain restrictions by the relevant state structures in the last decades of the 19th century and the beginning of the 20th century. However, those schools were able to find various ways of survival and maintenance within the framework of the law on schools attached to churches and monasteries adopted in June 1897⁵².

The Armenian educational cause was greatly harmed by the law adopted on June 12, 1903, which nationalized all property and funds of the Armenian Church and schools. The First Russian Revolution prevented its implementation, and on August 1, 1905, the law was canceled by Decree⁵³. As a result of all this, the Armenian parochial schools were closed for 1 year in 1884, and in 1897, the Armenian elementary schools were also closed passing under the authority of the Ministry of Enlightenment of Russia. In addition to the Armenian language and religion, they began to organize teaching in Russian⁵⁴. Although Armenian schools were reopened by a special decree on August 1, 1905, the legally established state policy towards most of them continued until World War I⁵⁵.

As for the educational programs and teaching methods of Armenian schools of Russia, it should be noted that over the centuries the ones have remained virtually unchanged or minor changes have been made to them. At the beginning of the 19th century, the main subjects taught were related to religion or related to theology. In schools, students were forced to learn lessons by heart without delving into the meaning and content; in addition, they had to know by heart the biblical psalms and Book of Hours of the Armenian Apostolic Church («Zhamagirq» of the Armenian Apostolic Church)⁵⁶. At the beginning of the 20th century, after a persistent and long struggle, the lessons of religion were reduced in school programs (particularly after 1905, this result was noticeable), and the lessons of languages and natural sciences were increased⁵⁷. The duration of Armenian elementary schools became 4 or 6 years, and male and female children began to study mostly together. In rural areas, of course, the education level continued to be low and the rural schools rarely filled the volume of 4- or 6-year education. The students in those educational centers became literate only at the end of the 2nd year⁵⁸. Thus, it can be noted that the adopted school programs were almost never fully implemented in the Armenian schools of Russia.

In the Armenian schools of Russia, first of all, there was a very difficult problem with providing the educational centers with Armenian textbooks. Let's mention the fact that almost new and somewhat secular Armenian textbooks were created and used as early as the beginning of the 18th century⁵⁹. Among them were the 'Alphabet' published in 1781 by G. Khaldaryan, the Russian-Armenian 'Alphabet-Reading Book' by K. Sarafyan published in 1788, the title of which was 'A Book called the

Key to Science”⁶⁰. In the first half of the 19th century, not only alphabet books but also a number of grammar, arithmetic, history, orthography textbooks, dictionaries, reading books, study manuals as well as translation textbooks were published in Moscow, Petersburg, Tiflis, Shushi, Etchmiatsin.

Thanks to the aforementioned positive changes in the school system, the church-parish school was brought to a high level of national education for Armenians at the end of the 19th century. At the same time, Armenian schools began to open more in the Armenian-populated regions of Transcaucasia, in Eastern Armenia, in the territories of Central Asia and other places⁶¹.

Most of the Armenian students continued their education in public and private secondary schools in Russia. Among them were also Armenian educational centers: for example, the school of K. and S. Lisitsians was famous which began to operate in Tbilisi (Tiflis) from the beginning of the 20th century. The latter was transformed into a private gymnasium in 1915, and some subjects were taught there in Armenian⁶². It is also necessary to mention the Mariamyan-Hovnanyan and Gayanyan Schools of Tbilisi, the Gayanyan School of Yerevan, the Arghutyan School of Alexandropol, the Mariam Ghukasyan Female Secondary School of Shushi, Hripsimyan and Mesropyan Parochial Secondary Armenian Schools of Baku.

It should be noted that approximately 1/3 of the students of Armenian schools (including those operating in the territory of Russia) studied on a public basis due to poverty, at the expense of fees collected by the Armenian Community or donated by Armenian wealthy people⁶³. In general, not only was the budget of the popular masses poor from the point of view of providing education for the growing generation but also the state funds allocated for education were insignificant, and the number of schools did not meet the demands of the Armenian Community. Naturally, the level of literacy of the population in general was low⁶⁴.

In Sovietized Russia, the activity of the Armenian Apostolic Church were banned, and Armenian schools were closed from the second half of the 1920s. The ones were reopened again after the collapse of the USSR. It should be noted that the ones were rather Armenian learning groups or one-day educational institutions, especially in those settlements where there were active Armenian communities.

Conclusion:

- Due to geopolitical circumstances, the Armenian people settled in different settlements of Russia had established Armenian educational centers in order to preserve their national image;
- In the initial stage of the formation of Armenian colonies in Russia, the drive to preserve Armenian school traditions, language and cul-

ture was stronger and among the national priorities than it was in the modern globalization stage;

- In the past and especially today, the Armenian educational centers of Russia are carrying out their activities according to the legislation of that country and the instructions and laws of the relevant structures controlling education;

- Both Soviet and contemporary Armenian historians have made efforts to examine and present the history of Armenian schools in Russia, consistently recognizing and positively evaluating Russia's role in their establishment and development. Many of these works hold significant value from a historiographical perspective. The primary shortcoming in previous studies is the insufficient application—or, in some cases, the complete absence—of historical-comparative analysis. In certain instances, this method has only been partially implemented. In this regard, our modest study aims to address and bridge this gap.

Notes Примечания (Endnotes)

1. Barkhudaryan V., History of the Armenian Communities of Moscow and St. Petersburg (Mid-18th–Early 20th Century), pp. 12-13 (Բարխուդարյան Վ., Ալեքսանյան Հ., Ռուսաստանի հայ գաղթօջախների պատմություն, էջեր 38, 150); Barkhudaryan V., Aleksanyan H., History of Armenian Diaspora Centers in Russia, pp. 38-150 (Բարխուդարյան Վ., Մոսկվայի և Պետերբուրգի հայկական գաղութների պատմություն (18-րդ դարի կես-20-րդ դարի սկիզբ), էջ 12-13).

2. History of Armenia. Fundamental Issues. From Ancient Times to Modern Times, Zangak-97 Publishing House, Yerevan, 2000, p. 156 (Հայոց պատմություն: Հիմնահարցեր: Հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը, Չանգակ-97 հրատ., Երևան, 2000, էջ 156).

3. Armenian Pedagogues (XIX century), Yerevan, State Publishing House, book A, 1958 (Հայ մանկավարժներ (XIX դ.), Պետհրատ., Երևան, գիրք Ա, 1958); Yerkanyan V., Struggle for a New Armenian School in Transcaucasia, Publishing House of the NAS of the RA, Yerevan, 1970 (Երկանյան Վ., Պայքար հայկական նոր դպրոցի համար Անդրկովկասում, ՀՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1970); Santosyan M., The Eastern Armenian School in the First Half of the 19th Century, State Publishing House, Yerevan, 1964 (Սանթրոսյան Մ., Արևելահայ դպրոցը XIX դարի առաջին կեսին, Պետհրատ., Երևան, 1964); Barkhudaryan V., A brief outline of the history of Armenian schools of the Russian Empire (end of the 18th century-beginning of the 20th century), Publication of the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, 2006 (Բարխուդարյան Վ., Համառոտ ուրվագիծ ռուսական կայսրության հայկական դպրոցների պատմության (18-րդ

դ. վերջ-20-րդ դ. սկիզբ), ՀՀ ԳԱԱ Պատմության ինստիտուտի հրատ., Երևան, 2006); Barkhudaryan V., Aleksanyan H., History of the Armenian Diaspora of Russia, Publication of the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, 2015 (Բարխուդարյան Վ., Ալեքսանյան Հ., Ռուսաստանի հայ գաղթօջախների պատմություն, ՀՀ ԳԱԱ պատմության ինստիտուտի հրատ., Երևան, 2015); Diloyan V., From the History of the Social and Political Activities of the Lazaryans (the second half of the 17th century), Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1966 (Դիլոյան Վ., Լազարյանների հասարակականքաղաքական գործունեության պատմությունից (XVII դ. երկրորդ կես), ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1966).

4. Barkhudaryan V., Aleksanyan H., History of Armenian Diaspora Centers in Russia, Publishing House of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, 2015, pp. 8-9 (Բարխուդարյան Վ., Ալեքսանյան Հ., Ռուսաստանի հայ գաղթօջախների պատմություն, ՀՀ ԳԱԱ պատմության ինստիտուտի հրատ., Երևան, 2015, էջ 8-9); Barkhudaryan V., History of the Armenian Communities of Moscow and St. Petersburg (Mid-18th–Early 20th Century), Gitutyun Publishing House of NAS RA, Yerevan, 2010, pp. 11-12 (Բարխուդարյան Վ., Մոսկվայի և Պետերբուրգի հայկական գաղութների պատմություն (18-րդ դարի կես-20-րդ դարի սկիզբ), ԳԱԱ գիտություն հրատ., Երևան, 2010, էջ 11-12).

5. Barkhudaryan V., Aleksanyan H., History of Armenian Diaspora Centers in Russia, pp. 38-150 (Բարխուդարյան Վ., Ալեքսանյան Հ., Ռուսաստանի հայ գաղթօջախների պատմություն, էջ 38, 150); Barkhudaryan V., History of the Armenian Communities of Moscow and St. Petersburg (Mid-18th–Early 20th Century), pp. 12-13 (Բարխուդարյան Վ., Մոսկվայի և Պետերբուրգի հայկական գաղութների պատմություն (18-րդ դարի կես-20-րդ դարի սկիզբ), էջ 12-13).

6. Barkhudaryan V., History of the Armenian Community of Nor Nakhichevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1967, p. 405 (Բարխուդարյան Վ., Նոր Նախիջևանի հայկական գաղութի պատմություն, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1967, էջ 405).

7. Barkhudaryan V., History of the Armenian Communities of Moscow and St. Petersburg (Mid-18th–Early 20th Century), pp. 216-249 (Բարխուդարյան Վ., Մոսկվայի և Պետերբուրգի հայկական գաղութների պատմություն (18-րդ դարի կես-20-րդ դարի սկիզբ), էջ 216-249).

8. Yerkanyan V., The Armenian school in 1800-1870, Lraber Hasarakakan Gitutyunneri, Yerevan, 1970, No. 10, pp. 31-32 (Երկանյան Վ., Հայկական դպրոցը 1800-1870 թթ., Լրաբեր հասարակական գիտությունների, Երևան, 1970, N10, էջ 31-32).

9. History of Armenia. Fundamental Issues. From Ancient Times to Modern Times, Zangak-97 Publishing House, Yerevan, 2000, p. 156 (Հայոց պատմություն: Հիմնահարցեր: Հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը, Չանգակ-97 հրատ., Երևան, 2000, էջ 156).

10. History of the Armenian people, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, vol. 6, Yerevan, 1981, p. 756 (Հայ ժողովրդի պատմություն, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., գիրք 6, Երևան, 1981, էջ 756).

11. Ibid, p. 757.
12. Ibid, p. 765.
13. Ibid, p. 492.
14. History of Armenia, Zangak-97 Publishing House, vol. 3, book I, Yerevan, 2010, p. 315 (Հայոց պատմություն, Չանգակ-97 հրատ., հատոր 3, գիրք I, Երևան, 2010, էջ 315).
15. Zakaryan H., From the Cultural Life of the Armenian Community of Astrakhan, Banber Yerevani Hamalsarani Hasarakakan gitutyunneri, YSU Publishing House, Yerevan, 1980, No.2, p. 123 (Չաքարյան Հ., Աստրախանի հայոց գաղթօջախի մշակութային կյանքից, Բանբեր Երևանի համալսարանի հասարակական գիտությունների, ԵՊՀ հրատ., Երևան, 1980, N 2, էջ 123).
16. Ibid.
- Khachatryan V., From the History of the Cultural life of the Armenians of Astrakhan of the 18th century, Patma-Banasirakan Handes, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1964, No. 2, p. 302 (Խաչատրյան Վ., Տասնութերորդ դարի Աստրախանի հայերի մշակութային կյանքի պատմությունից, Պատմա-բանասիրական հանդես, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1964, N 2, էջ 302).
- Grigoryan K., Armenian Cultural Colony in St. Petersburg in the 18th century, Texekagir Hasarakakan Gitutyunneri, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1953, No. 9, p. 72 (Григорян К., Армянская культурная колония в Петербурге в XVIII веке, ՀՍՍՌ ԳԱ Տեղեկագիր հասարակական գիտությունների, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., Երևան, 1953, N9, էջ 72).
- Ibid.
17. Ibid.
18. History of the Armenian people, brief outline of the History of Armenian Schools of the Russian Empire, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, vol. 5, Yerevan, 1974, p. 574 (Հայ ժողովրդի պատմություն, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., հատոր 5, Երևան, 1974, էջ 574).
19. Barkhudaryan V., A brief outline of the History of Armenian Schools of the Russian Empire, Publishing House of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, 2006, pp. 19-21 (Բարխուդարյան Վ., Համատոտ ուրվագիծ Ռուսական կայսրության հայկական դպրոցների պատմության, ՀՀ ԳԱԱ Պատմության ինստիտուտի հրատ., Երևան, 2006, էջ 19-21).
20. History of the Armenian People, vol. 5, Yerevan, 1974, pp. 479, 574 (Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 5, Երևան, 1974, էջեր 479, 574).
21. Zakaryan H., From the Cultural Life of the Armenian Community of Astrakhan, Banber Yerevani Hamalsarani Hasarakakan gitutyunneri, Yerevan, 1980, No.2, p. 124 (Չաքարյան Հ., Աստրախանի հայոց գաղթօջախի մշակութային կյանքից, Բանբեր Երևանի համալսարանի հասարակական գիտությունների, Երևան, 1980, N 2, էջ 124).

22. Khachaturyan V., From the history of the Armenian press in Russia, Lraber hasarakakan gitutjunneri, Yerevan, 1967, No. 1, p. 99 (Хачатурян В., Из истории армянской печати в России, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, Երևան, 1967, N1, էջ 99).

23. History of the Armenian People, vol. 5, Yerevan, 1974, pp. 479, 493, 574 (Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 5, Երևան, 1974, էջեր 479, 493, 574).

24. Ibid, p.575.

25. Ibid, p. 485.

26. Ibid, p. 492.

27. Ibid.

28. Ibid, p. 493.

29. History of the Armenian people, vol. 6, Yerevan, 1981, p. 657 (Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 6, Երևան, 1981, էջ 657).

30. History of Armenia, vol. 3, book I, Yerevan, 2010, p. 314 (Հայոց պատմություն, հատոր 3, գիրք I, Երևան, 2010, էջ 314).

31. Ibid.

Diloyan V., Lazaryan Seminary (on the occasion of the 150th anniversary of its foundation), Texekagir hasarakakan gitutyunneri, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1965, No.12, p. 48 (Դիլոյան Վ., Լազարյան ճեմարանը (հիմնադրման 150-ամյակի առթիվ), Տեղեկագիր հասարակական գիտությունների, ՀՍՍՌ ԳԱ հրատ., Երևան, 1965, N12, էջ 48).

32. Ibid, pp. 49-50.

Diloyan V., From the history of social and political activities of the Lazarians, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1966, p. 225 (Դիլոյան Վ., Լազարյաննե թիհասարակական-քաղաքականգործո նեւոր յանպ ատմությունից, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1966, էջ 225).

33. Yerkanyan V., The Armenian School in 1800-1870, Lraber hasarakakan gitutjunneri, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1970, No.10, p. 40 (Երկանյան Վ., Հայկականդպրոցը 1800-1870 թվականներին, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1970, N10, էջ 40).

34. Ibid.

35. History of Armenia, vol. 3, book I, Yerevan, 2010, p. 315 (Հայոց պատմություն, հատոր 3, գիրք I, Երևան, 2010, էջ 315).

36. Several Armenian schools operated in Tbilisi at the beginning of the 19th century (History of Armenia, Yerevan, vol. 3, book I, 2010, p. 314).

37. Santorosyan M., The Eastern Armenian school in the first half of the 19th century, State Publishing House, Yerevan, 1964, p. 399 (Սանթորոսյան Մ., Արևելահայ դպրոցը 19-րդ դարի առաջին կեսին, Պետհրատ., Երևան, 1964, էջ 399).

38. Yerkanyan V., Struggle for a New Armenian School in Transcaucasia, Publication of the Academy of Sciences of the Armenian, Yerevan, 1970, pp. 175-176 (Երկանյան Վ., Պայքար հայկական նոր դպրոցի համար Անդրկովկասում, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1970, էջ 175-176).

39. History of Armenia. Fundamental Issues. From Ancient Times to Modern Times, Yerevan, 2000, p. 309 (Հայոց պատմություն: Հիմնահարցեր: Հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը, Երևան, 2000, էջ 309).

40. Yerkanyan V., Armenian Culture in 1800-1917, Publication of the Academy of Sciences of the Armenian, Yerevan, 1982, p. 38 (Երկանյան Վ., Հայկական մշակույթը 1800-1917 թթ., ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1982, էջ 38).

41. Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 6, Երևան, 1981, էջ 630 (History of the Armenian people, Yerevan, 1981, vol. 6, p. 630).

42. Ibid, p. 643.

43. Ibid.

44. Ibid, p. 662.

45. History of Armenia. Fundamental Issues. From Ancient Times to Modern Times, Yerevan, 2000, p. 315 (Հայոց պատմություն: Հիմնահարցեր: Հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը, Երևան, 2000, էջ 315).

46. Ibid.

47. Barkhudaryan V., A brief outline of the History of Armenian Schools of the Russian Empire, Yerevan, 2006, p. 44 (Բարխուդարյան Վ., Համատուտ ուրվագիծ Ռուսական կայսրության հայկական դպրոցների պատմության, Երևան, 2006, էջ 44).

48. Ibid, P. 46.

49. History of the Armenian people, vol. 6, Yerevan, 1981, pp. 657-658 (Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 6, Երևան, 1981, էջ 657-658).

50. Ibid, p. 658.

51. History of the Armenian People, vol. 5, Yerevan, 1974, p. 567 (Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 5, Երևան, 1974, էջ 567).

52. History of the Armenian people, vol. 6, Yerevan, 1981, p. 764 (Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 6, Երևան, 1981, էջ 764).

53. Ibid.

54. Yerkanyan V., The Armenian school in 1800-1870, Lraber hasarakakan gitutyunneri, Yerevan, 1970, No. 10, p. 42 (Երկանյան Վ., Հայկական դպրոցը 1800-1870 թթ., Լրաբեր հասարակական գիտությունների, Երևան, 1970, N10, էջ 42).

55. Ibid.

56. Ibid, p. 45.

57. History of the Armenian people, vol. 6, Yerevan, 1981, p. 767 (Հայ ժողովրդի պատմություն, հատոր 6, Երևան, 1981, էջ 767).

58. Ibid, p. 769.

59. Ibid.

Author, Abstract, Key words

Hovsepyan M.V. – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of History of Armenian Periodicals and Social Thought, Institute of History of NAS RA (Marshal Baghramyan Ave., 0019, Yerevan, Republic of Armenia).

ORCID: 0009-0005-9696-4246

mariamhovsepiam@mail.ru

Kharatyan A.A. – Corresponding Member NAS RA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Armenian Periodicals and Social Thought, Institute of History of NAS RA(24 g, Marshal Baghramyan Ave., 0019, Yerevan, Republic of Armenia).

ORCID: 0009-0004-7867-743

alkhar39@mail.ru

Karapetyan A.H. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Armenian Periodical Press and History of Public Mind of the Institute of History of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Marshal Baghramyan Ave., 0019, Yerevan, Republic of Armenia).

ORCID: 0009-0003-6026-279 armenaraqsyan@mail.ru

The scholarly aim of this article is to present a new interpretation of the history of Armenian schools in Russia, based on modern historiographical concepts. The novelty lies primarily in revisiting key issues such as the developmental stages of Armenian schools in Russia, their methodological foundations, and, more broadly, the guidance of their educational processes by advanced Russian educational institutions, through the adaptation of specific programs and organizational features of schooling. The relevance of this research is, first and foremost, linked to the need to uncover patterns in the development of Russo-Armenian cultural relations within the realm of education. Schools in Russia were expected to prepare literate and educated subjects for the empire, and in this regard, the Russian authorities sought to align the rights and responsibilities of schools for ethnic minorities with the educational objectives of Russian schools. Additionally, it is important to consider the issue of the national character of these schools. During the period under discussion-the first decades of the 18th–19th centuries-despite some deviations, this national character was preserved to a considerable extent under Russian governance. The organization and administration of education in Russia has received little attention in the existing literature on this topic, which further underscores the relevance of this study. The core of the problem lies in the Russian state's unification policy in the field of education-a policy that, incidentally, has now become a standard requirement in European and American schools as well. In evaluating the history

of Russo-Armenian educational relations, this particular aspect has been largely overlooked and clearly awaits an objective researcher. The generalizations presented in the article are based, in part, on the conclusions and characterizations formulated using archival materials from previous authors on this subject. The primary focus has been on the alignment of educational curricula in Armenian schools in Russia with those of Russian schools, considering the organizational models and teaching methods employed. As a result of the conducted research, the authors of the article have concluded that, alongside and within this process, Armenian schools in Russia were able to preserve their national identity—an element whose content is analyzed across all stages included in this study. Moreover, the analyses were conducted with consideration of the accumulated experience of several Armenian educational institutions and schools in Russia that were known for their pedagogical significance and progressive educational programs, while also acknowledging the shortcomings observed in their activities. In this context, particular attention was given to the Aghababyan School in Astrakhan, the Nersisyan School in Tbilisi, the Khadamyan School in Nor Nakhichevan, the Lazaryan Seminary in Moscow, the Khalibyan School in Feodosia, and several national girls' schools operating in Armenian-populated areas, whose practices and achievements serve as valuable examples for other Armenian schools. Thus, the following specific conclusion has been drawn: Armenian historiography in the previous period (both Soviet and contemporary) has attempted, through various studies, to examine and present the history of Armenian schools in Russia – rightfully offering a positive and effective assessment of Russia's constructive role in the establishment and development of these educational institutions. Many of these works are valuable from a historiographical perspective. The main shortcoming, however, lies in the weak application – or, in some cases, complete absence – of historical-comparative analysis. In this regard, our modest study is an attempt to fill that gap.

Armenian schools in Russia, Armenian girls' schools, Aghababyan School of Astrakhan, Lazaryan Seminary of Moscow, Khalibyan School of Feodosia, Nersisyan School of Tbilisi, Khadamyan School of Nor Nakhichevan

Авторы, аннотация, ключевые слова

Овсепян Мариам Врамовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела истории армянской периодики и общественной мысли Института истории НАН РА (пр. маршала Баграмяна, 0019, Ереван, Республика Армения).

ORCID: 0009-0005-9696-4246

mariamhovsepiyan@mail.ru

Харатян Альберт Арменакович – член-корр. НАН РА, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории армянской периодики и общественной мысли Института истории НАН РА.

ORCID:0009-0004-7867-7430

alkhar39@mail.ru

Карапетян Армен Овакимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории армянской периодики и общественной мысли Института истории НАН РА (пр. маршала Баграмяна, 0019, Ереван, Республика Армения).

ORCID: 0009-0003-6026-2790

armenaraqsyany@mail.ru

Целью научно-аналитического исследования, представленного в статье, является новое осмысление истории армянских школ в России с позиций современной историографии. Научная новизна заключается главным образом в обращении к упомянутым проблемам: воспроизведении этапов развития армянских школ в России, анализе их методологических основ, а также в рассмотрении образовательного процесса в контексте следования за передовыми российскими учебно-просветительскими центрами с освоением специфики образовательных программ и организации школьного дела. Актуальность данного исследования прежде всего обусловлена задачей выявления определённых закономерностей развития русско-армянских культурных отношений в контексте школьного образования. Армянские школы в России призваны были подготовить грамотных и образованных подданных этой страны, и в этом смысле российские власти стремились обеспечить соответствие прав и обязанностей школ национальных меньшинств целям обучения в российских учебных заведениях. В известной степени к этому следует добавить также вопрос о национальной специфике самих школ, которая в рассматриваемый период, а именно в первые десятилетия XVIII–XIX веков, несмотря на отдельные отклонения, всё же сохранялась при политике российских властей. Вопросы организации и управления учебным делом в России также рассматривались в соответствующей литературе лишь в крайне ограниченном или минимальном объёме, и обращение к данной теме напрямую связано с актуальностью настоящего исследования. В основе решения этой проблемы лежит политика унификации, проводимая российским государством в сфере просвещения, которая, к слову, сегодня стала обязательным требованием и для европейских, и для американских школ. При оценке истории русско-армянских просветительских взаимодействий этот аспект практически оставался вне

поля зрения, и, безусловно, ждёт своего объективного исследователя. В статье сделаны обобщения с привлечением выводов и характеристик, сформулированных на основе архивных материалов предыдущих авторов, рассматривавших данную тему. Основное внимание уделено унификации учебных программ армянских школ в России с программами российских школ, с учётом особенностей организации учебного процесса и методов преподавания. В результате проведённого исследования авторы статьи пришли к выводу, что параллельно с упомянутым процессом унификации, а также в его рамках армянским школам в России удалось сохранить национальную специфику, содержание которой проанализировано на всех этапах, рассмотренных в данной работе. При этом анализ проводился с учётом накопленного опыта целого ряда армянских образовательных учреждений и школ в России, известных своим воспитательно-просветительским значением и передовыми учебными программами, а также с учётом выявленных недостатков в их деятельности и работе. В этом контексте особое внимание уделено практике и достижениям Агабабовской школы в Астрахани, Нерсисянской школы в Тифлисе, Хадамянской школы в Нор Нахичеване, Лазаревского института восточных языков в Москве, Халибяновской школы в Феодосии, а также ряду национальных женских училищ, действовавших в армянонаселённых пунктах, чей опыт мог служить образцом для других армянских школ. Таким образом, в частности, был сделан следующий вывод. Армянская историографическая мысль в предшествующий период (советский и современный) стремилась с помощью исследований изучить и представить историю армянских школ в России, справедливо и результативно оценивая роль России в становлении и развитии этих учебных заведений. Среди этих работ немало ценных с точки зрения исторической науки. Основным недостатком или слабой стороной является то, что историко-сравнительный анализ либо отсутствует вовсе, либо применяется лишь частично. В этом смысле данное наше скромное исследование представляет собой попытку восполнить данный пробел.

Армянские школы в России, армянские женские училища, Агабабовская школа в Астрахани, Лазаревский институт восточных языков в Москве, Халибяновское училище в Феодосии, Нерсисянская школа в Тифлисе, Хадамянская школа в Нор Нахичеване.

References **(Articles from Scientific Journals)**

1. *Grigoryan K., The Armenian Cultural Colony in St. Petersburg in the 18th century, Bulletin of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences,*

Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, Yerevan, 1953, No. 9, pp. 53-74 (In Russian).

2. *Diloyan V.*, Lazaryan Seminary (on the occasion of the 150th anniversary of its foundation), Bulletin of social sciences, Yerevan, Publication of the Academy of Sciences of the USSR, 1965, No. 12, pp. 37-52 (In Armenian).

3. *Yerkanyan V.*, The Armenian School in 1800-1870, Herald of the Social Sciences, Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1970, No.10, pp. 31-45 (In Armenian).

4. *Zakaryan H.*, From the Cultural Life of the Armenian Community of Astrakhan, Bulletin of Yerevan University Social Sciences, Yerevan, YSU Publishing House, 1980, No.2, pp. 122-128 (In Armenian).

5. *Khachaturyan V.*, From the History of the Armenian Press in Russia. Herald of the Social Sciences, Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1967, No.1, pp. 99-106. (In Russian).

6. *Khachaturyan V.*, From the history of the Cultural Life of the Armenians of Astrakhan of the 18th century. Historical and Philological Journal, Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1964, No.2, pp. 299-306 (In Armenian).

(Monographs)

1. Armenian Pedagogues (XIX century), Yerevan, State Publishing House, 1958, Book A, 622 p. (In Armenian).

2. *Barkhudaryan V.*, General Outline of the History of Armenian Schools in the Russian Empire (Late 18th–Early 20th Century), Yerevan, 2006, Publishing House of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenia, 70 p. (In Armenian).

3. *Barkhudaryan V.*, History of the Armenian Communities of Moscow and St. Petersburg (Mid-18th–Early 20th Century), Yerevan, Gitutyun Publishing House of NAS RA, 2010, 455 p. (In Armenian).

4. *Barkhudaryan V.*, History of the Armenian Community of Nor Nakhichevan, Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1967, 499 p. (In Armenian).

5. *Barkhudaryan V., Aleksanyan H.*, History of Armenian Diaspora Centers in Russia, Yerevan, Publishing House of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Armenia, 2015, 442 p. (In Armenian).

6. *Diloyan V.*, From the History of the Social and Political Activities of the Lazarians (the second half of the 17th century), Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1966, 276p. (In Armenian).

7. *Yerkanyan V.*, The Armenian Culture in 1800-1917, Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1982, 272 p. (In Armenian).

8. *Yerkanyan V.*, Struggle for a New Armenian School in Transcaucasia. Publication of the Academy of Sciences of the Armenian, Yerevan, 1970, 310 p. (In Armenian).

9. History of the Armenian people, Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1974, vol. 5, 736 p. (In Armenian).

10. History of the Armenian People, Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1981, vol. 6, 1051 p. (In Armenian).
11. History of Armenia, Yerevan, Zangak-97 Publishing House, vol. 3, book I, 2010, 703 p. (In Armenian).
12. History of Armenia. Fundamental Issues. From Ancient Times to Modern Times, Zangak-97 Publishing House, Yerevan, 2000, 488 p. (In Armenian).
13. *Santorosyan M.*, The Eastern Armenian School in the First Half of the 19th Century, State Publishing House, Yerevan, 1964, 448p. (In Armenian).

К.В. Орлова

СССР – Монгольская Народная Республика: сотрудничество в 1941–1945 гг.*

K.V. Orlova

USSR – The Mongolian People's Republic: cooperation in 1941–1945

В день начала Великой Отечественной войны на заседании президиума ЦК МНРП, Малого хурала и совета министров МНР было принято совместное постановление «О вероломном нападении фашистской Германии на СССР», в котором заявлялось о «продолжении дружбы и оказании необходимой помощи СССР в победоносном ведении отечественной войны», ...согласно «обязательствам, принятым по договору о взаимной помощи, заключенным между МНР и СССР 12 марта 1936

г.»¹. В сентябре 1941 г. был создан специальный фонд по сбору средств для помощи Красной армии, впоследствии – Центральная комиссия по сбору подарков. Действительно, огромная помощь поступала из Монголии, о чем можно судить по опубликованным статьям, сборникам документов, материалам из российских архивов².

Статья основана на архивных материалах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), публикациях документальных материалов.

Что же происходило внутри страны? На пленуме ЦК МНРП (20–26 ноября 1941 г.) было вынесено решение о «максимальном использовании внутренних ресурсов и природных богатств» и развитии производства предметов и товаров широкого потребления, т.е. страна перестраивала свою экономику к «условиям военного времени»³. 30 июня 1942 г. вышло распоряжение совета министров МНР о введении трудовой и транспортной повинностей для выполнения работ по строительству государственного университета и других особо важных объектов⁴. Перестройка народнохозяйственного комплекса страны потребовала огромных усилий. Главное внимание было уделено ведущей отрасли народного хозяйства – животноводству.

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Однако принятое еще на X съезде МНРП (март 1940 г.) решение об увеличении поголовья скота до 200 млн⁵ оказалось трудновыполнимым. Серьезным препятствием для увеличения численности поголовья стала заболеваемость скота. В 1943 г. в Сонгино при помощи Советского Союза была построена новая биофабрика с оборудованием, выпускавшая биопрепараты, что, хоть и частично, но помогало предотвращать массовый падеж скота. Единственным «тормозом» в работе фабрики стало отсутствие хозяйственных построек, главным образом складов и «не было порядка»⁶. Как отмечается в архивных документах РГАЭ, рост поголовья скота с 1941 г. сокращался, снижение имело место и в 1943 г.⁷ Если в 1941 г. в стране насчитывалось 27,3 млн голов, в 1942 г. – 24,3 млн, в 1943 – 23,3 млн⁸, соответственно, и сырья – шерсти, кожи.

Чтобы улучшить ситуацию с поголовьем скота Малый хурал еще до начала войны на XXIV сессии (14 февраля 1941 г.) по представлению совета министров МНР принял новый закон «О едином налоге со скотоводческого хозяйства» (прежний был принят в 1935 г.). По новому закону налогообложению подлежали доходы от скота, продажи дров, кустарных промыслов, если привлекались наемные рабочие. Исключение составляли доходы от земледелия, сенокошения, охотничьего промысла, кустарных промыслов для личных целей, государственных и кооперативных скотоводческих и земледельческих хозяйств⁹. Налоговые льготы предоставлялись, если скотоводы брали ссуду для выращивания скота, но с неукоснительным возвратом денежных средств через оговоренные сроки и тем, кто имел доход менее 50 тугриков, безвозмездная денежная помощь гарантировалась самым бедным аратам. Все эти мероприятия по замыслу монгольского правительства должны были привести и к увеличению заготовок животноводческого сырья. Однако ситуация складывалась иная. В январе 1941 г. на Малом хурале было принято решение об обязательных закупках сырья у животноводов: «имевшие 100 и более овец должны были сдать государству по 1 кг шерсти по государственной цене» (закупки распространялись и на другие виды продукции животноводства), соответственно увеличивались заготовительные цены «в среднем на 40,6%»¹⁰. В таблице 1 из РГАЭ представлены плановые и фактические закупки сырья Монгольским кооперативным союзом в стране за 1942 г.¹¹:

Таблица 1

Плановые и фактические закупки шерсти в МНР в 1942 г.

Виды шерсти	План заготовки (в тоннах)	Фактическая заготовка (в тоннах)
овечья	11 150	5 433
козья	700	386
козий пух	1 000	593
верблюжья	2 800	1 967

линька	800	722
итого	16 800	9 101

Судя по таблице 1, заготовлено овечьей шерсти – 47,2 %, верблюжьей – 70,5 %, козьей – 55,1 %, козьего пуха – 59,3 %, линька – 90,2 %, т.е. план был выполнен только на 54%¹². В 1945 г. картина заготовок шерсти по плану и факту изменилась незначительно:

Таблица 2

Плановые и фактические закупки шерсти в МНР в 1945 г.

Виды шерсти	План заготовки (в тоннах)	Фактическая заготовка (в тоннах)
овечья	13 500	12 006
козья	700	646
козий пух	800	593
верблюжья	2 800	2 843
линька	800	940
итого	16 800	9 101

В 1944 г. в Монголии случилось засушливое лето, что поставило под серьезную угрозу снабжение населения страны хлебом и мукой. В целях экономии совет министров и ЦК МНРП приняли решение временно сократить расходование хлеба и муки по категориям¹³: лицам первой категории решено было выдавать по 8 кг, второй – 6 кг, третьей – 4 кг. Однако для рабочих-железнодорожников и шахтеров Налайхи нормы потребления оставили на прежнем уровне. С октября 1944 г. для военнослужащих паек хлеба сократили с 500 г до 400 г в сутки, за исключением воинских частей в приграничных аймаках – Кобдоском и Гобийском, в больницах, учебных заведениях – по 400 г хлеба в сутки¹⁴. В системе спецвенторга МНР нелимитным (ненормированным) снабжением пользовались 22 человека, в основном, высшее руководство страны¹⁵. Фактически в стране была введена карточная система обеспечения продуктами первой необходимости, которая была отменена в 1949 г. О серьезной внутренней ситуации можно судить из таблицы 3, где приводятся данные об экспорте муки из СССР и муки, полученной за счет собственных посевных ресурсов МНР с 1939 по 1943 гг.¹⁶:

Таблица 3

Поставки муки из СССР и собственные ресурсы МНР

Годы	Поставки муки из СССР, в тоннах	Собственные поставки муки, в тоннах
1939	26 513	—
1940	22 297	—

1941	30 432	—
1942	30 127	3 500
1943	25 000	2 000
Итого	134 369	5 500

Вырисовывается совершенно ясная картина удручающего положения в МНР: разница в поставках муки из СССР и из внутренних ресурсов МНР очевидна. Следует отметить и объективные причины такого положения: неблагоприятные погодные условия зимой (крайне суровая и снежная, дзуд²) и летом (ливни и наводнения) 1940 г. На отсутствие собственных поставок муки в 1939 г. существенно повлияли военные события на Халхин-Голе.

В ноябре 1942 г. в МНР было создано министерство пищевой промышленности, одной из целей которого стало обеспечение своего населения продуктами питания. За короткий срок было построено 85 маслобоен, небольшие заводы по производству молочных продуктов. Если в 1940 г. в стране насчитывалось всего 24 предприятия, то в 1944 г. – 330, в 1945 г. – 423¹⁷. Часть произведенной продукции направлялась в качестве помощи Красной армии, всего в 1942 г. было отправлено различных видов товаров по плану 636 000 кг, фактически – 653,1 кг¹⁸. Развивалась кустарно-промысловая кооперация, в задачу которой входило обеспечение жителей страны широким спектром товаров повседневного спроса. Благодаря ее работе было изготовлено и выпущено на внутренний рынок более 104 видов продукции: трикотажные изделия, валяная и хромовая обувь, головные уборы, полушубки, меховые рукавицы, производство тарной продукции, добыча соли и многое другое¹⁹. Укреплялась национальная промышленность, объединившая в составе промкомбината текстильную, обувную, шорно-седельную фабрики, кожевенный завод и другие предприятия²⁰.

Несмотря на внутренние проблемы, президиум Малого хурала 3 ноября 1942 г. принял постановление о выплате пособий семьям советских военнослужащих, постоянно проживающих и призванных в ряды Красной армии из МНР: при наличии одного трудоспособного 50 тугриков³ в Улан-Баторе, 20 тугриков – в сельских населенных пунктах; двух нетрудоспособных – соответственно 70 и 30 тугриков; трех и четырех – 100 и 50 тугриков; пяти и более нетрудоспособных – 100 и 70 тугриков. Пособие назначалось так-

²Дзуд (монг. зуд) — стихийное бедствие в скотоводческих регионах Монголии, при котором домашний скот не способен найти корм под снежным покровом, и большое количество животных погибает от голода и холода

³В 1942 г. курс составлял: 1 тугрик = 1 руб. 26 коп.

же детям, не достигшим 16-летнего возраста, и пожилым родителям военнослужащих. Субсидии назначались городскими и аймачными управлениями в недельный срок по заявлениям призванного в ряды Красной армии военнослужащего, и представлению консульства СССР в МНР²¹. Кроме того, вернувшимся с фронта инвалидам выплачивались пенсии в размере 60 – 250 тугриков, семьям погибших военнослужащих – от 50 до 200 тугриков, оперативно решались вопросы с обеспечением жилья, трудоустройства и образования²². И это, помимо большого количества подарков: полушубков, меховых рукавиц, продовольствия, лошадей, приобретения боевой техники и многого другого, всего на фронт было отправлено несколько сотен эшелонов подарков²³.

Несмотря на тяжелейшие военные годы, СССР продолжал выполнять свои обязательства по помощи МНР, однако вынужден был сократить общий объем экспорта. Для укрепления обороны своей страны Монголия за 1941–1945 гг. получила поддержку в размере 100 млн руб.²⁴.

5 октября 1942 г. при содействии Советского Союза в Улан-Баторе было открыто первое высшее учебное заведение – Монгольский государственный университет с факультетами: педагогическим, ветеринарным, медицинским, зоотехническим²⁵. Учреждение этих факультетов неслучайно: страна остро нуждалась в квалифицированных специалистах, в год открытия университета было набрано 100 студентов, в 1947 г. – 207²⁶. В качестве дара Всесоюзный комитет по делам высшей школы (ВКВШ) при СНК СССР направил в Монголию преподавателей по семи специальностям, оборудование для учебных лабораторий. МГУ им. М.В. Ломоносова оказал поддержку в организации и проведении научно-исследовательских работ, обеспечении научной литературой, консультациями, методической помощью²⁷. 19 июня 1942 г. вышло распоряжение председателя ВКВШ при СНК СССР С.В. Кафтanova⁴ об отборе и отправке монгольскому университету учебное оборудование для «кабинетов гистологии и анатомии, органической и неорганической химии, физики, математики». Этим же распоряжением назначались ответственные: «Липкина по МГУ и Московскому педагогическому институту им. Ленина, Голиков по сельскохозяйственной академии им.

К. Тимирязева и Кочергин по Московскому мединституту»²⁸. В июле 1944 г. в МНР с первым официальным визитом прибыл вице-президент США (1941–1945) Генри Уоллес, передавший в дар

⁴Кафтaнов Сергей Васильевич (1905–1978) – председатель Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР (1937–1946).

Монгольскому университету два микроскопа для научно-исследовательских работ²⁹.

По состоянию на 1 июля 1941 г. в советских военных вузах обучалось 164 монгольских студента: в 1941 г. окончили 83 студента, в 1942 г. – 56, в 1943 г. – 4, в 1944 г. – 8, в 1945 г. – 13³⁰. 22 июля 1941 г. было подписано соглашение между СССР и МНР о порядке возмещения правительству Советского Союза расходов по содержанию и обучению граждан МНР в гражданских учебных заведениях. СССР согласился принять монгольских учащихся и взять на себя «половину расходов по обучению и содержанию монгольских граждан в своих учебных заведениях». Задолженность, которая образовалась с 1932 по 1939 гг. в размере 3 278 000 тугриков, правительство Монголии обязалось погасить в течение пяти лет равными долями³¹.

3 апреля 1942 г., согласно постановлению СНК СССР от 5 февраля 1942 г., Кафтанов распорядился выплачивать стипендии монгольским студентам, обучавшихся в советских вузах: студентам первого курса – 350 руб. в месяц, второго курса – 375 руб., третьего курса – 400 руб., четвертого и пятого – 425 руб., отличникам увеличили стипендии на 50 руб. Более того, каждому студенту выдавалось по 800 руб. на приобретение обмундирования, «обеспечения коммунальными и культурно-бытовыми условиями наравне с советскими студентами данного вуза»³². Для студентов Особого сектора Института востоковедения существующий порядок обеспечения стипендией и другими видами содержания (питание, обмундирование и т.п.) остался без изменений³³. 1 июля 1943 г. по постановлению ЦК МНРП в Советский Союз были направлены 35 молодых людей на учебу в высшие и средние учебные заведения, а также на краткосрочные курсы по юриспруденции³⁴.

В Монголии при содействии СССР были построены новая биофабрика в Сонгино, цех по производству алебаstra, спичечная фабрика, деревообрабатывающий завод, шоссейные дороги Чойбалсан – Улз, Сухэ-Батор – Наушки, узкоколейная железная дорога Баян-Тумэн – Тамцак-Булак протяженностью 300 км, кожевенный завод, шерстомойная фабрика и многое другое³⁵.

СССР в годы войны построил колбасный цех в Улан-Баторе. Для его строительства в МНР было отправлено оборудование из:

наркомата черной металлургии: трубы чугунные, водопроводные и детали к ним – 0,2 тонны, железо листовое тонкое, оцинкованное – 0,2 т;

наркомата резиновой промышленности: асбест листовой – 50 кг, асбест шнуровой – 35 кг, трубки резиновые 10–15 мм диаметром – 220 м;

наркомата электропромышленности: кнопки управления – 39 шт.;

наркомата цветной промышленности: трубы свинцовые диаметром 15 мм – 41 шт.;

наркомата промстройматериалов: трубы чугунные канализационные с запчастями – 40, 3 тонн, торфолиум⁵ толщиной 3 см – 19 000 шт.; наркомата нефтяной промышленности СССР: клеемасса⁶ – 25 тонн³⁶.

В первом квартале 1942 г. по заявкам стран Востока, в том числе МНР, СНК СССР принял решение о покрытии расходов по намечаемым закупкам – шерсти, скота, пушнины, кожсырья с «корректировкой в сторону снижения по остродефицитным товарам»³⁷. По материалам РГАЭ в Монголии Наркомат внешней торговли закупил 500 т верблюжьей шерсти «горячей мойки»⁷. По распоряжению экспортно-импортного объединения Разноэкспорт⁸ эту шерсть необходимо было рассортировать и обследовать по американским и шведским образцам³⁸. Работу предполагалось завершить с привлечением «специалистов-практиков и НИИ стандарта» и отгруженную большую часть партии получить на Ленинградской базе³⁹. В РГАЭ приводится справка об импорте товаров из Монголии за 1939–1943 гг.⁴⁰:

Таблица 4

Динамика импортированных товаров в 1939–1943 гг.

Годы	Крупный рогатый скот (голов)	Мелкий рогатый скот (голов)	Жиры животные (тонн)	Цены по всем видам скота и животных жиров (тыс. руб.)
1939	107 096	476 010	1 129	49 350
1940	100 634	519 342	1 370	53 528
1941	148 010	849 357	962	90 286
1942	150 502	1 006 434	432	118 037
1943	138 036	1 034 996	314	124 010

Как следует из таблицы 4, по крупному рогатому скоту за указанные годы идет рост закупок, кроме 1943 г., как и по мелкому рогатому скоту, по животным жирам наоборот – снижение закупок. Что же касается стоимости, то наблюдается явное повышение.

⁵Торфолиум – материал, используемый в строительстве для изоляции кирпичных стен.

⁶Клеемасса – клеящее вещество.

⁷Мытая шерсть горячей водой с отделением большей части жира и земляных включений.

⁸Экспортно-импортное объединение Разноэкспорт – объединение, осуществлявшее внешнеторговые операции в зарубежных странах.

В 1943 г. в МНР экспортировалась и мука. Согласно решению Наркомата внешней торговли СССР, объединением Востокзаготзерно в первом квартале 1943 г. было отправлено 300 тыс. тонн, во втором – 1 300 т, в третьем – 3 700 т, 6 700 т полностью было отгружено в декабре того же года⁴¹. Через порт в Баку в МНР отгружался зеленый кирпичный чай, шелковые ткани и лавровый лист, всего было отгружено 533,3 тонны⁴². В таблице 5 показана динамика поступления «пищевкусовых» и некоторых других товаров за 1939–1942 гг.⁴³.

Таблица 5

Динамика поступлений товаров в МНР за 1939 – 1942 гг.

Наименование товаров	Единица измерения	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.
мука пищевая	тонна	54 451	27 309	22 297	30 096	29 100
рис	тонна	1 450	1 810	1 574	772	276
пшено	тонн	5 789	2 122	296	351	1 212
сахар	тонна	5 133	2 828	2 893	3 488	2 025
чай зеленый кирпичный	тонна	—	—	—	1 474	1 540
чай байховый	тонна	—	—	—	346	107
чай плиточный	тонна	—	—	—	346	107
спирт ректифицированный	декалитр	39 520	32 270	42 180	39 920	40 128
табак-дунза (сорт табака)	тонна	245	478	293	375	445
парфюмерия, косметика	тыс. руб.	496	1 042	1 368	846	344
вино и коньяки	декалитр	7 020	15 850	18 460	5 230	1 963

Судя по таблице 5, наблюдается явное снижение поступлений риса, сахара, парфюмерии и косметики, а также вино-водочных изделий, поставки чая байхового и плиточного остались на одном уровне.

В годы войны МНР поставляла в СССР вольфрам как один из компонентов тугоплавких и твердых сплавов для оборонной промышленности. В РГАЭ выявлены документы об организации советской геологической экспедицией добычи вольфрамовых концентратов⁴⁴. Наркомцветмет уже в конце июня – начале июля 1942 г. нап्रा-

вил экспедицию на Югодзырское месторождение⁹, куда, кроме руководящего персонала, вошли 34 вольнонаемных рабочих, среди них: 4 бурильщика, 2 проходчика, 10 горнорабочих, крепыльщик, кузнец, топограф, забойщик и др.⁴⁵. Поставки гидрогеологического оборудования для бурения скважин, передвижной электростанции, транспортных средств, создания «хозяйственных баз» и многого другого должны были «полностью обеспечить бесперебойную работу» экспедиции⁴⁶. В начале июня 1942 г. к месторождению прибыли бойцы саперной группы и 10 автомашин⁴⁷. Как следует из справки (июль 1942 г.) начальника Главного управления редких металлов А. Микуленко⁴⁸, потребности экспедиции были выполнены не полностью, что видно из таблицы 6:

Таблица 6

Плановое и фактическое поступления нефтепродуктов из СССР на нужды экспедиции

Вид нефтепродукта	План поступления из целевых фондов, в тоннах	Фактическое поступление, в тоннах
бензин	400	140
дизтопливо	280	45
лигроин	140	14
керосин	110	40
нефть	300	100

Судя по таблице 6, плановые и фактические поступления сильно разнятся, но это вполне объяснимо, СССР нужно было обеспечивать фронт. Тем не менее, уже к началу декабря 1942 г. (15 сентября отгружено – 2 т, 19 сентября – 1 т, 11 ноября – 2 т, 19 ноября 28,3 т, 1 декабря – 3 т) нефтепродукты были отгружены, а 20 декабря 36,3 тонн вольфрамитового концентрата «на общую сумму 900 тыс. руб.» отправлены в Советский Союз⁴⁹.

Таким образом, сотрудничество и взаимопомощь между СССР и МНР в годы войны еще более укрепили политические, экономические, военные связи. Советский Союз вел тяжелейшую

⁹Югодзырское месторождение (монг. Егүзэр, в русскоязычной литературе – Югодзыр) расположено на берегу р. Чоноин гол, в двух км к востоку от крупнейшего монастыря Югодзырь (монг. Егүзэр хийд), в 270 км от железнодорожной станции Баин-Тумэн, ныне сомон Эрдэнэцагаан Сухэ-Баторского аймака. Сообщение между Югодзырем и станцией осуществлялось по грунтовой дороге, частично грейдеру. В радиусе 500 км вокруг месторождения нет никакого лесного массива, населенные пункты расположены на расстоянии 50–70 км. В Югодзырском монастыре был расположен гарнизон и отряд погранвойск МВД страны: РГАЭ. Ф. 7794. Оп. 5. Д. 398. Л. 154–155.

войну, когда существовала реальная угроза самого существования страны. Одновременно с этим верный союзническому долгу СССР всячески поддерживал союзницу и друга. Если до войны в Монголию направлялись многие виды продуктов, промышленное оборудование, электро- и радиотехническое оборудование, некоторые виды нефтепродуктов, готовая одежда, бумага и прочее, то в период с 1941 г. по 1945 г. объем экспортных товаров был значительно снижен. В МНР ситуация была не менее драматичная. Необходимость опираться на внутренние ресурсы позволила стране перестроить свой народнохозяйственный комплекс к условиям фактически военного времени. Из Монголии регулярно поступала помощь Красной армии, многие промышленные предприятия страны выполняли специальные заказы Советского Союза (например, мастерские по пошиву теплой одежды для военнослужащих), многие жители МНР сдавали донорскую кровь. Выявленные в российских архивах документы позволили осмыслить и оценить взаимоотношения двух стран, обусловленные историческими, геополитическим и экономическими связями.

Братские узы, заложенные еще в 1921 г., когда было подписано «Соглашение между правительством РСФСР и правительством Народной Монголии об установлении дружественных отношений», выдержали испытание военным временем и в 1939, и в 1941–1945 гг.

Примечания

Notes

1. Советско-монгольские отношения. 1921–1966. Сборник документов. М.: ГРВЛ, 1966. С. 128–129.

2. *Хишигт Н.* «Монгольская лошадка дошла до Берлина»: один из аспектов помощи МНР Красной Армии // Вторая мировая война и Восток. Кн. 2. М.: ИВ РАН, 2024. С. 265–275; *Базаров Б.В., Курас Л.В.* Монголия во Второй мировой войне // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Серия История. Т. 12. С. 30–39; *Курас Л.В.* Монголия от Халхин-Гола до линкора «Миссури» (к 70-летию окончания Второй мировой войны) // Власть. 2015. № 10. С. 15–34; Монголия во Второй мировой войне: фотоальбом / науч. ред. Ч Дашдаваа, Л.В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2011. 96 с.; Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сборник документов. Ч. II. М.: Издательский дом «Граница», 2019. С. 108, 115; *Дорж Т.* Реорганизация экономики Монголии в обстановке Второй мировой войны // Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войны): сб. науч. статей / отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. С. 19–25; *Хишигт Н.* Вторая мировая война в истории взаимоотношений МНР и СССР // Вторая мировая война: исторический опыт, память и

преемственность поколений (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войны): сб. науч. статей /отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. С. 32–39; и др.

3. Очерки истории МНРП. Пер. с монг. М.: Политиздат, 1971. С. 188–189; Советско-монгольские отношения 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. I: 1941–1974. Москва – Улаанбаатар: «Международные отношения, Улсын хэвлэлийн газар, 1979. С. 8–9.

4. ГА РФ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4352. Л. 19.

5. История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 156.

6. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4352. Л. 13.

7. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4643. Л. 8.

8. История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 156–157.

9. История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 158.

10. Очерки истории МНРП. Пер. с монг. яз. М.: Политиздат, 1971. С. 186–187.

11. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4643. Л. 99.

12. ТРГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4643. Л. 99.

13. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4639. Л. 20. В документе не указаны, как определялась, и кто входил в ту или иную категорию.

14. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4639. Л. 20об.

15. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4638. Л. 6.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. I: 1941–1974. С. 20

16. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4639. Л. 9.

17. История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 160; История МНР. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1967. С. 373.

18. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. I: 1941–1974. С. 24.

19. *Дорж Т.* Реорганизация экономики Монголии в обстановке Второй мировой войны // Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войны): сб. науч. статей /отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. С. 24.

20. История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 160–161
История МНР. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ГРВЛ, 1967. С. 374.

21. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: 1941–1974. Т. 2. Ч. I. Москва-Улаанбаатар, 1979. С. 20–22.

22. *Хишигт Н.* Вторая мировая война в истории взаимоотношений МНР и СССР // Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войны): сб. науч. статей /отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. С. 35.

23. *Хишигт Н.* Вторая мировая война в истории взаимоотношений МНР и СССР // Вторая мировая война: исторический опыт, память и преемственность поколений (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войны): сб. науч. статей /отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. С. 33–35.

24. История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. С. 171.
25. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1: 1941–1974. С. 20.
26. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 2: 1941–1974. С. 391.
27. ГА РФ. Ф. 8080-сч. Оп. 5с. Д. 11. Л. 1.
28. ГА РФ. Ф. 8080-сч. Оп. 5с. Д. 11. Л. 15. В документе все фамилии без инициалов.
29. ГА РФ. Ф. 8080-сч. Оп. 5с. Д. 11. Л. 22.
30. Российско-монгольское военное сотрудничество. 1911–1946. Ч. II. М., 2019. С. 109–110.
31. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: 1941–1974. Т. 2. Ч. I. Москва- Улаанбаатар, 1979. С. 4–7.
32. ГА РФ. Ф. 8080 Оп. 5. Л. 17.
33. ГА РФ. Ф. 8080 Оп. 5. Л. 17.
34. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1: 1941–1974. С. 52–53.
35. Очерки истории МНРП. Пер. с монг. М.: Политиздат, 1971. С. 194.
36. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 598. Л. 23–24.
37. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 598. Л. 47.
38. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4643. Л. 11.
39. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4643. Л. 11.
40. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4643. Л. 89.
41. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4639. Л. 12.
42. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4639. Л. 26об.
43. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 4639. Л. 32.
44. РГАЭ. Ф. 7794. Оп. 5. Д. 286.
45. РГАЭ. Ф. 7794. Оп. 5. Д. 398. Л. 61.
46. РГАЭ. Ф. 7734. Оп. 5. Д. 286. Л. 3
47. РГАЭ. Ф. 7794. Оп. 5. Д. 286. Л. 4.
48. РГАЭ. Ф. 7794. Оп. 5. Д. 386. Л. 2.
49. РГАЭ. Ф. 7794. Оп. 5 д. 386. Л. 145, 160.

Автор, аннотация, ключевые слова

Орлова Кеемя Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН
ORCIDID: 0000-0003-4951-0063 orlovnk@mail.ru

Статья посвящена сотрудничеству и взаимопомощи между СССР и МНР в 1941–1945 гг. На материалах российских архивов ГА РФ, РГАЭ, вводимых в научный оборот, приводятся данные о размерах этой помощи с обеих сторон. Автором рассматриваются конкретные меры взаимодействия между странами. Советский Союз вел тяжелейшую войну, когда существовала реальная угроза существования страны, но изыскивал возможности поддержать со-

юзника. Это касалось не только народнохозяйственного комплекса Монголии, но также и гуманитарной сферы, когда открылся Монгольский государственный университет, монгольские студенты имели возможность получать высшее образование в городах СССР, организовывались геологические экспедиции, строились промышленные предприятия, дороги. В МНР ситуация была не менее драматичная. Необходимость опоры на внутренние ресурсы позволила стране перестроить народнохозяйственный комплекс. Из Монголии регулярно поступала помощь Красной армии, многие промышленные предприятия страны выполняли специальные заказы для Советского Союза (например, мастерские по пошиву теплой одежды для военнослужащих), многие жители МНР сдавали донорскую кровь. Выявленные в российских архивах документы позволили осмыслить и оценить взаимоотношения двух стран, обусловленные историческими, геополитическими и экономическими связями. Автор приходит к выводу, что братские узы, заложенные еще в 1921 г., когда было подписано «Соглашение между правительством РСФСР и правительством Народной Монголии об установлении дружественных отношений», выдержали испытание военным временем и в 1939, и в 1941–1945 гг.

Советский Союз, Монгольская Народная Республика, сотрудничество, взаимопомощь, 1941–1945 гг.

Author, Abstract, Key words

Keemya V. Orlova – Doctor of History, Chief Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS

ORCID ID: 0000-0003-4951-0063

orlovnk@mail.ru

The article is devoted to cooperation and mutual assistance between the USSR and the MNR in 1941–1945. The materials of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Economics, which are being put into scientific circulation, provide data on the amount of this assistance from both sides. The author considers specific measures of interaction between the countries. The Soviet Union fought a difficult war when there was a real threat to the country's existence, but sought opportunities to support a faithful ally. This applied not only to the national economic complex of Mongolia, but also to the humanitarian sphere. When the Mongolian

State University was opened, Mongolian students had the opportunity to receive higher education in cities of the Soviet Union, geological expeditions were organized, industrial enterprises and roads were built. The situation in the MPR was no less dramatic. The need to rely on internal resources has allowed the country to rebuild its national economic complex. Mongolia regularly provided assistance to the Red Army, many industrial enterprises in the country fulfilled special orders for the Soviet Union (for example, workshops for sewing warm clothes for military personnel), and many residents of the MPR donated blood. The documents revealed in the Russian archives made it possible to comprehend and evaluate the relations between the two countries due to historical, geopolitical and economic ties. The author comes to the conclusion that the fraternal ties, laid back in 1921, when the “Agreement between the Government of the RSFSR and the Government of the People’s Republic of Mongolia on the establishment of friendly relations” was signed, stood the test of wartime in 1939, and in 1941–1945.

The Soviet Union, the Mongolian People’s Republic, cooperation, mutual assistance, 1941–1945.

References **(Articles from Scientific Journals)**

1. Bazarov, B.V., Kuras, V.L. Mongolia vo Vtoroi mirovoi voine [Mongolia in the Second World War]. *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. Tom 12, pp. 30– 39 (In Russian).

2. Dorj, T. Reorganizatsiya ekonomiki Mongolii v obstanovke Vtoroi mirovoi voiny [Reorganization of Mongolia’s economy in the context of World War II]. *Vtoraya mirovaya voina: istoricheskiy opyt, pamyat’ I preemstvennost pokoleniy (k 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoy voiny): sbornik nauchnykh statei*, 2025, pp. 19–25 (In Russian).

3. Khishigt, N. “Mongol’skaya loshadka doshla do Berlina” [“The Mongolian horse reached Berlin”: one of the aspects of the MNR’s assistance to the Red Army]. *Vtoraya mirovaya voina i Vostok*, 2024, pp. 265–275 (In Russian).

4. Khishigt, N. Vtoraya mirovaya voina v istorii vzaimootnosheniy MNR i SSSR [The Second World War in the history of relations between the MNR and the USSR]. *Vtoraya mirovaya voina: istoricheskiy opyt, pamyat’ I preemstvennost pokoleniy (k 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoy voiny): sbornik nauchnykh statei*, 2025, pp. 32–39 (In Russian).

5. Kuras, V.L. Mongolia ot Khalkin Gola do linkora ‘Missuri’ (k 70-letiyu okonchaniya Vtoroi mirovoi voiny [Mongolia from Khalkhin Gol to the battleship Missouri (on the 70th anniversary of the end of World War II)]. *Vlast’*, 2015, pp. 15–34 (In Russian).

Monographs

6. Mongolia vo Vtoroi mirovoi voine [Mongolia in the Second World War: a photo album] / ed. by *Ch. Dashdavaa, L.V. Kuras*. Irkutsk, 2011, 96 p. (In Russian).
7. Ocherki istorii MNR [Essays on the history of the MPRP]. Perevod s mong. Moscow, 1971, 343 p. (In Russian).
8. Rossiysko-mongolskoe voennoe sotrudnichestvo (1911–1946). Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946). Collection of documents]. Ch. 2. Moscow, 2019, 328 p. (In Russian).
9. Sovetsko-mongolskie otnosheniya. 1921–1974. Dokumenty i materialy. Vol. 2. Ch. I: 1941–1974 [Soviet-Mongolian relations 1921–1974. Documents and materials]. Moskva – Ulaanbaatar, 1979, 529 p. (In Russian).
10. Sovetsko-mongolskie otnosheniya. 1921–1966: sbornik dokumentov [Soviet-Mongolian relations 1921–1974. Collection of documents]. Moscow, 1966, 360 p. (In Russian).
11. Istoriya MNR. Izd. 2 pererab. i dop. Moscow, 1967, 537 p. (In Russian).
12. Istoriya Mongolii. XX vek. Moscow, 2007. 448 p. (In Russian).

В.А. Исупов, А.А. Кайряк, В.Н. Шайдуров

**Демографическое развитие немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в.
(по данным метрических книг)¹**

V.A. Isupov, A.A. Kairyak, V.N. Shaidurov

Demographic development of the German colonies of St. Petersburg province in the late 19th and early 20th centuries (according to metric books)

Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии представляют собой уникальный феномен в истории Российской империи, отражающий сложные процессы миграции, адаптации и взаимодействия культур. Если в первой половине XIX в. колонии демонстрировали устойчивый демографический рост и социальную стабильность, то к концу столетия их развитие стало подвергаться значительным изменениям под влиянием экономических, политических и социальных факторов. Изучение демографических процессов в немецких колониях в конце XIX – начале XX в. позволяет не только раскрыть внутреннюю динамику этих сообществ, но и понять их роль в контексте трансформаций Российской империи накануне глобальных потрясений.

В конце XIX – начале XX в. Российская империя переживала значительные социально-экономические и демографические изменения, которые нашли отражение в развитии национальных меньшинств, включая российских немцев. Изучение демографического развития немецких колоний в указанный период представляет особый интерес, так как позволяет раскрыть не только внутренние процессы, происходившие в общинах, но и их взаимодействие с окружающим социумом в условиях модернизации страны.

Основу работы составили материалы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Научного архива Русского географического общества (НА РГО). В первую очередь, нами были использованы данные из метрических книг

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20025, <https://rscf.ru/project/23-18-20025/>

Ново-Саратовского, Стрельнинского и других лютеранских приходов за 1894 – 1915 г. Были использованы персональные данные из следующих разделов: рождаемость, смертность, причины смерти, а также социальный и семейный статус умерших. Использование этих источников позволило провести детальный анализ и сделать достоверные выводы о демографических процессах в немецких колониях.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания роли немецких колонистов в демографической и социальной истории региона. Хотя отдельные работы уже затрагивали данную тему, ряд аспектов, включая динамику численности населения, трансформацию его половозрастного состава, миграционные тенденции и воздействие государственной политики на жизнь колоний в конце XIX – начале XX в., остаются малоисследованными. Это обуславливает необходимость дальнейшего анализа.

Изучение демографических процессов в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии развивалось неравномерно и отражало общие тенденции исторической науки в России. В дореволюционный период внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на экономической роли колонистов, тогда как демографические аспекты оставались на периферии научного интереса. Работы П.И. Кёппена¹ и Г.Г. Писаревского² заложили основу для изучения немецких колоний, но их труды охватывали более ранний период и не рассматривали специфику демографических изменений на рубеже XIX – XX в.

Советская историография долгое время игнорировала этнические аспекты колонизации, делая акцент на классовых противоречиях. Лишь в 1970–1980-е гг. появились первые специальные исследования, посвященные демографии немецкого населения. Работа Н.В. Юхнёвой³ о немцах Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. стала важным шагом в изучении городских немецких общин, однако сельские колонии губернии оставались недостаточно исследованными. При этом демографические процессы в немецких колониях рассматривались преимущественно в контексте общего развития петербургских немцев, что оставляло за рамками внимания региональную специфику.

Постсоветский период ознаменовался значительным ростом интереса к истории российских немцев. Исследования Е.В. Бахмутской⁴ и И.В. Черказьяновой⁵ расширили представления о социальной структуре колоний, включая анализ семейных отношений и возрастной стратификации. Особого внимания заслуживают работы Г.Н. Фаузер и В.В. Фаузер⁶, которые ввели в научный оборот новые

демографические данные и разработали методику анализа естественного движения населения в немецких общинах.

Современные исследования, такие как статья В.Н. Шайдурова и Н.А. Осипова «Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х – 1914 гг.: численность, размещение, хозяйственные занятия»⁷, демонстрируют комплексный подход к изучению демографических процессов. Авторы не только анализируют статистические данные переписей, но и рассматривают влияние социально-экономических факторов на воспроизводство населения. Особую ценность представляет их анализ половозрастной структуры и профессиональной занятости как факторов демографического поведения.

Существенный вклад в разработку темы внесла работа А.А. Кайряк⁸, где на материалах метрических книг и ревизских сказок исследуется динамика численности и структуры населения немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в первой половине XIX в. Полученные результаты создают основу для сравнительного изучения демографических процессов в более поздний период – конце XIX – начале XX в.

Таким образом, современная историография демонстрирует переход от описательных исследований к комплексному анализу демографических процессов с учетом социальных, экономических и политических факторов. Однако многие аспекты требуют дальнейшей разработки, особенно с привлечением новых архивных источников и междисциплинарных подходов.

Демографические процессы в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. представляют значительный интерес для исследования, поскольку отражают не только естественное воспроизводство населения, но и влияние социально-экономических, политических и эпидемиологических факторов. Анализ рождаемости позволяет выявить ключевые тенденции, сезонные колебания, гендерные пропорции и региональные различия, которые были характерны для данной этноконфессиональной группы в условиях Российской империи.

Информация о численности немецкого населения в России начиная с XVIII в. была зафиксирована в официальных документах: с 1719 по 1858 гг. проводились ревизии, далее в рамках Всероссийских переписей населения 1897 г. и 1920 г. и последующих Всесоюзных переписей (с 1923 г. по 1989 г.).

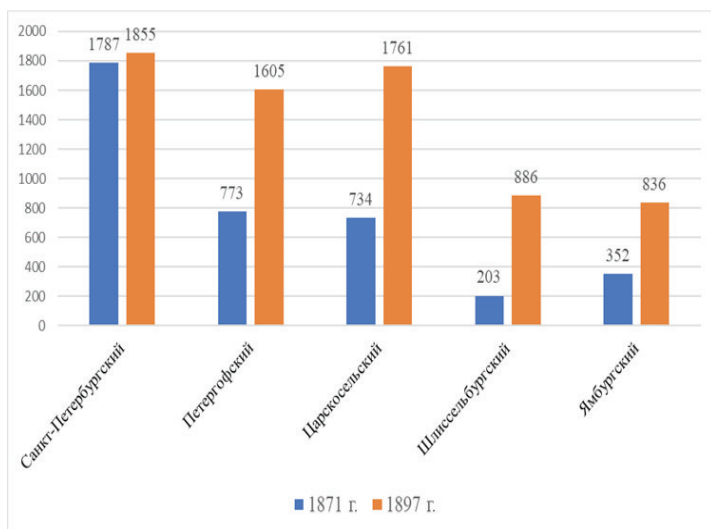
В конце XIX – начале XX в. немецкие колонии продолжали появляться на территории Санкт-Петербургской губернии, несмотря на ужесточение политики в отношении немецких колонистов. На начало

XX в. в Санкт-Петербургской губернии было около 40 немецких колоний. Они появились в различных частях, таких как Маленькая вблизи Старой Рогатки, Ново-Александровская (1872 г.), Веселая колония недалеко от суконной фабрики Торнтон (1880 г.), Мушинская (1889 г.), Волково около Каменки в 1892 г., Широкие места (1895 г.). Эти поселения являлись дочерними колониями и создавались для развития сельского хозяйства, промышленности и торговли. Они играли значительную роль в экономическом и культурном развитии региона.

В 1871 г. в Санкт-Петербургской губернии проживало 3849 немецких колонистов⁹. Стоит отметить, что немецкие поселяне по-прежнему проживали в разных уездах (Санкт-Петербургский, Петергофский, Царскосельский, Шлиссельбургский, Ямбургский), в традиционных местах их проживания. Появлялись и новые поселения, например, Овцыно (проживал 171 колонист), Приютино (проживало 11 колонистов), Яненское (проживал 21 колонист)¹⁰.

С 1871 по 1897 гг. наблюдался разновеликий прирост колонистского населения в различных уездах Санкт-Петербургской губернии. Самый высокий прирост был зафиксирован в Шлиссельбургском уезде, где численность населения увеличилась на 336,45%, в то время как в Санкт-Петербургском уезде этот показатель составил всего 3,8% (см. рис. 1).

Рис. 1. Численность немецких колонистов в уездах Санкт-Петербургской губернии в 1871 г. и 1897 г.

Источник: НА РГО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 37. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903. 265 с.

Относительно большинства уездов отмечается резкий рост населения колоний. Подобное явление, на наш взгляд, следует объяснить не фактическом приростом, а несовершенством учета населения, имевшего место до конца XIX в.: статистика не полностью учитывала население, что могло привести к недооценке реального прироста.

Первичные материалы метрических книг позволяют рассмотреть различные демографические явления, имевшие место в колониях. С 1894 по 1915 г. общее число зарегистрированных рождений в немецких колониях демонстрировало значительные колебания (см. табл. 1). Наибольший показатель пришелся на 1901 г. (481 ребенок) что, вероятно, связано с относительно стабильными социальноэкономическими условиями в преддверии грядущих кризисов. Однако к 1915 г. наблюдается резкое снижение рождаемости (на 50% по сравнению с 1901 г.), что объясняется влиянием Первой мировой войны: мобилизация мужского населения, сокращение количества браков, ухудшение условий жизни и рост смертности (Таблица 1).

Табл. 1. Количество новорожденных в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в.

Год

	Мальчиков (чел.)	Девочек (чел.)	Всего (чел.)
1894 г.	201	194	395
1899 г.	201	211	412
1901 г.	243	238	481
1913 г.	145	119	264
1914 г.	130	149	279
1915 г.	134	106	240

Источник: ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180.

При анализе уровня рождаемости нам следует обратить внимание на общий коэффициент рождаемости. При общей численности немцев-лютеран в Санкт-Петербургской губернии в 10,5 тыс. чел.¹¹ этот показатель применительно ко второй половине 1890-х гг. составит 37,6 – 40,1‰.

Для Ново-Саратовского прихода на тот же период мы получим иные данные. При численности прихожан на 1896 г. в 4740 чел.¹² применительно к 1894 и 1899 гг. он составил 43,1‰ и 47,6‰ соответственно. Столь высокий показатель объясняется, в первую очередь, крещением в приходской церкви не только детей местных поселян, но и других лютеран, среди которых были уроженцы Санкт-Петербурга, других губерний и иностранцы. На 1899 г. доля последней группы составила более 6%. Наличие в Санкт-Петербургском уезде большого числа пришедших на заработки также находил отражение в общем коэффициенте рождаемости. Так, в 1893 г. на 130730 учтенных жителей¹³ пришлось 35622 рожденных или 272,5‰¹⁴. Для Петергофского уезда с населением в 56306 чел.¹⁵ он составил 49,9‰¹⁶

О том, что данные метрических книг Ново-Саратовки и Стрельны содержат вполне достоверные сведения, свидетельствует сопоставление коэффициентов по некоторым религиозным сообществам Санкт-Петербургской губернии (см. табл. 2)

Табл. 2. Движение населения Санкт-Петербургской губернии за 1893 г.

Вероисповедание	Численность, чел.	Количество рождений	Общий коэффициент рождений, ‰
Лютеране	120288	6636	55,2
Иудеи	2248	380	169
Католики	13982	943	67,4

Источник: Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1895 год. СПб., 1895. Часть III. С. 32-33; Статистика Российской империи. Т. XLI. Движение населения в Европейской России за 1893 г. СПб., 1897. С. 14-15.

Важным показателем благопристойности немецкого колониетского общества является число незаконнорожденных. В немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. было характерно высокое соотношение законнорожденных детей. Почти все дети рождались в браке, и лишь в отдельных случаях были зарегистрированы исключения. Одним из таких исключений был случай, произошедший в 1899 г. в колонии Овцыно¹⁷, родители не состояли в официальном браке, и ребенок был рожден вне брачных уз. Такие случаи были редкими и отличались от общей тенденции высокой рождаемости детей в браке. Еще одним примером исключения является Среднеогатская колония, где в 1913 г.¹⁸ был зарегистрирован случай крещения незаконнорожденного ребенка. Крайне

низкий уровень незаконнорожденных у немецких колонистов резко контрастировал с общеимперской картиной, которую фиксировали статистики конца XIX в. Так, в статистических справочниках отмечалось, что «из христианских вероисповеданий самый высокий процент незаконнорожденных дают протестанты»¹⁹.

Гендерная структура новорожденных. В большинстве исследуемых лет соотношение мальчиков и девочек оставалось близким к естественному балансу (50–51%), что соответствует общемировым демографическим закономерностям. Однако в отдельные периоды фиксировались аномалии:

- **1913 г.** – преобладание мальчиков (54,9%);
- **1914 г.** – увеличение доли девочек (53,4%);
- **1915 г.** – снова рост числа мальчиков (55,8%).

Анализ более раннего периода (XIX в.) демонстрирует иные тенденции. В приморских немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в начале XIX в. наблюдался относительный гендерный баланс среди новорожденных. Однако в последующие десятилетия прослеживается устойчивая тенденция: постепенное снижение доли рождаемости мальчиков (примерно на 1% каждые 20 лет) и соответствующее увеличение доли рождаемости девочек²⁰.

Анализ распределения рождений по месяцам выявил выраженную сезонность:

- **Пиковые периоды:** декабрь (11,6%), апрель (10,8%) в 1901 г.; ноябрь (12,1%) и март (11,3%) в 1916 г.;
- **Минимальные показатели:** июнь и октябрь (по 6,0% в 1901 г.), сентябрь и декабрь (по 4,8% в 1916 г.).

Эти данные позволяют предположить связь рождаемости с сельскохозяйственным циклом: снижение числа зачатий в периоды интенсивных полевых работ (лето) и рост – в более спокойные зимние месяцы. Кроме того, традиционное заключение браков осенью могло способствовать весеннему всплеску рождений.

Уровень рождаемости в немецких поселениях напрямую коррелировал с численностью их населения. Наибольшее количество новорожденных регистрировалось в наиболее крупных и развитых колониях: **Ново-Саратовка** – стабильно высокие показатели (46–76 новорожденных/год), **Кронштадт** – лидер в 1894 г. (92 ребенка), но с последующим сокращением, **Средняя Рогатка и Стрельнинская колония** – устойчивые средние значения (20–40 рождений ежегодно). Малые колонии (Ораниенбаумская, Ковалево, Безбородкино) демонстрировали единичные случаи рождений (1–5/год), что указывает на их малочисленность.

Анализ возрастной структуры населения колоний в XIX в. выявляет характерные особенности: дети в возрасте 0–8 лет составляли

около 30% населения, что свидетельствовало о высокой рождаемости; группа 9-15 лет – 20%; при этом основная масса колонистов (около 50%) находилась в трудоспособном возрасте 16-60 лет, тогда как доля лиц старше 60 лет не превышала 5 процентов. Такое распределение отражало традиционную модель воспроизводства, характерную для аграрных обществ. Семейная организация колонистов отличалась устойчивыми патриархальными чертами: преобладали многопоколенные семьи во главе с мужчинами 40-50 лет, включавшие супругу, взрослых сыновей с их семьями и многочисленных детей. Высокая доля детей младшего возраста (30% - 0-8 лет) сохранялась на протяжении всего изучаемого периода, что обеспечивало постоянный демографический рост.

Таким образом, рождаемость в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. характеризовалась цикличностью, обусловленной аграрным укладом жизни и сезонными факторами, региональной дифференциацией, где крупные колонии играли ключевую роль в воспроизводстве населения, а также влиянием внешних кризисов, таких как Первая мировая война, приведшей к демографическому спаду. Сохранение традиционной возрастной структуры и семейной организации в течение всего XIX в. создавало устойчивую основу для демографического развития, которое лишь в начале XX в. столкнулось с серьезными потрясениями.

Анализ брачной статистики немецких колоний позволяет выявить не только демографические тенденции, но и социальную стратификацию общин. В 1901 г. наибольшее количество браков было зарегистрировано среди поселян (крестьян-колонистов), что отражало аграрный характер большинства общин. За ними следовали мещане и ремесленники, тогда как браки с участием иностранцев встречались относительно редко – за исключением Кронштадта, где они составляли значительную долю.

Изучение смертности в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. позволяет раскрыть ключевые демографические закономерности, влияние эпидемий и социально-экономических потрясений. На основе анализа половозрастного состава, причин смерти и сословной принадлежности умерших выявляются особенности демографического поведения колонистов, а также последствия кризисов, таких как эпидемия холеры (1908–1909 гг.) и Первая мировая война (1914–1918 гг.).

В Ново-Саратовском приходе, крупнейшем из исследуемых поселений, общее число смертей колебалось от 114 случаев в 1914 г. до 196 в 1908 г. Стрельнинский приход демонстрировал более скромные показатели – от 44 до 60 умерших ежегодно. Такие колебания

были обусловлены как естественными демографическими процессами, так и внешними факторами - эпидемиями и социальными потрясениями. Особенно показателен 1908 г., когда в Ново-Саратовском приходе был зафиксирован абсолютный максимум смертности, что связано со вспышкой холеры, затронувшей все возрастные группы населения.

Возрастная структура умерших демонстрирует характерную для доиндустриальных обществ картину с высокой детской смертностью. В Ново-Саратовском приходе дети до 1 года составляли от 30% до 47% всех умерших, причем в отдельные годы, как например в 1899 г., их доля достигала почти половины от общего числа смертей (74 случая из 154). Столь высокие показатели младенческой смертности объясняются ограниченным доступом к медицинской помощи, распространением инфекционных заболеваний (коклюш, корь, скарлатина), а также сложными условиями выхаживания новорожденных. Второй уязвимой группой были пожилые люди старше 70 лет, чья доля в структуре смертности оставалась стабильно высокой на протяжении всего изучаемого периода.

Гендерный состав умерших в разных приходах имел существенные различия (см. табл. 3 и 4). В Ново-Саратовском приходе в большинстве лет преобладала мужская смертность (до 60,45 % в 1913 г.). Однако в 1899 и 1901 гг. наблюдалась обратная картина – женщины умирали чаще (51,63% и 57,53% соответственно). В Стрельнинском приходе, напротив, женская смертность в большинстве лет превышала мужскую, достигая 73,21% в 1914 г. Такое распределение могло быть обусловлено как особенностями возрастной структуры населения, так и спецификой заболеваний, более опасных для женщин.

Табл. 3. Половой состав умерших немецких колонистов в Новосаратовском приходе

Год	Мужчин	Женщин	Всего умерших
1894	94 (59.87%)	63 (40.13%)	157
1899	74 (48.37%)	79 (51.63%)	153
1901	62 (42.47%)	84 (57.53%)	146
1908	110 (56.12%)	86 (43.88%)	196
1909	87 (55.41%)	70 (44.59%)	157
1913	81 (60.45%)	53 (39.55%)	134
1914	62 (54.39%)	52 (45.61%)	114
1915	75 (50%)	75 (50%)	150

Источник: ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180.

Табл. 4. Половой состав умерших немецких колонистов в Стрельнинском приходе

Год	Мужчин	Женщин	Всего умерших
1894	23 (48.94%)	24 (51.06%)	47
1899	18 (33.96%)	35 (66.04%)	53
1901	30 (54.55%)	25 (45.45%)	55
1908	27 (61.36%)	17 (38.64%)	44
1909	24 (40%)	36 (60%)	60
1913	24 (46.15%)	28 (53.85%)	52
1914	15 (26.79%)	41 (73.21%)	56
1915	39 (65%)	21 (35%)	60

Источник: ЦГИА СПб. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 8, 26, 40, 144, 166, 180.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о примерной численности немецкого лютеранского населения в обоих приходах позволяют нам рассчитать общий коэффициент смертности. Так, для Ново-Саратовского прихода его наивысший показатель пришелся на 1908 г. и составил 41,4‰. Для Стрельнинского прихода он пришелся на 1909 г. (50‰). Столь высокие коэффициенты обусловлены эпидемией холеры, которая охватила столицу и губернию в 1908 – 1909 гг.

Анализ причин смерти выявляет три основные группы: инфекционные заболевания, детская смертность и возрастные патологии. Среди инфекций доминировали холера, воспаление легких и тиф, причем их распространенность значительно возрастала в годы эпидемий. Так, в 1908-1909 гг. холера стала причиной 7-17% всех смертей в разных приходах. Детская смертность часто объяснялась такими причинами, как «родимчик» (судороги), коклюш и «слабость», что отражает недостаточный уровень медицинских знаний и практик того времени. Среди старшего поколения преобладали «старческая дряхлость», чахотка, туберкулез, и болезни сердца.

Особый интерес представляет влияние исторических событий на демографические показатели. Эпидемия холеры 1908-1909 гг. привела к резкому росту смертности, особенно среди детей и трудоспособного населения. Первая мировая война также оставила заметный след в демографической истории колоний - в 1915 г. наблюдается увеличение доли мужских смертей (до 65% в Стрельнинском приходе), что связано с мобилизацией и ухудшением условий жиз-

ни. Кроме того, в этот период появляются новые причины смерти, такие как гангрена и заражение крови, что отражает последствия военных действий.

Данные о смертности немецких колонистов за 1899 и 1908 г. позволяют проследить важные изменения в структуре заболеваемости и демографических тенденциях. В 1899 г. в Ново-Саратовском приходе было зарегистрировано 154 случая смерти, тогда как в меньшем по численности Стрельнинском приходе – 52 случая. К 1908 г. ситуация изменилась: в Ново-Саратовке число смертей возросло до 192, а в Стрельне, напротив, снизилось до 43.

Основными причинами смерти в оба периода оставались инфекционные и воспалительные заболевания. В 1899 г. в Ново-Саратовке чаще всего фиксировались случаи смерти от воспаления легких (14), чахотки (11), родимчика (15) и паралича (9). В Стрельнинском приходе структура была схожей, но с меньшими абсолютными показателями. К 1908 г. картина несколько изменилась: резко возросло число смертей от воспаления легких (22 случая), чахотки (17) и появились новые причины – заражение крови и гангрена.

Особого внимания заслуживает эпидемиологическая ситуация 1908-1909 гг., когда началась эпидемия холеры, что отразилось в статистике (7 случаев в Ново-Саратовке и 4 – в Стрельне). Однако даже в этот период холера не стала основной причиной смертности, уступая другим инфекциям. Важными тенденциями стали рост хронических заболеваний (чахотка, паралич) и старческой смертности, а также снижение детской смертности от родимчика (с 15 до 2 случаев в Ново-Саратовке).

Сравнение двух колоний показывает, что, несмотря на разницу в абсолютных цифрах, структура причин смерти была схожей, с преобладанием инфекционных и легочных заболеваний.

Анализ данных позволяет выявить заметные различия в причинах смерти среди мужского и женского населения колоний. Мужчины значительно чаще погибали от внешних причин и профессиональных рисков – несчастных случаев (задавливание, утопление, производственные травмы) и инфекционных заболеваний, связанных с тяжелым физическим трудом и частыми контактами (воспаление легких, туберкулез). В 1908 г. в Ново-Саратовском приходе от воспаления легких умерло 22 чел., большинство из которых составляли мужчины трудоспособного возраста.

Женская смертность имела иной характер. Женщины чаще умирали от заболеваний репродуктивной системы (воспаление матки, послеродовые осложнения), а также от «слабости» и «истощения», что могло быть связано с частыми беременностями, тяжелым домашним трудом и недостаточным питанием. В 1899 г. в родах по-

гибла 1 женщина в Ново-Саратовке, однако реальные цифры могли быть выше, так как многие случаи могли регистрироваться как «слабость» или «кровоизлияние». Особенно показательна высокая женская смертность в возрастной группе 20-40 лет, что коррелирует с активным репродуктивным периодом.

Также наблюдались гендерные различия в смертности от хронических заболеваний: мужчины чаще умирали от болезней сердца и паралича, женщины - от малярии и старческой дряхлости. Это может свидетельствовать как о биологических особенностях старения, так и о разном качестве жизни в пожилом возрасте. Примечательно, что детская смертность (особенно от родимчика и коклюша) была примерно равной для мальчиков и девочек, что указывает на отсутствие гендерной дискриминации в уходе за детьми. Эти гендерные особенности смертности отражают традиционное разделение социальных ролей и профессиональной деятельности в немецких колониях.

Таким образом, изучение смертности в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии позволяет не только реконструировать демографические процессы в этой специфической этнической группе, но и проследить ее адаптацию к меняющимся историческим условиям. Высокая детская смертность, гендерные диспропорции и влияние эпидемий характерны для всей Российской империи того периода, однако в случае немецких колонистов эти процессы имели свои особенности, связанные с их правовым статусом, хозяйственной специализацией и культурной идентичностью.

Демографическое развитие немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. представляет собой сложный комплекс взаимосвязанных процессов, отражающих как общие закономерности демографического развития Российской империи, так и специфические особенности данной этнической группы. Проведенное исследование позволило выявить ключевые тенденции в динамике рождаемости и смертности, их возрастную-половую структуру, а также влияние на эти процессы внешних факторов – эпидемий, социально-экономических изменений и политических потрясений.

Проведенное исследование демографического развития немецких колоний Санкт-Петербургской губернии показало устойчивость традиционных моделей воспроизводства населения, сложившихся еще в первой половине XIX в. Несмотря на социально-экономические изменения рубежа веков, колонисты сохраняли характерные

черты аграрного общества: высокую рождаемость, многопоколенные семьи, четкое разделение гендерных ролей.

Особенно показательным является сохранение традиционной возрастной структуры населения, где дети до 15 лет составляли около 50%, что обеспечивало постоянный демографический рост. Эта модель, сформировавшаяся в начале XIX в., оставалась стабильной вплоть до Первой мировой войны, демонстрируя устойчивость перед лицом модернизационных процессов.

Гендерные различия в смертности также отражали традиционный уклад жизни колонистов. Мужчины чаще погибали от профессиональных рисков и инфекций, связанных с тяжелым трудом, женщины - от последствий частых родов и домашних перегрузок. При этом детская смертность оставалась одинаково высокой для обоих полов.

Кризисы начала XX в. хотя и нарушили демографическое равновесие, но не смогли кардинально изменить сложившиеся веками модели воспроизводства. Это свидетельствует о глубокой укорененности традиционных ценностей и практик в жизни немецких колонистов, сохранявших свою идентичность в условиях меняющейся России.

Примечания

Notes

(Endnotes)

1. *Кёппен П.И.* Об инородческом, преимущественно немецком населении Санкт-Петербургской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. II. С. 181-209.

2. *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. Москва, 1909. 438 с.

3. *Юхнёва Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – начало XX вв.: статистический анализ. Ленинград, 1984. 223 с.

4. *Бахмутская Е.В.* Немецкие колонисты в России // Немцы в России. Санкт-Петербург, 2004. С. 238-253.

5. *Черказянова И.В.* Немецкая колония в Стрельне: 1810-2010 гг. // Немцы Сибири: Культура. Омск, 2010. № 2 (19). С. 41-50.

6. *Фаузер Г.Н., Фаузер В.В.* Демографические факторы численности населения российских немцев // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию). Москва, 2013. С. 676-678.

7. *Шайдуров В.Н., Осипов Н.А.* Немцы Санкт-Петербурга в 1860-х – 1914 гг.: численность, размещение, хозяйственные занятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 286–298. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298>.

8. *Кайряк А.А.* Особенности демографического развития немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в первой половине XIX в. // Историческая информатика. Москва, 2023. №3 (45). С. 28-40.<https://doi.org/10.7256/2585-7797.2023.3.44064>.

9. Научный архив Русского географического общества. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22.

10. Научный архив Русского географического общества. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 22.

11. Российский государственный исторический архив. Ф. 828. Оп. 13. Д. 612. Л. 1.

12. Российский государственный исторический архив. Ф. 828. Оп. 13. Д. 612. Л. 1.

13. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1895 год. Санкт-Петербург, 1895. Часть III. С. 28.

14. Статистика Российской империи. Т. XXXVIII. Движение населения в Европейской России за 1892 г. Санкт-Петербург, 1896. С. 9.

15. Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии на 1895 год. Санкт-Петербург, 1895. Часть III. С. 29.

16. Статистика Российской империи. Т. XXXVIII. Движение населения в Европейской России за 1892 г. Санкт-Петербург, 1896. С. 10.

17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.

18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 26. Л. 23.

19. Статистика Российской империи. Т. L. Движение населения в Европейской России в 1897 г. Санкт-Петербург, 1900. С. III.

20. *Кайряк А.А.* Особенности демографического развития немецких колоний Санкт-Петербургской губернии в первой половине XIX в. // Историческая информатика. Москва, 2023. №3 (45). С. 32-35.<https://doi.org/10.7256/2585-7797.2023.3.44064>.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Исупов Владимир Анатольевич – д.и.н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа

ORCID ID: 0000-0002-7378-4403

vladimir_2004@mail.ru

Кайряк Анна Алексеевна – Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, лаборант Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа

ORCID ID: 0009-0001-2197-1565

anna_solveig@mail.ru

Шайдуrow Владимир Николаевич – д.и.н., доцент,
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
заведующий, главный научный сотрудник Научно-образовательного
центра исторических исследований и анализа
ORCID ID:0000-0002-1431-1163 s-w-n@mail.ru

Целью исследования является анализ демографических процессов в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии в конце XIX – начале XX в. Объектом исследования выступают немецкие колонии региона, а предметом – динамика численности населения, половозрастной состав, рождаемость, смертность, миграционные процессы и факторы, влиявшие на демографическое поведение колонистов. В работе использованы данные метрических книг, переписей населения и других архивных источников, что позволило выявить ключевые демографические тенденции. Результаты исследования показали, что в начале XX в. наблюдался демографический подъём, однако Первая мировая война и эпидемии привели к значительному снижению рождаемости и росту смертности. Особое внимание уделено младенческой смертности, которая достигала 60% в отдельные годы, а также социально-сословной трансформации колонистов, эволюционировавших от аграрного общества к более разнородной структуре. Научная новизна работы определяется комплексным анализом демографических процессов в немецких колониях, что дополняет существующие исследования по истории колонизации и миграции в России. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов историками, демографами и социологами для изучения адаптации этнических меньшинств, межэтнических отношений и влияния колоний на развитие региона.

Немецкие колонии, Санкт-Петербургская губерния, демография, рождаемость, смертность, миграция, колонисты, метрические книги

Authors, Abstract, Key words

Vladimir Anatolyevich Isupov – Dr. Habil. Hist., Professor,
Chief Researcher of the Scientific and Educational Center for Historical
Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, Russia.
SPIN-код: 1024- 2756

ORCID ID: 0000-0002-7378-4403 vladimir_2004_@mail.ru

Vladimir Nikolaevich Shaidurov – Dr. Habil. Hist., Head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Professor of the Department of History, Pushkin Leningrad State University; Russia. SPIN-code: 1904-6910;

ORCID ID:0000-0002-1431-1163

s-w-n@mail.ru

Anna Alekseyevna Kayryak – Research assistant of the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia. SPIN-code: 1737-0132.

ORCID ID: 0009-0001-2197-1565

anna_solveig@mail.ru

The purpose of the study is to analyze demographic processes in the German colonies of St. Petersburg province in the late 19th and early 20th centuries. The object of the study is the German colonies of the region, and the subject is population dynamics, sex and age composition, fertility, mortality, migration processes and factors that influenced the demographic behavior of the colonists. The work uses data from metric books, population censuses and other archival sources, which made it possible to identify key demographic trends. The results of the study showed that at the beginning of the XX century. There was a demographic rise, but the First World War and epidemics led to a significant decrease in the birth rate and an increase in mortality. Special attention is paid to infant mortality, which reached 60% in some years, as well as the social and class transformation of the colonists, who evolved from an agrarian society to a more heterogeneous structure. The scientific novelty of the work is determined by a comprehensive analysis of demographic processes in the German colonies, which complements existing research on the history of colonization and migration in Russia. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its results by historians, demographers and sociologists to study the adaptation of ethnic minorities, interethnic relations and the influence of colonies on the development of the region.

German colonies, St. Petersburg province, demography, birth rate, mortality, migration, colonists, metric books

References **(Articles from Scientific Journals)**

1. Bakhmutskaya, E.V. Nemetskie kolonisty v Rossii [German colonists in Russia]. *Nemtsy v Rossii. St. Petersburg, 2004, pp. 238-253.* (In Russian).

2. Cherkazyanova, I.V. Nemetskaya koloniya v Strelne: 1810-2010 gg. [German colony in Strelna: 1810-2010]. *Nemtsy Sibiri: Kultura. Omsk*, 2010, no. 2 (19), pp. 41-50. (In Russian).

3. Fauzer, G.N., Fauzer, V.V. Demograficheskie factory chislennosti naseleniya rossiiskikh nemtsev [Demographic factors of the population size of Russian Germans]. *Dva s polovinoi veka s Rossiei (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemtsev v Rossiyu)*. Moscow, 2013, pp. 676-678. (In Russian).

4. Kairyak, A.A. Osobennosti demograficheskogo razvitiya nemetskikh kolonii Sankt-Peterburgskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [Peculiarities of the demographic development of the German colonies of the St. Petersburg province in the first half of the 19th century]. *Istoricheskaya informatika*. Moscow, 2023, no 3 (45), pp. 28-40. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2023.3.44064>. (In Russian).

5. Shaidurov, V.N., Osipov, N.A. Nemcy Sankt-Peterburga v 1860-h – 1914 gg.: chislennost', razmeshchenie, hozyaistvennye zanyatiya [Germans of St. Petersburg in the 1860s-1914: population, location, economic activities]. *RUDN Journal of Russian History*, 2024, T. 23, no. 3, pp. 286-298. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-3-286-298>. (In Russian).

(Monographs)

7. Pisarevskij, G.G. Iz istorii inostrannoj kolonizacii v Rossii v XVIII veke. [From the history of foreign colonization in Russia in the 18th century]. Moscow, 1909. 438 p. (In Russian).

8. Yuhnyova, N.V. Etnicheskij sostav i etnosocial'naya struktura nasele-niya Peterburga, vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.: statisticheskij analiz. [Ethnic composition and ethnosocial structure of the population of St. Petersburg, second half of the 19th - early 20th centuries: statistical analysis]. Lenin-grad, 1984. 223 p. (In Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Political History and Historical Political Science

DOI 10.54770/20729286-2025-3-207

Д.В. Кирилюк, Д.В. Сердюков

Роль региональных экономических интересов территорий Российской Федерации в распаде СССР (на примере Ханты- Мансийского автономного округа)

Denis Kirilyuk, Dmitry Serdyukov

The role of the regional economic interests of the Russian Federation territories in the collapse of the USSR (on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug)

Дискуссии о причинах распада Советского Союза не утихают в мировом научном сообществе вот уже более тридцати лет. За эти годы были высказаны десятки профессиональных и околопрофессиональных мнений, которые раскрывают разные стороны охватившего страну в конце 1980-х годов системного кризиса. Большинство отечественных и зарубежных исследователей, тем не менее, выделяют три основные группы причин, способствовавших распаду страны: политические, социальноэкономические и национальные факторы.

В современной западной историографии в анализе причин распада СССР большое внимание уделяется особенностям национально-государственного строительства в советский период отечественной истории. Так, по мнению американского учёного, сторонника имперской теории, Пола Кеннеди, Советский Союз ушел с политической сцены по тем же причинам, что и другие империи: из-за национальных конфликтов и политической дестабилизации в условиях модернизации¹. Британский советолог Джеффри Хоскинг, акцентируя внимание на неудачах в политике создания единой гражданской нации, объясняет распад советского государства в рамках теории национализма².

Среди отечественных ученых схожие идеи развивает академик В.А. Тишков, который опираясь на национально-демографическую

теорию, выявляет одной из основных тенденций конца перестройки - разложение ядра государства на центробежные национальные элементы³. Известный питерский историк Б.Н. Миронов конкретизирует эти процессы с позиции особенностей советской национальной политики, указывая на прямую связь между политикой коренизации, проводимой в 1920-1930-е гг., дерусификацией аппарата управления, формированием национальных элит в советских республиках в послевоенные годы и дальнейшей дезинтеграцией СССР⁴.

Тем не менее, гораздо более распространенной историографической традицией, как среди отечественных, так и среди зарубежных ученых, является повышенное внимание к политическим и социально-экономическим причинам распада Советского Союза, рассматриваемым, чаще всего, как комплексное, объективное явление. Так, уже в первой половине 1990-х гг., основываясь на теории модернизации, В.В. Согрин утверждал, что «вестернизация российского общества на рубеже 1980–1990 гг. представляется закономерным этапом российской модернизации»⁵.

Близко по смыслу, в рамках теории кризиса модернизации, интерпретируют события позднего СССР советские историки-диссиденты М.Я. Геллер и А.М. Некрич. Они утверждали, что, осуществив переход к индустриальному обществу, Союз не смог перейти к следующему, постиндустриальному этапу⁶. Исследователь Н.В. Елисеева, считает, что «перестройка была вызвана качественным перерождением политической культуры под воздействием на неё прогрессивной мировой мысли»⁷. Однако и она в конце концов приходит к мысли о том, что причинами «банкротства СССР» стали не личные качества Горбачева и не консерватизм партноменклатуры, а крайняя степень неэффективности советской экономической и политической системы⁸.

Схожие по смыслу выводы можно увидеть и в работах последних лет. Например, В.П. Кузьмин и Л.Г. Халанская утверждают, что в Коммунистической партии Советского Союза были нарушены принципы внутрипартийной жизни, отсутствовали механизмы самоочищения, способствовавшие засорению партии карьеристами, эгоцентристами, неспособными разрешать возникающие проблемы и противоречия. А попытка преодоления кризиса в партии была слишком запоздалой⁹.

Объективные экономические причины распада СССР озвучены также отечественными учеными И.В. Стародубской и В.А. Мау, которые, являясь убеждёнными последователями идей Егора Гайдара, в рамках социально-экономической теории объясняли распад СССР неэффективностью советской экономической системы, основанной не на рыночных механизмах, а на планировании и принудитель-

ном труде¹⁰. Представители комбинированной теории – российские историки Р.Г. Пихоя и С.В. Чешко видели причины краха СССР в сочетании различных факторов, в частности, экономики, этнонационализма и политического экстремизма¹¹.

Наряду с этим, за последние несколько десятилетий в российской и мировой исторической науке появилась целая группа ученых-историков, которые в качестве ключевых причин распада Советского Союза стали выделять субъективные, личностные факторы. К примеру, среди западных исследователей похожа по набору аргументов работа Арчи Брауна, написанная в рамках теории личности и сводящая всё к политическому и личностному противостоянию Горбачева и Ельцина¹². Аналогичный подход развивает российский политолог А.А. Чемшит. Он подчеркивает: «К власти пришел анти-сталинист, инициировавший перестройку, ставшую, в свою очередь, инструментом демонтажа советской государственности»¹³. Американский ученый С. Коэн поддерживает данный дискурс, отмечая, что «главная причина распада Советского Союза – стремление Ельцина к неограниченной власти»¹⁴.

Ряд историков и обществоведов, таких как Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер, М.Ю. Малютин, О.В. Крыштановская, В.Б. Пастухов, Д.Е. Фурман и А.В. Шубин, анализируя в разный период события перестройки, отстаивали позиции теории революции элит¹⁵. Так, историк А.В. Шубин утверждает: «распад советского государства стал результатом межэлитной борьбы за власть и ресурсы, а системный кризис максимально расширил свободу выбора для республиканской элиты, которая решила гарантировать себе власть путём дистанцирования от центра»¹⁶.

Сторонники теории революции элит солидарны в том, что «партийная и советская номенклатура, упрочившая свое положение в 1960–1980-е гг. и являвшаяся фактическим собственником того, что юридически принадлежало общенародному государству, захотела юридически оформить свое положение. Поэтому Россия на рубеже 1980–1990-х гг. возвращается в лоно капитализма, а «новые русские» в своем подавляющем большинстве те же люди, которые занимали высокие партийные, советские и хозяйственные посты в доперестроечное и перестроечное время»¹⁷.

Активно набирает популярность также и теория заговора, которая видит ключевым сюжетом именно сознательное разрушение советского государства¹⁸. Поддерживая данную логическую линию, отечественный историк А.В. Островский писал: «даже М.С. Горбачёв и его ближайшие сподвижники признают, что к 1985 г. экономического кризиса в стране ещё не было»¹⁹, а философ А.А. Зиновьев придерживается точки зрения, что «горбачевская перестройка

и есть подлинная реальность кризиса»²⁰. Это же мнение прослеживается и в работах современного американского историка Рональда Суни, отмечавшего, что «в 1980-х гг. в СССР не было кризиса, пока его не создала сама верхушка Коммунистической партии»²¹.

Некоторые отечественные историки, развивая подобную точку зрения, стали поднимать вопрос о преднамеренном разрушении СССР со стороны высшего советского руководства, и даже о предательстве, его работе на западные спецслужбы. Так, историк И.Я. Фроянов считал, что «действия Горбачева следует расценивать как предательство по отношению к России. Но это предательство было коллективным, у Горбачева были не только помощники, но и продолжатели»²². Академик В.Я. Гросул в своих публичных лекциях напрямую заявил о работе на ЦРУ ближайшего сподвижника М.С. Горбачева – А.Н. Яковлева, а также о наличии подозрительных фактов на данный счет в биографии и у самого генерального секретаря партии²³.

Тем не менее, большинство современных исследователей видят причины распада Советского Союза в рамках более широких, глобальных процессов. Например, отечественный социолог Г.М. Дерлугьян, сфокусировав внимание на миросистемном (И. Валлерстайн) и геополитическом подходах (Р. Коллинз), объяснил «провал» Советского Союза в схожем ключе: «И. Валлерстайн предсказал геополитический манёвр советского руководства и возвращение к капитализму в рамках общеевропейского континентального альянса. Но вместо заключения великого пакта о более почётном коллективном вхождении в мировую капиталистическую иерархию на правах сверхдержавы номенклатура распотрошила и разбазарила советские активы»²⁴.

В соответствии с теорией демократического транзита С.А. Величко также приходит к выводам об объективности происходивших в стране изменений: «В высших кругах партийной и советской элиты происходит осознание необходимости перемен. Советская элита выдвинула из своей среды М. С. Горбачева, который и инициировал перестройку, вошедшую в историю как составная часть демократического транзита»²⁵. Не случайно, «в коммунистические идеалы в августе 1991 г. уже мало кто верил...», «а другой идеологической концепции, сплачивающей народы в единое государство, выработано не было»²⁶.

А.Н. Медушевский опираясь на когнитивную теорию, обобщает подобные умозаключения и говорит, что «Советский Союз распался в результате осознания противоречивости и неэффективности тех когнитивно-конструктивистских моделей, которые изначально были положены в его основу. Они не выдержали испытания

временем, подобно грубо и наспех сколоченному дому, механическое поддержание целостности которого со временем теряет всякий смысл»²⁷.

В нашей статье речь пойдет о такой специфической проблеме кризиса советской государственности как региональные экономические интересы территорий, входивших в состав Российской Советской Федеративной Социалистической республики. Подобная оптика позволяет в значительной степени абстрагироваться от вопросов сведения старых межнациональных счетов, характерных для взаимоотношений отдельных союзных республик с Центром, проблемы реализации их права выхода из Союза ССР и т.д. Важно также понимать, что Российская Федерация занимала особое положение внутри СССР. Будучи крупнейшей союзной республикой, она, тем не менее, не обладала всеми атрибутами государственности, характерными для других республик Союза. Одним из наиболее известных аспектов данной проблемы было, как известно, отсутствие у России собственной компартии, что существенно снижало возможности продвижения интересов страны в составе СССР.

В связи с этим, особый интерес представляют также научные публикации, сфокусированные на анализе кризисных процессов в региональном разрезе. Практически все исследователи на местном материале приходят к выводам о том, что на начальном этапе горбачевских реформ партийные структуры находились в удовлетворительном состоянии, но в скором времени начался кризис в КПСС, который стал следствием тяжелого социально-экономического положения, внутрипартийных противоречий и ошибок политической реформы²⁸. На основании анализа региональной историографии по проблеме можно сделать промежуточный вывод о том, что большинство ученых рассматривают кризисные явления в политической и социально-экономической сферах российских регионов в 1985-1991 гг. в прямой зависимости от аналогичных процессов в столице. Однако, на наш взгляд, важно проследить и обратный процесс – влияние региональных событий на общесоюзный контекст.

Отправной точкой для нашего исследования является тот факт, что РСФСР была сложноустроенной республикой, состоявшей из множества административно-территориальных единиц, включавших автономные республики, края, области, национальные (автономные) округа, национальные районы и т.д. В результате, была создана особая структура Российской Федерации, которая, по словам С.В. Кульчицкого, как и в целом в СССР, представляла собой свое-

образную иерархию этносов²⁹. Весьма показательно то, что согласно Конституции РСФСР 1978 г., сложноустроенный характер имели такие образования как области и края, в состав которых входили 10 автономных округов (Агинский Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский Бурятский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий), а также Еврейская автономная область, являвшаяся частью Хабаровского края³⁰.

Одним из примеров подобного, сложноустроенного региона была Тюменская область, в состав которой с 1944 г. входили Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные, а затем автономные округа. Вследствие этого, многие общественно-политические, социально-экономические и культурные вопросы в таких макрорегионах требовали постоянного согласования интересов на уровнях горкомов, райкомов КПСС – горисполкомов и райисполкомов Советов, окружкома КПСС и окрисполкома окружного Совета, после чего проекты их решения поступали в Тюменский обком партии и облисполком и лишь затем доходили до республиканских органов власти. То есть фактически работала четырехступенчатая система принятия итогового решения (для остальных городов и районов страны - трехступенчатая), что само по себе усложняло систему управления данными территориями.

Уже на старте перестройки впервые заметно проявились признаки потери координации в работе органов власти Тюменской области. Часто областной исполнительный комитет и его структурные подразделения, нарушая закон об автономных округах и минуя окружной исполнительный комитет, отправляли решения напрямую городским и районным исполкомам Югры³¹. Так, в 1985 г. Тюменский облисполком директивно повысил годовые и квартальные планы по реализации продукции промкомбинатам и хлебозаводам, функционировавшим в районах и городах округа. В другом случае, вновь минуя Ханты-Мансийский окрисполком, областное управление бытового обслуживания реорганизовало окружную сеть службы быта, что как выяснилось позже, только внесло разлад в её деятельность и привело к срыву выполнения планов³².

Гласность и демократизация также способствовали появлению открытых конфликтов между местными Советами народных депутатов, их исполнительными комитетами, и партийными органами, которые по инерции ещё пытались сохранить контроль за органами власти. Так, председатель Сургутского районного исполнительного комитета Ю.В. Неелов в 1988 г. отмечал, что окружной комитет КПСС сначала призывал в инициативном порядке формировать планы, но на деле колоссальная работа по сбору предложений со всех

сельских и поселковых Советов никакой практической реализации не получила³³.

Более того, Юрий Васильевич констатировал, что за период 1986–1988 гг. Советы народных депутатов ни разу не получили какой-либо практической помощи от руководства окружкома партии, лишь критику и давление³⁴. Такого же мнения придерживался и председатель Сургутского городского исполнительного комитета О.Д. Марчук. Он жаловался, что бюро окружкома и горкома КПСС регулярно и грубо вмешивались в работу исполкома, важнейшие вопросы социально-экономического развития коллегиально не обсуждались, но при этом партийные функционеры в качестве нормы могли отдавать прямые поручения структурным подразделениям исполкома³⁵.

Сложная система управления в СССР создавала трудности и иного порядка, когда любые ресурсы, товары или услуги проходили непростой механизм распределения в обратном направлении – от республиканского Центра к конкретному городу, либо району, что порождало излишний бюрократизм, волокиту и потерю части поставок по пути следования. В условиях государственной, плановой экономики и хронического дефицита в советском обществе такая цепочка согласований и распределения рождала перманентное недовольство местных руководителей и простых граждан, обвинения в нарушении принципов равенства, справедливости и т.д.

Неудивительно, что по мере погружения в перестроечные процессы в Ханты-Мансийском автономном округе всё чаще публично стала обсуждаться проблема разграничения полномочий между областными и окружными органами власти. Если на заре перестройки в окружной прессе звучали лишь робкие мнения о несправедливости в этих отношениях, то, начиная с 1990 г., после формирования новых Советов данная тема приобрела уже политическое звучание. Ряд народных депутатов еще во время предвыборной агитации обещали лоббировать закон о Ханты-Мансийском автономном округе, в котором будет обеспечена широкая национально-культурная и социально-экономическая автономия³⁶. Развивая данные инициативы, после окончания выборов свежееизбранные народные депутаты с трибуны окружного Совета стали требовать перевести автономный округ на принципы полного самоуправления³⁷.

Наиболее острой стороной нараставших трудностей в годы перестройки были, безусловно, вопросы экономики и социального развития, когда стали усугубляться проблемы выполнения плановых заданий. Двенадцатый пятилетний план (1986-1990 гг.) не был выполнен в стране по целому ряду показателей. Темпы роста ВВП в Советском Союзе снизились в годы этой пятилетки до 2,4 %

в год (против 3,7 % в годы XI-й и 4,8 % в годы X-й пятилетки), а в 1990 г. стали отрицательными³⁸. Неудивительно, что в июле 1990 г. на XXVIII съезде КПСС в своем докладе Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков констатировал: «Продолжает оставаться крайне острой для страны продовольственная проблема. Если в 1984-1986 гг. среднегодовые темпы прироста производства сельскохозяйственной продукции были 2,6%, то в последние три года они снизились до 1,5%. Неудовлетворенный спрос населения на продукты питания нарастает. По оценкам специалистов, он достигает почти 50 млрд рублей, что равно трети производимых в стране продуктов питания»³⁹.

Не обошла эта проблема и нефтегазовый Север. Ещё в марте 1988 г. второй секретарь Ханты-Мансийского окружного комитета партии А.В. Филипенко с трибуны регионального пленума негативно охарактеризовал итоги работы по обеспечению граждан продовольственными товарами. Так, по его словам, в округе на одного жителя в год производилось 41 кг. молока, 10 кг. мяса, 45 кг. картофеля и 17 кг. овощей. В среднем получалось, что один житель из произведенных в регионе продуктов мог раз в неделю съесть пару котлет и выпить стакан молока⁴⁰.

В ключевых экономических сферах Тюменского Севера, например, в нефтедобывающей и строительной, также стали нарастать негативные тенденции. Если в 1985 г. на месторождениях Среднего Приобья добывалось 336,8 млн тонн нефти, то в 1990 г. - всего лишь 301,4 млн тонн. За период с 1986 по 1989 гг. в связи с нерентабельностью было списано более 2,4 млрд тонн запасов нефти⁴¹. В округе неуклонно сокращалось и общее количество промышленных предприятий. Так, если на старте перестройки в Ханты-Мансийском автономном округе насчитывалось 1520 промпредприятий, то в 1991 г. их осталось только 1086⁴².

Серьезно просела задача инфраструктурного развития территории нефтегазового освоения, как в промышленном, так и в гражданском секторах. Практически повсеместно организации Госплана СССР и ключевых союзных министерств, ответственные за обеспечение строительными материалами нефтегазовых районов Тюменской области, сократили объемы поставок оборудования и деревянных конструкций для монтажа домов и производственных объектов. К примеру, только Госснаб и Министерство лесной промышленности в 1989 г. вместо необходимых 1190 тыс. кв. м. сборных деревянных конструкций предусмотрели поставку всего лишь 341,8 тыс.⁴³ Отразилось это и на темпах строительства жилья для северян.

Вполне естественным результатом в подобной ситуации было то, что постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 20 августа

1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986-1990 годах» в полной мере выполнить не удалось⁴⁴. При подведении итогов работы пленума Тюменского обкома КПСС в 1990 г., председатель межведомственной комиссии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса при Госплане СССР Е.Н. Алтунин признался: «Не будет никакой квартиры в 2000 г. каждому, не получится! Проанализируйте. Два года снижаем объемы строительства жилья, хотя продолжаем кругом заявлять, что мы хорошо работаем. В этом году вышли на уровень 1985 г. Вот куда мы с вами пришли»⁴⁵.

Между тем, в 1990-1991 гг. достиг своего апогея и товарный голод. Особенно болезненно это ощущалось на территории Ханты-Мансийского автономного округа, ставшей во второй пол. 1960-х – 1980-е гг. местом большого притока населения, прибывавшего на строительство Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Так, на Сургутском пивоваренном заводе возник дефицит стеклотары, что грозило сорвать планы по производству алкогольных и безалкогольных напитков⁴⁶. Время от времени предприятия города сотрясали скандалы, связанные с распределением дефицитных товаров, например, кухонной мебели⁴⁷.

Власти Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области в целом были вынуждены делать все более резкие заявления по данному поводу. Уже 24 января 1990 г. Пленум Тюменского обкома КПСС опубликовал открытое обращение в Политбюро ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР «О социально-экономической обстановке в области», в котором было отмечено «все возрастающее несоответствие между вкладом области в экономику страны и обеспечением продовольствием, товарами первой необходимости, решением социальных проблем. В обращении с горечью говорилось также о том, что постоянный срыв фондов поставок продовольственных и промышленных товаров усугубляет социальную напряженность в регионе»⁴⁸.

Сложившаяся система экономических взаимоотношений, по мнению работников нефтегазовой промышленности региона, была несправедливой, она не способствовала реальной самостоятельности предприятий отрасли. С одной стороны, нефтяникам приходилось приобретать необходимое оборудование и технику по рыночным ценам, с другой, - для них по-прежнему действовали госзаказ и фиксированные цены на добытые углеводороды⁴⁹.

В отдельных случаях недовольство граждан сложившимся положением дел приводило к стихийным митингам и акциям протеста. Например, 21 января и 4 февраля 1990 г. в поселке Лянторский Сургутского района произошли многолюдные антиправительственные

митинги с требованием навести порядок в торговле и в сфере обслуживания - «навести социальную справедливость». Критике были подвергнуты также многие стороны работы местных предприятий транспорта связи, организации строительства жилья, медицинского обслуживания и т.д.⁵⁰.

Ситуацию лишь усугубляло отсутствие в регионе единой торговой сети. В одном только г. Сургуте в конце 1980-х гг. фактически самостоятельно существовали 11 ведомственных торгующих сетей, ориентированных на удовлетворение потребностей работников конкретных отраслей промышленности и транспорта. В подобной обстановке уже в апреле 1990 г. местные горрайисполкомы были вынуждены все чаще вмешиваться в систему распределения дефицитных товаров среди жителей г. Сургута и Сургутского района, устанавливая квоты на их продажу различным категориям населения⁵¹. Однако недовольство и озлобление граждан Югры продолжало нарастать.

Реализация товаров и продуктов питания через систему ОР-Сов и УРСов ещё рельефнее выявила дисбаланс товарооборота с товарными ресурсами. Регулярный доступ к дефицитным товарам получили в основном работники крупных предприятий. Остальным же категориям граждан в условиях обострения дефицита оставалось надеяться на изредка проводимые ярмарки или ловить удачу в крупных магазинах. При этом многократные проверки госторгинспекции вскрывали факты отсутствия в магазинах жизненно необходимых товаров и продуктов, которые фактически хранились на базах и складах. Порой разница могла достигать до 30-ти наименований продукции⁵².

В результате независимого расследования рабочей группы Сургутского городского координационного комитета по продовольствию в 1990 г. было составлено и передано в Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности 25 протоколов по факту умышленного сокрытия продуктов питания и промышленных товаров. Так, в любимом сургутянами магазине «Океан» в ходе проверки комиссия городского Совета народных депутатов на складе обнаружила в большом количестве запасы рыбы ценных пород, дефицитные спиртные напитки и просто желанные в повседневном рационе консервы. В торговом же зале ничего из этого изобилия не наблюдалось. Правда, как ни старались депутаты и сотрудники ОБХСС навести порядок и наказать виновных, дело вскоре было закрыто⁵³.

Интересно, что и сами контролирующие органы в условиях хронического «товарного голода» были не против закрыть глаза на очевидные нарушения, допускавшие торгующими организациями. Например, в 1988 г. сотрудники городского ОБХСС получили от

предприятий г. Сургута товаров и продуктов на сумму более 15 тыс. руб. Даже руководитель городского Управления внутренних дел В.И. Хисматулин в переписке с директорами торговых предприятий нередко запрашивал отсутствовавшие в свободной продаже товары. Чаще всего в обосновании подобного запроса указывалась одна и та же причина – для нужд сотрудников⁵⁴.

Нельзя сказать, что местные власти не пытались найти способы улучшить механизмы распределения дефицитных товаров. Например, в 1990 г. Сургутский исполком своим решением расширил перечень организаций, имеющих право торговли в открытую розницу, минуя производственные УРСы и ОРСы. Также исполком распространял часть талонов на дефицитные товары через ЖЭУ⁵⁵. Однако городской Совет народных депутатов, увидев риски обеспечения объективного контроля и коррупционный потенциал подобной схемы, отменил это решение⁵⁶.

В других населенных пунктах Ханты-Мансийского автономного округа, например, в городе Нижневартовске, в это же время приняли решение организовать распределение товаров и продуктов уже традиционным для Советского Союза способом – по талонам и через небольшую сеть магазинов, где распространяли все товары первой необходимости, начиная от продуктов питания, заканчивая одеждой, вплоть до нижнего белья и туалетного мыла⁵⁷. Такой же жёсткий порядок был определен для юбилейных дат и ритуальных обрядов. При этом заявки принимались строго за 3–5 дней до проведения мероприятия, а в список счастливиц по случаю юбилейных дат могли попасть граждане, начиная с 50-ти лет и старше, при норме отпуска: два наименования разных групп товаров в одни руки⁵⁸.

В стремлении преодолеть нарастающие трудности снабжения населения товарами местные общественные деятели и руководители стали подвергать критике даже ключевые положения советской социально-экономической модели. Так, один из кандидатов в народные депутаты, представитель горкома ВЛКСМ Виталий Воронин публично заявил о необходимости ликвидировать общественную собственность на средства производства, из-за которой трудящиеся оказались отчуждены от результатов своего труда и сформировалась уравниловка⁵⁹.

В свою очередь, открытое недовольство сложившейся ситуацией стали высказывать и первые руководители нефтегазовой отрасли Ханты-Мансийского автономного округа, которое, учитывая значимость нефтедолларов для советской экономики, не могло не остаться не замеченным и на самом высоком уровне. Так, 2 и 14 марта 1990 г. кандидат в народные депутаты, генеральный директор объединения «Сургутнефтегаз» В.Л. Богданов заявил, что его целью

является законодательное закрепление права нефтяников распоряжаться частью продукции, которую они производят. Он предлагал оставлять для нужд области 10-15 процентов добываемого сырья⁶⁰. Данная идея быстро стала набирать популярность и ее включили в свою предвыборную программу многие потенциальные народные избранники.

Одновременно с этим, давление на центральные власти стали оказывать и общественные организации нефтяников. Так, 10 марта 1990 г. Тюменский обком профсоюза рабочих Миннефтепрома обратился с заявлением к Председателю Совета Министров СССР Н.И. Рыжкову, которое имело характер ультиматума. В нем содержалось требование обеспечить нефтяников на 100 процентов плановым фондом продовольственных и промышленных товаров, строительными материалами, продукцией машиностроения, либо оставлять в распоряжении нефтегазодобывающих предприятий 10-15% добываемой нефти и газа для ее реализации без отчислений в госбюджет. В случае неполучения ответа коллективы были готовы пойти на остановку работы нефтегазодобывающих предприятий⁶¹.

Судя по оперативной реакции органов центральной власти, руководство партии и страны было всерьез обеспокоено подобным вариантом развития событий. Уже на следующий день, 11 марта 1990 г. Совет Министров СССР издал распоряжение, в соответствии с которым для работников, осуществляющих добычу нефти и газа, геологоразведочные работы и обустройство нефтепромысловых объектов Тюменской области была разрешена закупка мясных и молочных продуктов за границей. Кроме того, были запланированы мероприятия по ускорению строительства в регионе жилья, обеспечению нефтегазовой отрасли продукцией машиностроения и сохранению северных надбавок к зарплате при увольнении⁶².

22 марта 1990 г. делегаты пленума Ханты-Мансийского окружного комитета партии в атмосфере полного отчаяния в открытом обращении к Президенту СССР М.С. Горбачеву в очередной раз констатировали, что неоднократные просьбы к Верховному Совету, Правительствам СССР и РСФСР о решении неотложных социально-экономических проблем так и не были никем услышаны⁶³. В округе окончательно сформировалось осознание того, что высшее советское руководство воспринимало регион исключительно как ресурс для пополнения нефтедолларами государственной казны.

Следствием потери доверия к высшей власти явилась негативная реакция населения на новые инициативы советской власти по совершенствованию механизмов территориального хозрасчета. Жители Югры восприняли это как хитрый ход государства по введению дополнительных налогов на трудовые коллективы⁶⁴.

Ряд предприятий Ханты-Мансийского автономного округа, в числе которых были такие крупнейшие объединения как «Нижневартовскнефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Варьеганнефтегаз», «Красноленинскнефтегаз» и другие, инициировали коллективные трудовые споры с Правительством СССР. 22 марта 1990 г. окружной комитет партии поддержал требования сотрудников нефтегазовой отрасли разрешить им заключать прямые договоры с другими регионами страны и самостоятельно распоряжаться частью произведенной продукции⁶⁵.

28 марта 1990 г. Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков принял у себя делегацию руководителей нефтегазодобывающих производственных объединений и от имени правительства обещал им решить озвученные проблемы, взамен призвав работников отрасли выполнить плановые показатели добычи⁶⁶. То есть власти страны пошли на серию реальных действий и обещаний новых уступок с целью обеспечения стабильности в регионе и пополнения государственного бюджета.

Тем не менее, речь шла о государственной помощи в решении проблем конкретной отрасли производства, в бесперебойной работе которой было заинтересовано высшее руководство страны. В условиях ведомственного характера освоения Тюменского Севера, это не гарантировало другим жителям Югры аналогичного внимания со стороны власти. Поэтому, не дожидаясь помощи от Москвы, уже в начале 1990 г. руководители городских и муниципальных органов управления округа также стали выдвигать собственные инициативы по выходу из сложившейся ситуации, свидетельствовавшие о постепенной утрате государственного контроля на местах. Так, в феврале 1990 г. в г. Сургуте состоялась любопытная встреча заместителя председателя Сургутского горисполкома О.А. Саруханова и начальника отдела внешнеэкономических связей производственного объединения «Сургутнефтегаз» В.В. Копысевица с корреспондентом английской газеты «Файнэншл Таймс» Стивеном Батлером, где они призывали иностранных инвесторов открывать в регионе совместные предприятия, построить в Сургуте отель и международный аэропорт, который бы мог обеспечить дозаправкой грузовые перелеты по маршруту Токио-Лондон и т.д.

По данным английской газеты, в это же самое время в Министерстве геологии СССР уже шли активные дискуссии о возможности допуска иностранных компаний в проекты по совместной разработке нефтяных месторождений⁶⁷. Это, с одной стороны, открывало большие перспективы для развития Ханты-Мансийского автономного округа, а, с другой, - еще больше снижало государственный контроль над экономикой в регионах.

В конце 1990 – первой половине 1991 гг. общественно-политический и социально-экономический кризис в Советском Союзе продолжал усугубляться. Неуклонно ухудшалась и ситуация в экономике Югры, где финансовые проблемы стали испытывать не только отдельные предприятия или отрасли, но и в целом весь регион. Фонды экономического стимулирования на предприятиях Ханты-Мансийского автономного округа были исчерпаны, годовой государственный заказ не был обеспечен необходимыми ресурсами. Дефицит окружной казны сравнивался с его доходной частью. Так, в 1990 г. доходы окружного бюджета составляли 3 млрд рублей, тогда как расходы достигли уже 6 млрд. И не было ясности из каких источников власти могли восполнить этот дефицит⁶⁸.

1 февраля 1991 г. депутаты уже областного Совета в открытом обращении к М.С. Горбачеву называли социально-экономическую ситуацию критической. Для того чтобы предотвратить крах экономики региона и страны они потребовали финансово поддержать нефтегазовый комплекс, увеличив в 1991 г. минимальные цены на нефть до 120 руб. за тонну, на газ – до 68 руб. за 1000 кубических метров с последующим пересчетом на мировые цены. Наряду с этим, вновь прозвучало и их главное требование - предоставить право предприятиям самостоятельно распоряжаться частью добытых ресурсов⁶⁹.

Именно в подобной обстановке стала возможной ситуация, произошедшая весной 1991 г. 19 марта в газете «Сургутская трибуна» появилась заметка «Председатель летит в Вашингтон», в которой сообщалось о том, что председатель Сургутского городского совета народных депутатов А.Е. Лошаков вылетел через Москву в американскую столицу с целью участия в международной конференции на тему: «Энергетические ресурсы СССР и стран Центральной Европы». Ее организаторами «выступили представители крупных деловых кругов США и компания «Братья Соломон». В публикации также сообщалось о том, что А.Е. Лошаков должен был представить на конференции весь Ханты-Мансийский автономный округ. Собкор газеты добавил и еще одну удивительную подробность поездки: «билет на самолет Москва-Вашингтон для А.Е. Лошакова был приобретен в США и оттуда выслан в СССР», поскольку «у нас просто не нашлось валюты»⁷⁰.

Откровения ведущей городской газеты г. Сургута позволяют говорить о том, что глава города отправился в Соединенные Штаты Америки на очень невыгодных условиях, будучи полностью зависимым с финансовой точки зрения от принимающей его стороны. Не менее удивительным было и продолжение данной истории на страницах местной периодической печати. 4 апреля 1991 г. газета «Сургутская трибуна» опубликовала отчет о результатах поездки А.Е.

Лошакова в США в статье под названием «В кейсе у председателя». Руководитель г. Сургута сообщил редакции издания о том, что на международной конференции, куда он был приглашен, он убеждал американскую бизнес-элиту идти на конкретные проекты сотрудничества с местными властями... «обходя Москву-Центр»! По словам А.Е. Лошакова, «эти же направления поддерживал и выступавший перед нами З. Бжезинский»⁷¹.

Недопустимая в большом государстве самостоятельность провинциального политика в данном случае дополнялась и еще одной инициативой, которую он обсуждал на конференции с американскими политиками и бизнесменами: «Мы решаем в округе вопрос о создании национальной компании, которая должна альтернативно централизованным ведомствам заниматься добычей нефти с привлечением сюда иностранного капитала»⁷². То есть региональные экономические интересы Ханты-Мансийского автономного округа устами А.Е. Лошакова способствовали развитию идей создания с участием иностранного бизнеса российских нефтегазовых предприятий, независимых от советского руководства. Вопрос о форме их собственности в статье упомянут не был, однако, имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что фактически речь велась об окончательном изъятии из ведения СССР вопросов руководства одной из ведущих отраслей экономики – нефтегазодобычи. По словам сургутского градоначальника, эта идея была поддержана американской стороной, у которой «к представителям «низов» больше доверия, чем к официальным политикам центра...»⁷³.

В условиях распадающегося советского государства, неспособного решить острейшие социально-экономические проблемы страны, в 1991 г., подобный экономический сепаратизм, по всей видимости, казался некоторым руководителям в регионах оправданным и даже законным. По сути он означал окончательный подряд «снизу» основ существования Советского Союза, разрушение единого народно-хозяйственного комплекса страны, что в прежние, доперестроечные годы жестко пресекалось руководством партии, органами государственной безопасности и внутренних дел. Однако, как сказал А.Е. Лошаков, ему пришлось убеждать американцев в том, что «на месте партия не влияет на наши решения, что КГБ над нами не висит – не верят...»⁷⁴.

Поэтому никакого скандала в городе Сургуте в результате выхода публикации не произошло. Весьма показательна реакция самой газеты «Сургутская трибуна», которая в послесловии к этой статье посоветовала сургутянам не расстраиваться тому, что председатель Сургутского горсовета не привез в округ контракты на поставку мяса и деликатесов из Америки, которые от него ждали. Важно было, по

мнению журналистов то, что теперь не Москва, а местные политики решали, что нужно городу⁷⁵. Поразительные рассуждения были опубликованы всего через 2 недели после референдума о сохранении СССР, на котором 62% жителей Ханты-Мансийского автономного округа высказались за дальнейшее существование Союза⁷⁶.

Таким образом, конкретные экономические интересы регионов РСФСР вполне можно рассматривать как еще одну из причин распада советского государства на завершающем этапе его существования. Эти интересы были связаны с двумя основными идеями: 1) преодоление нарастающего кризиса в советской провинции, вызванного ошибками и сбоями централизованного планового хозяйства; 2) стремление отдельных региональных руководителей получить большую свободу действий от союзного Центра. Оба вопроса были тесно взаимосвязаны и определялись, по мнению многих граждан, неспособностью советской власти решить насущные проблемы населения.

Данные тенденции были особенно актуальными для Ханты-Мансийского автономного округа, находившегося в составе крупного, сложноустроенного региона – Тюменской области. Запустив процессы демократизации системы управления, высшее руководство Советского Союза в конце перестройки само оказалось в немалой зависимости от все возрастающих требований регионов, в том числе и территорий РСФСР. В 1991 г. на фоне потери Москвой контроля над управлением страной, некоторые местные руководители советских и партийных органов власти стали, в том числе и при помощи иностранных государств, предпринимать осознанные шаги по разрушению основ социалистической экономики и установлению контроля над принадлежавшими государству средствами производства.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. *Кеннеди П.* Возвышение и упадок великих держав. М., 1998; Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018. 848 с.

2. *Hosking G.* Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union. L. Harvard University Press, 2006. 484 p.

3. Национализм в мировой истории / Под ред. академика В.А. Тишкова, профессора В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.
4. *Миронов Б.Н.* От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6. С. 3-24.
5. *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 10-11.
6. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. М.: МИК, 2000. 855 с.
7. *Елисеева Н.В.* Перестройка: советский проект реформирования СССР // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 5. С. 55.
8. *Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А.* Перестройка и крах СССР. 1985-1993. СПб.: Норма, 2010. С. 166.
9. *Кузьмин П.В., Халанская Л.Г.* Кризис развития КПСС (1980 – начало 1990-х гг.): содержание и социально-политические последствия (к 30-летию разрушения Советского Союза) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 81, 82, 90.
10. *Стародубовская И.В., Мау В.А.* Великие революции от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004. 510 с.
11. *Пихоя Р.Г.* Почему распался Советский Союз? // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 404; *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. С. 52–53.
12. *Brown A.* The Gorbachev Factor. N.Y., 1997. 406 p.
13. *Чемшиш А.А.* «Горбачёвская перестройка» как завершающий этап десталинизации и предпосылка распада СССР // Вопросы истории. 2021. № 8, Ч. 2. С. 68-69.
14. *Коэн С.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 92, 106.
15. *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38; *Крытановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65; *Малютин М.Ю.* «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 36-45; *Пастухов В.Б.* От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Политические исследования. 1993. № 2. С. 49-56; *Фурман Д.Е.* Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 9-17; *Фурман Д.Е.* Революционные циклы России // Свободная мысль. 1994. № 1. С. 12-16.
16. *Шубин А.В.* Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 23.
17. *Величко С.А.* Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 1. С. 200; *Фурман Д.Е.* Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 9-17.
18. *Рыжков Н.И.* Перестройка: история предательств. М.: Новости, 1992; Трагедия великой страны. М.: Вече, 2007. 656 с.; *Фурсов А.И.*

Мифы перестройки и мифы о перестройке *Фурсов А.И.* Мифы перестройки и мифы о перестройке // Социс. 2006. №1. С. 31–36.

19. *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М: Крымский мост-9Д - ФОРУМ. 2011. С. 660.

20. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 396-397.

21. *Рональд Григор Сунт.* Национальный вопрос и распад Советского Союза // Российская история. 2021. № 6. С. 40-42.

22. *Фроянов И.Я.* Россия. Погружение в бездну. М.: Эксмо: Алгоритм, 2009. С. 440-441.

23. Видеолекция В.Я. Гросула «Национальный вопрос в истории России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jS1bPzRT2GU&t=3768s> (дата обращения: 10.03. 2024 г.)

24. *Дердугян Г.М.* Причины распада СССР: коммунистический режим, сверхдержавное бремя, национализм республик или случайность? // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 8, 18.

25. *Величко С.А.* Причины начала перестройки в СССР (30-летию появления термина «перестройка» посвящается) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 8.

26. *Величко С.А.* Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) у власти: взгляд через 20 лет // Вестник Омского юридического института. 2011. № 4 (17). С. 9.

27. *Медушевский А.Н.* Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 25-26.

28. *Мельниченко О.В.* Кризис системы управления КПСС 1985-1991 годов в Пензенской области: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: Пенз. гос. пед. ун-т им. В.Г. Белинского. Пенза, 2006. 23 с.; *Смолев А.А.* Кризис региональных организаций КПСС в годы перестройки (на материалах Тамбовской области) // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1. С. 59-81; *Бичехвост А.Ф.* Кризис легитимности региональных структур партии власти (опыт Саратовской областной организации КПСС 1988-1991 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 95-98; *Сеелев И.В.* Кризис КПСС в период политики перестройки 1985-1991 гг. на примере Куйбышевской партийной организации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия Гуманитарные науки и образование. 2015. Вып. 2 (18). С. 213-220; *Воронцов Н.С.* Судьба объектов партийного имущества в период роспуска структур КПСС в Приморье // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. №. 22. С. 44-56; *Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н.* Политические платформы внутри КПСС в период перестройки (1985-1991 гг.) по материалам Смоленской области // Modern science: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2021. № 2-1. С. 345-353; *Саввин А.М., Кудряшова К.А.* Экономический кризис и деградация КПСС в начале 90-х годов XX века (на примере Тульской области) // История. Историки. Источники: Электронный научный журнал: Тульский гос. ун-т. 2022. № 1. С. 12-26.

29. *Кульчицкий Ст.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917-

1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. С. 11.

30. *Сусликов Д. М.* Особенности правового статуса «Сложноустроенных» субъектов Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 2. С. 22.

31. *Сердюков Д. В.* Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985–1991 гг.: региональный аспект (на материалах ХМАО). Дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. С. 129.

32. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. 814. Оп. 1. Д. 7424. Л. 39; Ф. 814. Оп. 1. Д. 7143. Л. 99.

33. Государственный архив Югры (далее – ГАЮ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1677. Л. 45.

34. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1677. Л. 46.

35. Материалы пленума Сургутского городского комитета партии // К победе коммунизма. 1988. 14 января. С. 6.

36. В окружном Совете // Ленинская правда. 1990. 8 февраля. С. 5–6.

37. Сессия окружного Совета // Ленинская правда. 1990. 7 июня. С. 1.

38. *Пырма Р. В.* Капитал Великой российской революции: последствия эпохальных событий // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 8., №. 4 (34). С. 70.

39. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. С. 123.

40. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2768. Л. 4.

41. ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 33. Л. 199.

42. Стат. ежегодник: Стат. сб.: В 4 ч. Ч. 2. Ханты-Мансийский автономный округ. Тюмень, 2005. С. 312; 65 лет ХМАО: Инф.-стат. сб. Ханты-Мансийск, 1995. С. 212.

43. ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 33. Л. 189–190.

44. ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 33. Л. 189.

45. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 254. Д. 9. Л. 46.

46. *Березницкий Л.* Стекланный паралич // К победе коммунизма. 1990. 23 января. С. 1.

47. Трудящимся отвечают // К победе коммунизма. 1990. 23 января. С. 1.

48. О социально-экономической обстановке в области // К победе коммунизма. 1990. 24 января. С. 1.

49. ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 1243. Л. 2.

50. *Колмогоров Н.* Лянторцы выражают волю // К победе коммунизма. 1990. 30 января. С. 1; В Бюро горкома КПСС // К победе коммунизма. 1990. 20 февраля. С. 1.

51. Очередь за дефицитом // К победе коммунизма. 1990. 29 апреля. С. 3.

52. Муниципальный архив г. Сургута (далее – МАГС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 433. Л. 13.

53. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 529. Л. 105–108.

54. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 529. Л. 105.

55. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 483. Л. 134–136.
56. МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 483. Л. 139.
57. Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска (далее – АОАГН). Ф. 48. Оп. 1. Д. 728. Л. 21–22.
58. АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 728. Л. 30.
59. *Борисевич Н.* Два вопроса к кандидатам // К победе коммунизма. 1990. 20 апреля. С. 3.
60. *Стоянова Л.* Другого не дано // К победе коммунизма. 1990. 2 марта. С. 2; Зачем генералу мандат // К победе коммунизма. 1990. 14 марта. С. 1.
61. Первого апреля может быть не до шуток. Заявление // К победе коммунизма. 1990. 27 марта. С. 1.
62. Совмин примет меры // К победе коммунизма. 1990. 28 марта. С. 1.
63. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2827. Л. 22.
64. АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 676. Л. 56.
65. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2827. Л. 22.
66. Премьер принял нефтяников // К победе коммунизма. 1990. 4 апреля. С. 1.
67. *Рузавин А.* Взгляд с другой стороны // К победе коммунизма. 1990. 17 апреля. С. 2.
68. ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2835. Л. 4.
69. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7808. Л. 74–75.
70. Председатель летит в Вашингтон // Сургутская трибуна. 1991. 19 марта. С. 1.
71. В кейсе у председателя // Сургутская трибуна. 1991. 4 апреля. С. 2.
72. В кейсе у председателя // Сургутская трибуна. 1991. 4 апреля. С. 2.
73. В кейсе у председателя // Сургутская трибуна. 1991. 4 апреля. С. 2.
74. В кейсе у председателя // Сургутская трибуна. 1991. 4 апреля. С. 2.
75. В кейсе у председателя // Сургутская трибуна. 1991. 4 апреля. С. 2.
76. Большинство сказало «да» // Сургутская трибуна. 1991. 26 марта. С. 1.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Кирилюк Денис Валериевич – канд. ист наук, доцент; БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет» (Сургут), заведующий кафедрой истории России

ORCID ID: 0000-0003-3898-2786, Researcher ID:

AAR-7070-2021

DenKirilyuk@yandex.ru

Сердюков Дмитрий Васильевич – канд. ист наук, доцент; БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет» (Сургут), доцент кафедры политологии и философии

ORCID ID: 0009-0009-5948-447X, Researcher ID:

NJS-0606-2025

Dmitriy-serdyukov@yandex.ru

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов региональных и муниципальных архивов Тюменской области, а также материалов местной периодической печати, осуществляется попытка проследить влияние нарастающего социально-экономического кризиса в сложноустроенном регионе на радикализацию общественно-политических настроений партийных и хозяйственных руководителей Ханты-Мансийского автономного округа в годы перестройки. Основное внимание уделяется многочисленным сбоям в работе централизованного планового хозяйства в крае, которые к началу 1990-х годов привели к расширению списка дефицитных товаров, неспособности местных властей удовлетворить запросы граждан в них, что проявлялось уже не только в скрытой, но и в открытой формах – росте критики власти в средствах массовой информации и стихийных митингах. Вследствие этого, даже ключевая отрасль экономики – нефтегазодобыча оказалась в кризисном состоянии, что вынудило руководителей данной отрасли также включиться в борьбу за права нефтяников и газовиков. Авторы приходят к выводу, что неспособность советского государства решить острые социально-экономические вопросы привели в 1990-1991 годах к ультимативным требованиям партийных и хозяйственных руководителей округа о более справедливом перераспределении государственных доходов между центром и регионами, а также к возникновению осознанных шагов отдельных лидеров по разрушению основ советской плановой экономики, в том числе и при помощи иностранных государств. То есть региональные экономические интересы территорий РСФСР на завершающем этапе перестройки выступили дополнительной причиной ослабления советской власти, способствовавшей распаду единого государства.

Советский Союз, перестройка, Ханты-Мансийский автономный округ, плановая экономика, социально-экономический кризис, дефицитные товары, общественное недовольство, региональные экономические интересы.

Author, Abstract, Key words

Kirilyuk Denis Valerievich – PhD. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Surgut State University (Surgut), Head of the Department of Russian History

ORCID ID: 0000-0003-3898-2786, Researcher ID: AAR-7070-2021

DenKirilyuk@yandex.ru

Serdyukov Dmitry Vasilyevich – PhD. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Surgut State University (Surgut), Associate Professor of the Department of Political Science and Philosophy
ORCID ID:0009-0009-5948-447X, Researcher ID: NJS-0606-2025
Dmitriy-serdyukov@yandex.ru

Based on documents from the regional and municipal archives of the Tyumen Region, which are being put into scientific circulation for the first time, as well as materials from the local periodical press, the article attempts to trace the impact of the growing socio-economic crisis in a complex region on the radicalization of socio-political sentiments of the party and economic leaders of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug during the years of perestroika. The main focus is on the numerous disruptions in the work of the centralized planned economy in the region, which by the early 1990s led to an expansion of the list of scarce goods, the inability of local authorities to meet the needs of citizens in them, which manifested itself not only in hidden, but also in open forms – the growth of criticism of the government in the media and spontaneous rallies. As a result, even the key sector of the economy, oil and gas production, was in crisis, which forced the leaders of this industry to also join the fight for the rights of oil and gas workers. The authors conclude that the inability of the Soviet state to resolve acute socio-economic issues led in 1990-1991 to the ultimatum demands of the party and economic leaders of the district for a more equitable redistribution of state revenues between the center and the regions, as well as to the emergence of conscious steps by individual leaders to destroy the foundations of the Soviet planned economy, including with the help of foreign states. That is, the regional economic interests of the territories of the RSFSR at the final stage of perestroika were an additional reason for the weakening of Soviet power, which contributed to the disintegration of the unified state.

Soviet Union, perestroika, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, planned economy, socio-economic crisis, scarce goods, public discontent, regional economic interests.

References **(Articles from Scientific Journals)**

1. Kennedy P. Vozvyshenie i upadok velikih derzhav. M.,1998; Vzlety i padeniya velikih derzhav. Ekonomicheskie izmeneniya i voennye konflikty v formirovaniy mirovyh centrov vlasti s 1500 po 2000 g. Ekaterinburg, 2018. 848 s.
2. Hosking G. Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union. L. Harvard University Press, 2006. 484 p.

3. Nacionalizm v mirovoj istorii / Pod red. akademika V.A. Tishkova, profesora V.A. Shnirel'mana. M.: Nauka, 2007. 601 s.
4. Mironov B.N. Ot korenizacii k suverenizacii: kak gotovilas' dezintegraciya SSSR // Rossijskaya istoriya. 2021. № 6. S. 3-24.
5. Sogrin V.V. Politicheskaya istoriya sovremennoj Rossii. 1985-1994: ot Gorbacheva do El'cina. M., 1994. S. 10-11.
6. Geller M., Nekrich A. Utopiya u vlasti. M.: MIK, 2000. 855 s.
7. Eliseeva N.V. Perestrojka: sovetiskij proekt reformirovaniya SSSR // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2005. № 5. S. 55.
8. Bezborodov A.B., Eliseeva N.V., Shestakov V.A. Perestrojka i krah SSSR. 1985-1993. SPb.: Norma, 2010. S. 166.
9. Kuz'min P.V., Halanskaya L.G. Krizis razvitiya KPSS (1980 – nachalo 1990-h gg.): sodержanie i social'no-politicheskie posledstviya (k 30-letiyu razrusheniya Sovetskogo Soyuza) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2021. T. 7 (73). № 2. S. 81, 82, 90.
10. Starodubrovskaya I.V., Mau V.A. Velikie revolyucii ot Kromvelya do Putina. M.: Vagrius, 2004. 510 s.
11. Pihoya R.G. Pochemu raspalsya Sovetskij Soyuz? // Tragediya velikoj derzhavy: nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuza. M., 2005. S. 404; Ches-hko S.V. Raspad Sovetskogo Soyuza. Etnopoliticheskij analiz. M., 1996. S. 52-53.
12. Brown A. The Gorbachev Factor. N.Y., 1997. 406 p.
13. Chemshit A.A. «Gorbachyovskaya perestrojka» kak zavershayushchij etap destalinizacii i predposylka raspada SSSR // Voprosy istorii. 2021. № 8, Ch. 2. S. 68-69.
14. Koen S. «Vopros voprosov»: pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuza? M.: AIRO-HHI; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2007. S. 92, 106.
15. Korzhihina T.P., Figatner Yu.Yu. Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy dejstviya // Voprosy istorii. 1993. № 7. S. 25-38; Kryshchanovskaya O.V. Transformaciya staroj nomenklatury v novuyu rossijskuyu elitu // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 1. S. 51-65; Malyutin M.Yu. «Novaya» elita v novoj Rossii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1992. № 2. S. 36-45; Pastuhov V.B. Ot nomenklatury k burzhuazii: «novye russkie» // Politicheskie issledovaniya. 1993. № 2. S. 49-56; Furman D.E. Nasha strannaya revolyuciya // Svobodnaya mysl'. 1993. № 1. S. 9-17; Furman D.E. Revolyucionnye cikly Rossii // Svobodnaya mysl'. 1994. № 1. S. 12-16.
16. Shubin A.V. Raspad SSSR: ob'ektivnye prichiny i sub'ektivnye faktory // Rossiya i ATR. 2016. № 3 (93). S. 23.
17. Velichko S.A. Perestrojka v SSSR (1985-1991 gg.) v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2005. T. 308. № 1. S. 200; Furman D.E. Nasha strannaya revolyuciya // Svobodnaya mysl'. 1993. № 1. S. 9-17.
18. Ryzhkov N.I. Perestrojka: istoriya predatel'stv. M.: Novosti, 1992; Tragediya velikoj strany. M.: Veche, 2007. 656 s.; Fursov A.I. Mify perestrojki i mify o perestrojke Fursov A.I. Mify perestrojki i mify o perestrojke // Socis. 2006. № 1. S. 31-36.

19. Ostrovskij A.V. Glupost' ili izmena? Rassledovanie gibeli SSSR. M: Krymskij most-9D - FORUM. 2011. S. 660.
20. Zinov'ev A.A. Kommunizm kak real'nost'. M., 1994. S. 396-397.
21. Ronal'd Grigor Suni. Nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuza // Rossijskaya istoriya. 2021. № 6. S. 40-42.
22. Froyanov I.Ya. Rossiya. Pogruzhenie v bezdnu. M.: Eksmo: Algoritm, 2009. S. 440-441.
23. Videolekciya V.Ya. Grosula «Nacional'nyj vopros v istorii Rossii» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/watch?v=jS1bPz-RT2GU&t=3768s> (data obrashcheniya: 10.03. 2024 g.)
24. Derlug'yan G.M. Prichiny raspada SSSR: kommunisticheskij rezhim, sverhderzhavnoe bremya, nacionalizm respublik ili sluchajnost'? // Rossiya i ATR. 2016. № 3 (93). S. 8, 18.
25. Velichko S.A. Prichiny nachala perestrojki v SSSR (30-letiyu poyavleniya termina «perestrojka» posvyashchaetsya) // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2016. № 2 (31). S. 8.
26. Velichko S.A. Gosudarstvennyj komitet po chrezvychajnomu polozeniyu (GKChP) u vlasti: vzglyad cherez 20 let // Vestnik Omskogo yuridicheskogo instituta. 2011. № 4 (17). S. 9.
27. Medushevskij A.N. Perestrojka i prichiny krusheniya SSSR s pozicij analiticheskoy istorii // Rossijskaya istoriya. 2011. № 6. S. 25-26.
28. Mel'nichenko O.V. Krizis sistemy upravleniya KPSS 1985-1991 godov v Penzenskoj oblasti: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: Penz. gos. ped. un-t im. V.G. Belinskogo. Penza, 2006. 23 s.; Smoleev A.A. Krizis regional'nyh organizacij KPSS v gody perestrojki (na materialah Tambovskoj oblasti) // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2015. № 1. S. 59-81; Bichekhvost A.F. Krizis legitimnosti regional'nyh struktur partii vlasti (opyt Saratovskoj oblastnoj organizacii KPSS 1988-1991 gg.) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya. 2012. T. 12. Vyp. 2. S. 95-98; Seelev I.V. Krizis KPSS v period politiki perestrojki 1985-1991 gg. na primere Kujbyshevskoj partijnoj organizacii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. Seriya Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2015. Vyp. 2 (18). S. 213-220; Voroncov N.S. Sud'ba ob"ektov partijnogo imushchestva v period rospuska struktur KPSS v Primor'e // Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii DVO RAN. 2019. № 22. S. 44-56; Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N. Politicheskie platformy vnuti KPSS v period perestrojki (1985-1991 gg.) po materialam Smolenskoj oblasti // Modern science: Nauchno-informacionnyj izdatel'skij centr "Institut strategicheskikh issledovanij". 2021. № 2-1. S. 345-353; Savvin A.M., Kudryashova K.A. Ekonomicheskij krizis i degradaciya KPSS v nachale 90-h godov XX veka (na primere Tul'skoj oblasti) // Istoriya. Istoriiki. Istochniki: Elektronnyj nauchnyj zhurnal: Tul'skij gos. un-t. 2022. № 1. S. 12-26.
29. Kul'chickij St. Status titul'nyh nacij v psevdofederativnoj gosudarstvennoj strukture SSSR na etape sozdaniya sovetetskogo stroya (1917-1938 gg.) // Sovetskie natsii i nacional'naya politika v 1920– 1950-e gody : Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g. M.: Politicheskaya enciklopediya; Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2014. S. 11.

30. Suslikov D. M. Osobennosti pravovogo statusa «Slozhnoustroennyh» sub'ektov Rossijskoj Federacii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 2. S. 22.
31. Serdyukov D.V. Narastanie krizisa sovetsoj partijno-gosudarstvennoj sistemy v 1985–1991 gg.: regional'nyj aspekt (na materialah HMAO). Dis. ... kand. ist. nauk. Surgut, 2006. S. 129.
32. Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti (dalee – GATO). F. 814. Op. 1. D. 7424. L. 39; F. 814. Op. 1. D. 7143. L. 99.
33. Gosudarstvennyj arhiv Yugry (dalee – GAYu). F. 1. Op. 1. D. 1677. L. 45.
34. GAYu. F. 1. Op. 1. D. 1677. L. 46.
35. Materialy plenuma Surgutskogo gorodskogo komiteta partii // K pobeде kommunizma. 1988. 14 yanvarya. S. 6.
36. V okruzhnom Sovete // Leninskaya pravda. 1990. 8 fevralya. S. 5–6.
37. Sessiya okruzhnogo Soveta // Leninskaya pravda. 1990. 7 iyunya. S. 1.
38. Pyrma R.V. Kapital Velikoj rossijskoj revolyucii: posledstviya epohal'nyh sobytij // Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. T.8., №. 4 (34). S. 70.
39. XXVIII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 2-13 iyulya 1990 g.: Stenogr. otchet. T. 1. M.: Politizdat, 1991. S. 123.
40. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii Tyumenskoj oblasti (dalee – GASPITO). F. 107. Op. 1. D. 2768. L. 4.
41. GATO. F. 2240. Op. 1. D. 33. L. 199.
42. Stat. ezhegodnik: Stat. sb.: V 4 ch. Ch. 2. Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug. Tyumen', 2005. S. 312; 65 let HMAO: Inf.-stat. sb. Hanty-Mansijsk, 1995. S. 212.
43. GATO. F. 2240. Op. 1. D. 33. L. 189–190.
44. GATO. F. 2240. Op. 1. D. 33. L. 189.
45. GASPITO. F. 124. Op. 254. D. 9. L. 46.
46. Bereznickij L. Steklyannyj paralich // K pobeде kommunizma. 1990. 23 yanvarya. S. 1.
47. Trudyashchimsya otvechayut // K pobeде kommunizma. 1990. 23 yanvarya. S. 1. social'no-ekonomicheskoy obstanovke v oblasti // K pobeде kommunizma. 1990. 24 yanvarya. S. 1.
48. GASPITO. F. 3965. Op. 1. D. 1243. L. 2.
49. Kolmogorov N. Lyantorcy vyrazhayut volyu // K pobeде kommunizma. 1990. 30 yanvarya. S. 1; V Byuro gorkoma KPSS // K pobeде kommunizma. 1990. 20 fevralya. S. 1.
50. Ochered' za deficitom // K pobeде kommunizma. 1990. 29 aprelya. S. 3.
51. Municipal'nyj arhiv g. Surguta (dalee – MAGS). F. 3. Op. 1. D. 433. L. 13.
52. MAGS. F. 3. Op. 1. D. 529. L. 105–108.
53. MAGS. F. 3. Op. 1. D. 529. L. 105.
54. MAGS. F. 3. Op. 1. D. 483. L. 134–136.
55. MAGS. F. 3. Op. 1. D. 483. L. 139.
56. Arhivnyj otdel Administracii g. Nizhnevartovska (dalee – AOAGN). F. 48. Op. 1. D. 728. L. 21–22.

57. AOAGN. F. 48. Op. 1. D. 728. L. 30.
58. Borisevich N. Dva voprosa k kandidatam // K pobede kommunizma. 1990. 20 aprelya. S. 3.
59. Stoyanova L. Drugogo ne dano // K pobede kommunizma. 1990. 2 marta. S. 2; Zachem generalu mandat // K pobede kommunizma. 1990. 14 marta. S. 1.
60. Pervogo aprelya mozhet byt' ne do shutok. Zayavlenie // K pobede kommunizma. 1990. 27 marta. S. 1.
61. Sovmin primet mery // K pobede kommunizma. 1990. 28 marta. S. 1.
62. GASPITO. F. 107. Op. 1. D. 2827. L. 22.
63. AOAGN. F. 48. Op. 1. D. 676. L. 56.
64. GASPITO. F. 107. Op. 1. D. 2827. L. 22.
65. Prem'er prinyal neftyanykov // K pobede kommunizma. 1990. 4 aprelya. S. 1.
66. Ruzavin A. Vzgl'yad s drugoj storony // K pobede kommunizma. 1990. 17 aprelya. S. 2.
67. GASPITO. F. 107. Op. 1. D. 2835. L. 4.
68. GATO. F. 814. Op. 1. D. 7808. L. 74–75.
69. Predsedatel' letit v Vashington // Surgutskaya tribuna. 1991. 19 marta. S. 1.
70. V kejsе u predsedatelya // Surgutskaya tribuna. 1991. 4 aprelya. S. 2.
71. V kejsе u predsedatelya // Surgutskaya tribuna. 1991. 4 aprelya. S. 2.
72. V kejsе u predsedatelya // Surgutskaya tribuna. 1991. 4 aprelya. S. 2.
73. V kejsе u predsedatelya // Surgutskaya tribuna. 1991. 4 aprelya. S. 2.
74. V kejsе u predsedatelya // Surgutskaya tribuna. 1991. 4 aprelya. S. 2.
75. Bol'shinstvo skazalo «da» // Surgutskaya tribuna. 1991. 26 marta. S. 1.

А.А. Криворотова, Е.К. Складорова

**Сирийская война (1839–1841) во внешней политике
Великобритании, Османской империи и Австрии**

A.A. Krivorotova, E.K. Sklyarova

**The Syrian War (1839-1841) in the foreign policy of Great Britain,
the Ottoman Empire and Austria**

Сирия на протяжении столетий является объектом агрессии многих стран мира. В первые годы правления королевы Виктории началась Сирийская война (1839–1841), в которую вмешалась Великобритания, а также Османская империя и Австрия. В войну были вовлечены также Египет, Пруссия, Россия и Франция. Перманентная агрессия мировых держав, военно-морские конфликты на территории Сирии обуславливают актуальность их изучения в контексте международных отношений, а также преемственности внешней политики Британии, Турции и стран Европы.

Особенности этой войны стали объектом дискуссий участников событий и историков. Сразу же после окончания войны в Сирии, адмирал Ч. Нейпир опубликовал в Лондоне свою книгу, субъективно отразив в ней личные заслуги¹. В Берлине военные действия в Сирии стали объектом внимания политиков, пытавшихся собрать документы участников войны, используя военный опыт Австрии и Британии в условиях милитаризации Германии, и сделав акцент на распаде Османской империи².

Первые научные исследования проблемы появились в Британии в начале XX века. Они были основаны на материалах газет, документах участников войны³. Затем война рассматривалась как часть политики Великих держав на Ближнем Востоке⁴. В США война также изучалась как часть внешней политики Великих держав на Востоке, их амбиций после наполеоновских войн⁵. Историки Канады рассматривали войну в контексте всех османских войн XVIII– XIX вв., выделяя лишь «сирийский вопрос» 1831–1833 гг. и битву при Низибе⁶. Исламские исследования дополнялись характеристикой пробританских османских дипломатов⁷, участников политических событий⁸.

В отечественной историографии война в Сирии также получила освещение. В дореволюционной литературе вопрос получил косвенное упоминание в рамках изучения причин Крымской войны⁹. В СССР события Сирийской войны изучались как часть совместных действий союзных держав по решению «восточного вопроса», роли России при его решении, в контексте внешней политики России на Ближнем Востоке¹⁰. Этому же аспекту посвящена работа¹¹, в которой отмечено стремление Британии сохранить свое господство в Средиземном море, Египте. В постсоветский период сирийский вопрос упоминался в работе, посвящённой политике императора России Николая I¹². Военные действия в Сирии рассматривались, как изменения в турецкой дипломатии в 1830-х гг.¹³, часть внешней политики и дипломатии виконта Г. Пальмерстона¹⁴, турецко-египетский конфликт¹⁵. Особенностью отечественной историографии стала сосредоточенность, преимущественно, на политике России в отношении египетско-турецкого конфликта и Восточного вопроса.

Однако не все документы парламента Британии, участников войны в Сирии, отчеты врачей использованы полностью в отечественной и зарубежной историографии, оставляя часть британской политики, её целей и методов, недостаточно изученными.

Целью данного исследования является выявление особенностей военно-морской экспедиции Британии в Сирию, её научных и коммерческих целей, совместных действий с Османской империей и Австрией.

Исследование предпринято на основе документов парламента и врачей Британии, участников Сирийской войны, международных конвенций. Их анализ позволил представить вторжение Британии в Сирию на фоне войны в Китае, в контексте научных и коммерческих целей, военно-морских операций. На основе историко-генетического и сравнительного методов исследования определены эволюция проблемы, её связь с развитием промышленности и торговли Британии.

Великобритания, первой в мире осуществив промышленный переворот, усилила свою военно-морскую агрессию в Тихом океане и Средиземном море. В конце 1830-х – начале 1840-х гг. Британия одновременно вторглась в территориальные воды Сирии и Китая. Военные действия в парламенте Британии цинично назывались «Сирийская экспедиция»¹⁶. Национальные интересы Британии связывались с необходимостью войны и в Тихом океане, и в Средиземном море, в Сирии и Китае, которую называли «экспедицией», отмечая, что Азия содрогнулась от присутствия Британии. Частью её внешней политики стало «использование крупных военно-морских сил»¹⁷.

В XIX в. политика султанов Османской империи испытывала кризис, в который постоянно вмешивалось Соединенное Королевство. Территория Сирии при османах была разделена на провинции во главе с губернаторами, которые подчинялись стамбульской администрации. В состав Османской империи входили – эялеты Дамаск и Алеппо, а затем вилайеты, Сирия, Алеппо, Бейрут. Каждое религиозное меньшинство Османской империи составлял миллет. Это были арабы (шииты, сунниты), армяне, ассирийские христиане, сирийские и греческие православные, евреи, курды. Миллет был независимым судебным органом; в соответствии с действовавшими правовыми нормами, конфессиональной общине разрешалось управлять по своим законам. Историки интерпретируют миллет как одну из форм нетерриториальной автономии, решение проблем религиозного многообразия¹⁸, пример религиозного плюрализма¹⁹. Немусульманам была предоставлена определенная степень автономии в рамках общины, без создания независимого управления. В это время в Османской империи начались реформы, принципы которых были изложены в документе, изданном султаном Абдул-Меджидом в 1839 г. при вступлении на престол. В результате реформ Танзимата миллет стал использоваться для обозначения юридически защищенных меньшинств Османской империи. Статус этих групп, их отношение к центральному правительству, самоуправление были закреплены в «милле»²⁰.

Инициатива реформ принадлежала группе, которую возглавил министр иностранных дел Османской империи Мустафа Решид-паша, который в 1838 г. стал послом в Великобритании²¹. Однако он и в Британии не приветствовал назначения Ибрагима-паши сборщиком налогов в округе Адана, а также губернаторов Дамаска, Алеппо²². Политика Египта в Средиземном море не приветствовалась в Османской империи, Сирии, Австрии и Британии.

Порт Адана имел стратегическое значение, находясь на пути между Сирией и Малой Азией. Большинство населения в Адане, а также в Дамаске и Алеппо, составляли христианские меньшинства Османской империи (армяне, греки, сирийцы), которые вели торговлю. Этому способствовала глубина реки, по которой нагруженные суда Британии и Османской империи могли заходить в порт.

Под руководством Мустафы Решид-паши был разработан план реформ, призванных укрепить центральную власть Османской империи, предотвратив в регионах национально-освободительное движение. Султан упразднил корпус янычар, начав реорганизацию военной системы страны. Из-за проблем последующих лет у него не было возможности обеспечить создание новой армии. Накануне войны Османская империя была вынуждена признать независи-

мость Греции, утратить сюзеренитет над Алжиром, перешедший к Франции.

Сирийская война стала следствием реформ, а также отказа в 1831 г. короля Египта Ибрагим-паша от верности Османской империи, вторжения на территорию османской Сирии и захвата Дамаска. За время его кратковременного правления он пытался изменить коммерцию и демографию региона, переселив тысячи крестьян Египта на равнины Сирии. Оценки этой войны были разными. Её называли «сирийской экспедицией», «сирийской компанией», подчеркивая значение военного господства Британии на море²³. В парламенте Великобритании её называли «маленькая война» и «сирийская война», которую вело правительство Британии²⁴.

Война началась в период, когда способность Османской империи противостоять военно-морским нападениям, агрессии иностранных и номинально зависимых государств ослабла. Вассал султана Османской империи Мехмет Али решил воспользоваться моментом, чтобы завоевать Египет. У него была армия, обученная офицерами Франции, много оружия, боеприпасов. Он использовал флот, укомплектованный феллахами, которые не могли сравниться с лучшими европейскими моряками. Флотилия была построена по французским образцам. А у султана Махмуда не было столь эффективных военно-морских сил. В 1832 г. сын Мехмета Али – Ибрагим-паша, вторгся в Сирию.

Британия и Франция оказали давление на султана Махмуда, чтобы тот заключил соглашение с мятежным вассалом Ибрагим-пашой. Но между Османской империей и Мехметом Али возникли разногласия. Британия и Россия поддерживали Турцию, но Франция поддерживала Египет. Военные действия возобновились, но 1 июля султан Махмуд умер от туберкулёза, оставив трон Абдул Меджиду, которому было всего 16 лет. Проблемой для Турции стало и то, что ее флот, отправленный в Средиземное море, дезертировал и присоединился к повстанцам в Александрии в Египте.

Войну в Сирии координировало Министерство иностранных дел, Адмиралтейство, парламент, а также врачи и «Королевское Географическое общество» Британии. В 1840 г. доктор Дж. Боуринг по поручению министра иностранных дел Г. Пальмерстона представил отчет о Сирии²⁵. Объектом отчета стали: Дамаск, Алеппо, Бейрут, побережье Сирии, склоны Таврских гор, являющихся границами между Средиземноморьем и частями Османской империи, Киликийская равнина около города Адана, населявшаяся разными народами империи. Описаны Латакия (главный порт Сирии на Средиземном море), а также Бейлан (стратегический пункт, расположенный в горном проходе Османской империи, известном как Сирийские ворота).

Отчет стал продолжением серии отчетов, касающихся положения дел в Египте, на острове Крит. В получении информации помогали члены «Королевского Географического общества» Британии. Объектом изучения стал уровень рождаемости и смертности населения, а также чума, оспа, тиф, холера, малярия, отравления некачественными продуктами, вакцинация. Нездоровыми считались Бейрут, Адана, Бейлан Антиохия, Бир. Дамаск был описан как более здоровый город, менее подверженный лихорадкам, нежели, Акр, Тир и Триполи. Особое место в отчете занял хлопок, который выращивали на севере Сирии – в Алеппо, Антиохии, Адане, Акре, Идлипе. Его поставляли на британские рынки. Из Аданы хлопок отправляли в различные части Сирии, Анатолии и в Европу. Алеппо занимал важное место в международной торговле, где было налажено производство шелка и шерсти, которые направлялись на рынки Британии.

В парламенте Британии министр иностранных дел Г. Пальмерстон отметил, что в период наступления египетской армии в Малой Азии Мехмету Али рекомендовали «довольствоваться Сирией», и тот согласился после переговоров. Капитану Ч. Нейпиру было приказано прибыть в Средиземное море к берегам Сирии, что было сделано «с целью защиты коммерческой собственности и интересов» Британии»²⁶.

Военно-морской флот Британии высадился у берегов Сирии в 1840 г. Начались переговоры. В итоге Британия, Австрия, Россия и Пруссия, подписав в Лондоне мирный договор 15 июля 1840 г., обязались совместно с султаном Абдул Меджидом образумить вассала. Подписание конвенции курировал министр иностранных дел Британии Г. Палмерстон. Он отметил, что султан Турции обратился к «королеве Соединенного Королевства, императору Австрии, королю Венгрии и Богемии, королю Пруссии и Императору всея Руси с просьбой о поддержке и содействии в трудностях, в которых он оказался из-за враждебных действий Мехмета Али, паши Египта»²⁷. Угроза целостности Османской империи и коммерции Британии привела к войне. Франция заняла угрожающую позицию, проводя приготовления на суше и на море, чтобы противостоять державам, приблизив тем самым Европу к всеобщей войне.

Четыре державы выставили Мехмету Али ультиматум, что если в течение 20 дней он освободит Аравию, Крит, Сирию и владения Османской империи, которые он оккупировал, а также пойдет на уступки, то станет королем Египта, сможет удерживать Сен-Жанд'Акр при жизни. В противном случае он мог быть лишен всех своих владений. Ультиматум был предъявлен 9 августа 1840 г. в Александрии. Мехмету Али было дано 10 дней, чтобы принять решение по некоторым предложениям, и еще 10 дней, чтобы принять реше-

ние по остальным. Однако Мехмет Али не принял условия стран Европы.

Адмирал Стопфорд, как главнокомандующий в Средиземном море, 8 августа 1840 г. с корабля «Принцесса Шарлотта» предписал капитану корабля «Могучий» Нейпиру отправиться в Бейрут, взяв под командование корабли – «Ганг», «Громовержец», «Эдинбург», «Кастор», «Горгону». Нейпир, получив депешу, бросил якорь около Бейрута. Порт был выбран по причине нахождения на фланге египетского наступления, являясь лучшим портом в окрестностях Ливана, жители которого под предводительством эмира Бешира, восстали против Мехмета Али. Между державами было решено, что военно-морская часть задачи по выполнению решения сторон, подписавших соглашение, должна быть возложена на Британию и Австрию.

Небольшая, но хорошо укомплектованная австрийская дивизия присоединилась к Стопфорду, перейдя под его командование. Последовавшая за этим военная кампания стала иллюстрацией роли военного господства на море. В Александрии находился большой, но небоеспособный египетский флот, который, будь для него открыто море, мог бы сопровождать часть наступающей армии, защищая его. Но менее многочисленный и более боеспособный флот под командованием Стопфорда запугал египтян, заставив остаться в Александрии. Британский флот наносил удары по коммуникациям Мехмета Али. Менее чем за два месяца египетская армия подверглась такой опасности, что Египет пошел на все условия.

Нейпир установил контакты с губернатором Бейрута, командующим восставшими турецкими войсками, эмиром Беширом, главнокомандующим Ливана. У Бейрута к нему присоединились корабли – «Мэджисьен», «Паддл», «Уосп», «Реванш», «Бенбоу», а также британское подразделение артиллерии и инженеров под командованием полковника Ч. Смита. Но, пока срок ультиматума не истек, Нейпир не предпринимал военные действия. Была объявлена блокада Сирии и Египта. Затем в Бейрут прибыл «Циклоп» с известием об отклонении ультиматума, возвестив о приближении союзных флотов, которые появились 9 сентября 1840 г. Имея военный опыт в Португалии, где он выполнял обязанности адмирала, он решил, что станет верховным главнокомандующим на берегу, убедив Стопфорда согласиться на это. Нейпир мечтал снова отличиться и реализовал свой план, когда ему было разрешено высадиться на берег²⁸.

Военные корабли Британии, Австрии и Османской империи, а также нейтральные суда Франции и США 9 сентября 1840 г. были видны около Бейрута. Египтяне подверглись обстрелу с кораблей. Объединенная армия Нейпира, состоявшая из британцев, австрий-

цев, турок и местных уроженцев, усилила свои позиции. Бейрут подвергся бомбардировке, его укрепления были разрушены. 15 сентября корабли – «Гастингс», «Кэрисфорт» и «Циклоп» захватили Батрун. 17 сентября под руководством капитана Э. Коллиера взят Каиффа, 24 сентября – Тир. Нейпир убедил Стопфорда поручить ему руководство атакой на Сидон. Для этой экспедиции были задействованы корабли Британии – «Громовержец», «Горгона», «Циклоп», «Оса», «Гидра», а также приняли участие корабли «Герриера» (Австрия) и «Галфиде» (Турция).

В ходе Сирийской войны стало известно об использовании албанских наемников, нанятых Египтом. Позиция, которую удерживали албанцы, подвергалась бомбардировке с кораблей. Порте были сделаны представления, которые привели к выводу этих войск. С. Каннингу, послу Британии при Порте, были направлены инструкции, предписывавшие представить правительству Константинополя ноту правительства Британии, что отправка албанских войск в Сирию принесла неразбериху. С. Каннинг, не дожидаясь разрешения парламента, выступил против использования этих войск в Сирии. Он получил заверение, что они не будут использоваться во внутренних районах Сирии, и, должны быть ограничены гарнизонной службой, а их деятельность будет ограничена Сен-Жан-д'Акр. Посланнику Британии в Порте было заявлено, что правительство с удивлением узнало о применении Портой албанских войск в Сирии, испытав тревогу по поводу возможности повторения произошедшего, а «прекращение такого положения необходимо для спокойствия Сирии, всего мира и благосостояния Турции»²⁹.

Крепость Сен-Жан-д'Акре находилась под оккупацией египтян с 1837 г. Стопфорд проявил нежелание атаковать без приказа. Но, из Адмиралтейства пришли инструкции, и 31 октября 1840 г. флоту, который стоял у Бейрута, было приказано принять на борт большое количество войск и приготовиться к выходу в море. В тот же вечер отплыли британские, австрийские и турецкие корабли. Пароходы демонстрировали технологическое преимущество в этой войне; они опередили эскадру, вынудив Сен-Жан-д'Акре сдаться. Промышленный переворот в Британии определял преимущества Британии и в коммерции, и в военно-морском оснащении. Первым в Сен-Жан-д'Акр вошел британский корабль «Могуущественный», затем «Принцесса Шарлотта», «Громовержец», «Месть». За первым британским подразделением последовало второе, возглавляемое турецким адмиралом Б. Уокером. Затем следовали британские корабли – «Бенбоу», «Эдинбург», «Кастор», «Талбот», а так же три австрийских и два турецких судна. Дивизии продвигалась к крепости Сен-Жан-д'Акр. Взрыв поднял в воздух половину городской крепости и потряс все

корабли до самого кия. Сотрясение сбило с ног моряков, стоявших у пушек в полумиле от города. После взрыва главного склада, катастрофа предопределила судьбу города, стрельба из которого ослабла. Нейпир продолжал вести огонь. Его действия вызывали трения с главнокомандующим. Все позиции, занятые кораблями, были согласованы с планами бомбардировки, которые были подробно описаны Ч. Нейпиром³⁰, закрепляя военно-морские и технические преимущества Великобритании.

Потери египтян были тяжелыми, и противник покинул город. Затем было решено, чтобы Нейпир принял командование в Александрии. После дозаправки в Бейруте он покинул порт 15 ноября 1840 г., а 21 ноября присоединился к кораблям «Родни», «Реванш», «Авангард», «Кембридж», «Кэрисфорт», «Медея» на стоянке. С присущей ему независимостью, без официальных полномочий, он вступил в переговоры с Мехметом Али. В результате 27 ноября 1840 г. была подписана конвенция, в соответствии с которой Ибрагим-паша должен был покинуть Сирию. После капитуляции в Акко, Мухаммед Али принял условия Конвенции от 27 ноября 1840 г. Он отказался от притязаний на Крит и Хиджаз, согласился сократить свои военно-морские силы и постоянную армию до 18 000 человек, при условии, что он и его потомки будут пользоваться наследственным правлением в Египте и Судане³¹.

Конвенция была ратифицирована, а Ч. Нейпир произведен в коммодоры первого класса 4 декабря 1840 г. Среди многочисленных наград, присужденных морским офицерам за их заслуги во время Сирийской кампании 1840 г., были отмечены капитаны: Ч. Нейпир, Б. Уокер, Ч. Остин, У. Уолдегрейв, М. Беркли, Э. Коллиер, У. Хендерсон, А. Фэншоу, Х. Стюарт, Э. Боксер, Г. Мартин, Г. Кодрингтон, У. Хендерсон, Г. Остини подполковник Дж. Уокер³². Большое количество лейтенантов, помощников капитана были повышены в звании.

Распространение парового транспорта дало возможность Британии укрепиться одновременно и в Китае, и на Тихом океане, а также в Сирии и Средиземном море. В дальнейшем политические амбиции Британии росли. В ходе подготовки к Крымской войне первый лорд Адмиралтейства Дж. Грэхем сообщил о передаче Нейпиру «командования флотом на Балтике. Он был произведен в вице-адмиралы, назначен командующим эскадрой в Балтийском море»³³. Объектом «агрессии стали Индия и Китай, Гонконг, Крым и Канада, Индийский и Тихий океаны, Черное и Балтийское моря»³⁴.

В российской историографии военные действия в Сирии рассматривались более объективно, отражая внешнюю политику министра иностранных дел Британии Г. Пальмерстона, а также модели урегулирования конфликта на территории османской Сирии: «фран-

цузская – мирным путем и с щедрым вознаграждением египтян; британская – выдворение Мухаммеда Али в его прежние владения, не останавливаясь перед применением силы»³⁵.

Таким образом, Сирийская война началась в период промышленного переворота в Британии, а также ослабления и раскола Османской империи, её невозможности противостоять международным военно-морским эскадрам и агрессии иностранных государств. В Британии войну расценивали, как «экспедицию» и «малую войну», подчеркнув значение военного господства Великобритании на море. В тот же период началась колонизация Китая, осуществленная в ходе военно-морских операций Британии, Франции и США в территориальных водах Китая. Промышленный переворот, распространение парового транспорта, военно-морские операции дали возможность Британии укрепиться в Средиземном море. Частью внешней политики Британии стало использование военно-морских сил и военной блокады. В ходе войны на территории Сирии египтяне использовали войска наемных албанцев. В отличие от Греции и Алжира, территории Сирии пришлось вернуть османам в ходе Сирийской войны. В морских экспедициях, кроме военно-морского флота Британии, приняли совместное участие военно-морские силы Австрии и Османской империи, выступая против национальных интересов Сирии и местных народов. Войну в Сирии координировали Министерство иностранных дел, парламент, а также врачи и «Королевское Географическое общество» Британии. Малая война в Сирии сопровождалась исследованиями врачей и географов Британии, которые носили военно-разведывательный, коммерческий и политический характер.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. *Napier C.J. The War in Syria*. London: *Harrison and Co*, 1842. 2 Vols.
2. *Jochmus A. The Syrian War and the Decline of the Ottoman Empire, 1840–1848: In Reports, Documents, and Correspondences*. Berlin: *Albert Cohn*, 1883. 2 Vols.
3. *Clowes W. The Royal Navy: a history from the earliest times to the death of Queen Victoria*. London: *Sampson Low, Marston & Company*, 1903. Vol. 6. P. 308–323.
4. *The Great Powers and the Near East, 1774–1923* /ed. by M. S. Anderson. London: *Edward Arnold*, 1970. 182 p.
5. *Rich N. Great Power Diplomacy, 1814–1914*. Boston: *McGraw-Hill*, 1992. 502 p.

6. Aksan V.H. Ottoman Wars, 1700–1870: An Empire Besieged. New York: Routledge, 2013. 624 p.
7. Zürcher E.J. Reshîd Pasha, Muṣṭafâ // Encyclopaedia of Islam. Vol. 8. Leiden: E. J. Brill, 1995. P. 484.
8. Somel S. Mustafa Reşid Pasha // Historical Dictionary of the Ottoman Empire. Lanham: ScareCrowPress, 2012. P. 263.
9. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и оборона Севастополя. СПб.: Общественная польза, 1900. В 3-х тт.
10. Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 – начале 40-х гг. XIX в. М.: Издательство МГУ, 1975. – 200 с.
11. Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 394 с.
12. Выскочков Л.В. Император Николай I. Жизнеописание. М.: Наука, 2022. 423 с.
13. Дулина Н.А. Изменения в турецкой дипломатии в 30-е гг. XIX в. // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1975. С. 70.
14. Виноградов В.Н. Лорд Палмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
15. Басиева З.М. Обострение восточного вопроса в конце 30-х - начале 40-х гг. XIX в.В. И некоторые его последствия на Западном Кавказе // Вестник Владикавказского научного центра. 2012. Т. 12. № 2. С. 13–17.
16. Hansard's Parliamentary Debates. 1842. 25 July. Vol. 65. с. 614.
17. Жуковец О.Ю., Склярова Е.К., Гутиева М. А. «Экспедиция в Китай»: коррупция и становление тихоокеанской политики Великобритании в первой половине XIX // Oriental Studies. 2024. Vol. 17, Is. 3. С. 476–484.
18. Barkey K., George G. The Ottoman Millet System: Non-Territorial Autonomy and its Contemporary Legacy // Ethnopolitics. 2016. №15. P. 24–42
19. Sachedina A. The Islamic Roots of Democratic Pluralism. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 96 –97.
20. Millet // In: Encyclopedia of the Ottoman Empire. 2009. P. 383–384.
21. Zürcher E.J. Reshîd Pasha, Muṣṭafâ // Encyclopaedia of Islam. Vol. 8. Leiden: E. J. Brill, 1995. P. 484.
22. Somel S. Mustafa Reşid Pasha // Historical Dictionary of the Ottoman Empire. Lanham: Scare Crow Press, 2012. P. 263.
23. Clowes W. Op. cit. P. 308–323.
24. Hansard's Parliamentary Debates. 1842. 25 July. Vol. 65. с. 617–619.
25. Bowring J. Report on the Commercial Statistics of Syria. London: W. Clowes, 1840. 144 p.
26. Hansard's Parliamentary Debates. 1840. 06 August. Vol. 55. с. 1370.
27. Convention between Great Britain, Austria, Prussia, Russia, and Turkey, for the Pacification of the Levant, Signed in London, 15 July, 1840 / In: The Foreign Affairs of Great Britain administered by the right honorable Henry John Viscount Palmerton. Not Published. London: John Reid and Co, 1840. P. 221–224.
28. Napier C. J. The War in Syria. London: Harrison and Co, 1842. 2 Vols.
29. Hansard's Parliamentary Debates. 1842. 19 April. Vol. 62. с. 815–818.

30. *Napier C. J. The War in Syria*. London: *Harrison and Co*, 1842. Vol. 1.
31. *Berger M. Military Elite and Social Change: Egypt since Napoleon*. – Princeton: Princeton University, 1960. P. 11.
32. *Clowes W.* Op. cit. P. 320.
33. *Склярова Е. К., Камалова О. Н., Нестеров М. Ю.* Балтийский вопрос в викторианской внешней политике // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 2 (129). С. 80.
34. *Склярова Е.К., Максименко М.А.* Внешняя политика Великобритании в эпоху королевы Виктории: санкции и международные отношения. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2024. С. 92.
35. *Виноградов В. Н.* Лорд Палмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 190–194.

Автор, аннотация, ключевые слова

Криворотова Александра Анатольевна – Южный Федеральный университет, ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ (ИИМО ЮФУ)

ORCID: 0009-0002-8441-697X akrivorotova@sfedu.ru

Склярова Елена Константиновна – доктор исторических наук, доцент. Южный Федеральный университет, Профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ (ИИМО ЮФУ)

ORCID: 0000-0002-0751-5838 eskliarova@sfedu.ru

Рассматривается Сирийская война (1839–1841), в которую вмешалась Великобритания, а также Османская империя и Австрия. Агрессия стран мира, военно-морские конфликты на территории Сирии обуславливают актуальность их изучения, рассматривая их в контексте международных отношений, а также преемственности внешней политики Британии, Турции и стран Европы. Целью данного исследования является выявление особенностей военно-морской экспедиции Британии в Сирию, её научных и коммерческих целей, совместных действий с Османской империей и Австрией на фоне экспансии портов Китая. Особое внимание уделено отчетам врачей Британии, «Королевского Географического общества», использованию наемников, отражая коммерческие интересы воюющих сторон в Сирии. Исследование предпринято на основе документов парламента, дипломатов и врачей Британии, участников войны, международных конвенций. На основе историко-генетиче-

ского и сравнительного методов исследования доказано, что войну в Сирии координировали Министерство иностранных дел, парламент, а также врачи и «Королевское Географическое общество» Британии. «Малая война» сопровождалась исследованиями врачей и географов Британии, которые носили военно-разведывательный, коммерческий и политический характер.

Великобритания, Сирия, Османская империя, Австрия, Франция, международные отношения, внешняя политика.

Authors, Abstract, Key words

Alexandra A. Krivorotova – Southern Federal University, assistant of the Department of Foreign History and International Relations at the SFU Institute of History and International Relations
ORCID: 0009-0002-8441-697X akrivorotova@sfedu.ru

Elena K. Sklyarova – Southern Federal University, Doctor of Historical Science, Associate Professor of the Department of Foreign History and International Relations at the SFU Institute of History and International Relations
ORCID: 0000-0002-0751-5838 eskliarova@sfedu.ru

The article examines the Syrian War (1839-1841), in which Great Britain intervened, as well as the Ottoman Empire and Austria. The aggression of the countries of the world and the naval conflicts in Syria determine the relevance of their study, considering them in the context of international relations, as well as the continuity of the foreign policy of Britain, Turkey and European countries. The purpose of this study is to identify the features of the British naval expedition to Syria, its scientific and commercial goals, and joint actions with the Ottoman Empire and Austria against the background of the expansion of Chinese ports. Special attention is paid to the reports of British doctors, the Royal Geographical Society, and the use of mercenaries, reflecting the commercial interests of the warring parties in Syria. The study is based on documents from the Parliament, British diplomats and doctors, participants in the war, and international conventions. Based on historical-genetic and comparative research methods, it has been proved that the war in Syria was coordinated by the Ministry of Foreign Affairs, Parliament, as well as doctors and the Royal Geographical Society of Britain. The “Little War” was accompanied by research by British doctors and geographers, which was of a military-intelligence, commercial and political nature.

Great Britain, Syria, the Ottoman Empire, Austria, France, international relations, foreign policy.

References

1. Napier C.J. The War in Syria. London: Harrison and Co, 1842. 2 Vols.
2. Jochmus A. The Syrian War and the Decline of the Ottoman Empire, 1840–1848: In Reports, Documents, and Correspondences. Berlin: Albert Cohn, 1883. 2 Vols.
3. Clowes W. The Royal Navy: a history from the earliest times to the death of Queen Victoria. London: Sampson Low, Marston & Company, 1903. Vol. 6. P. 308–323.
4. The Great Powers and the Near East, 1774–1923 /ed. by M. S. Anderson. London: Edward Arnold, 1970. 182 p.
5. Rich N. Great Power Diplomacy, 1814–1914. Boston: McGraw-Hill, 1992. 502 p.
6. Aksan V.H. Ottoman Wars, 1700–1870: An Empire Besieged. New York: Routledge, 2013. 624 p.
7. Zürcher E.J. Reshîd Pasha, Muṣṭafâ // Encyclopaedia of Islam. Vol. 8. Leiden: E. J. Brill, 1995. P. 484.
8. Somel S. Mustafa Reşid Pasha // Historical Dictionary of the Ottoman Empire. Lanham: Scarecrow Press, 2012. P. 263.
9. Dubrovin N.F. Istoriya Krymskoj vojny i oborona Sevastopolya. SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1900. V 3-h tt.
10. Georgiev V.A. Vneshnyaya politika Rossii na Blizhnem Vostoke v konce 30 – nachale 40-h gg. XIX v. M.: Izdatel'stvo MGU, 1975. – 200 s.
11. Fadeev A.V. Rossiya i Vostochnyj krizis 20-h gg. XIX vv. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 394 s.
12. Vyskochkov L.V. Imperator Nikolaj I. Zhizneopisanie. M.: Nauka, 2022. 423 s.
13. Dulina N.A. Izmeneniya v tureckoj diplomatii v 30-e gg. XIX v. // Tyurkologicheskij sbornik. M.: Nauka, 1975. S. 70.
14. Vinogradov V.N. Lord Palmerston v evropejskoj diplomatii // Novaya i novejschaya istoriya. 2006. № 5. S. 182–209.
15. Basieva Z.M. Obostrenie vostochnogo voprosa v konce 30-h - nachale 40-h gg. XIX v. V. I nekotorye ego posledstviya na Zapadnom Kavkaze // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra. 2012. T. 12. № 2. S. 13–17.
16. Hansard's Parliamentary Debates. 1842. 25 July. Vol. 65. c. 614.
17. Zhukovec O.Yu., Sklyarova E.K., Gutieva M. A. «Ekspediciya v Kitaj»: korrupciya i stanovlenie tihookeanskoj politiki Velikobritanii v pervoj polovine XIX // Oriental Studies. 2024. Vol. 17, Is. 3.S. 476–484.
18. Barkey K., George G. The Ottoman Millet System: Non-Territorial Autonomy and its Contemporary Legacy // Ethnopolitics. 2016. №15. P. 24–42
19. Sachedina A. The Islamic Roots of Democratic Pluralism. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 96 –97.
20. Millet // In: Encyclopedia of the Ottoman Empire. 2009. P. 383–384.

21. Zürcher E.J. Reshīd Pasha, Muṣṭafā // Encyclopaedia of Islam. Vol. 8. Leiden: E. J. Brill, 1995. P. 484.
22. Somel S. Mustafa Reşid Pasha // Historical Dictionary of the Ottoman Empire. Lanham: Scare Crow Press, 2012. P. 263.
23. Clowes W. Op. cit. P. 308–323.
24. Hansard's Parliamentary Debates. 1842. 25 July. Vol. 65.c. 617–619.
25. Bowring J. Report on the Commercial Statistics of Syria. London: W. Clowes, 1840. 144 p.
26. Hansard's Parliamentary Debates. 1840. 06 August. Vol. 55. c. 1370.
27. Convention between Great Britain, Austria, Prussia, Russia, and Turkey, for the Pacification of the Levant, Signed in London, 15 July, 1840 / In: The Foreign Affairs of Great Britain administered by the right honorable Henry John Viscount Palmerston. Not Published. London: John Reid and Co, 1840. P. 221–224.
28. Napier C. J. The War in Syria. London: Harrison and Co, 1842. 2 Vols.
29. Hansard's Parliamentary Debates. 1842. 19 April. Vol. 62.c. 815–818.
30. Napier C. J. The War in Syria. London: Harrison and Co, 1842. Vol. 1.
31. Berger M. Military Elite and Social Change: Egypt since Napoleon. – Princeton: Princeton University, 1960. P. 11.
32. Clowes W. Op. cit. P. 320.
33. Sklyarova E.K., Kamalova O.N., Nesterov M.Yu. Baltijskij vopros v viktorskoj vneshnej politike // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. 2023. № 2 (129). S. 80.
34. Sklyarova E.K., Maksimenko M.A. Vneshnyaya politika Velikobritanii v epohu korolevy Viktorii: sankcii i mezhdunarodnye otnosheniya.
35. Rostov-na-Donu, Taganrog, 2024. S. 92.
36. Vinogradov V.N. Lord Palmerston v evropejskoj diplomatii // Novaya i novejšaya istoriya. 2006. № 5. S. 190–194.

Н.А. Лагошина

Интеграция ирландцев в городские сообщества на территории пэрства Ирландия в XIV–XV веках

Natalia A. Lagoshina

Integration of the Irish into urban communities in the lordship of Ireland in the 14th and 15th centuries

Пэрство Ирландия, которое охватывало территорию четырех англоизированных графств, с XII в. находилось под управлением английской короны. На протяжении Средних веков степень политического и культурного влияния англичан на острове менялась, поэтому границы колонии не были четко фиксированы. Часть ирландской знати была связана с английской короной вассально-ленными отношениями. И хотя в XIV в. им удалось добиться большей степени независимости, большая часть острова находилась под юрисдикцией английского общего права. Вместе с тем в некоторых областях пэрства продолжали действовать брегонские законы, а в приграничных землях – марковое право. С XII в. во всех городах колонии действовали королевские суды, а городские жители получили особые хартии, дарованные Генрихом II, освобождающие их от «ирландского рабства» и обеспечивающие доступ к общему праву Англии¹. Привилегии и свободы горожан неоднократно подтверждались пожалованиями Иоанна Безземельного и Генриха III². Сосуществование английской правовой системы и местных обычаев привело к возникновению групп населения, отличающихся по степени правоспособности. И в этом отношении более всего привлекает внимание население городов, которое отличалось пестротой этнического состава, разнообразием статусов, ментальностей и культур.

К XIV в. в колонии сформировалась сложная сеть социальных, экономических и правовых отношений между потомками англо-нормандских поселенцев и ирландцами. Проблема взаимодействия этих двух основных групп населения давно находится в центре внимания исследователей, и в историографии нет единого мнения относительно степени гэльского культурного влияния, а также специфики англо-ирландских отношений. Первый подход в историографии подразумевает обширную культурную гэллизацию англичан в Ирландии, перенявших ирландский язык, традиционную одежду и

местные обычаи³. Представители данного направления утверждают, что благодаря интенсивным контактам с местными жителями, а также заключению браков и политических союзов с ирландцами, англичане были полностью ассимилированы⁴. Представители другого направления полагают, что степень ассимиляции «старых англичан» явно преувеличена, и к XIV в. они были враждебны к гэллам, подчеркивали свое происхождение от англичан и, стремясь сохранить самобытность колониальной общины, издавали законы, ограничивающие доступ ирландцев в колонию⁵. В частности, С. Эллис и Р. Фрейм подчеркивали тесные связи колонистов с Англией и английскую идентичность общины поселенцев⁶. По мнению Д. Лайдона, использование на территории пэрства английского общего права также свидетельствовало о тесных связях с метрополией⁷. В настоящее время историки рассматривают сообщество четырех графств в более широком контексте британской истории, сравнивая данный регион с другими пограничными территориями, где существовали тесные взаимоотношения разных этнических групп⁸.

Несмотря на то, что проблема взаимоотношения англичан и ирландцев в колонии является актуальной среди зарубежных историков, большинство работ посвящено развитию отдельных регионов пэрства и идентичности англичан⁹. В этой связи представляется важным изучить интеграцию ирландцев в городские сообщества на территории пэрства Ирландия в XIV–XV вв., проанализировав специфику англо-ирландского взаимодействия и политику городских советов в отношении ирландцев.

Большинство полноправных горожан являлись потомками «старых англичан», англо-нормандских поселенцев, прибывших в колонию в первые века ее существования, либо происходили из смешанных семей англо-ирландского происхождения. Ирландцы, получившие права горожан, обретали свободный статус, получали избирательные права, могли владеть землями и вступать в ремесленные гильдии региона, а также получали доступ к королевским судам, освобождаясь от феодальных повинностей. Последнее привлекало в города население с полусвободным статусом. Согласно постановлению Совета Дублина 1305 г., «вилланы или бетаги, которые с разрешения мэра и местных жителей проживут в городе один год и один день», по истечению этого срока освобождались от всех притязаний со стороны своих бывших лордов¹⁰.

Точное количество ирландских горожан трудно установить, так как некоторые поселенцы носили английские фамилии, созвучные местности происхождения или профессий, такие как Керри, Корризер. Во второй половине XIV–XV в. в английскую колонию шел постоянный поток переселенцев с гэльского запада и севера Ирландии.

Их привлекали экономические возможности городских центров колонии, а также городов «второй черты оседлости», особенно после эпидемий Черной смерти и неурожая. Прибывающее население приносило на территорию пэрства гэльский язык и культуру, стремилось интегрироваться в городские сообщества и повысить свой статус. Тем не менее, для ирландцев незнатного происхождения, а также тех, кто не мог подтвердить свое происхождение в колонии доступ в органы местного самоуправления, гильдии и церковные приходы был закрыт. Обычно простолюдины зарабатывали себе на жизнь сельским хозяйством, пасли скот, либо служили в семьях зажиточных поселенцев. Многие для успешной адаптации использовали личные связи и покровительство влиятельных семей региона. Сеньориальный способ миграции был широко востребован, поскольку поддержка магнатов облегчала трудоустройство и обеспечивала защиту от антиирландских законов.

Ирландское население колонии отличалось по степени ассимиляции и интеграции в городские структуры региона. Часть ирландцев, происходивших из смешанных семей, либо давно проживающих в колонии, была в достаточной степени ассимилирована. Они приобретали хартии английского права, пытаясь скрыть гэльское происхождение, поскольку внешне их легко можно было принять за англичан. Так, представители гэльского клана Кирванов стали одной из влиятельных семей торговцев в городе Голуэй эпохи Тюдоров¹¹.

Законодательная политика в отношении ирландских жителей колонии была направлена на ограничение доступа новоприбывших к привилегиям городских жителей и торговле в городах. Реализация законодательных мер зависела от уровня доверия к ирландцам, частоты набегов гэльских лордов, а также притока гэллов в колонию. Укрепленные города пэрства оставались уязвимыми перед вторжением клановых вождей и англо-нормандских лордов. Так, в 1504 г. граф Кланрикард Улик Берк восстановил контроль своей семьи над Голуэем, нарушив права и привилегии города, закрепленные в королевской хартии 1484 г.¹²

В периоды обострения англо-ирландских отношений вводились запреты на продажу оружия и лошадей ирландцам, живущим за пределами колонии¹³. Ряд постановлений были направлены на запрет продажи конкретных видов товаров ирландцам. Так, в 1470 г. городской совет Дублина запретил продажу хлеба ирландским мелким торговцам, которые скупали хлеб целыми партиями, а затем перепродавали его по завышенным ценам¹⁴. Кроме того, пекарям предписывалось продавать продукты только торговцам, относящимся к числу горожан. Данный закон защищал экономические привилегии полноправных городских жителей, забота о которых

была целью городского законодательства. В другом законе того же года, направленном против ирландских перекупщиков, которые продавали товары с наценкой, подчеркивается ирландское происхождение переселенцев. Это свидетельствует о том, что для городского совета этническая принадлежность имела значение¹⁵. Законодательные акты в отношении ирландцев, проживающих в пэрстве, были продиктованы не столько военными целями и этнической враждой, сколько протекционистской экономической политикой.

Основные меры парламентского законодательства 1508–1509 гг. были направлены на борьбу с инфляцией цен и предотвращение передачи монеты ирландцам, поскольку нехватка валюты была постоянной проблемой в колонии¹⁶. Закон Генриха VIII 1539 г. ограничивал торговлю дублинцев с иностранцами, а гэльское население также попадало под эту категорию¹⁷. Отдельно оговаривались меры, направленные против перекупщиков. В частности, товары иностранцев, которые не имеют лицензии и не платят налоги, подлежали конфискации¹⁸. Регламентировалась торговля иностранцев шерстью, шкурами и оловом, разрешалась только в специально отведенных для этого местах¹⁹. Также запрещалось покупать у иностранцев вина, железо и соль. За нарушение данного предписания был предусмотрен штраф: за первое нарушение – двадцать шиллингов, за второе – сорок шиллингов, за третье нарушение покупателя изгоняли из города на один год и один день²⁰. За продажу мяса и рыбы иностранным перекупщикам также предусматривались штрафы²¹. В документах городского Совета Дублина упоминаются случаи «сговора горожан с целью дать возможность иностранцам уклоняться от уплаты таможенных платежей»²². Это указывает на то, что, несмотря на законодательные предписания, горожане имели тесные связи с иностранными торговцами, и ирландцы не были исключением.

Реестры завещаний позволяют определить уровень благосостояния некоторых ирландских жителей колонии, а также восстановить экономические отношения и партнерские связи, существующие между ними и англичанами. В завещании колониста англо-нормандского происхождения Джона Хаммонда из Дублина конца XIV в. содержатся имена двух должников с англизированными ирландскими фамилиями, Роджера Бренна и Ричарда Каррена²³. Зажиточные жители колонии Реджинальд Уэстон и его супруга Элис Йонг из Западного Дублина, как видно из завещания, составленного в 1474 г., одалживали деньги как у англичан, так и у ирландцев. Душеприказчикам следовало вернуть 2 шиллинга 8 пенсов Джону Райану и 4 пенса Томасу Оггу²⁴. Николас Кетинг из Клондолкина в Южном Дублине также задолжал деньги ирландцам, Манусу Кени и Томасу Келли²⁵. Завещания дублинцев показывают, что городские жители

выстраивали отношения исходя из экономических интересов и гэльского происхождение не являлось препятствием для взаимодействия.

В 1476 г. Ричард Голдинг из прихода в северном Дублине упомянул в своем завещании покойного Томаса Мачарни, предоставив 3 шиллинга 4 пенса на помин «его души»²⁶. Роберт Уолш в 1474 г. оставил четыре коровы семье Кеди, которая вела свое происхождение от древнего гэльского рода Мак Эдейт. Многие поселенцы оставляли в наследство ирландцам часть урожая²⁷ или скот, а некоторые завещали имущество ирландским семьям, что может свидетельствовать о тесном родстве в результате смешанных браков²⁸.

Завещания ирландцев проливают свет на их торговую, экономическую деятельность и позволяют установить связи внутри городского сообщества. Интересно, что они принадлежали к числу наиболее состоятельных жителей колонии, и, преимущественно, происходили из известных англизированных семей Дублина²⁹. В 1471 г. имущество Томаса Келли из Скиду в северной части Дублина включало 7 лошадей, несколько коров, 3 молодых бычков, 30 овец и 15 свиней, общая сумма которого составляла 11 фунтов стерлингов, 6 шиллингов³⁰. Уильям Нил из Клондолкина являлся владельцем кожевенной мастерской, располагал большим имуществом и проявлял щедрость к бедным и церкви³¹. В его завещании указано, что он задолжал 2 шиллинга 3 пенса за аренду своего дома, расположенного в пригороде Дублина, где он занимался кожевенным ремеслом³². В 1471 г. имущество Нила оценивалось в 33 фунта стерлингов, 13 шиллингов и 3 пенса³³. Предки Уильяма были процветающими фермерами в Клондолкине с XIV в. и Нилстоун в этом районе был назван в их честь. Другой представитель семьи Нилов, Саймон являлся владельцем магазинов и земель на Нью-стрит в Дублине. В процессе профессиональной деятельности Томас Келли и Уильям Нил тесно сотрудничали с англичанами и ирландцами³⁴.

Анализ завещаний жителей Дублина показывает, что для городских жителей было обычной практикой одалживать небольшие суммы денег у знакомых, либо приобретать товары в долг. Это указывает на то, что торговцы и производители крупных городов колонии выстраивали деловые отношения исходя из экономических, партнерских, профессиональных интересов и тесно взаимодействовали с ирландцами. Как показывают документы, ирландцы активно выступали в качестве кредиторов и должников, что указывает на высокий уровень интеграции в местное сообщество, а также демонстрирует, что многие из них располагали значительными доходами.

Коллекция завещаний жителей Лаута начала XVI в. подтверждает наличие тесных взаимоотношений между англичанами и ирландцами, а также свидетельствует о большем количестве ир-

ландцев с гэльскими именами в графстве. В 1485 г. священнослужитель Джон Стакболл передал по завещанию Кристоферу Даудаллу, джентльмену из Дандолка, право владения всеми своими обширными поместьями и землями в Лауте, назначив его главным лордом и распорядителем своих земель³⁵.

Реестры завещаний также проливают свет на основные виды деятельности ирландцев, живущих в городах колонии. В большинстве случаев в документах упоминается скот и орудия труда, и можно предположить, что многие из них зарабатывали на жизнь сельским хозяйством. Все они платили аренду за землю, а некоторые арендовали помещения для занятий ремеслом.

Впрочем, в городах пэрства проживали ирландцы и с более высоким статусом. Например, потомственные ученые и доктора гэльской Ирландии. В 1531 г. грант «английской свободы» был пожалован доктору медицины Малахии О'Харни, который арендовал землю и, по-видимому, работал в колонии³⁶. Приграничные территории колонии населяли поэты-барды и юристы, работающие в сфере английского и брегонского права³⁷. Генрих VIII пожаловал освободительную хартию юристу Чарльзу Рейнольдсу, в прошлом Магрениллу, получившему степень бакалавра в области права. Данная хартия освобождала Чарльза «от всяких ирландских служб», предоставляла право «пользоваться английскими законами, а также приобретать земли и имущество»³⁸.

Самой многочисленной прослойкой были ремесленники и торговцы. В списках торговых лицензий Дублина упоминается много ирландских ремесленников, работавших в городе с 1468 г. по 1512 г., в частности, золотых дел мастера, перчаточники, портные, кожевники, а также мясники³⁹. К XV в. в крупных городах колонии сформировалось несколько ирландских общин. Л. Мюррей описал деятельность общины ирландских кожевников в Дроэде в 1518 г.⁴⁰ Кроме того, в Дублине и Мите существовали объединения ирландских сапожников и кожевников. Интересно, что среди ирландских торговцев, получивших лицензии, часто встречаются фамилии с частицами Ог, Мас и О. Это указывает на то, что во второй половине XV в. ирландцы, живущие в черте оседлости и приграничных районах, все чаще носили неанглизированные имена. Сведения из списков патентов дополняют данные завещаний жителей колонии, в которых также фигурирует много гэльских имен⁴¹. Возможно, это связано с наплывом ирландцев в города колонии и повышением их статуса.

Некоторые ирландские мастера и ученики различных профессий, работающие в Дублине, получили статус горожан в последние десятилетия XV в. Несмотря на то, что в 1454 г., 1469 г. и 1475 г. го-

родской совет запретил нанимать ирландских учеников под угрозой потери избирательных прав, многие ирландцы служили подмастерьями у английских мастеров⁴². Культурная англизация и использование английских имен помогали подмастерьям обходить законодательные запреты, а приобретение хартий английского права открывало возможности для обретения статуса горожанина. Ирландские подмастерья работали в сфере торговли, суконной и швейной промышленности и обеспечения продовольствием. В реестре завещаний Дублина встречаются ирландские кузнецы, мясники, пекари, мельники, портные, рыбаки и кожевники⁴³. Ирландские женщины также осваивали ремесла и нанимались на службу в качестве подмастерьев к английским мастерам.

В документах крупных землевладельцев колонии содержатся сведения об ирландских подмастерьях в Дрозде, Дандолке, а также в небольших городах графства Лаут⁴⁴. В 1358 г. бюргер из Дандолка Джон Раткулл нанял в качестве ученика Николаса О'Молгаллина на девятилетний срок. По условиям договора упомянутый Джон согласился «усердно обучать Николаса торговому делу и другим необходимым искусствам», «относиться к нему уважительно и обеспечивать его пищей и напитками, одеждой из льна и шерсти, обувью и постельными принадлежностями»⁴⁵. В договоре также были прописаны особые условия. Так, в течение первого года службы Николас должен был обеспечивать себя одеждой и «необходимым» самостоятельно, а в случае неуважительного отношения к домочадцам торговца срок ученичества мог быть продлен еще на девять лет⁴⁶. Несмотря на запреты, горожане Лаута активно взаимодействовали с ирландцами и нанимали их на службу, однако не всегда на выгодных условиях⁴⁷. Нередко ирландцам предоставлялись худшие условия ученичества, чем английским подмастерьям, что приводило к ухудшению их экономического положения. На это указывает и тот факт, что ирландские арендаторы платили ренту ниже средней стоимости.

Одним из способов повышения статуса ирландцев было вступление в ремесленные гильдии. Гильдии защищали экономические интересы своих членов, поскольку контролировали политику цен и регламентировали производство. Они также были социальными институтами и корпорациями, члены которых тесно взаимодействовали друг с другом. Гильдии предоставляли помощь и обеспечение вдовам, а некоторые организовывали школьное обучение для детей своих членов⁴⁸. Вступление в корпорации являлось важным элементом социальной интеграции ирландцев в городах колонии. Больше документации сохранилось по гильдиям Дублина, их учредительные уставы показывают, что ирландские торговцы были среди членов-основателей⁴⁹. В 1474 г. одним из учредителей гильдии

кузнецов был ирландец Уильям Доногер, Джон Райли фигурирует в списке основателей гильдии портных, а Филипп Легелин числился среди членов-основателей гильдии парикмахеров в 1446 г.⁵⁰ К концу XVI в. в рядах этой гильдии состояло несколько ирландцев. Многочисленный ирландский состав был также характерен для гильдии плотников в начале XVI в.⁵¹ Каждая корпорация имела свой устав и руководство, их политика по отношению к ирландцам также отличалась. В некоторые гильдии было запрещено принимать ирландцев, например сообщества пекарей и ткачей⁵², однако в их уставах нередко встречаются ремесленники с ирландскими фамилиями⁵³. Трудно определить, как именно им удавалось попасть в гильдии, но можно предположить, что приобретение хартий английского права, культурная англизация и длительное проживание в колонии являлись предварительными условиями для получения привилегий.

Члены ремесленных гильдий и торговых корпораций обретали желанный статус горожанина, а иногда удаивались должности в городском совете, и ирландцы не были исключением. Они повышали свой статус, несмотря на постановления 1448 г. и 1463 г., запрещающие ирландцам (*“of the Irishnation”*) доступ к привилегиям городского сообщества⁵⁴. Анализ документов городских корпораций показывает, что реальное отношение к ирландцам в колонии отличалось от законодательных предписаний. Термин «ирландская нация» действительно имел политические и культурные коннотации, и, возможно, не применялся по отношению к тем культурно англизированным ирландским жителям Дублина, которые имели доступ к английскому праву.

В 1468–1469 гг. лицензии получили ювелир Патрик Кенн, бондарь Морис Малган и башмачник Лаглин Доулин⁵⁵. Они являлись искусными ремесленниками, и принятие их в ряды горожан, возможно, было обусловлено особой потребностью города в их ремеслах. Все трое были приняты «по особой милости» мэра, а не в результате ученичества или семейных связей. Как показывают источники, мэр и городской совет охотно принимали ирландцев, если в этом была польза для экономического благополучия города.

Впрочем, принятие ирландских ювелиров в ряды горожан было нередким явлением. По наблюдениям ирландского историка Рагналла О’Флоинна, с XIII в. в гильдию ювелиров Дублина стали допускать мастеров гэльского происхождения, а к XV в. ирландские специалисты в ювелирном деле встречаются и в других крупных городах колонии⁵⁶. Сведения из источников подтверждают данную тенденцию. Двое ювелиров Дублина, вошедших в число горожан, Дермонт Линчи и Малахия также носили гэльские имена⁵⁷. Можно предположить, что высокий уровень англизации не требовался для

тех специалистов, чьи навыки были более востребованы. Однако, необходимо учитывать, что многим семьям ювелиров покровительствовали меценаты и священнослужители, которые могли поспособствовать получению избирательных прав данной категории ремесленников⁵⁸.

Покровительство членов совета и влиятельных горожан увеличивало шансы успешной интеграции, и многие ирландцы получали городские права благодаря личным связям или содействию влиятельных адвокатов⁵⁹. В Коллекции древних рукописей Ирландии упоминается большое количество ирландцев, принятых в городскую общину «по особой милости» мэра и бейлифов. В ряде случаев избирательные права «по особой милости» предоставлялись нескольким членам одной семьи. Так, в 1479 г. йомен Джон Малган получил доступ к городским свободам, через три года городские права обрели еще двое представителей семьи Малган – Уильям и Томас.⁶⁰ Впрочем, статус городского жителя можно было унаследовать от родителей или через супругов. Так, портной Джон Келли был принят в городское сообщество «по праву жены» в 1471 г.⁶¹, сапожник Николас Нагл стал горожанином, так как являлся «мужем Джоанны Райан»⁶², а Патрик Фиц Рери – в результате происхождения от свободного человека⁶³.

В XV в. статус горожан получили несколько членов семей Кеннан, Кенни, Малган, а фамилия Келли была особенно популярна среди жителей колонии. В списках лицензий упоминается девять горожан с данной фамилией⁶⁴. Они являлись специалистами разных профессий – шерифы, адвокаты, клерки, портные, сапожники, торговцы и пекари. Сведения о таких англизированных ирландских семьях, как Нилы, Райаны и Логаны содержатся в разных документах Дублина, что свидетельствует об большой известности этих семей в городе⁶⁵.

Благодаря культурной англизации и доступу к городским свободам ирландцы могли претендовать на должности в управлении колонией. Хотя в колониальной администрации подавляющее большинство должностей было зарезервировано за поселенцами и чиновниками, прибывшими из Англии, низшие должности в управлении занимало несколько ирландцев с англизированными именами – посланники казначейства, сборщики субсидий. Выходец из известной семьи Дублина Дэвид Доног служил посланником казначейства (нунцием) с 1416 г. по 1429 г.⁶⁶ Николас Роддан, состоявший в той же должности в течение двадцати восьми лет, получил вознаграждение за службу в 1402 г. и 1407 г.⁶⁷

Но чаще ирландцы занимали должности в местном управлении. В 1530 г. пост мэра (Mayor of the Staple) Дублина занимал ир-

ландец Уолтер Келли.⁶⁸ Уолтер Доног являлся бейлифом Дублина в 1449–1450 гг., а в 1469 г. служил казначеем.⁶⁹ Джон Хеган занимал пост констебля в 1469–1470 гг.,⁷⁰ а Джон Доуган и Уильям Таган являлись привратниками в 1460-х гг.⁷¹

В источниках также имеются свидетельства об ирландских горожанах и бюргерах, получивших должности в городском управлении Мита и Лаута. Некий Филипп Офинан числился среди бюргеров Дроэды в 1404 г.⁷² Роберт Браган, занимавший в 1394 г. должность бейлифа, а в 1401 г. ставший главным констеблем Дроэды, также имел ирландское происхождение⁷³, как и Роджер Мэллон, сборщик таможенных пошлин и шериф Дроэды в 1410-х и 1420-х гг.⁷⁴ В документах казначейства Дублина отмечается, что бюргер Джон О'Файган был «избран мэром Трима, хотя он и является ирландцем»⁷⁵.

Назначение лиц ирландского происхождения на административные должности указывает на то, что в большинстве городов пэрства были проигнорированы предписания, исключаящие ирландцев из органов местного самоуправления. При этом большинство мэров и бейлифов данного периода носили англизированные фамилии. На их фоне резко выделяются потомственные бургомистры из известной семьи Рот. Их предки давно жили в колонии и снискали уважение среди бюргерской верхушки⁷⁶. Многие члены этой семьи получили образование в сфере права. Николас Рот числился среди юристов Дублина в 1500 г.⁷⁷ Джон и Кристофер были окружными судьями⁷⁸. Уроженец епархии Мит, Кормак Рот принадлежал к семье, которая на протяжении нескольких поколений была англизированной. Его близкий родственник Уильям в 1490-х гг. состоял в должности капеллана епископа Мита, а в 1520-х гг. — стал священником епархии. Сам Рот учился в Оксфорде, где получил диплом по каноническому праву. Став архидиаконом и главой англиканской церкви в Арме, он вел активную политическую деятельность вплоть до своей смерти в 1539 г.⁷⁹ В 1536 г. Кормаку Роту и его слугам, «прибывшим для обсуждения важных вопросов с лордом Греем», была предоставлена охранная грамота⁸⁰.

Как правило, доступ в городскую администрацию был открыт для тех ирландцев, кому покровительствовали влиятельные горожане. Некоторые ирландцы, занимающие высокие должности, выступали в качестве поручителей для своих соотечественников. Так, Уолтер Доно, будучи бейлифом в 1449–1450 гг., являлся поручителем нескольких ирландцев, претендующих на должность в городе⁸¹. Юрист Уильям Доног также покровительствовал своим соотечественникам в 1475 г.⁸² Как правило, поручителями выступа-

ли активные деятели городского сообщества, либо лица, какой-то период занимающие должности в управлении. Один из поручителей Дональд О'Линг был единственным городским служащим, сохранившим ирландскую приставку к фамилии, что выделяло его среди представителей городской элиты⁸³.

Служба в администрации была ценной привилегией, и ряд ирландских семей, которые упоминаются в списках городских служащих Дублина, такие как Келли и Малганы, почетно несли ее целыми поколениями⁸⁴. Существовали и возможности для повышения на службе. Томас Малган много лет прослужил констеблем и судебным приставом, прежде чем стать мэром в 1481–1482 гг.⁸⁵ И все же, это был исключительный случай, и в процентном соотношении ирландские городские чиновники составляли меньшинство. Тем не менее, ирландцы принимали активное участие в городском управлении, а некоторые из них занимали самые высокие посты в Атбое, Тримере и Дроэде.

Влиятельные ирландские семьи, прочно обосновавшиеся в колонии, успешно интегрировались в местные городские общины. При этом ирландское происхождение некоторых семей, таких как Ниллы, Келли и Мэллоны, оставалось общеизвестным и часто на суде присяжных им приходилось подтверждать свою правоспособность⁸⁶. В 1355 г. Саймон Нил подал иск на некоего Уильяма Ньюлегея за то, что тот вторгся в его владения в Клондолкине. Уильям утверждал, что Нил является «простым ирландцем», а не представителем благородного рода. Опровергая обвинения, Нил заявил, что он происходит от древнего клана О'Нилов из Ольстера, которые пользовались английскими свободами, и присяжные вынесли решение в его пользу⁸⁷. Этот случай указывает на то, что даже после обретения статуса городских жителей и получения королевских хартий положение ирландцев колонии было нестабильно.

В XIV–XV вв. в городах английской колонии проживало много ирландцев, которые были интегрированы в общество на высоком уровне, о чем свидетельствует их регулярное участие в социальной и экономической жизни колониальной общины. Анализ текстов завещаний и списков патентов показал, что англичане и ирландцы, живущие на территории пэрства, тесно сотрудничали друг с другом. Торговцы и производители крупных городов колонии выстраивали деловые отношения исходя из экономических, партнерских, профессиональных интересов и тесно взаимодействовали с ирландцами. На отношение к ирландцам в колонии оказывали влияние особенности местной политики, которая гибко подстраивалась под меняющиеся условия в королевстве и во многом была продиктована экономическими интересами городов. По этой

причине городские постановления и акты парламента, которые дискриминировали ирландцев в экономических вопросах, часто игнорировались, а некоторые постановления применялись только к ирландцам, живущим за пределами колонии.

Для успешной интеграции в городские структуры ирландцы использовали личные связи и покровительство влиятельных горожан. Клиентарно-патронажные отношения и институт поручительства открывали доступ к городским свободам и должностям в местном управлении.

В результате многолетних союзов, смешанных браков и торгово-экономических связей ирландцы, живущие на территории пэрства, стали восприниматься как неотъемлемая часть общины колонистов. Родственные связи и партнерские отношения были особенно важны в корпоративном обществе, где люди отождествляли себя с местностью происхождения, профессиональными и торговыми сообществами, социально-экономическим слоем. Внутри этих сообществ этническая принадлежность не имела превалирующего значения, а к XV в. «ирландскость» перестала восприниматься как нечто враждебное. На это указывает повышение статуса ирландцев с гэльскими именами и их инкорпорация в общину поселенцев. Вместе с тем этническая идентичность являлась инструментом колониальной политики, и могла быть использована против ирландских подданных короля с целью ограничения потока поселенцев в колонию.

Примечания

Notes

(Endnotes)

1. 12 Henry III. A.D. 1228. Statutes, Ordinances, and Acts of the Parliament of Ireland: King John to Henry V / Ed. H. F. Berry. Dublin: H.M. Stationery Office, 1907. Vol. 1. P. 21, 23.

2. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 1, 2–6, 8, 222.

3. *Booker S.* An English city? Gaelicization and cultural exchange in late medieval Dublin // *Medieval Dublin X* / Ed. by S. Duffy. Dublin: Four Courts Press, 2010. P. 287–298.

4. *Nicholls K. W.* Gaelic and Gaelicised Ireland in the Middle Ages. Dublin: Gill and Macmillan, 1972. 197 p.

5. *Ellis S. G.* Reform and Revival: English Government in Ireland, 1470–1534. New York: St. Martin's Press, 1986. 236 p.; *Ellis S. G.* The struggle for control of the Irish mint, 1460–1506 // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 1978. Vol. 78c. P. 17–36.

6. *Ellis S. G.* Reform and Revival: English Government in Ireland, 1470–1534. New York: St. Martin's Press, 1986. 236 p.; *Ellis S. G.* The struggle for control of the Irish mint, 1460–1506 // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1978. Vol. 78c. P. 17–36. *Frame R.* 'Les Engleysnéesen Irlande': the English political identity in medieval Ireland // Transactions of the Royal Historical Society. 1993. Vol. 3. P. 83–103.

7. *Lydon J.* The middle nation // The English in Medieval Ireland / Ed. by J. Lydon. Dublin: royal Irish academy. P. 1–26.

8. *Smith B.* Crisis and Survival in Late Medieval Ireland: The English of Louth and their Neighbours, 1330–1450. Oxford: Oxford University Press, 2013. 260 p.; *Ellis S. G.* Tudor Frontiers and Noble Power: the Making of British State. Oxford: Clarendon Press, 1995. 303 p.

9. *Berry H. F.* The Merchant Tailors Gild-that of St John the Baptist, Dublin 1418–1841 // Royal Society of Antiquaries of Ireland. 1918. Vol. 8. No 1. P. 19–64; *Hardiman J.* The history of the town and county of Galway, from the earliest period to the present time. Dublin: Printed by W. Folds, 1820. 320 p.; *Potterton M.* Medieval Trim: History and Archaeology. Thesis for the degree of PhD Department of Modern History National University of Ireland Maynooth. Dublin, 2003. 36 p.; *Simms K.* Frontiers in the Irish church: regional and cultural // Colony and frontier in medieval Ireland / Eds. by T. B. Barry, R. Frame, K. Simms. London: Hambledon Press, 1995. P. 177–200. P. 184.

10. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 224.

11. *Hardiman J.* The history of the town and county of Galway, from the earliest period to the present time. Dublin: Printed by W. Folds, 1820. P. 16.

12. Annals of the Four Masters. M1504.12-14. [Электронный ресурс]. URL: <https://celt.ucc.ie/published/T100005E/text001.html>; *Simon E.* The English Lordship of Ireland and the Irish Sea World: Re-assessing the Origins of the Kildare Ascendancy, c.1390–c.1513 // The English Historical Review, ceae207, 2024. P. 31.

13. Patent Roll 9 Henry IV, Item 28, Patent Roll 1 Henry VI, Item 39, 116, Patent Roll 2 Henry VI, Item 45. A Calendar of Irish Chancery Letters, 1244–1509 / Ed. by P. Crooks, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-7-9-1-28> ; <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-9-1-1-39> ; <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-9-1-1-116> ; <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-9-2-1-45>.

14. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 339.

15. Ibid. P. 339–340.

16. Patent Roll I Henry IV, Item 115. A Calendar of Irish Chancery Letters, 1244–1509 / Ed. by P. Crooks, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-7-1-1-115> ; *Ellis S. G.* The struggle for control of the Irish mint, 1460–1506 // Proceedings of the Royal Irish Academy. 1978. Vol. 78c. P. 17–36.

17. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 34.

18. Ibid. 134.

19. Ibid. 136.
20. Ibid. P. 220.
21. Ibid. P. 228.
22. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 237.
23. Ibid. P. 127–128.; The history and antiquities of the collegiate and cathedral church of St. Patrick near Dublin, from it foundation in 1190, to the year 1819 / Ed. by W. M. Mason. Dublin: Printed for the Author, 1820. P. LXXIV.
24. Ibid. P. 89–90.
25. Ibid. P. 112
26. Register of Wills and Inventories of the Diocese of Dublin in the Time of Archbishops Tregury and Walton: from the original manuscript in the library of Trinity College, Dublin, 1457–1483 / Ed. by H. F. Berry. Dublin: University Press for the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1898. P. 120–122.
27. Idid. P. 13–15, 22–23.
28. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 66–68, 149–151.
29. Ibid. P. 4, 34–36, 41–45, 49–50, 68–72.
30. Ibid. P. 18–19.
31. Ibid. Introduction. P. XXXI, 98.
32. Ibid. Introduction. P. XXXV.
33. Ibid. P. 95.
34. Ibid. P. 18–19.
35. Dowdall Deeds / Eds. by C. MacNeill, A. J. Otway-Ruthven. Dublin: Stationery Office for the Irish Manuscripts Commission, 1960. P. 205–207.
36. Patent Roll, 22–23 Henry VIII. Calendar of the Patent and Close Rolls of Chancery in Ireland of the reigns of Henry VIII, Edward VI, Mary and Elizabeth / Ed. by J. Morrin. Vol. I. Dublin, 1861. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/PROI-PUB-Chancery1-12>
37. *Simms K.* The brehons of late medieval Ireland // Brehons, Serjeants and Attorneys: Studies in the History of the Irish Legal Profession / Eds. by D. Hogan and W. N. Osborough. Dublin, 1990. 52–76.
38. Patent Roll 22–23 Henry VIII. Calendar of the Patent and Close Rolls of Chancery in Ireland of the reigns of Henry VIII, Edward VI, Mary and Elizabeth / Ed. by J. Morrin. Vol. I. Dublin, 1861. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/PROI-PUB-Chancery1-12>
39. *O'Neill T.* Merchants and Mariners in Medieval Ireland. Dublin: Irish Academic Press, 1987. P. 95.
40. *Murray L.P.* Archbishop Cromer's Register // Journal of the County Louth Archaeological Society. 1933. Vol. 8. No. 1. P. 43.
41. Register of Wills and Inventories of the Diocese of Dublin in the Time of Archbishops Tregury and Walton: from the original manuscript in the library of Trinity College, Dublin, 1457–1483 / Ed. by H. F. Berry. Dublin: University Press for the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1898. P. 116–118, 125–127, 127–128, 136–138, 102–103.
42. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 281, 331, 352.

43. Register of Wills and Inventories of the Diocese of Dublin in the Time of Archbishops Tregury and Walton: from the original manuscript in the library of Trinity College, Dublin, 1457–1483 / Ed. by H. F. Berry. Dublin: University Press for the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1898. Introduction. P. xxxv.
44. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irishmanuscripts.ie/product/dowdall-deeds/>
45. Dowdall Deeds / Eds. by C. Mac Neill, A. J. Otway-Ruthven. Dublin: Stationery Office for the Irish Manuscripts Commission, 1960. P. 86–87.
46. Ibid.
47. Ibid. P. 52, 62, 141, 215; *Smith B.* Crisis and Survival in Late Medieval Ireland: The English of Louth and their Neighbours, 1330–1450. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 187.
48. Directory of Historic Dublin Guilds / Eds. by M. Clark and R. Re-faüssé. Dublin: Dublin Public Libraries, 1993. P. 11.
49. *Booker S.* An English city? Gaelicization and cultural exchange in late medieval Dublin // *Medieval Dublin X* / Ed. by S. Duffy. Dublin: Four Courts Press, 2010. P. 287–298.
50. *Berry H. F.* The Merchant Tailors Gild-that of St John the Baptist, Dublin 1418–1841 // *Royal Society of Antiquaries of Ireland*. 1918. Vol. 8. No 1. P. 19.
51. *Berry H. F.* The Dublin guild of carpenters, millers, masons, and he-liers in the sixteenth century // *Royal Society of Antiquaries of Ireland*. 1905. Vol. 35. No 4. P. 323–324.
52. *Stubbs W.* The weavers' guild; the guild of the Blessed Virgin Mary, Dub- lin, 1446–1840 // *Royal Society of Antiquaries of Ireland*. 1919. Vol. 9. No 1. P. 61.
53. *Webb J. J.* The Guilds of Dublin. London: Sign of the Three Candles, 1929. P. 25; *Eggerer E.* The guild merchant of Dublin // *Medieval Dublin X* / Ed. by S. Duffy. Dublin: Four Courts Press, 2010. P. 144–159.
54. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 272, 330.
55. Ibid. P. 330–332, 338.
56. *Ó Floinn R.* Irish Goldsmiths' Work of the Later Middle Age // *Irish Arts Review Yearbook*. 1996. Vol. 12. P. 35.
57. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 349.
58. *Ó Floinn R.* Irish Goldsmiths' Work of the Later Middle Age // *Irish Arts Review Yearbook*. 1996. Vol. 12. P. 37.
59. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 356.
60. Ibid. P. 356–358.
61. Ibid. P. 348.
62. Ibid. P. 344.
63. Ibid. P. 348.
64. Ibid. P. 332–337, 340, 345, 347–349, 357–368.
65. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 334, 337, 345; Register of Wills and

Inventories of the Diocese of Dublin in the Time of Archbishops Tregury and Walton: from the original manuscript in the library of Trinity College, Dublin, 1457–1483 / Ed. by H. F. Berry. Dublin: University Press for the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1898. P. 12, 90, 98; *MacLysaght E.* The Surnames of Ireland. Dublin: Irish Academic Press, 1985. P. 197; Patent Roll 30 Henry VI, Item 10. A Calendar of Irish Chancery Letters, 1244–1509 / Ed. by P. Crooks, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-9-30-1-10>

66. Irish Exchequer Payments 1270–1447 / Ed. by P. Connolly. Dublin, 1998. P. 550, 557, 559, 561, 565. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/IMC-1998-ExchequerPayments-103>

67. Patent Roll 3 Henry IV, Item 219, Patent Roll 8 Henry IV, Item 118. A Calendar of Irish Chancery Letters, 1244–1509 / Ed. by P. Crooks, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-7-3-1-219> ; <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-7-8-1-118>

68. Ibid. P. 395.

69. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 273, 331.

70. Ibid. P. 334.

71. Ibid. P. 315, 334.

72. Patent Roll 5 Henry IV, Item 125. A Calendar of Irish Chancery Letters, 1244–1509 / Ed. by P. Crooks, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-7-5-1-125>

73. Patent Roll 3 Henry IV, Item 60. A Calendar of Irish Chancery Letters, 1244–1509 / Ed. by P. Crooks, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-7-3-1-60>

74. *Simms K.* Frontiers in the Irish church: regional and cultural // Colony and frontier in medieval Ireland / Eds. by T. B. Barry, R. Frame, K. Simms. London: Hambledon Press, 1995. P. 184.

75. *Potterton M.* Medieval Trim: History and Archaeology. Thesis for the degree of PhD Department of Modern History National University of Ireland Maynooth. Dublin, 2003. 36 p. P. 124.

76. Calendar of the Patent and Close Rolls of Chancery in Ireland in the Reigns of Henry VIII, Edward VI, Mary and Elizabeth / Ed. by J. Morrin, 2 vols. Dublin, 1861–1862. Vol. I, 1861. P. 32.; *Murray J.* Enforcing the English Reformation in Ireland: Clerical Resistance and Political Conflict in the Diocese of Dublin, 1534–1590. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 85.

77. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 385.

78. Ibid. P. 295, 389.

79. *Murray J.* Enforcing the English Reformation in Ireland: Clerical Resistance and Political Conflict in the Diocese of Dublin, 1534–1590. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 85–86.

80. Calendar of the Patent and Close Rolls of Chancery in Ireland in the Reigns of Henry VIII, Edward VI, Mary and Elizabeth / Ed. by J. Morrin, 2 vols. Dublin, 1861–1862. Vol. I, 1861. P. 32.

81. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. P. 273–274, 279.
82. Ibid. P. 351.
83. Ibid. P. 299.
84. Ibid. P. 299, 324, 317, 334.
85. Ibid. P. 320, 334, 343; *Bairéad E. C.* The bailiffs, provosts and sheriffs of the city of Dublin // *Medieval Dublin XIV* / Ed. by S. Duffy. Dublin, 2014. P. 291.
86. Calendar of the Carew manuscripts, preserved in the archi-episcopal library at Lambeth / Ed. by J. S. Brewer, M. A., and William Bullen. London: Longman, 1871. Vol. V. P. 452.; *Otway-Ruthven A. J.* The native Irish and English law in medieval Ireland // *Irish Historical Studies*. 1950. Vol. 7. No. 25. P. 6; *Smith B.* Crisis and Survival in Late Medieval Ireland: The English of Louth and their Neighbours, 1330–1450. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 192.
87. Register of Wills and Inventories of the Diocese of Dublin in the Time of Archbishops Tregury and Walton: from the original manuscript in the library of Trinity College, Dublin, 1457–1483 / Ed. by H. F. Berry. Dublin: University Press for the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1898. P. 220.

Автор, аннотация, ключевые слова

Лагошина Наталия Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет. 344006, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

ORCID: 0000-0002-7712-3469

lagoshina@sfedu.ru

Статья посвящена изучению интеграции ирландцев в городские сообщества на территории пэрства Ирландия в XIV–XV веках. Данная проблема является актуальной в мировой историографии. В настоящее время существует несколько подходов к определению степени гэльского культурного влияния в Средние века, а также специфики англо-ирландских отношений. Не смотря на разнообразие подходов, среди историков нет единого мнения относительно положения ирландцев в городах Пейла. Впервые в отечественной историографии на основе малоизученных источников автор комплексно изучает политику городских советов в отношении ирландцев, а также степень их интеграции в городах. Основное внимание уделяется экономическим связям и земельным отношениям жителей крупных городов колонии. Изучить особенности взаимодействия англичан и ирландцев, а также выявить социально-эконо-

мические связи жителей колонии позволяют реестры завещаний. Описи земельных участков, которые содержатся в документах семей поселенцев, проливают свет на особенности хозяйственной деятельности колониальной общины и дают возможность определить партнерские отношения среди горожан. Анализ списков патентов и торговых лицензий позволяет установить количество ирландцев, получивших привилегии городского сообщества. Акты ирландского парламента и Коллекция древних записей Дублина отражают законодательство колониальной элиты в отношении ирландских подданных короля. Автор приходит к выводу о том, что ирландцы регулярное участие в социальной и экономической жизни колониальной общины и успешно интегрировались в городские структуры. Эффективность интеграции обеспечивалась благодаря клиентарно-патронажным отношениям, родственным связям и практики поручительства. Городские советы проводили гибкую политику в отношении ирландских жителей, прежде всего, руководствуясь экономическими интересами городов.

Пэрство Ирландия, интеграция ирландцев в XIV–XV веках, городские сообщества, ирландские горожане и бюргеры, ремесленные гильдии, городской Совет, поручительство

Author, Abstract, Key words

Natalia A. Lagoshina – PhD in History, Lecturer, Department of Foreign History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don).

ORCID: 0000-0002-7712-3469 lagoshina@sfsedu.ru

The article is devoted to the study of the integration of the Irish into urban communities in the territory of the Peerage of Ireland in the XIV–XV centuries. This problem is relevant in world historiography. Currently, there are several approaches to determining the degree of Gaelic cultural influence in the Middle Ages, as well as the specifics of Anglo-Irish relations. Despite the diversity of approaches, there is no consensus among historians about the situation of the Irish in the cities of Pale. For the first time in Russian historiography, based on poorly studied sources, the author comprehensively examines the policy of city councils towards the Irish, as well as the degree of their integration in cities. The main focus is on the economic relations and land relations of the inhabitants of the colony's large cities. Registers of wills allow us to study the peculiarities of interaction between the British and the Irish, as well as to identify the socio-economic ties of the colony's inhabitants. The land

inventories contained in the documents of the settler families shed light on the specifics of the economic activities of the colonial community and provide an opportunity to determine partnerships among the townspeople. An analysis of the lists of patents and trade licenses allows us to determine the number of Irish people who have received privileges from the urban community. The acts of the Irish Parliament and the Collection of Ancient Dublin Records reflect the legislation of the colonial elite in relation to the Irish subjects of the king. The author concludes that the Irish regularly participated in the social and economic life of the colonial community and successfully integrated into urban structures. The effectiveness of integration was ensured through client-patronage relations, family ties and the practice of sureties. The city councils pursued a flexible policy towards Irish residents, primarily guided by the economic interests of the cities.

The lordship of Ireland, integration of the Irish in the 14th–15th centuries, urban communities, Irish citizens or burgesses, craft guilds, city council, pledge.

References

1. Annals of the Four Masters. M1504.12-14. [Электронный ресурс]. URL: <https://celt.ucc.ie/published/T100005E/text001.html>
2. Calendar of the Ancient Records of Dublin / Ed. by J. T. Gilbert. 18 vols. Dublin: J. Dollard, 1889. Vol. 1. 529 p.
3. Calendar of the Carew manuscripts, preserved in the archi-episcopal library at Lambeth / Ed. by J. S. Brewer, M. A., and William Bullen. London: Longman, 1871. Vol. V. 574 p.
4. A Calendar of Irish Chancery Letters, 1244–1509 / Ed. by P. Crooks, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/CIRCLE-7-9-1-28>
5. Calendar of the Patent and Close Rolls of Chancery in Ireland of the reigns of Henry VIII, Edward VI, Mary and Elizabeth / Ed. by J. Morrin. Vol. I. Dublin, 1861. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/PROI-PUB-Chancery1-12>
6. Dowdall Deeds / Eds. by C. Mac Neill, A. J. Otway-Ruthven. Dublin: Stationery Office for the Irish Manuscripts Commission, 1960. 416 p.
7. Irish Exchequer Payments 1270–1447 / Ed. by P. Connolly. Dublin, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <https://virtualtreasury.ie/item/IMC-1998-ExchequerPayments-103>
8. The history and antiquities of the collegiate and cathedral church of St. Patrick near Dublin, from it foundation in 1190, to the year 1819 / Ed. by W. M. Mason. Dublin: Printed for the Author, 1820. 478 p.
9. Register of Wills and Inventories of the Diocese of Dublin in the Time of Archbishops Tregury and Walton: from the original manuscript in the library of Trinity College, Dublin, 1457–1483 / Ed. by H. F. Berry. Dublin: University Press for the Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1898. 277 p.

10. Statutes, Ordinances, and Acts of the Parliament of Ireland: King John to Henry V / Ed. H. F. Berry. Dublin: H.M. Stationery Office, 1907. Vol. 1.682 p.

(Articles from Scientific Journals)

1. Bairéad E. C. The bailiffs, provosts and sheriffs of the city of Dublin // *Medieval Dublin XIV* / Ed. by S. Duffy. Dublin, 2014. P. 210–309.

2. Berry H. F. The Merchant Tailors Gild-that of St John the Baptist, Dublin 1418–1841 // *Royal Society of Antiquaries of Ireland*. 1918. Vol. 8. No 1. P. 19–64.

3. Berry H. F. The Dublin guild of carpenters, millers, masons, and heliers in the sixteenth century // *Royal Society of Antiquaries of Ireland*. 1905. Vol. 35. No 4. P. 321–337.

4. Booker S. An English city? Gaelicization and cultural exchange in late medieval Dublin // *Medieval Dublin X* / Ed. by S. Duffy. Dublin: Four Courts Press, 2010. P. 287–298.

5. Eggerer E. The guild merchant of Dublin // *Medieval Dublin X* / Ed. by S. Duffy. Dublin: Four Courts Press, 2010. P. 144–159.

6. Ellis S. G. The struggle for control of the Irish mint, 1460–1506 // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 1978. Vol. 78c. P. 17–36.

7. Frame R. ‘Les Engleysnéesen Irlande’: the English political identity in medieval Ireland // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1993. Vol. 3. P. 83–103.

8. Lydon J. The middle nation // *The English in Medieval Ireland* / Ed. by J. Lydon. Dublin: royal Irish academy. P. 1–26.

9. Murray L. P. Archbishop Cromer’s Register // *Journal of the County Louth Archaeological Society*. 1933. Vol. 8. No. 1. P. 38–49.

10. Otway-Ruthven A. J. The native Irish and English law in medieval Ireland // *Irish Historical Studies*. 1950. Vol. 7. No. 25. P. 1–16.

11. Ó Floinn R. Irish Goldsmiths’ Work of the Later Middle Age // *Irish Arts Review Yearbook*. 1996. Vol. 12. P. 35–44.

12. Simon E. The English Lordship of Ireland and the Irish Sea World: Re-assessing the Origins of the Kildare Ascendancy, c.1390–c.1513 // *The English Historical Review*, ceae207, 2024. P. 2–41.

13. Simms K. The brehons of late medieval Ireland // *Brehons, Serjeants and Attorneys: Studies in the History of the Irish Legal Profession* / Eds. by D. Hogan and W. N. Osborough. Dublin, 1990. P. 52–76.

14. Simms K. Frontiers in the Irish church: regional and cultural // *Colony and frontier in medieval Ireland* / Eds. by T. B. Barry, R. Frame, K. Simms. London: Hambledon Press, 1995. P. 177–200.

15. Stubbs W. The weavers’ guild; the guild of the Blessed Virgin Mary, Dublin, 1446–1840 // *Royal Society of Antiquaries of Ireland*. 1919. Vol. 9. No 1. P. 60–88.

(Monographs)

16. Directory of Historic Dublin Guilds / Eds. by M. Clark and R. Refaüssé. Dublin: Dublin Public Libraries, 1993. 65 p.
17. Ellis S. G. Reform and Revival: English Government in Ireland, 1470–1534. New York: St. Martin's Press, 1986. 236 p.
18. Ellis S. G. Tudor Frontiers and Noble Power: the Making of British State. Oxford: Clarendon Press, 1995. 303 p.
19. Hardiman J. The history of the town and county of Galway, from the earliest period to the present time. Dublin: Printed by W. Folds, 1820. 320 p.
20. Mac Lysaght E. The Surnames of Ireland. Dublin: Irish Academic Press, 1985. 312 p.
21. Murray J. Enforcing the English Reformation in Ireland: Clerical Resistance and Political Conflict in the Diocese of Dublin, 1534–1590. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 370 p.
22. Nicholls K. W. Gaelic and Gaelicised Ireland in the Middle Ages. Dublin: Gill and Macmillan, 1972. 197 p.
23. O'Neill T. Merchants and Mariners in Medieval Ireland. Dublin: Irish Academic Press, 1987. 164 p.
24. Smith B. Crisis and Survival in Late Medieval Ireland: The English of Louth and their Neighbours, 1330–1450. Oxford: Oxford University Press, 2013. 260 p.
25. Webb J. J. The Guilds of Dublin. London: Sign of the Three Candles, 1929. 298 p.

(Thesis for the degree of PhD)

26. Potterton M. Medieval Trim: History and Archaeology. Thesis for the degree of PhD Department of Modern History National University of Ireland Maynooth. Dublin, 2003. 36 p.

М. Баспакова, И.М. Нохрин

**Проект «Моррисон-Надсен» в Афганистане и проблема
национального суверенитета в период правительства Шах
Махмуд-хана (1946-1953 гг.)**

М. Baspakova, I.M. Nokhrin

**The «Morrison-Knudsen» project in Afghanistan and the
issue of National Sovereignty during the Shah Mahmud-Khan
administration
(1946-1953)**

Ключевая особенность XX в. как исторической эпохи, по убеждению многих исследователей, заключается в распространении по всему миру образа жизни, идей, символов и ценностей западной цивилизации. Важнейшие из них – капиталистическая организация экономики и поступательный рост доходов населения. Экономическое благосостояние повсеместно превратилось в универсальное мерило личного успеха, а также важнейший показатель эффективности политики правительств, глав государств и даже в источник национальной гордости¹. Соответственно, неразвитость экономики, бедность населения и доминирование традиционных, т.е. некапиталистических форм организации хозяйства, стало восприниматься свидетельствами отсталости, «нецивилизованности» и, в целом, ущербности той или иной страны, равно как и её правительства и населения². Следуя за этими чрезвычайно распространёнными стереотипами, политики многих азиатских стран в разное время и с разной степенью успеха пытались запустить ускоренную трансформацию экономической системы, дабы обеспечить своей стране более «цивилизованный» статус на мировой арене. Многие из них при этом обращались за помощью к западным советникам. Однако результат далеко не всегда соответствовал ожиданиям. Хотя сегодня хорошо известны положительные примеры проведения экономической модернизации по западному образцу, в том числе, японский и корейский опыт. Но не меньший интерес представляют и неудачи, коих в истории азиатских стран также было немало. Одной из них – проекту компании «Моррисон-Надсен» – выявлению причин его

неудачи и определению значения для истории Афганистана посвящена данная статья.

После Второй Мировой войны афганское правительство полагалось на Вашингтон как на своего главного партнера в вопросах модернизации. Поскольку США, в отличие от многих европейских стран, не понесли значительных потерь и разрушений во время войны, они имели ресурсы для инвестирования в развивающиеся страны. Но, что важнее, они считались ведущей мировой державой, способной поделиться ценным опытом и знаниями.

В свою очередь, Афганистан также привлекал внимание американцев, которые стремились расширить свое влияние в этом стратегически важном регионе. Важность Афганистана для США заключалась не только в его природных ресурсах и потенциальных рынках сбыта, но и геополитическом положении, которое позволяло контролировать ключевые торговые пути и оказывать влияние на соседние страны. Одной из первых попыток наладить сотрудничество стало подписание Кабулом контракта с американской компанией «Моррисон-Надсен» в 1946 г. Соглашение предусматривало строительство комплекса оросительных и дорожных сооружений на юге страны, в частности, в Кандагарской провинции³. Сумма контракта составила 17,4 млн. долл. Договоренности предполагали восстановление и расширение канала Богра, но по какой-то причине не включали строительство плотины. Это упущение стало серьезной ошибкой, так как без плотины канал не мог бы функционировать должным образом в летние месяцы, когда спрос на воду возрастает. Возможно, упущение американцами необходимости строительства плотины было умышленным и направленным на сокращение предварительной сметы. Слишком большие финансовые затраты на строительство могли отпугнуть афганскую сторону от подписания соглашения, а плотина была сложным инженерным объектом, и её сооружение могло оказаться даже дороже всех остальных работ по проекту.

Один из ключевых моментов, указывающий на специфику проекта, раскрыт в исследовании советского учёного Д.Д. Букинич⁴. Опираясь на собственные наблюдения, исследователь выделил два негативных фактора для развития оросительного земледелия в Афганистане: ограниченные водные ресурсы рек и небольшая площадь земель, пригодных для орошения. Причём поля, как правило, располагаются в разделённых друг от друга горных долинах, и их расширение требует длительной и дорогостоящей мелиорации. Д.Д. Букинич подчеркивал, что даже регулирование крупных речных систем, таких как Гильменд или Герируд, не гарантирует мгновенного успеха. Каменистые склоны долин требуют десятилетий, а то и сто-

летий, для подготовки к орошению. Быстрая масштабная ирригация без предварительной мелиорации является невыгодной и может привести к неэффективному использованию ресурсов. Трудно понять, почему специалисты компании «Моррисон-Надсен» не учли все эти особенности на подготовительном этапе проекта.

Как и следовало ожидать, по мере реализации намеченных планов появилась необходимость в расширенных изыскательских работах, а также включения в проект таких масштабных сооружений, как водохранилища Каджаки на реке Гильменд и Аргендаб на реке Аргендаб⁵. К ним добавились водозаборные плотины, разветвлённая сеть магистральных каналов (Богра, Даля, Нади-Али, Марта, Шамана, Дарвина, Захар Шахи и другие) и отдельные ирригационные системы⁶. Проект перестал быть локальным, превратившись в комплексный план развития целого региона. В результате, американские специалисты приступили к пересмотру изначального замысла и, вместо строительства одного лишь канала Богра, всё-таки выбрали более адекватный ситуации подход. Теперь они сосредоточили внимание на создании водохранилища Каджаки и плотины на реке Аргендаб. Эти сооружения могли бы обеспечить стабильное поступление воды в канал Богра в летние месяцы. Однако, с другой стороны, это означало коренное изменение всей концепции проекта и значительно увеличивало его итоговую стоимость. Как справедливо отмечал афганский общественный деятель М. Фарханг, начало строительства без должной финансовой и технической подготовки стало серьёзной ошибкой⁷. Отсутствие детальных геологических исследований, недооценка сложности строительства в специфических климатических и географических условиях Афганистана, неправильный расчёт объемов работ – все это способствовало затягиванию сроков и породило проблему недофинансирования.

В связи с расширением работ в Гильмендской долине Афганистан начал испытывать острый недостаток в иностранной валюте⁸. В течение первых двух лет были истрачены почти все долларовые накопления афганского правительства, находившиеся в то время в американских банках. Новые же поступали медленно, в основном, по мере реализации урожая хлопка. В результате Кабул вынужден был обратиться к США с просьбой о предоставлении ему займа в размере 150 млн. долл.⁹ Однако перед тем, как поставить вопрос о финансовой помощи, афганское правительство предоставило фирме «Моррисон-Надсен» ряд концессий, которые должны были стать основой для будущего экономического роста страны. Согласно публикации иранской газеты «Кияме Иран», в концессию предполагалось сдать нефтяной район Тирпуль, залежи золота и серебра в районе Даринур, район хромовой руды Логара¹⁰.

В 1949 г. правительственная делегация из Афганистана, включавшая министра экономики Абдул Маджида Забули, отправилась в Вашингтон с амбициозным планом экономического развития страны¹¹. Однако Госдепартамент не проявил к нему интереса и отправил афганцев в Экспортно-импортный банк США, который, в свою очередь, также не продемонстрировал энтузиазма. Вместо обсуждения плана А.М. Забули банк предложил лишь профинансировать уже запущенное строительство ирригационного проекта в Гильменде. Сам же Забули выступал против Гильмендского комплекса, затраты на который считал чрезмерными для Афганистана. Министр экономики пытался убедить американских чиновников в необходимости комплексного развития экономики, но столкнулся с непреодолимым сопротивлением. По всей видимости, финансисты были готовы выделить средства лишь на тот проект, в который уже была вовлечена американская компания.

Кажется, странным, но в ходе поездки М. Забули столкнулся с непониманием его замыслов даже со стороны начальства в лице премьер-министра Шаха Махмуда-хана. Тот настойчиво требовал финансирования именно Гильмендского проекта и не добавлять новых планов – кредит должен был укрепить экономические связи с США на их условиях¹². Такой подход глубоко разочаровал М. Забули, убежденного в необходимости взвешенной и комплексной экономической политики, и он был вынужден подать в отставку.

Получение займа оказалось длительным и мучительным процессом. Американская сторона, по мере продвижения переговоров, постепенно снижала сумму кредита, исключая из неё финансирование проектов, не связанных непосредственно с ирригацией в юго-западном Афганистане и финансированием работ «Моррисон-Надсен».

Растущие расходы бюджета привели к резкому сокращению государственной поддержки в других важных секторах экономики. Такая вынужденная экономия одновременно с неадекватно возросшей задолженностью вызвала острую критику и возмущение в афганском обществе. Внутри страны развернулась острая дискуссия относительно эффективности проекта. Некоторые чиновники и общественные деятели считали ирригационные работы «началом новой жизни Афганистана» и подчеркивали успехи Гильмендского проекта, называя его залогом будущего процветания. Другие считали проект экономически нецелесообразным. Они указывали на колоссальные затраты, которые легли тяжким бременем на Афганистан. При этом работы оставались по-прежнему далеки от завершения, что подрывало надежды на орошение и озеленение Гильмендской долины.

К концу 1949 г. ситуация достигла критической точки. Афганистан, истощив свои валютные резервы, столкнулся с требованием иностранной компании о выделении дополнительных 75 млн. долл. на завершение строительства ирригационного комплекса в Гильмендской долине¹³. Эта сумма, по данным афганской стороны, в 4,5 раза превышала первоначально оговоренную в контракте. Раздувание бюджета вызвало бурю негодования в общественно-политических кругах. Общественный деятель М. Фарханг сформулировал суть проблемы: «Почему с самого начала не разобрались в этом строительстве, почему более и менее точно не определили его стоимость...?»¹⁴ Вопрос оставался открытым и терзал афганскую общественность. Прозрачности в расходовании средств не было, что порождало подозрения в неэффективности, а возможно, и в злоупотреблениях.

В 1950 г. депутаты Национального совета потребовали от правительства немедленного расследования и привлечения виновных к ответственности. Давление общественности заставило Национальный Совет Афганистана провести расследование, результаты которого шокировали. Согласно отчету специальной комиссии, компания «Моррисон-Надсен» грубо нарушила свои обязательства. Вместо того чтобы сосредоточиться на реализации проекта, компания использовала выделенные средства для собственных нужд. Расследование выявило строительство роскошного городка с виллами и комфортабельными домами для сотрудников компании под Кабулом¹⁵. Оппозиционно настроенные депутаты национального совета называли это ярким примером циничного пренебрежения интересами афганского населения. В своих выступлениях они подчеркивали вопиющую неорганизованность и непрофессионализм компании. В Национальном Совете звучала постоянная критика правительства в связи со сложившейся ситуацией: «Затраты компании, беспечность и небрежность в хранении имущества, а также безотчетность ответственных учреждений, — являются такими вопросами, которые не могут отрицаться кем-либо, кто видит своими глазами состояние строительных работ на канале Богра в Кандагаре»¹⁶.

После того, как Национальный Совет рассмотрел деятельность компании, в афгано-американских отношениях наметилось некоторое охлаждение. Афганское правительство даже выражало намерение отказаться от дорогостоящих услуг компании. Американские деловые круги, заинтересованные в сохранении своего влияния в Афганистане, пошли на уступки. Дабы не потерять выгодный рынок и престиж на международной арене, США предложили афганскому правительству крупный заем в 21 млн долл. на льготных условиях: срок погашения 15 лет, процентная ставка 3,5% годовых¹⁷. Однако

за внешней привлекательностью скрывались жесткие ограничения. Ключевое условие займа заключалось в обязательном использовании средств на два конкретных направления: завершение ирригационных работ в Гильменде и оплату услуг компании «Моррисон-Надсен». Это, фактически, означало дальнейшую передачу средств в бесконтрольное распоряжение американских строителей. Более того, Афганистан был обязан производить выплаты по займу не традиционными экспортными товарами, такими как хлопок, а регулярными полугодовыми взносами в иностранной валюте¹⁸. Это стало дополнительным бременем для афганской экономики, поскольку требовало проведения сложных финансовых операций.

Используя предоставление займа для давления на Афганистан, США добились продления срока его договора с «Моррисон-Надсен» еще на 6 лет¹⁹. В мае 1950 г. контракт был подписан, а весной 1951 г. к основному договору было добавлено соглашение, значительно расширявшее масштабы работ. В документе были зафиксированы планы увеличения площади орошаемых земель в районах Багра и Нади-Али на внушительные 31 тыс. джерибов²⁰. Освоение столь значительной территории подразумевало масштабную программу переселения безземельных крестьян и кочевников, что, в свою очередь, превращалось в новую проблему.

Учитывая печальный опыт прошедших лет, Афганское правительство на этот раз решило взять строительство ирригационных систем в долине Гильменда под свой строгий контроль. В августе 1950 г. было создано «Управление по освоению земель долины р. Гильменд», которое вскоре, в ноябре 1952 г., получило более авторитетное наименование – «Главное Управление по освоению земель долины Гильменда»²¹. Афганские власти потребовали от иностранной компании сокращения числа американских специалистов и увеличения доли местных кадров. Также они настаивали на ускорении работ по строительству ирригационных систем. Тем не менее, к концу 1950 г. ни одно из запланированных ирригационных сооружений не было завершено. Строительство канала Багра, протяженностью 75 км. затянулось, хотя первая вода по нему прошла еще в апреле того же года²². Результатом стал срыв планов по освоению земель и обеспечению земель безземельных крестьян. В 1950-1951 гг. под сельскохозяйственными культурами было занято всего лишь 3160 джерибов земли (600 Га).

Разочарованное афганское правительство приняло неожиданное решение. Кабул обратился за помощью к ООН, направив письмо с просьбой о содействии в осуществлении «планов развития Гильмендской долины»²³. Этот шаг стал прямым вызовом американской компании и, более того, значительным ударом по престижу США в

регионе. Афганское правительство фактически заявило о несостоятельности американцев как партнеров и о необходимости поиска альтернативных путей решения зачавди. В ответ на это в страну незамедлительно прибыл директор компании «Моррисон-Надсен», мистер Моррисон. После личного посещения и осмотра строек в долинах Гильменд и Аргендаб он сделал малосодержательное заявление, в котором назвал «результаты работы компании в Кандагаре удовлетворительными, по сравнению с результатами, достигнутыми ею в других странах Азии»²⁴. Затем Моррисон попытался успокоить афганцев: «В скором времени их страна, имея много пшеницы, поднимет своё благосостояние..., а в недалеком будущем пшеница станет одним из экспортных продуктов в Афганистане».

В мае 1952 г. завершилось строительство плотин Дахля с электростанцией мощностью в 6,4 тыс квт., водохранилищ Аргендаб и Каджаки, а также работы по сооружению канала Богра²⁵. Однако строительство ирригационных сооружений не оправдало ожиданий. После заполнения водохранилища и начала освоения новых земель, как утверждали афганцы, на близлежащих землях «ничего не росло, а если росло, то быстро гнивало от солончаков». В результате перед афганским правительством вставали новые трудные задачи: проведение работ в водораспределительных и дренажных системах и строительство новых магистральных каналов. В январе 1953 г. представитель Афганистана в ООН Мухаммед Кабир Лудин, выступая по радио в Нью-Йорке заявил, что его стране необходим новый заем в размере 36 млн. долл. «для завершения строительства плотин и ирригационной системы» в Гильменде²⁶. Однако, Вашингтон выделил лишь 18,5 млн. долл.

Растущая внешняя задолженность постепенно начинала сказываться и на других отраслях хозяйства Афганистана. По всей стране наблюдался острый недостаток в продовольственных товарах, в частности, в зерне, что проявилось небывалым ростом цен в 1953 г. Из-за обострившихся внутривполитических и внешнеполитических проблем, а также экономических трудностей в сентябре 1953 г. Шах Махмуд-хан подал в отставку.

Подводя итог, следует сказать, что причин неудачи ирригационного проекта в долине Гильменд было несколько: ошибки в расчётах на ранних этапах планирования, нецелевое расходование средств, неэффективное выполнение работ подрядчиком, в том числе, неоднократное затягивание и срыв сроков завершения отдельных этапов, сложные природно-климатические условия Афганистана. Однако все они складываются в довольно однозначную общую картину: компания «Моррисон-Надсен» откровенно легкомысленно и пренебрежительно отнеслась к своим обязанностям перед афганским

правительством, очевидно, рассматривая отношения с Кабулом в рамках хорошо известных западных цивилизационных смысловых категорий собственного превосходства и якобы неполноценности Востока. Официальная позиция Вашингтона, практически не имела отличий и сводилась к защите и продвижению коммерческих интересов собственных компаний и банков в ущерб зарубежному партнеру. Подобного рода халатное отношение к своим обязанностям, которое «Моррисон-Надсен» продемонстрировала в Афганистане, сложно было бы представить при выполнении работ непосредственно в США. В целом, это являлось проявлением довольно хорошо известной в исследовательской литературе цивилизационной особенности Запада – стремления рассматривать все незападные страны и народы как лишь как средство для обеспечения собственных интересов.

Что же касается афганского правительства, то оно явно не достигло желаемого экономического роста, равно как и не смогло обрести для Афганистана признания в качестве «цивилизированной» страны в глазах западных стран и, в том числе, США, и тем самым, повысить престиж афганцев на международной арене. Вместо этого оно выглядело глубоко несамостоятельным и зависимым от иностранных держав, не имеющим ни сил, ни влияния отстаивать свои интересы перед иностранцами. Беспомощно умоляя американцев и ООН помочь завершить злополучный проект, в который Афганистан вложил огромные средства, монарх и его правительство стремительно теряли престиж и уважение населения.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. Greenfield L. The Spirit of Capitalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.

2. Greenfield L. Nationalism and Modernity // Social Research, 1996, 63 (1). P. 3-5

3. Садриддинов З. Деятельность американской компании «Моррисон-Надсен» в Афганистане (1946-1953 гг.) / в кн.: Ташкентский ун-т им. В.И. Ленина, Новая серия, Вып. 497 Востоковедение, Ташкент, 1975. – С. 146

4. Там же. С. 147

5. Dupree L. Afghanistan. Princeton: Princeton univ. press., 1973 – P. 561

6. Dupree L. Afghanistan. Princeton: Princeton univ. press., P. 561-562

7. “ننطو” (пер. «Ватан»), 1951 № 9 С. 24

8. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВРАН, Крафт+, 2004. – с. 282

9. Afghan resistance: the politics of survival / Ed. by G.M. Karr, J.G. Merriam. -London: Westview press, 1987 - P. 189
10. “ناریامایک” (пер. «Кияме Иран»), 1949 №4 С. 3
11. New York Times, 1949 (April) № 10. С. 15
12. New York Times, 1949 (April) № 10. С.15-16
13. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – с. 284
14. “نطو” (пер. «Ватан»), 1951 № 10 С. 11
15. “قلخیادن” (пер. «Нидаи хальк»), 1951 №6. С.10
16. Там же. С. 10-11
17. American foreign policy: current documents. 1951. Wash.: Dep. Of State, 1955. P. 1381
18. American foreign policy: current documents. 1951. Wash.: Dep. Of State, 1955. P. 1382
19. Department of state bulletin. Wash, 1952. №1836. P.33.
20. Department of state bulletin. Wash, 1952. №1836. P. 35
21. “حالا صا” (пер. «Ислах»), 1952 г., №2 С. 6
22. “قلخیادن” (пер. «Нидаихальк»), 1951 №2. С.4
23. Poullada L. Afghanistan and the United States: The Crucial Years. -The Middle East Journal. Volume 35, Number 2, Spring 1981, p. 181.
24. “سینا” (пер. «Анис»), 1951 г., № 4 С. 6.
25. “سینا” (пер. «Анис»), 1953 г., № 5 С.18.
26. “سینا” (пер. «Анис»), 1953 г., № 5 С.18. С.20

Авторы, аннотация, ключевые слова

Баспакова Мадина – аспирант, специалист отдела научных публикаций и неперIODических изданий, Балтийский Федеральный университет имени И. Канта (Калининград)

ORCID: 0009-0008-0492-7010

mbaspakova@kantiana.ru

Нохрин Иван Михайлович – к.и.н., доц., доц. кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск)

ORCID:0000-0001-6319-3661

ivan-nokhrin@yandex.ru

В статье на основании малоизученных газет и рассекреченных американских документов рассматривается реконструкция сельского хозяйства Афганистана, реализовывавшейся в рамках инициативы американской строительной компании Моррисон-Надсена во второй половине 1940-х гг. Нацеленная на модернизацию инфра-

структуры Афганистана, она включала ирригационные и дорожные работы с общим бюджетом в 17,4 млн. долл. Несмотря на амбициозные цели – в течение четырех лет построить канал Богра и создать комплекс оросительных и дорожных сооружений в бассейне реки Гильменд – проект столкнулся с серьезными противоречиями. Впервые в отечественной историографии уделяется внимание проблеме афганского национального суверенитета в период премьер-министра Шах Махмуд-хана. Целью работы является выявление, в том числе, и с использованием теоретико-методологических принципов цивилизационного подхода, причин неудачи проекта. Авторы приходят к выводу, что внешняя политика премьер-министра Шах Махмуда оказалась неэффективной. Его стремление сблизиться с США не увенчалось успехом, и поставило под сомнение репутацию афганского правительства и правящей монархии. Отток капитала и зависимость от импорта подрывали экономическую стабильность, что способствовало росту социального недовольства. Неудачи в сельском хозяйстве были обусловлены отсутствием эффективной аграрной политики и принудительными изъятием зерна. Это привело к застою и низкому качеству продукции.

Моррисон-Надсен, экономика, национальный суверенитет, Организация Объединенных Наций, Гильмендский проект, Шах Махмуд-хан.

References

1. Greenfield L. The Spirit of Capitalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.
2. Greenfield L. Nationalism and Modernity // Social Research, 1996, 63 (1). P. 3-5
3. Sadriddinov Z. Activities of the American company «Morrison-Nadsen» in Afghanistan (1946-1953) / in the book: Tashkent University named after V.I. Lenin, New series, Vol. 497 Oriental Studies, Tashkent, 1975. - P. 146 – 155 (in Russian)
4. Dupree L. Afghanistan. Princeton: Princeton univ. press., 1973 – P. 561
5. Korgun V.G. History of Afghanistan. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Kraft+, 2004. – 529 p. (in Russian)
6. Afghan resistance: the politics of survival / Ed. by G.M. Karr, J.G. Merriam. -London: Westview press, 1987 - P. 189
7. Poullada L. Afghanistan and the United States: The Crucial Years. - The Middle East Journal. Volume 35, Number 2, Spring 1981, p. 181.

Newspapers

1. “نَـطـو” (trans. “Vatan”), 1951 No. 9 P. 24 (in Dari)

2. “ناریامایک” (trans. “Kiyame Iran”), 1949 No. 4 P. 3 (in Persian)
3. New York Times, 1949 (April) № 10 C. 15
4. “قلخیادن” (trans. «Nidai Khalq»), 1951 №6. C.10 (in Dari)
5. “حالصل” (trans. «Islah»), 1952 r., №2 C. 6 (in Pashto)
6. “سینا” (пер. «Anis»), 1953 r., № 5 C.18(in Pashto)

USA National Archives

1. American foreign policy: current documents. 1951. Wash.: Dep. of state, 1955. P. 1381
2. Department of state bulletin. Wash, 1952. - №1836. - P.33.

Authors, Abstract, Key words

Baspakova Madina – postgraduate student, specialist in the department of scientific publications and non-periodical publications, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)
ORCID: 0009-0008-0492-7010 mbaspakova@kantiana.ru

Nokhrin Ivan Mikhailovich – Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof. of the Department of Political Science and International Relations, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)
ORCID:0000-0001-6319-3661 ivan-nokhrin@yandex.ru

This article examines the reconstruction of Afghan agriculture, effectuated by the American construction firm Morrison-Knudsen in the latter half of the 1940s, based on under-researched periodicals and declassified U.S. documents. Aimed at modernizing Afghanistan's infrastructure, it encompassed irrigation and road construction projects with a total budget of \$17.4 million. Despite ambitious objectives – constructing the Bogra channel and establishing a complex of irrigation and transportation infrastructure in the Helmand River basin within four years – the project encountered substantive contradictions. For the first time in domestic historiography, attention is given to the issue of Afghan national sovereignty during the premiership of Shah Mahmud-Khan. The objective of this study is to ascertain, also utilizing theoretical-methodological principles of the civilizational approach, the causes of the project's failure. The authors conclude that Shah Mahmud's foreign policy proved inefficacious. His endeavor to establish closer relations with the U.S. was unsuccessful and undermined the reputation of the Afghan government and the ruling monarchy. Capital outflow and

import dependence eroded economic stability, thereby fostering social discontent. Failures in agriculture were attributable to the absence of an effective agrarian policy and the compulsory appropriation of grain, resulting in stagnation and diminished product quality.

The Morrison-Knudsen Corporation, economics, national sovereignty, United Nations, Helmand River Valley Project, Shah Mahmud-Khan.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ Events and destinies

DOI: 10.54770/20729286-2025-3-280

Б.Л. Митруев

Сведения о путешествии калмыцкого Бааза-багши в биографии Далай-ламы XIII¹

Mitruev B. Leonidovich

Information about the journey of the Kalmyk Бааза-багши in the biography of the 13th Dalai Lama

В калмыцкой литературе, наряду с историческими повествованиями, существует корпус текстов, которые соответствуют средневековой литературной традиции путевых заметок. Эти тексты документируют путешествия в крупные религиозные и политические центры, такие как Китай, Тибет и Монголия. Одним из примечательных и сохранившихся примеров этого жанра является путевой отчет Баазы Менкеджуева, гелюнга из Малодербетовского улуса, более известного как Бааза-багши. Его работа предлагает редкую перспективу от первого лица о путешествии калмыцкого паломника в Тибет и содержит ценные этнографические и культурные наблюдения конца XIX – начала XX веков.

До недавнего времени информация о пребывании Бааза-багши в Тибете ограничивалась его собственным рассказом, и в тибетоязычных источниках не было найдено никаких подтверждающих свидетельств. В настоящем исследовании этот пробел устранен путем изучения упоминаний о Бааза-багши в биографии (тиб. *rnamthar*) 13-го Далай-ламы Тубтен Гьяцо (тиб. *thub bstan rgya mtsho*, 1876–1933), написанной на тибетском языке. Эти отрывки дают новые сведения о количестве аудиенций, которые получил Бааза-багши, датах его визита и содержании его встреч с Далай-ламой.

Это открытие имеет важное историографическое значение для Калмыкии. Оно не только обогащает повествование о религиозной

¹Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

и дипломатической миссии Бааза-багши, но и подтверждает более широкую традицию: включение встреч с иностранными паломниками в биографическую литературу Далай-лам. Такие ссылки подчеркивают международный характер тибетского буддийского мира и роль Далай-ламы как межрегионального духовного авторитета. Подтверждение визита Бааза-багши как в калмыцких, так и в тибетских источниках позволяет лучше понять калмыцко-тибетские отношения и способствует изучению межрегиональных буддийских сетей.

Рис. 1. Бааза Менкеджуев. Фото Г. Дж. Рамстедта. Семь путешествий на Восток, 1898–1912: среди черемисов, калмыков, монголов, в Туркестане и Афганистане.

Бааза Менкеджуев родился в 1846 году в Малодербетовском улусе в калмыцкой семье, связанной с Дунду-хурулом Малодербетовского аймака. Как старший сын в большой семье – его отец был отцом десяти детей от двух жен – Бааза происходил из рода, который обладал значительным религиозным авторитетом в регионе¹.

Семья Менкеджueвых пользовалась широким уважением среди малодербетовских калмыков и за их пределами, во многом благодаря духовным достижениям представителей этой семьи. Его дед, Чжалцан-багши, был уважаемым настоятелем монастыря Дунду-хурул и основал линию духовной преемственности. Точно так же дядя Баазы, Бальчир-багши, приобрел репутацию исключительной эрудиции; его толкования и учения привлекали *хувараков* (начинающих монахов или младшее духовенство) из соседних *улусов*, подчеркивая его статус регионального авторитета в буддийской доктрине².

Дунду-хурул сам по себе функционировал не только как религиозный центр, но и как культурный и художественный хаб. Он был особенно известен как центр иконописной школы, место сосредоточения художников *зурачи* – традиции калмыцкого религиозного искусства. Первый иконописец Дунду-хурула создал изображения четырех Белых Тара, которые Бааза-багши позже передал в Российскую академию живописи³. В Дунду-хурул производили и великолепно украшенные расписные деревянные столы, известные на калмыцком языке как *ширя*, украшавшие монастырские алтари⁴.

Рождение Баазы Менкеджueва в столь выдающейся клерикальной среде обеспечивает важный контекст для понимания его более позднего выдающегося положения в религиозной и общественной жизни Калмыкии. Религиозный капитал, накопленный его семьей, вероятно, определил как его доступ к монашескому образованию, так и его последующее положение уважаемого учителя и влиятельной фигуры в более широком калмыцком буддийском сообществе.

Полное светское имя Бааза-багши было Бадма, в семье же родители и родственники звали его в детстве уменьшительно-ласкательным Бааза, и с тех пор это прозвище утвердилось за ним на всю жизнь. Благодаря работе А.М. Позднеева нам также известно его монашеское имя – *Лобсан Шараб*.

В возрасте семи лет Бааза Менкеджueв был официально приобщен к монашеской жизни, когда его отправили в монастырь Дунду-хурул. Официально он получил свидетельство на свой первый духовный сан, *манджи*, 23 октября 1879 г., что ознаменовало начальный этап монашеского рукоположения в рамках калмыцко-тибетской буддийской традиции. Это раннее посвящение отражает как обычную практику ухода за священнослужителями в наследственных монашеских родословных, так и культурные ожидания, возлагаемые на многообещающую молодежь в религиозных семьях. В 1886 г. он был утвержден послушником, *гецулем*, а в 1895 г. полностью посвященным буддийским монахом, *гелюнгом*⁵.

В «Списке хурулов в северной части Малодербетовского улуса» сказано, что База/Бадма/Менкедженовым постановлением от 4

апреля 1895 г. утвержден в звании старшего бакши 1-го Сангак-Чонкорлинг большого хурулова, исходящая грамота № 24. Также сказано, что его возраст в 1898 году был 52 года⁶. Данная запись представляет тибетское название Дунду-хурула, в котором служил Бааза-багши – *Сангак-Чонкорлинг* (тиб. *gsangsngagschos 'khorngling*), «Обитель колеса Дхармы тайной мантры».

Дунду-хурул был одним из старейших передвижных монастырей в Калмыкии, весной и летом он кочевал по урочищам Зельмин Адык и Салин Кеке-Усун, а зимой располагался недалеко от озера Ханата⁷. Хурул обслуживал шабинеров, баргасов, туктунов роды, а также прихожан Большедербетовского улуса и донских калмыков⁸. В конце 1930-х годов в Малодербетовском улусе насчитывалось 24 хурула. В течение первой половины XX в. российское правительство приняло ряд законов, подчиняющих калмыцкий народ имперскому правлению. Согласно этим же законодательным актам, численность калмыцкого духовенства и хурулов подлежала сокращению, а также регулировалось строительство церквей и основание новых хурулов. Согласно «*Положению об управлении калмыцким народом*» (23 апреля 1847 г.), Шаджин-лама калмыцкого народа Гелик (тиб. *dgelegs?*) был вынужден закрыть восемь хурулов в этом улусе в 1856 г.⁹ Со второй половины XX в. контроль за деятельностью калмыцкого духовенства был ужесточен. В 1887 году, Лама сообщили в Главное управление, что в Дунду-хуруле числится 36 учеников, а поулусу в целом их было 273¹⁰.

Проявляя заметную интеллектуальную любознательность и способность к обучению, Бааза быстро продвинулся в учебе. Он приобрел знания в основных областях буддийской догматики и исполнения ритуалов, заложив основу для своей дальнейшей роли уважаемого наставника буддийской доктрины. Его образование не ограничивалось схоластикой; в юности Бааза также проходил специализированное обучение тибетской медицине, обучаясь у известного *эмчи* (врача) Джамцо-гелунга¹¹. Такое приобщение к медицинским знаниям, основанным на канонических текстах и эмпирической практике, было обычным дополнением к религиозному образованию среди высокопоставленного духовенства, особенно тех, кто, как ожидается, будет выполнять как духовную, так и терапевтическую роль в своих общинах.

Семейные узы позволили Бааза-багши пользоваться сокровищами библиотеки Дунду-хурула, и он читал все хранящиеся в ней произведения: исторические памятники, письма. Здесь он ознакомился с документами, свидетельствующими о связи калмыков с Тибетом. В предисловии к «Сказанию о хождении в Тибетскую страну» А.М. Позднеев пишет, что среди письменных исторических

памятников, хранившихся в Дунд-хуруле находилась Далай-ламская грамота, выданная калмыкам еще в период посольства Галдан-Церена в 1756 г. На самом деле эта грамота была выдана посланнику дербетского нойона Галдан-Церена Табка-гецулю (тиб. *Thabs mkhas dge tshul*), который посетил Тибет вместе калмыцким посольством хана Дондук-Даши к Далай-ламе VII в 1756 г. Во втором томе «Краткого изложения биографии Далай-ламы VII „Сноп деревьев, исполняющих желания“» (тиб. *rgyal ba'i dbang po thams cad mkhyen gzigs rdo rje 'chang blo bzang bskal bzang rgya mtsho dpal bzang po zhal snga nas kyi rnam par thar pa mdo tsam brjod pa dpag bsam rin po che'i snye ma*), написанном Чангкья Ролпе Дордже (тиб. *lcang skya rol pa'i rdo rje*; 1717–1786) упоминается «Табка, посланник дербетского владельца Галдан-Церена»¹².

Интересно отметить, что в письмах дербетского нойона Галдан-Церена его имя пишется на ойратском «ясном письме» тодо бичиг *skal ldan cering*¹³ или *Galdan cering*¹⁴.

В ойратском тексте грамоты, опубликованном А. М. Позднеевым – *dga' ldan cereng*¹⁵, и в биографии Далай-ламы VII – *dga' ldan tshe ring*¹⁶. Вероятно, правильно написание его имени – *skal ldan cering*, которое ошибочно было записано в тибетских документах *dga' ldan tshe ring*.

А. М. Позднеев предисловии к «Сказанию о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши»¹⁷, также Н. Н. Пальмов в «Этюдах по истории приволжских калмыков»¹⁸ идентифицируют Джиджетена (Чжичжэтэна) с дербетским владельцем Галдан-Цереном, но такое отождествление ошибочно. Галдан-Церен, потомок Далай-тайши и сын Лабан Дондука (тиб. *Lha dbang don grub*), умер в 1764 г. в Петербурге¹⁹, оставив после себя сына Цебек-Убаши, умершего в 1774 г. также в Петербурге²⁰. Таким образом, маловероятно, что Галдан-Церен мог быть Джиджетен-бакшой, также известным как Джиджетен-лама, которого в преданиях называют «восемнадцатилетним гецелом Джиджетен, гелюнгом Джиджетен, маленьким манджи»²¹. Информация об этом посольстве из биографии 7-го Далай-ламы подробно рассмотрена нами в другой статье²².

После того, как Бааза-багши узнал о грамоте Далай-ламы, стремление совершить паломничество к священным местам Тибета и выразить почтение Далай-ламе стало постоянной и глубоко усвоенной духовной целью. Видение такого путешествия все больше занимало мысли Баазы, формируя как его религиозное воображение, так и будущие амбиции.

Осуществление своей главной мечты – паломничества в далекий и малоизвестный Тибет – Бааза-багши предпринял 5-го числа калмыцкого месяца Курицы (что приблизительно соответству-

ет августу) 1891 г. вместе со своими спутниками манджи Личжи Идэруновым и калмыком-простолюдином Дорчжи Улановым²³. Огромную материальную и финансовую помощь в этом нелегком начинании им оказал правящий нойон Малодербетовского улуса Церен-Давид Тундутов, который не только субсидировал, но и устроил пышные проводы, а затем и встречу паломников²⁴.

Проведя в пути более двух лет, путешественники испытали множество трудностей, связанных с «влиянием атмосферы» или «болезнью застоя крови», другое название горной болезни, наймом верховых и вьючных животных, поиском проводников и закупкой провизии.

Так, близ Лхасы Бааза-багши заболел: «...грудь мою вспучило, дыхание усилилось, снизу как будто поднимались газы, печень страдала, в теле, в костях, в мясе не было места, которое бы не болело...»²⁵. Бааза-багши больше не мог ходить. Думая, что умирает, он отдал своему спутнику Дорджи Уланову все свои вещи и поручил его тибетскому монаху Джинбе, сойбону тибетского Бариду-гэгэна. Бааза-гелюнг, поставив диагноз, начал лечить себя: заварил черный чай, налил в него немного коньяка и вспотел. Выпив бульон из свежей баранины, он принял лекарство *сурукцзан дзучжик* (тиб. *srog 'dzin bci gcig*). *Сурукцзан дзуджик* или *сокдзин чучик* («Держатель жизни из одиннадцати компонентов») – тибетское растительное лекарственное средство. В его состав входят: *Aquilaria agallocha*, *Myristica fragrans*, *Melia composita*, *Bambusa textilis*, *Shorea робуста*, *Saussurea lappa*, *Terminalia chebula*, *Mesua Ferrea*, *Eugenia caryophyllata*, сердце яка, *Ferula jaeschkeana*. Оно оказывает сильное обезболивающее действие при болях, вызванных воздействием ветра. Затем он обжарил соль на сливочном масле и нанес ее на печень на ночь. После этих процедур он проснулся на следующее утро практически здоровым²⁶. В своих записках о путешествии он пишет, что причиной его болезни была не только окружающая среда («атмосферное влияние»), но и незнакомая пища: «Проживая в своих кочевьях, мы не переносили таких трудностей, как питаться черным чаем, кушаньями из вяленой крошеной говядины и просом, да при этом еще двигаться каждый день, без остановки»²⁷. Известно, что калмыки перед началом любого дела обращались к *зурхачи* (астрологу) и узнавали благоприятные дни для любого важного дела, такого как отправление в дальнейшее путешествие и т.д. Так, в Урге одному из спутников Бааза-багши, Л. Идэрунову, Богдо-гэгэн и высшие ламы не рекомендовали продолжать его путешествие – «если пойдет он в долгое путешествие, дальнюю дорогу, – заболит»²⁸, после чего Л. Идэрунов остался в Урге.

Во время своего пребывания в Их Хуре в Монголии Бааза-багши получил от Йонзон-хамбо (тиб. *yongs 'dzin mkhan po*) несколько посвящений: «Посвящение пяти форм Манджушри» (тиб. *'jam dbyangs lha lnga'i dbang*), «Разрешение в виде вверения жизненной силы Защитника Пяти Тел» (вид передачи, обычно связанный с гневными божествами-защитниками) (тиб. *sku lnga'i srog gtad rjes nang*), «устную передачу Гурупуджи» (тиб. *bla ma mchod pa'i lung*) и «посвящение долгой жизни Амиртаяса» (тиб. *tshe dpag med kyi tshe dbang*)²⁹.

Здесь необходимо заметить, что А. М. Позднеев ошибочно исправляет Бааза-багши в примечании: «Аюкайн-цэбан» – странное, хотя довольно часто встречающееся в литературе, соединение калмыцкого слова «аюкайн» с тибетским «цэван». Разбирая это последнее *tshedbang*, мы находим, что вторая половина *dbang* есть уже объясненное слово «ван», т. е. известный религиозный обряд, приравненный нами к посвящению; первая же половина *tshe* представляет собою начальный слог имени *tshe dpag med* обозначающего того же Аюку (Шмидт, Тиб. Сл. стр. 459). Автору, очевидно, следовало, если хотел он говорить по-монгольски, сказать *ayukaŋin abišiq* а если хотел употребить тибетское название, то достаточно было слова *čebang*³⁰.

На самом деле, тибетское *цэван/цэбан* (тиб. *tshedbang*) обозначает любое посвящение долгой жизни, которых множество. Данное посвящение служит для того, чтобы продлить жизнь верующему посредством какого-либо божества долгой жизни, каковым может быть Амитаяс, Белая Тара, Ушнишавиджая, Белый Чакрасамвара, Желтый Ваджрабхайрава и т.д. Поэтому в термине «Аюкайн-цэбан» слог «цэ» (тиб. *tshe*) обозначает долголетие, а не Амитаяса (тиб. *tshe dpagmed*), как его интерпретирует А.М. Позднеев, поэтому «Аюкайн-цэбан» значит «посвящение долгой жизни Амитаяса».

Перед тем, как мы обратимся к истории путешествия Бааза-багши в Тибет, следует отметить, что хотя согласно А. М. Позднееву, калмыцкий месяц Собаки соответствует августу по западному календарю, месяц Свиньи – сентябрю, месяц мыши – октябрю, и месяц коровы – ноябрю³¹, нет строгой корреляции этих месяцев. В разные годы это соотношение может меняться. Мы знаем, что в калмыцком календаре Зул, годовщина ухода Ламы Цонкапы, приходится на 25-й день месяца Коровы, соответствующий 25-й дню 10-го месяц тибетского календаря. Нам также известно, что в 1892 г. эта дата пришлась на 13 декабря. Таким образом, в 1892 г. калмыцкий месяц Лошади приблизительно соответствовал маю по западному календарю, месяц Овцы – июню, месяц Обезьяны – июлю, месяц Курицы – августу, месяц Собаки – сентябрю, месяц Свиньи – ок-

тября, месяц Мыши – ноябрю, а месяц Коровы – декабрю и т.д. Кроме того, при расчете дат также необходимо учитывать, что Россия перешла с юлианского календаря на григорианский только в 1918 году, и разница составила 12 дней, что также влияет на расчет дат.

26 числа месяца Лошади 1892 г. (приблизительно соответствующего маю) Бааза-багши прибыл в Лхасу и, поклонившись многим святыням, получил благословение самого Далай-ламы³². Кроме того, он совершил поездки в главные монастыри Гандан, Гумбум, на озеро Окон Тенгри и посетил монастырь Нартханг, где находилась типография для печатания Кангьюра и Тенгьюра. Проведя зиму в Лхасе, он отправился в обратный путь и в месяце Курицы 1893 г. (приблизительно соответствующем августу) вернулся в свой родной Дунду-хурул, где, уединившись, начал писать книгу о своем долгом путешествии. Он завершает свою работу следующими словами: *«Да низойдет спасение будды, да утвердятся стопы нашего августейшего Императора, да наслаждаются все одушевленные существа спокойствием и да возродится дух добродетели!»*³³. Мы знаем, что Бааза-багши завершил свое сочинение 17-го числа месяца Мыши 1896 года Огня и Обезьяны³⁴.

Правдивая история о завершенном паломничестве в Тибет вызвала большой интерес не только у калмыков, но и в научном сообществе. Рукопись, как только она была завершена, была приобретена профессором А. М. Позднеевым, который опубликовал ее с переводом и комментариями буквально год спустя под названием *«Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодёрботовского Бааза-бакиши»*. Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета даже счел необходимым посвятить это издание XI Международному конгрессу востоковедов в Париже.

В «Отчете Русского географического общества за 1903 год» Бааза-багшине только назван членом-сотрудником, но также указано, что его рассказы *«Записки эти, кроме интереса, вызываемого простым описанием пройденных мест, имеют еще и то значение, что они являются для европейских ориенталистов первым образцом описательных калмыцких произведений и представляют собою прекрасный пример живого языка современной калмыцкой литературы»*³⁵.

После своего путешествия в Тибет Бааза-багши принимал активное участие в социальной жизни своего народа. Так, он участвовал в выставке «Исторические и современные костюмы», которая проходила в 1902 году в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге. В «Каталог костюмов Астраханских калмыков» его имя, хотя и записанное неверно как *«Менкедженов, Биза, бакиша I большого хурула Малодербетовского улуса»*, упоминается в списке калмыков и хуру-

лов, экспонирующих своими костюмами на выставке³⁶. Имя Бааза Менкеджуева находится и среди тех, кто выразил свое намерение о поездке в Санкт-Петербург³⁷. После выставки 26 марта 1903 г. старший бакша Малодербетовского улуса Бааза Менкеджуева сообщил в Управление, что выражает *«полное согласие на безвозмездное пожертвование всех моих вещей, которые находятся на выставке в Таврическом Дворце в Музей Императора Александра III»*³⁸. Музей Императора Александра III носил это название от создания в 1895 году до 1917 года, позднее он был переименован в Государственный Русский музей. За этот дар Русскому музею он был награжден серебряной медалью «За усердие»³⁹.

Бааза Менкеджуев умер в Минеральных Водах в 1903 году. Его тело было привезено на родину и кремировано нойоном Церен-Давидом Тундутовым в местности под названием «Оран Булг». На месте кремации усопшего был воздвигнут субурган⁴⁰. Снимок этого субургана был опубликован Г. Дж. Рамстедом в книге *«Семь путешествий на Восток, 1898–1912: среди черемисов, калмыков, монголов, в Туркестане и Афганистане»*⁴¹.

Рис. 2. Субурган Бааза-Багиши. Фото Г. Дж. Рамстедта. Семь путешествий на Восток, 1898–1912: среди черемисов, калмыков, монголов, в Туркестане и Афганистане.

Информация из биографии 13-го Далай - ламы

Биография Далай-ламы XIII Тубтен Гьяцо (тиб. *thub bstan rgya mtsho*; 1876–1933) «Ожерелье из удивительных драгоценностей», была написана Пхурбучок Тубтен Джампа Цультим Тендзином (тиб. *phur bu lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin*) является одним из малоисследованных источников исторической информации⁴².

Этот биографический отчет содержит множество исторически значимых деталей. Особого внимания заслуживает ссылка на дарование как круглой, так и квадратной печати партнеру Далай-ламы в философских диспутах, *ценишабу* (тиб. *mtshanzhabs*), Агвану Доржиеву и *Ганджурва-гэгэну* Данзану Норбоеву – событие, подчеркивающее их высокий статус и официальное признание их роли в тибетской и более широких трансрегиональных буддийских иерархиях⁴³.

В своем собственном отчете Бааза-багши описывает только четыре личные аудиенции у Далай-ламы, хотя, возможно, он встречался с ним шесть раз. Далее мы рассмотрим эти встречи в официальной биографии Далай-ламы. Примечательно, что хотя Бааза-багши это повествование содержит никаких упоминаний о даровании Далай-ламой диплома, круглой и квадратной печатей – Далай-ламы биография предоставляет сведения о даровании этих вещей.

Отчет о **первой аудиенции** у Далай-ламы в повествовании Баазы Багши выглядит следующим образом:

«Засим, когда по утру 3-го числа этого месяца собаки пришли мы пешком из Хласы (одно из принятых произношений названия столицы Тибета Лхасы – Б. М.) в Норбу линка, то поклонники были уже в сборе и на поклонении этого дня кланялось человек 300, 400. Наперед их ввели и дали поклониться нам. Поклонников этих обыкновенно заставляют проходить непосредственно друг за другом, а вводящие и сопровождающие их привратники держать в руках длинные, предлинные плети, вводят же и сопровождают люди высокого, превысокого роста. Проведя нас посредине разместившихся вышеописанным образом гэгэна и предстоящих ему прислужников, и поставив перед гэгэном, они заставили нас трижды поклониться, касаясь лбом до земли; а когда мы поднесли своими руками поданный нам мандал, то гэгэн соизволил принять его своими руками и передал стоявшему поблизости сойбуну. Еще поднес я при гусун-туке, по порядку: одного бурхана, одну религиозную книгу и один субурган, а далее положил на стол длинный хадак, 5 лан белого серебра и золотую монету нашего русского царя; засим, когда, сняв шапку, хотел я получить благословение, то гэгэн соизволил положить мне на голову в благословение свои руки. Тотчас же, без замедления, меня провели дальше и допустили к руке сле-

дующего человека. Для предшествоющего (между тем) сойбун свивал кусочек красного или желтого шелка, освящал его дуновением и жаловал ему такой шнурок, под названием “цзангй”. Нас всех посадили перед гэгэном и удостоили остатков чая и рису от кушанья гэгэна. В то же время находящийся при гэгэне переводчик подошел к нам и сказал нам по-монгольски: “гэгэн спрашивает, все ли вы в дороге пришли в добром здравьи и пребываете ли в мире вера и гражданское правление каждой (пройденной вами) страны”? Мы, сидя, отвечали, что приехали благополучно и страны находятся в спокойствии, а потом поклонились. Тот человек передал гэгэну и помимо этого он ничего не спрашивал. Засим гэгэн соизволил преподать пришедшему на это поклонение народу лун на две маленьких священных книги: “д’Галдан-лха-бчжа-ма” и “Пакс-сдодь”»⁴⁴.

По-видимому, поскольку Бааза-багши его товарищи в то время еще не были знакомы с Агваном Доржиевым, которого в повествовании называют Акбан, и, соответственно, не были представлены Далай-ламе, а приняли участие в аудиенции как ординарные верующие, по этой причине запись о его первой встрече с Далай-ламой не была отдельно описана в биографии Далай-ламы. Позже Бааза-багши встретился с бурятом Акбаном или Агваном Доржиевым. Вот что Бааза-багши рассказывает нам об Агване Доржиеве:

«...еще по дороге в Тибет, слышали говор, что (в Хласе) проживает гэгэновский сойбун, монгол, именуемый бурят-Акбан и слышно было, что если этот человек станет знакомым, то он будет очень полезен для монгола; зная это, мы немедленно по прибытии в Хласу, и представились этому человеку. Он очень обрадовался и оказал нам много почестей. Мы сделались очень хорошими приятелями с этим человеком, разговаривали с ним, он руководил нас в каждом нашем деле, а при представлениях далай ламе и номыйн хану этот Акбан отменно указывал и сопровождал нас. Что касается до помещения этого сойбуна, то он проживает в казенном байшине гэгэна и, по рассказам, из людей, говорящих монгольским языком, не выходило еще человека, который так возвысился бы в Тибете, как он. Доложили мы этому Акбан сойбуну и о своих намерениях, которые обдумывали мы еще в родных кочевьях, и о том как шли мы в дороге, и обо всем и просили его направлять как людей, имеющих впоследствии приходиться из наших кочевьев на поклонение в Цзү (калмыцкое название Тибета – Б. М.), так и теперь нас, обитателей страны, из которой уже много лет никто не приходил. Сверх сего мы вдвоем переговорили, что, будучи людьми, прибывшими из далеких мест и, претерпевая лишения, шедшими в течение целого года, мы, по справедливости, должны совершить какую либо отменную добродетель. Доложили этому Акбан-сойбуну и на вопрос к нему, во

что обойдется поднести даньшик гэгэну далай ламы, он отвечал, что это составит расчет в 1000 лан. Тогда мы собрали вещи, которые покупали для приношений и привезли с собою, прибавили к ним из денег, ассигнованных на дорожное продовольствие и, доведя по расчету до 1000 лан, 9-го числа этого месяца собаки поднесли даньшигийн мандал»⁴⁵.

Вторая встреча, состоявшаяся в седьмом тибетском месяце года Воды-Дракона (примерно соответствует сентябрю) описана в биографии Далай-ламы следующим образом:

«Когда Далай-ламе исполнилось 17 лет, в седьмом месяце года Воды-Дракона (1892 г. – Б. М.) <...> Далай-лама принял подношение для создания благоприятной взаимосвязи посредством пышного молебна о долгой жизни через ритуал Уинишавиджайи, поднесенного посланцем дербетского Далай-тайши настоятелем Сангак Чойкорлинг Лобсан-Шарабом, который пригласил установленное количество монахов монастыря Намгьял совершил им подношение»⁴⁶.

В этом отрывке мы можем увидеть, что Бааза-багши назван настоятелем (тиб. *mkhan po*) монастыря. Из русских документов нам известно, что Бааза-багши имел звание старшего багши хурула Сангак Чойкорлинг. Таким образом, можно сделать вывод, что эквивалентом его звания «багша» является тибетское «настоятель». По всей видимости, настоятели хурулов среди калмыков назывались *багша*, что соответствует монгольскому обозначению настоятеля монастыря *ширээт лам*, буквально «держатель трона».

Кроме того, здесь Бааза-багши назван посланником *дербетского Далай-тайши*. Далай-тайши упоминается в повествовании Бааза-багши⁴⁷. Однако здесь речь, скорее всего, идет о *потомке* дербетского Далай-тайши нойоне Давиде Цанджиновиче Тундутове. Дербетский Далай-тайши жил во второй половине XVII века и не мог быть современником Далай-ламы XIII.

Во время второй аудиенции Бааза-багши встретился с Йонгсанг Джамба Ринпоче или Третьим Пурчок Пхурчок Лобсанг Джампа Гьяцо Ринпоче (тиб. *yongs 'dzin phur lcog blo bzang byams pa rgya mtsho*; 1825–1901), который был одним из официальных наставников обоих Далай-ламы.

Кроме того, Бааза-багши совершил подношение *Дэмү-хутху* или *Демо Хутугту Нгаванг Лобсанг Тинле Рабгье* (тиб. *de mo hu thug thu ngag dbang blo bzang 'phrin las rab rgyas*; 1855–1899), который был девятым воплощением Демо Ринпоче и регентом Тибета до правления Тринадцатого Далай-ламы. В 1886 году, когда Тринадцатому Далай-ламе было 11 лет, Демо стал регентом Тибета. Демо был главой монастыря Тенггелинг (тиб. *bstan rgyas gling*). В год Деревянной Овцы (1895 г.) Демо отошел от дел, и Далай-лама был

возведен на трон в качестве духовного и политического правителя Тибета. Он был осужден за заговор против Далай-ламы и казнен в 1899 году.

Во время второй аудиенции Бааза-багши совершил подношение *даньшиг* (тиб. *brtanbzhugs*) или молебна о долгой жизни Далай-ламы.

Отчет о второй аудиенции у Далай-ламы в повествовании Бааза-багши следующий:

«9-го числа этого месяца собаки поднесли даньшигийн мандал гэгэну. Внешняя формы принесения этого даньшигийн мандал сходны с вышеописанными формами поклонений с принесением гусун-тукского мандала, лишнего же есть вот что. В Бодале имеется дацан, приблизительно с 400 хуvaraков, именуемый Намчжал-дацан, на обязанности которого лежит отправлять хурулы у гэгэна. Из числа хуvaraков этого дацана, по мере состоятельности приношителя, приглашают хуvaraков; их заставляют отслужить даньшикский хурул пред гэгэном и, по окончании этого хурула, приводят к поклонению вышеописанным образом. Мы пригласили на этот даньшик сто хуvaraков и заставили их отслужить хурул; на этот хурул прибыли также Дэмү-хутухту с Йонцзан Чжамба-ринбочэ и сели перед гэгэном. Из даньшикских приношении одну третью часть поднесли Дэмү-хутухту, а Йонцзан Чжамба-ринбочэ поднесли 15 лан серебра. Засим, по старому порядку, посадили нас перед гэгэном и пожаловали нам от остатков его кушанья, а еще повесили на шею белый хадак из рук гэгэна. Нам самим последовала милость, от гэгэновского казначейства: пятьдесят лан серебра, три куса тибетского сукна, две лубочных корзины тибетского чая, употребляемого при кушаньях далай ламою и один сверток толстых курительных свечей; от казначейства Номыйн хана: хадак, один кусок сукна, одна лубочная корзинка чая и 25 лан серебра; от Йонцзань чжамба-ринбоче: один хадак; от каждого из них в отдельности: священные рилу, священные снурочки для подвязывания на шею и освященная вода. После того как удостоившись таких милостей, мы вышли, нас пригласили приходить к сегодняшнему полуденному столу и оба мы в большой зале где гэгэн жалует поклонения, вместе с прислужниками гэгэна удостоились принять в пищу вареного мяса, проса и дзамбы (жареной ячменной муки – Б. М.). Гэгэн изволил кушать точно такое же кушанье в особой комнате. Мы удостоились также и остатков его кушанья»⁴⁸.

Во время третьей аудиенции, состоявшейся 8-го числа калмыцкого месяца Свиньи (приблизительно соответствующего 29му сентября) Бааза-багши получил от Далай-ламы посвящение долгой жизни Амитаяса. Вот что он рассказывает об этом:

«8-го числа, отправившись в Норбу-линка, я представился и засвидетельствовал свое почтение бурятскому Акбану. Еще до вышеописанного выхода своего из Хласы, я докладывал этому Акбан-сойбуну о возможности получить Аюкайн цэванъ от гэгэна. После нашего ухода он довел об этом до сведения гэгэна и они решили пожаловать этот “цэванъ” 15-го числа настоящей луны. Услыхав об этом, я пришел домой с радостью»⁴⁹.

Само посвящение состоялось 15-го числа месяца Свиньи:

«15-го числа, когда далай-ламайн-гэгэн соизволил на пожалование посвящения, именуемого Аюкайн-цаван, то, во главе с держащим тибетское гражданское правление Дэму хутухту, сидели тибетские гэгэны, князья, духовные и светские, а равно и монголы; всего сидело нас две, или три тысячи человек и все мы удостоились. Начиная с 16-го числа, когда гэгэн соизволил на пожалование луна Чжад-домба, мы, вместе с предстоящими гэгэну сойбунами, в числе 21-го человека, слушали 5 дней»⁵⁰.

В биографии Далай-ламы сказано, что он согласился даровать это посвящение долгой жизни 14-го числа восьмого тибетского месяца, что соответствует 5-му октября 1892 года. В данном отрывке монашеское имя Бааза-багши – Лобсанг Шараб (тиб. *blo bzang shes rab*) – ошибочно записано как Шадруб (тиб. *bshad sgrub*):

«14-го числа <...> восьмого тибетского месяца <...> в [президенции] Ньюо он изящно установил обе ноги на платформу для подношений. Сразу после этого, все, кто выполняет приказы, начиная с регента, вплоть до конюха, старшие, средние и простые служители, [настоятели] различных монашеских обителей, а также великие ламы и воплощения, все, кто живет благодаря его постоянной доброте, поднесли облака благоприятных подношений. Он даровал благословения и наслаждался светским и религиозным пиршеством шестикратным образом.

В ответ на настойчивые просьбы гелонга Лобсанг Шадрубa, кхенпо [монастыря] Сангаг Чокорлинг, [принадлежащего] тургудским дербетам – одного из отдельных племен монголов, живущих в северном направлении – народа, исполняющего слово [Далай-ламы], связанного веревкой его сострадания на протяжении предыдущих воплощений верховного Предводителя трех миров, несравненный Владыка лама (Далай-Лама – Б. М.), любезно согласился даровать безграничные этапы посвящения и благословения Бхавана Владыки Амитаюса подходящим ученикам. Среди бесчисленных стадий посвящений и благословений этого божества наиболее известной и наделенной особенно мощным благословением является посвящение единственного божества, единственной вазы долголетия, передаваемое от единственной Владычицы Йогинов, Единственной Ма-

тери, Сиддхараджни. Он согласился даровать эти посвящения и благословения на долголетие». ⁵¹

В данном отрывке Бааза-багши назван настоятелем монастыря Сангаг Чокорлинг, принадлежащего тургудским дербетам. В тибетских биографиях и исторических трудах калмыки называются тургудами, поскольку их ханы принадлежали к этому племени. Поэтому «тургудский дурбед» здесь означает «дурбеды калмыцкого народа».

Само посвящение долгой жизни было дарована на следующий день, 15-го числа восьмого тибетского месяца.

Четвертая аудиенция состоялась в день празднования годовщины ухода Ламы Цонкапы 25-го дня 10-го тибетского месяца, что соответствует 13 декабря 1892 года. Эта встреча не описана в «Сказание о хождении в Тибетскую страну» Бааза Багши. Вот его описание в биографии Далай-ламы:

«В десятом месяце <...> принял участие традиционном праздновании годовщины ухода Ламы Цонкапы. Он даровал благословение настоятелю дербетского [монастыря] Чокорлинг и прочим пятидесяти людям, а также дал устную передачу на Сердечную сутру Праджняпарамиты и мантры Защитников трех семейств.» ⁵²

Последняя **пятая встреча** Бааза-багши с Далай-ламой состоялась 5-го числа калмыцкого месяца Дракона, что соответствует 19 февраля 1893 г., вот как она кратко описана в его отчете:

«После сего мы 5-го числа (калмыцкого месяца Дракона – Б. М.) (9-го февраля) отправились на поклонение нового года в Бодалу и поклонились далай-ламайн-гэгэну» ⁵³.

Та же аудиенция, которая состоялась 19 февраля 1893 г., описана гораздо более подробно в биографии Далай-ламы. Здесь мы видим расхождение в два дня между датами, указанными в работе Бааза-багши и биографии Далай-ламы. Хотя оба источника ссылаются на один и тот же месяц, работа Бааза-багши указывает 5-й день, а биография Далай-ламы – 3-й день одного и того же месяца. Хотя А. М. Позднеев в своем переводе приводит дату 9 февраля, согласно биографии Далай-ламы, эта встреча состоялась 19 февраля 1893 г.:

«Когда [Далай-ламе] исполнилось восемнадцать лет, в год Воды-Змеи (1893 г. – Б. М.) <...> третьего числа <...> [первого тибетского месяца] <...> [Далай-лама] даровал благословение дланью прибывшему с прощальным визитом настоятелю [монастыря] Чонкорлин дербетского нутука торгутского [ханства] Лобсанг-Шарабу вместе с окружением, также [Далай-лама] дал угощение чаем, наставления о временном и постоянной добродетели»

детели и пышные прощальные подарки. В особенности, как выражение признания достижений, достигнутых силой возвышенных помыслов, [Далай-лама] даровал полный комплект одежды настоятеля, квадратную и круглую печати, диплом с титулом и множество видов субстанций самайи и благословенных опор. В виде прощального наставления [Далай-лама] с большой радостью даровал устную передачу на “Изложение стадий пути ‘Сущность расплавленного золота’”». ⁵⁴

Интересно, что Бааза Багши не поминает то, что Далай-лама даровал ему две печати. Более того, Шамба Балинов в своей статье «О княжеском роде Тундутовых» пишет, что: «... Сам Далай-Лама, в знак особого своего благоволения, подарил Тундутову свою особую печать («вечная виза») перед обладателем которой в любое время ворота Лхассы были открыты»⁵⁵. По всей видимости, здесь имеется в виду одна из печатей, которые Далай-лама дал Бааза-багши. Вероятно, после прибытия на родину, Бааза-багши отдал одну или обе печати Церен Давиду Тундутову. Хотя мы не знаем, как выглядели эти печати, вероятно, квадратная печать была схожа с печатью Ганджурва-гэгэна, которая также была выдана Далай-ламой XIII. Изображение этой печати можно увидеть в каталоге выставки «Совершенство традиции: произведения буддийского бурятского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа (XIII – начала XX вв.)»⁵⁶. К сожалению, судьба данных печатей неизвестна.

Возможно, что Бааза-багши встретился с Далай-ламой в **шестой раз** непосредственно перед отъездом. Бааза-багши описывает краткую встречу с гэгэном, ранее этим титулом именовался Далай-лама:

«...засим 28-го числа (3-го марта) я представился и поклонился гэгэну, причем удостоился получить освященной воды, благословение, кумир будды Шачжамуни, священную книгу в одном томе и проч»⁵⁷.

Эта встреча не упоминается в биографии Далай-ламы. Возможно, что это не было записано из-за его краткости.

Таким образом, биография Далай-ламы является источником важных исторических данных, ценных для исследователей истории Тибета. Кроме того, это важный источник информации о калмыцком паломнике Бааза-багши и его посещении Лхасы и встречи с Далай-ламой.

Данное исследование является не только полезным для изучения истории Калмыкии, но и для дальнейшего исследования и, возможно, перевода биографии 13 Далай-ламы, так как отрывки об этих встречах с Бааза-багши возможно полно и верно перевести только имея знание о Калмыкии и ее реалиях того времени.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. Позднеев А. М. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С.IV.
2. Там же. С. IV–V.
3. Батырева С. Г. Калмыцкая национальная школа культовой скульптуры и живописи // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста, 1987. С. 43.
4. Там же.
5. Позднеев А. М. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. V.
6. НА РК. Ф. И-9. Оп. 11. Д. 1410. Л. 52
7. Батыров В.В. Кочевья хурулов и родов Калмыцкой степи в конце XX в. // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2007. С. 70.
8. Орлова К. В. Дунду хурул и Бааза-багши // Бааза-багши и его духовное наследие. Коллектив авторов. Элиста, 2013. С. 13.
9. Дорджиева Г. Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII–начало XX вв.). Элиста, 2012. С.112–113.
10. Орлова К. В. Дунду хурул и Бааза-багши // Бааза-багши и его духовное наследие. Коллектив авторов. Элиста, 2013. С.14.
11. Позднеев А. М. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. V.
12. lchang skya rol pa'i rdo rje. rgyal dbang sku phreng bdun pa blo bzang bskal bzang rgya mtsho'i rnam thar dpag bsam rin po che'i snye ma stod cha («Биография Владыки Победоносных седьмого [Далай-ламы] Лобсанг Келсанг Гьяцо “Связка драгоценностей, исполняющих желания”». Том 1). rgyal dbang sku phreng rim byon gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 С. 315.
13. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 107. Л. 482; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 107. Л. 942, 944; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 457.
14. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 107. Л. 722, 724, 1267, 1268, 1361; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 347. Л. 112; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351. Л. 32а; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 366. Л. 94.
15. Позднеев А. М. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. VI.
16. lchang skya rol pa'i rdo rje. rgyal dbang sku phreng bdun pa blo bzang bskal bzang rgya mtsho'i rnam thar dpag bsam rin po che'i snye ma stod cha («Биография Владыки Победоносных седьмого [Далай-ламы] Лобсанг Келсанг Гьяцо “Связка драгоценностей, исполняющих желания”». Том 1). rgyal dbang sku phreng rim byon gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 С. 315.

17. Позднеев А. М. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. XI.
18. Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 164.
19. Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт: В 2-х книгах. Элиста, 1993. С. 234.
20. Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 86.
21. Болдырева И. М., Алимаа А. Предания о паломничестве Джиджетен в Тибет (сравнительный анализ разновременных записей) // Монголоведение. 2019. № 2. С. 291; Митруев Б. Л. Печать Дондук-Даши // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 56.
22. Митруев Б. Л. Печать Дондук-Даши // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 39–69.
23. Позднеев А. М. Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. 123.
24. Позднеев А. М. С. 122.
25. Позднеев А. М. С. 190.
26. Позднеев А. М. С. 191.
27. Позднеев А. М. С. 188.
28. Позднеев А. М. С. 138.
29. Позднеев А. М. С. 133–134.
30. Позднеев А. М. С. 134.
31. Позднеев А. М. С. XIV.
32. Позднеев А. М. С. 201.
33. Позднеев А. М. С. 251.
34. Позднеев А. М.
35. Отчет императорского Русского географического общества за 1903 год, СПб., 1904. С. 7.
36. Каталог костюмов Астраханских калмыков: на состоящей под Августейшим покровительством Её Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны, Первой Международной Выставке исторических и современных костюмов и их принадлежностей в С.-Петербурге, с приложением статьи «Одежда и ремесла Астраханских калмыков» / Изд. Управления Калмыцким народом. Астрахань, 1902. С. XIX.
37. Мучаева И. И. Кочевая культура в международном выставочном пространстве: калмыцкая экспозиция в Таврическом дворце // Кунсткамера. 2022. 4(18). С. 120.
38. Мучаева И. И. С. 123.
39. Бембеев Е. В. Наследие Бааза-Багши в контексте возрождения буддизма в Калмыкии // Бааза-багши и его духовное наследие. Коллектив авторов. Элиста, 2013. С. 9.
40. Бембеев Е. В.
41. Ramstedt G. J. Seven Journeys Eastward, 1898–1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols, and in Turkestan, and to Afghanistan. Bloomington, 1978. С. 243.

42. phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin. sku phreng bcs gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Первая часть). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010.

43. *Митруев Б. Л.* О печатях Агвана Доржиева и Данзана Норбоева // *Mongolica*. Том XXVII, № 3, 2023. С. 104–114.

44. *Позднеев А. М.* Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. 208.

45. *Позднеев А. М.* С. 211–212.

46. phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin. sku phreng bcs gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Первая часть). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 С. 359.

47. *Позднеев А. М.* Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. 121.

48. *Позднеев А. М.* С. 212–213.

49. *Позднеев А. М.* С. 223.

50. *Позднеев А. М.* С. 225–226.

51. phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin. sku phreng bcs gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Первая часть). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 С. 362.

52. *Там же.* С. 366.

53. *Позднеев А. М.* Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. 246.

54. phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin. sku phreng bcs gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Биография XIII Далай-ламы Тубтен Гьяцо. Первая часть). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 С. 368.

55. *Балинов Ш. Н.* О княжеском роде Тундутовых // *Ковыльные волны*. 1936. № 13–14. С. 42.

56. *Елихина Ю. И., Митруев Б. Л.* Печать Ганджурва-гэгэна // *Елихина Ю. И. Совершенство традиции: произведения буддийского бурятского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа (XIII – начала XX вв.)*. Улан-Удэ, 2024. С. 112.

57. *Позднеев А. М.* Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетовского База-бакши. СПб., 1897. С. 247.

Автор, аннотация, ключевые слова

Митруев Бебмя Леонидович – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН

ORCID ID: 0000-0002-1129-9656

bemitruiev@yahoo.com

В статье исследуется присутствие калмыцкого буддийского монаха и паломника Бааза-багши (Баазы Менкежуева) в тибетской биографии 13-го Далай-ламы Тубтена Гьяцо (тиб. *thub bstan rgya mtsho*; 1876–1933), проливая новый свет на ранее недостаточно изученные аспекты калмыцко-тибетских религиозных отношений. Хотя собственное повествование о путешествии Бааза-багши – «Сказанию о хождении в Тибетскую страну» – долгое время служило ключевым источником о его паломничестве в Тибет с 1891 по 1893 год, до недавнего времени в тибетских источниках не было найдено никаких подтверждающих свидетельств. Благодаря тщательному филологическому и историческому изучению биографии Далай-ламы «Ожерелье чудесных драгоценностей», написанной Пхурбучок Тубтен Джампа Цултрим Тендзином, это исследование выявляет и анализирует подробные ссылки на визиты Бааза-багши, его взаимодействие с Далай-ламой и почести, которые он получил, включая долгосрочные посвящения и официальные печати.

Статья предлагает детальное изображение Бааза-багши как религиозного представителя и культурного эmissара калмыцкого народа. В ней документируется значительная поддержка, которую он получил от калмыцкой знати, в частности от нойона Малодербетовского улуса, и исследуется его укорененность в давней семейной линии буддийских священнослужителей, связанных с монастырем Дунду-хурул – одним из самых выдающихся религиозных и художественных центров Калмыкии того времени. Работа также помещает путешествие Бааза-багши в более широкую традицию буддийского паломничества и дипломатии, подчеркивая важность повествования от первого лица в дореволюционной калмыцкой литературе и роль тибетских биографических текстов (тиб. *rnam thar*) как богатых источников для реконструкции межрегиональных исторических сетей.

Вводя в диалог тибетские и калмыцкие источники, статья вносит вклад в растущий объем исследований мобильности буддийских практиков во Внутренней Азии и культурных потоков, которые сформировали религиозный и политический ландшафт позднего Цин и границ Российской империи. Она также подчеркивает необходимость междисциплинарных методологий, объединяющих историческую, текстовую и лингвистическую экспертизу, особенно в случаях, связанных с многоязычной и кросс-культурной документацией. В конечном счете, это исследование углубляет наше понимание духовных связей между Тибетом и Калмыкией и подчеркивает роль паломничества как средства как для личного религиозного удовлетворения, так и для трансрегиональной связи в буддийском мире.

Бааза-багши, калмыцкий буддизм, Далай-лама, калмыцкая степь, Тибет, путевые заметки, буддийское паломничество, калмыцко-тибетские отношения, трансрегиональные буддийские сети

Mitruiev B. Leonidovich – Candidate in History, Junior Researcher, Kalmyk Scientific Center of the RAS

ORCID ID: 0000-0002-1129-9656

bemitruiev@yahoo.com

This article investigates the presence of the Kalmyk Buddhist monk and pilgrim Baaza-Bagshi (Baaza Menkezhuev) in the Tibetan-language biography of the 13th Dalai Lama, *Thubten Gyatso* (Tib. *thub bstan rgya mtsho*; 1876–1933), shedding new light on previously understudied aspects of Kalmyk-Tibetan religious relations. While Baaza-Bagshi's own travel narrative – *The Tale of the Journey to the Tibetan Land* – has long served as a key source on his pilgrimage to Tibet from 1891 to 1893, until recently, no corroborating evidence had been found in Tibetan sources. Through a careful philological and historical examination of the Dalai Lama's biography, *A Necklace of Marvelous Jewels*, authored by Phurbuchok Thubten Jampa Tsultrim Tendzin, this study identifies and analyzes detailed references to Baaza-Bagshi's visits, his ritual interactions with the Dalai Lama, and the honors he received, including long-life initiations and official seals.

The article offers a nuanced portrayal of Baaza-Bagshi as both a religious representative and cultural emissary of the Kalmyk people. It documents the significant support he received from Kalmyk nobility, particularly the noyon of the Maloderbetovskii ulus, and explores his embeddedness in a longstanding family lineage of Buddhist clerics linked to the Dundu Khurul monastery—one of the most prominent religious and artistic centers of Kalmykia at the time. The work also situates Baaza-Bagshi's journey within the broader tradition of Buddhist pilgrimage and diplomacy, emphasizing the importance of first-person narrative in pre-revolutionary Kalmyk literature and the role of Tibetan biographical texts (Tib. *rnam thar*) as rich sources for reconstructing interregional historical networks.

By bringing Tibetan and Kalmyk sources into dialogue, the article contributes to the growing body of research on the mobility of Buddhist practitioners across Inner Asia and the cultural flows that shaped the religious and political landscape of the late Qing and Russian imperial frontiers. It also underscores the need for interdisciplinary methodologies combining historical, textual, and linguistic expertise, particularly in cases involving multilingual and cross-cultural documentation. Ultimately, this study deepens our understanding of the spiritual ties between Tibet and Kalmykia and highlights the role of pilgrimage as a vehicle for

both personal religious fulfillment and transregional connectivity in the Buddhist world.

Baaza-Bagshi, Kalmyk Buddhism, Dalai Lama, Kalmyk steppe, Tibet, travelogue, Buddhist pilgrimage, Kalmyk-Tibetan relations, Transregional Buddhist networks

References

1. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S.IV.
2. Batyreva S.G. Kalmyckaya nacional'naya shkola kul'tovoj skul'ptury i zhivopisi // Voprosy istorii lamaizma v Kalmykii. Elista, 1987. S. 43.
3. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. V.
4. NAR K. F. I-9. Op. 11. D. 1410. L. 52
5. Batyrov V.V. Kochev'ya hurulov i rodov Kalmyckoj stepi v konce HH v. // Problemy etnogeneza i etnicheskoy kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov. Elista, 2007. S. 70.
6. Orlova K.V. Dundu hurul i Baaza-bagshi // Baaza-bagshi i ego duhovnoe nasledie. Kollektiv avtorov. Elista, 2013. S. 13.
7. Dordzhieva G.Sh. Buddizm Kalmykii v veroispovednoj politike Rossijskogo gosudarstva (seredina HVII–nachalo HH vv.). Elista, 2012. S.112–113.
8. Orlova K.V. Dundu hurul i Baaza-bagshi // Baaza-bagshi i ego duhovnoe nasledie. Kollektiv avtorov. Elista, 2013. S.14.
9. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. V.
10. lcang skya rol pa\i rdo rje. rgyal dbang sku phreng bdun pa blo bzang bskal bzang rgya mtsho\i nram thar dpag bsam rin po che\i snye ma stod cha («Biografiya Vladyki Pobedonosnyh sed'mogo [Dalaj-lamy] Lobsang Kelsang G'yaco "Svyazka dragocennostej, ispolnyayushchih zhelaniya"». Tom 1). rgyal dbang sku phreng rim byon gyi mdzad nram. Beijing, 2010 C. 315.
11. NAR K. F. I-36. Op. 1. D. 107. L. 482; NAR K. F. I-36. Op. 1. D. 107. L. 942, 944; NAR K. F. I-36. Op. 1. D. 323. L. 457.
12. NAR K. F. I-36. Op. 1. D. 107. L. 722, 724, 1267, 1268, 1361; NAR K. F. I-36. Op. 1. D. 347. L. 112; NAR K. F. I-36. Op. 1. D. 351. L. 32a; NAR K. F. I-36. Op. 1. D. 366. L. 94.
13. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. VI.
14. lcang skya rol pa\i rdo rje. rgyal dbang sku phreng bdun pa blo bzang bskal bzang rgya mtsho\i nram thar dpag bsam rin po che\i snye ma stod cha («Biografiya Vladyki Pobedonosnyh sed'mogo [Dalaj-lamy] Lobsang Kelsang G'yaco "Svyazka dragocennostej, ispolnyayushchih zhelaniya"». Tom 1). rgyal dbang sku phreng rim byon gyi mdzad nram. Beijing, 2010 C. 315.
15. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. XI.

16. Pal'mov N. N. Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelah Rossii. Astrahan', 1922. C. 164.
17. Batmaev M.M. Kalmyki v XVII–XVIII vekah: Sobytiya, lyudi, byt: V 2-h knigah. Elista, 1993. C. 234.
18. Pal'mov N.N. Ocherk istorii kalmyckogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelah Rossii. Astrahan', 1922. C. 86.
19. Boldyreva I.M., Alimaa A. Predaniya o palomnichestve Dzhidzheten v Tibet (sravnitel'nyj analiz raznovremennykh zapisej) // Mongolovedenie. 2019. № 2. S. 291; Mitruiev B. L. Pechat' Donduk-Dashi // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN. 2022. № 2. S. 56.
20. Mitruiev B. L. Pechat' Donduk-Dashi // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN. 2022. № 2. S. 39–69.
21. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. 123.
22. Otchet imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1903 god, SPb., 1904. C. 7.
23. Katalog kostyumov Astrahanskikh kalmykov: na sostoyashchej pod Avgustejskim pokrovitel'stvom Eyo Imperatorskogo Vysochestva Velikoj Knyagini Ksenii Aleksandrovny, Pervoj Mezhdunarodnoj Vystavke istoricheskikh i sovremennykh kostyumov i ih prinadlezhnostej v S.-Peterburge, s prilozheniem stat'i «Odezhdha i remesla Astrahanskikh kalmykov» / Izd. Upravleniya Kalmykim narodom. Astrahan', 1902. C. XIX.
24. Muchaeva I.I. Kochevaya kul'tura v mezhdunarodnom vystavochnom prostranstve: kalmyckaya ekspoziciya v Tavricheskom dvorce // Kunstkamera. 2022. 4(18). C. 120.
25. Bembeev E.V. Nasledie Baaza-Bagshi v kontekste vozrozhdeniya buddizma v Kalmykii // Baaza-bagshi i ego duhovnoe nasledie. Kollektiv avtorov. Elista, 2013. S. 9.
26. Ramstedt G.J. Seven Journeys Eastward, 1898–1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols, and in Turkestan, and to Afghanistan. Bloomington, 1978. S. 243.
27. phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Biografiya XIII Dalaj-lamy Tubten G'yaco. Pervayachast'). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010.
28. Mitruiev B.L. O pechatyah Agvana Dorzhieva i Danzana Norboeva // Mongolica. Tom XXVII, № 3, 2023. C. 104–114.
29. Pozdneev A. M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. 208.
30. phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Biografiya XIII Dalaj-lamy Tubten G'yaco. Pervaya chast'). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 S. 359.
31. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. 121.
32. phur lcog thub bstan byams pa tshul khrims bstan 'dzin. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Biografiya XIII

Dalaj-lamy Tubten G'yaco. Pervaya chast'). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 S. 362.

33. Pozdneev A.M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. 246.

34. phur lcog thub bstan byams pa tshul khirms bstan 'dzin. sku phreng bcu gsum pa thub bstan rgya mtsho'i rnam thar. stod cha (Biografiya XIII Dalaj-lamy Tubten G'yaco. Pervaya chast'). rgyal dbang sku phreng rim byin gyi mdzad rnam. Beijing, 2010 S. 368.

35. Balinov Sh.N. O knyazheskom rode Tundutovyh // Kovyl'nye volny. 1936. № 13–14. S. 42.

36. Elihina Yu.I., Mitruiev B.L. Pechat' Gandzhurva-gegena // Elihina Yu. I. Sovershenstvo tradicii: proizvedeniya buddijskogo buryatskogo iskusstva iz kollekcii Gosudarstvennogo Ermitazha (XIII – nachala XX vv.). Ulan-Ude, 2024. S.112.

37. Pozdneev A. M. Skazanie o hozhdenii v tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baza-bakshi. SPb., 1897. S. 247.

Р. Ходжагельдыев

Сквозь призму забвения: Жизнь Эне Гельдыевой, туркменской женщины, встретившейся со Сталиным

R. Hojageldiyev

Through the Prism of Oblivion: The Life of Ene Geldyeva, a Turkmen Woman Who Met Stalin

XX век стал для Туркменистана и всего туркменского народа временем невероятных перемен. На протяжении более чем за семидесятилетний период страна как часть Советского Союза пережила бурный период развития, озаглавленный как впечатляющими достижениями в экономике, культуре и общественной жизни, так и серьёзными испытаниями. Однако анализ исторического опыта позволяет заключить, что в целом позитивные трансформации преобладали над негативными аспектами.

В постсоветской историографии стран Центральной Азии активно обсуждается роль региона как «хлопковой житницы», обеспечивавшей сырьём текстильную промышленность европейской части СССР. Со времен царской администрации хлопок рассматривался как стратегическое сырьё, и его значение сохранялось вплоть до распада Советского Союза. В связи с этим производству хлопка уделялась особое государственное внимание: разрабатывались специализированные госпрограммы, выделялись значительные инвестиции для создания ирригационных систем. Кроме прочего, руководители партии и государства щедро награждали хлопковые хозяйства, лично встречались с передовыми тружениками производства.

В публичном пространстве широко распространены фотографии одной из таких встреч – совещания передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства Советского государства, состоявшегося 4 декабря 1935 года и запечатлённого кремлёвскими фотографами Ф. Кисловым и Калашниковым. Особый интерес вызывает снимок, на котором Иосиф Сталин даёт автограф одиннадцатилетней пионерке Мамлакат Наханговой из колхоза Сталинабадского района Таджикской ССР, отличившейся на уборке хлопка (Рисунок 1).

Рисунок 1. И.В. Сталин даёт автограф участнице совещания передовиков хлопковых полей Э. Гельдыевой, председателю Фарабского райисполкома Туркменистана (справа), слева стоит М. Нахангова, одиннадцатилетняя пионерка из Таджикистана

Имя М. Наханговой, участницы стахановского движения, самой юной и первой среди пионеров кавалера высшего ордена СССР – Ордена Ленина стало широко известно по Советскому Союзу. В её честь слагали поэмы (Мирзо Турсун-заде, «Солнце страны») и создавались скульптуры. Однако другая, менее известная героиня этой исторической фотографии, Эне Гельдыева, оказалось незаслуженно забытой.

Эне Гельдыева была в числе первых туркменок-активисток, внёсших большой вклад процесс раскрепощения женщин Туркменистана. Тем не менее, несмотря на её насыщенную биографию и весьма солидный послужной список, имя этой женщины практически не упоминается в научной литературе, посвященной данной проблематике. Академик Биби Пальванова, крупный исследователь женского движения, автор нескольких научных работ об эмансипации женщин¹, только в одной монографии использовала

цитату Э. Гельдыевой о трудовых подвигах женщин². Многие другие авторы вообще не сочли нужным включить её имя в своих работах³. Аналогичная ситуация наблюдается и в нескольких коллективных монографиях⁴.

При описании биографии Э. Гельдыевой в настоящей статье мы опирались на разнообразные источники. В первую очередь, это были газетные материалы, среди которых особенно ценным оказался очерк А. Караваева⁵. Предполагается, что Караваев будучи в хороших отношениях с героиней своего рассказа, написал его со слов самой Эне, что делает этот источник уникальным. Дополнительные сведения были получены из Туркмено-советской энциклопедии⁶ и книги по истории Сакарского района⁷, где Эне Гельдыева родилась, работала и жила большую часть своей жизни. Часть сведений удалось получить от людей, лично знавших Эне в последние годы её жизни. Важно отметить, что информация о ранних годах Гельдыевой иногда расходилась в разных источниках. Для достижения максимальной достоверности, изложенные сведения были проанализированы с использованием сравнительного метода исторических исследований.

В 1920-е годы в СССР активно проводилась государственная политика, направленная на переосмысление роли женщин в обществе. Целью этой политики было освобождение женщин от части обязанностей, предоставление им доступа к образованию и равных возможностей в трудовой деятельности. При этом «женщины Востока», включая жительниц Туркменистана, рассматривались как наиболее угнетённая категория населения, чья жизнь на протяжении веков регламентировалась нормами исламского шариата и обычного права (адата). Кампания «освобождения» женщин в разной степени повлияло на судьбы многих представительниц женского пола, сыграв заметную роль в их вовлечении в общественную жизнь и ликвидации пережитков прошлого.

Эти коренные перемены оказали прямое влияние и на жизнь Эне Гельдыевой. Она родилась 1906 году в селе Карамахмыт Сакарского района, входившего тогда в состав Чарджоуского бекства Бухарского эмирата (ныне Лебапский велаят, Туркменистан)⁸. Следует отметить, что в ряде историографических и архивных источников её имя фигурирует как «Энеджан». Данный вариант включает суффикс «джан», который в туркменском языке традиционно используется для придания имени ласкательного оттенка. Нередко туркмены сокращают имена, используя только их первую часть, что, вероятно, и произошло в данном случае.

Детство Эне Гельдыевой прошло в малообеспеченной семье. Её отец, Овезгельды был дехканином и зарабатывал на жизнь тя-

жёлым трудом на полях, стараясь обеспечить свою семью. В начале прошлого века социально-экономическое положение крестьян в Бухарском эмирате ухудшилось из-за неурожая и многочисленных налогов. Эти обстоятельства часто приводили к безвыходным ситуациям. Тяжелое материальное положение вынудило главу семейства бросить свои родные места и переезжать в Байрамали, Мервский уезд Закаспийской области Туркестанского края Российской империи, в 200-х километров к западу от Сакара, где проживало много его соплеменников. Там он батрачил у местного бая по имени Ходжаныяз, который предоставил ему заем.

Вскоре бай потребовал возврата долга, угрожая расправой. Осознав, невозможность получить деньги от батрака, он вынудил Овезгельды выдать свою 9-летнюю дочь Эне замуж за 55 летнего Гутлы Язмурада из села Узынгатла, что, по сути, являлось продажей дочери. Эне стала третьей женой в семье⁹.

По версии Караваева, Гутлы бай похитил девочку, когда она купалась в арыке со сверстниками. Хотя её отец, Овезгельды, был осведомлён о намерениях бая, он, по всей видимости, не ожидал столь прямого акта похищения. Узнав о произошедшем, Овезгельды и мать Эне, Айныяз немедленно отправились к баю и провели всю ночь ожидая встречи с ним. На следующий день Гутлы бай выехал из дома верхом на коне, и когда Айныяз бросилась к нему под коня, умоляя вернуть дочь, он ударил её ногой в грудь. И по Караваеву, Эне стала не третьей, а четвертой женой Гутлы бая¹⁰.

Однако, при анализе этого фрагмента, важно учитывать, что образ Гутлы бая в произведении Караваева, вероятно, значительно политизирован, а его жестокость – преувеличена. Это вполне соответствует советской идеологии классовой борьбы, в рамках которой образы баев традиционно представлялись исключительно негативными и воплощали собой абсолютное зло. Данное предположение подтверждается и явными нестыковками в самом очерке: например, несмотря на столь жестокое угнетение, Эне будучи замужем за баем, демонстрирует удивительную свободу действий, спокойно встречается с активистами комсомола и других общественных организаций, а также активно участвует в их мероприятиях. Более того, противоречивым выглядит и образ отца Эне: от изначального сожаления и желания освободить дочь он, согласно очерку, переходит на сторону Гутлы бая, становясь пособником в мучениях собственной дочери и жены. Эти внутренние противоречия указывают на возможное влияние идеологических установок на формирование персонажей и событий в описании Караваева.

Однажды в дом Эне под видом продавщицы красок пришла женщина-пропагандистка, по имени Огульныяз. Шепотом и с боль-

шой осторожностью она рассказала, что на самом деле работает на заводе и может помочь Эне сбежать от мужа¹¹. По версии Караваева, Огульныйяз была давней подругой Эне, и пришла навестить её, а также оказать помощь как член комсомола. Несмотря на то, что первые попытки Огульныйяз оказались безуспешными, этот контакт стал поворотным для Эне. Она узнала о Советской власти, о правах женщин, которые ею гарантировались, и начала активно участвовать в так называемом «кружке женщин» в своём селе¹².

Однажды, после жестокого избиения со стороны мужа, Эне сбежала к арыку и горько плакала. Там её встретила Маша – русская женщина, оказавшаяся женой начальника местной милиции. Именно Маша познакомила Эне с Александрой Ковалёвой, руководителем женского отдела районного комитета партии. Ковалёва, используя своё влияние и возможности, помогла Эне сбежать от мужа в город Мары и начать новую жизнь.

В начале 1920-х годов развернулась активная пропаганда, направленная против тяжелого положения женщин. В городских поселениях создавались специальные учреждения, позднее известные как «Дома дайханок» (Дома крестьянок), предназначенные для размещения женщин и девушек, сбежавших из своих семей или от мужей. Особое внимание уделялось воспитанию и образованию несовершеннолетних девочек-подростков, ставших жертвами насильственного замужества или сбежавших от своих великовозрастных мужей. Через эти «Дома дайханок» прошли тысячи женщин, где они получали приют, помощь и обучались грамоте. В целях политического просвещения проводились и политбеседы¹³. Впоследствии многие из этих туркменских девочек стали квалифицированными специалистами в различных областях народного хозяйства, просвещения, культуры и искусства, а также активно участвовали в общественно-политической жизни республики.

В Мары Эне посещала курсы ликбеза, проявляя особый интерес к общественной жизни и постепенно вовлекаясь в советское строительство. Общение и знакомство с новыми людьми, обладающими прогрессивными идеями и взглядами на жизнь, способствовали расширению её кругозора появлению желания к самоутверждению. Позднее она вернулась в Чарджоу и активно включилась в работу по раскрепощению женщин.

15 августа 1924 года в присутствии 300 женщин состоялось торжественное заседание 1-й Областной конференции женщин-работниц и домохозяек города Ленинска (название г. Чарджоу в 1924-1927 гг.). На повестке конференции, помимо обсуждения насущных вопросов, значились и организационные моменты – выборы Президиума, Секретариата и мандатной комиссии. Среди девяти человек,

избранных в состав Президиума, наряду с Рахмановой, Чесновой, Шимоновой, Хасановой, Кушматбаевой, Муравьевой, Бурковниковой и Асадулаевой, была и Гельдыева¹⁴. Примечательно, что в протоколе заседания ее фамилия стоит третьей после Чесновой, что свидетельствует о ее заметной роли в данной конференции.

Благодаря активной поддержке влиятельных фигур своего времени Эне Гельдыева получила прекрасное образование. При содействии начальника Главного политуправления Шепилова и секретаря окружного комитета партии Чары Веллекова, будущего известного общественно-политического деятеля республики, она была направлена в тогдашний Полтарацк (современный Ашхабад). Целью поездки были курсы по подготовке работников из числа женского населения при ЦК Компартии Туркменской ССР.

Эти курсы стали настоящей кузницей женских кадров для республики. Здесь обучались многие женщины, которые впоследствии заняли ключевые позиции в общественной жизни, такие как Г. Алиева, Д. Гандымова, О. Суханова, Б. Мурадова и другие. Успешно завершив обучение в январе 1927 года, Эне Гельдыева следующие три года посвятила работе инструктором Чарджуйского окрисполкома¹⁵.

В августе 1929 года её образовательный путь продолжился в Среднеазиатском Коммунистическом университете (далее – САКУ) имени В.И. Ленина при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР. САКУ, по сути, был «высшей среднеазиатской партийной школой», чьей главной задачей являлась подготовка квалифицированных партийных кадров, способных эффективно применять принципы марксизма-ленинизма в социалистическом строительстве. Этот университет с трёхлетним сроком обучения играл ключевую роль в формировании национальных партийных и советских работников для всех среднеазиатских республик. Показательно, что 80% слушателей составляли представители коренных национальностей¹⁶.

1920-1930-е годы стали периодом расцвета САКУ, где получали образование многие видные туркменские деятели, включая женщин. Среди однокурсниц Эне Гельдыевой были туркменки Гынны Гараджаева, Мисгин Алымова, Нурджемал Союнова, с которыми она разделяла тёплые отношения и общую цель – служение своей республике¹⁷. В годы учебы, 1930 году она была принята в ряды Коммунистической партии¹⁸. Окончив университет в 1932 году, Эне Гельдыева возглавила Среднеазиатский Шёлковый институт. Однако из-за острой нехватки национальных кадров её вскоре направили работать на родину. В 1933-1934 годах она руководила женотделом ЦК КП(б) Туркменистана. Её личный жизненный опыт глубоко повлиял на работу: Эне Гельдыева уделяла особое внимание молодым

девушкам и активно участвовала в агитационных кампаниях среди сельского населения, стремясь вовлечь женщин в новую общественную жизнь. Она лично встречалась с женщинами, вдохновляя их своим примером и убеждая в важности активного участия в преобразованиях.

В марте 1934 года она была переведена на должность помощника начальника политсектора МТС по женработе¹⁹. Эта должность также не стала долгосрочной. Уже в декабре того же года Эне Гельдыева заняла пост председателя Фарабского райисполкома, где её заместителем был назначен Фальковский. Этот район находится в Чарджоуском округе, недалеко от Сакарского района, откуда родом была сама Гельдыева. На посту председателя райисполкома она продвигала советские принципы, уделяя особое внимание женскому вопросу. Гельдыева понимала, что вовлечение женщин в общественную жизнь – это не просто директива, а ключ к развитию региона. Авторитет, личная убежденность и знание местного менталитета позволили ей добиться значительных успехов. В январе 1935 года она стала делегатом V Всетуркменского съезда советов, где была избрана в состав Центрального Исполнительного Комитета республики²⁰.

Кульминационным этапом в общественной и трудовой деятельности Э. Гельдыевой стало её участие в совещании передовых колхозников Таджикистана и Туркменистана с руководством Советского Союза. Мероприятие состоялось 4 декабря 1935 года в Кремле и привлекло внимание высших эшелонов власти, включая И. Сталина, В. Молотова, Л. Кагановича, К. Ворошилова, А. Андреева, В. Чубаря и других значимых политических деятелей того периода.

Делегация из Туркменистана включала 33 представителя, в том числе руководителей республики – Председателя СНК К. Атабаева, председателя ЦИК Н. Айтакова, секретаря ЦК КП(б) Я. Попока, а также передовиков производства, председателей колхозов и рядовых тружеников²¹. До основного совещания, 1 декабря, туркменскую делегацию принял Народный комиссар лёгкой промышленности СССР И. Любимов. Роль Э. Гельдыевой в этом процессе была значительной, о чём свидетельствует её фотография, опубликованная в газете «Jaşkomunist» («Молодой коммунист») от 18 декабря, где она изображена сидящей рядом с выступающим Любимовым²².

Согласно сообщениям газеты «Правда», совещание 4 декабря было отмечено выражением энтузиазма со стороны колхозников, которые приветствовали руководителей страны возгласами «ура», «Да здравствует товарищ Сталин!» и продолжительными аплодисментами. Среди ключевых докладчиков от Туркменистана, наряду с председателем колхоза «Большевик» Байрам-Алинского района Ага

Юсуп Алиевым, звеньевой колхоза «Добровольный» Сталинского района Гюль Набат, директором Сталинской МТС Силапом Гаррыбаевым и звеньевой колхоза «Большевик» Байрам-Алинского района Огуль Гозель Бахбит, в числе первых выступила Э. Гельдыева. Отличительной особенностью выступлений Ага Юсупа Алиева и Гельдыевой стало то, что их полные речи, сопровождаемые фотографиями, были опубликованы в газете «Правда»²³. Впоследствии эти материалы были перепечатаны не только в центральных, республиканских и областных изданиях, но и во многих районных газетах по всей стране, что указывает на высокую степень их значимости в официальном дискурсе того времени.

Выступление Э. Гельдыевой характеризуется не только демонстрацией успехов, но и смелостью в освещении существующих проблем. Она начала доклад с описания достижений Фарабского района, подчеркнув при этом ключевую роль женского труда, что коррелировало с озвученной И. Сталиным идеей о «большой силе женщины в колхозе». Гельдыева отметила, что женщины выполняют до трёх четвертей всех работ в районе, включая полевые работы, ковроткачество и шелководство.

Действительно, Фарабский район с силами женщин достиг больших успехов во всех отраслях. 1935 году из 322 звеньевых 223 были женщинами. На примере только одной из них можно судить о производительности труда: Розыгуль Бабыш, бригадир колхоза им. Карла Маркса только за 1935 год лично выработала 447 трудодней. В том году Фарабский район досрочно, 21 октября, выполнил государственный план хлопкозаготовок²⁴.

Важным аспектом выступления Гельдыевой стало акцентирование внимания на ряде проблемных вопросов, несмотря на заявленное изначально намерение затронуть только два. Она выделила три ключевые проблемы:

1. *Ручные мельницы*: Проблема значительных временных затрат женщин на переработку зерна, требующая механизации процесса.

2. *Хошарные работы*: Интенсификация работ по очистке каналов и арыков, выполняемых женщинами в тяжёлых зимних условиях, с запросом на предоставление экскаваторов для механизации. Стоит отметить, что И. Сталин проявил интерес к термину «хошарные работы», что свидетельствует о его неосведомлённости в специфике регионального труда.

3. *Дефицит лесоматериалов*: Проблема проживания населения в устаревших кибитках и мазанках из-за нехватки строительных материалов²⁵.

Выступление Э. Гельдыевой на совещании 1935 года стало не только отчётом об успехах, но и редким примером открытого пред-

ставления проблемных аспектов жизни сельского населения перед высшему руководству страны.

Выступление Э. Гельдыевой имело непосредственные и оперативные последствия. Вскоре после завершения кремлёвского совещания и еще до возвращения туркменской делегации на родину, в адрес Фарабского райисполкома был направлен комплекс материально-технических средств. Этот пакет включал два экскаватора, два комплекта мельничного оборудования, одну землечерпалку, две платформы лесоматериалов и один вагон цемента²⁶.

Дальнейшее распределение полученных ресурсов было осуществлено согласно решению исполнительного комитета. Экскаваторы и землечерпалка были переданы в ведение районного отдела водного хозяйства, что явилось прямым ответом на проблему «хошарных работ» по очистке ирригационных систем, озвученную Гельдыевой. Оборудование для мельниц было распределено между колхозами имени Фрунзе и Карла Маркса, что должно было облегчить трудоёмкий процесс помола зерна, ранее выполнявшийся вручную. Поставка лесоматериалов и цемента предназначалась для улучшения жилищных условий и строительства, решая проблему устаревших кибиток и мазанок.

После своего доклада Э. Гельдыева, представляя колхозниц Туркменистана, вручила И. Сталину символический подарок – ковёр ручной работы с портретом В.И. Ленина. Этот ковёр был создан известным туркменским художником Бяшимом Нур-Али и соткан его супругой Амансолтан Нур-Али. И. Сталин выразил одобрение, произнеся «Замечательно, очень хорошо», и повторил по-тюркски: «Чох-якши! Чох якши!». В свою очередь И. Сталин предоставил автографы двум участникам данного совещания: М. Наханговой из Таджикистана и Э. Гельдыевой из Туркменистана. В частности, Сталин подписал на обратной стороне фотопортрета: «Товарищу Эне Гельдыевой от И. Сталина за хорошую работу. 4/XII – 35 г.»²⁷ Всем участникам совещания были вручены ценные подарки – патефоны с пластинками и золотые часы²⁸.

Совещание 4 декабря получило широкое освещение в советской прессе. Кремлевские фотографии зафиксировали многочисленные моменты мероприятия, которые впоследствии многократно перепечатывались в различных изданиях. На сегодняшний день на сайте Российского государственного архива кинофотодокументов доступно 40 фотографий с данного совещания²⁹, а также имеется видеохроника события³⁰.

Особое внимание следует уделить распространённой фотографии с совещания, где И. Сталин изображён сидящим и расписывающимся, а за ним, слева, стоит М. Нахангова, а справа – Э. Гельдыева.

Во многих источниках, включая Викисклад, подпись к этой фотографии гласит: «И.В. Сталин даёт автограф участнице совещания передовиков хлопковых полей одиннадцатилетней пионерке из колхоза Сталинабадского района Таджикской ССР Мамлакат Наханговой (слева), отличившейся на уборке хлопка».

Однако анализ видеохроники данного события позволяет скорректировать эту атрибуцию. Видеоматериалы показывают, что в момент создания упомянутого снимка И. Сталин подписывал фотографию для Э. Гельдыевой. После получения автографа Гельдыева отошла от вождя. Сцена же, где И. Сталин даёт автограф М. Наханговой, происходила отдельно, и в тот момент они находились вдвоём. Таким образом, распространённая подпись является некорректной и требует уточнения.

Значимость встречи в Кремле для Э. Гельдыевой подтверждается воспоминаниями её дальней родственницы, Абадан Джумамурадовой, учителя средней школы №23 Саятского района Лебапского вelayата. По её свидетельству, в 1980-е годы, проживая по соседству с Гельдыевой, она часто слышала её рассказы об этом событии. Примечательно, что Гельдыева хорошо сохранила и иногда, в особых случаях, использовала патефон, полученный в качестве подарка от И. Сталина.

После возвращения из Москвы Э. Гельдыева продолжила свою трудовую деятельность на прежней должности до 1937 года.

Особый интерес представляет информация, полученная от А. Джумамурадовой, которая свидетельствует о повышенной тревожности Гельдыевой. Она характеризовала Гельдыеву как очень подозрительную личность, испытывающую страх преследований, иногда «боявшуюся собственной тени». Эти воспоминания находят частичное подтверждение в доступных документах. В частности, документ от 19 июля 1936 года, циркулирующий в сети интернет, содержит следующее заключение: «Признать, что проверкой, организованной бюро ЦК, заявление т. Гельдыевой т. Сталину и т. Попок о том, что за нею организована слежка со стороны органов НКВД, райкома и т.д. – не подтвердилось ни в какой мере»³¹. Это отражает общую атмосферу 1930-х годов, эпохи подозрительности и репрессий, характерную для данного исторического периода.

С мая 1937 года Э. Гельдыева перешла на работу в правоохранительные органы. В период с 1937 по 1940 годы она занимала должность помощника прокурора Туркменской ССР, а затем, с 1940 по 1947 годы, работала помощником прокурора Сакарского района³². Последний период её службы пришёлся на годы Великой Отечественной войны, когда её работа приобрела особую значимость. Воспоминания отца Огулбег Овезовой, учителя средней школы №44

города Ашхабада, который работал с Гельдыевой в то время, живо иллюстрируют те непростые годы. Он рассказывал, как они вместе перевозили горючее из города в район. Э. Гельдыева всегда была при оружии, готовясь к возможному нападению. В военное время активизировались как подавленные ранее повстанческие движения, так и обычные грабители, что делало такие поездки крайне рискованными.

Так, во время одной из поездок, появились подозрительные конные фигуры, которые начали их преследовать. Гельдыева несколько раз выстрелила в воздух и направила оружие на незнакомец. Преследователи ретировались.

Последним местом работы Э. Гельдыевой стал отдел культуры Сакарского района, где она заняла руководящую должность. Здесь она работала с 1947 по 1960 годы, вплоть до выхода на пенсию. До кончины в 1993 году жила как в Ашхабаде, так и в Сакаре.

За значительный вклад в развитие страны Э. Гельдыева была отмечена государственными наградами. Она была удостоена ордена «Знак Почета», ряда медалей и Почетной грамоты Президиума Верховного Совета ТССР. Эти награды стали признанием её многолетней самоотверженной работы и преданности делу, символизируя её заметную роль в истории Туркменистана.

Жизнь Эне Гельдыевой, туркменской женщины, чьё имя оказалось незаслуженно забытым в исторической науке, является ярким и многогранным отражением эпохи преобразований в Туркменистане в XX веке. Её биография, воссозданная на основе разрозненных источников, позволяет по-новому взглянуть на процессы раскрепощения женщин Востока, их активного вовлечения в общественную жизнь и вклад в развитие республики. Родившаяся в бедности и ставшая жертвой насильственного брака, Эне Гельдыева представляет собой наглядный пример того, как советская политика эмансипации открыла путь к образованию, профессиональному росту и общественной деятельности для женщин из традиционных обществ.

Выступление Э. Гельдыевой на кремлёвском совещании 1935 года демонстрирует её смелость и способность артикулировать острые социально-экономические проблемы сельского населения перед высшим руководством. Оперативная и адресная реакция властей подчёркивает действенность такого прямого диалога в условиях централизованного управления. Широкое медийное освещение фигуры Э. Гельдыевой свидетельствует о её символической роли в официальном дискурсе. Анализ фото- и видеодокументов позволил внести коррекцию в распространённые исторические подписи, подтвердив факт предоставления ей автографа И. Сталиным наравне с М. Наханговой, что уточняет историческую атрибуцию.

Таким образом, биография Эне Гельдыевой представляет собой ценный материал для изучения процессов формирования советского общества в Туркменистане, роли женского движения и сложностей адаптации личности к доминирующим идеологическим и политическим реалиям. Её история позволяет более полно восстановить картину прошлого, преодолевая пробелы в историографии.

Примечания Notes

1. *Пальванова Б.П.* Дочери Советского Востока. М.: Госполитиздат, 1961; *Её же.* Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщины советского Востока. М.: Наука, 1982; *Пальванова Б.П.* Изменение положения женщин Средней Азии и Казахстана в условиях социализма. М.: Наука, 1972; *Пальванова Б.П.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и раскрепощение женщин. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1957 и др.
2. *Пальванова Б.П.* Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад: «Туркменистан», 1967. С. 223.
3. *Алиева К.* Женщины Советского Туркменистана. Ашхабад: Туркменгосиздат, 1950; *Поладова О.* Женщины Советского Туркменистана в борьбе за подъем экономики и культуры республики. Ашхабад: Ылым, 1975; *Караджаева Г.А.* Из истории просвещения женщины-туркменки. Ашхабад: Ылым, 1984 и др.
4. Женщина в Туркменской ССР. Краткий статистический сборник. Аш., 1960; Великий Октябрь и раскрепощение женщин в Средней Азии и Казахстана. Сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1971.
5. *Караваяев А.* Комсомольц кема лагетирен гызы // Яш коммунист. 1971. 21, 23, 26, 28 января. (На туркменском)
6. Туркмен-совет энциклопедиясы. Т. 2. Ашхабад: Туркмен Совет Энциклопедиясының Баш редакциясы, 1979. С. 227. (На туркменском)
7. *Атанязов С.* Сакар или. Ашхабад: Рух, 1996. (На туркменском)
8. *Атанязов С.* Сакар или. Ашхабад: Рух, 1996. (На туркменском). С. 166.
9. *Атанязов С.* Сакар или. Ашхабад: Рух, 1996. (На туркменском). С. 167.
10. *Караваяев А.* Комсомольц кема лагетирен гызы // Яш коммунист. 1971. 21 января.
11. *Атанязов С.* Сакар или. Ашхабад: Рух, 1996. С. 167.
12. *Караваяев А.* Комсомольц кема лагетирен гызы // Яш коммунист. 1971. 23 января.
13. *Караджаева Г.А.* Из истории просвещения женщины-туркменки. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 20.
14. РГАСПИ, Ф. 62, Оп. 2, Д. 95, л. 173-180. [Электронный ресурс] URL: <https://islamperspectives.org/rpi/items/show/11068> (дата обращения 04.07.2025)

15. Түркмен-совет энциклопедиясы. Т. 2. Ашхабад: Түркмен Совет Энциклопедиясының Баш редакциясы, 1979. С. 227.
16. Айриева Н.А. XII съезд партии и подготовка партийно-советских кадров в ТАССР/ Общественные науки в Узбекистане. 1973. № 4. С. 20.
17. Атанязов С. Сакар или. Ашхабад: Рух, 1996. С. 167.
18. Түркмен-совет энциклопедиясы. Т. 2. Ашхабад: Түркмен Совет Энциклопедиясының Баш редакциясы, 1979. С. 227.
19. [Электронный ресурс] URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1477485600#gsc.tab=0> (дата обращения 04.07.2025)
20. Şuralar Turkmenistan (Советский Туркменистан). 1935, 18 janvar. (На туркменском)
21. Туркменская искра. 1935, 9 декабря.
22. Jaş komunist (Молодой коммунист). 1935, 18 dekabr. (На туркменском)
23. Правда. 1935, 5 декабря.
24. Пальванова Б. П. Октябрь и женщины Туркменистана. Ашхабад: «Туркменистан», 1967. С. 223.
25. Правда. 1935, 5 декабря.
26. Караваяев А. Комсомолың кемалагетиренгызы // Яш коммунист. 1971. 26 января.
27. Правда. 1935, 5 декабря.
28. Правда. 1935, 5 декабря.
29. Совещание хлопкоробов Таджикистана и Туркмении. [Электронный ресурс] URL: <https://photo.rgakfd.ru.office.kaisa.ru/object/479124> (дата обращения 07.07.2025)
30. Не о Сталине (1995) Фильм №62062, 9 частей. Часть 5. Хронометраж: 1:26:49. [Электронный ресурс] URL: <https://www.net-film.ru/film-62062/> (дата обращения 08.07.2025)
31. [Электронный ресурс] URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1477485600#gsc.tab=0> (дата обращения 04.07.2025)
14. Түркмен-совет энциклопедиясы. Т. 2. Ашхабад: Түркмен Совет Энциклопедиясының Баш редакциясы, 1979. С. 227.

Автор, аннотация, ключевые слова

Рустем Ходжагельдыев – преподаватель кафедры истории Туркменистана, Туркменский государственный университет им. Махтумкули (744000, пр-т Великого Сапармурата Туркменбаши, 31, Ашхабад, Туркменистан);

ORCIDID: 0000-0003-3493-7160

hojageldiyevrustem@gmail.com

Статья посвящена исследованию биографии Эне Гельдыевой (1906–1993), туркменской общественной деятельницы XX века, чье имя оказалось недостаточно представлено в современной историографии. Работа анализирует ключевые этапы её жизни, рассма-

тривая их как отражение масштабных социальных и политических трансформаций в Туркменистане в советский период, в частности, процесса раскрепощения женщин Востока и их вовлечения в государственное строительство. Также подробно описывается путь Гельдыевой от тяжёлого детства в малообеспеченной семье и насильственного брака к активной общественной и политической деятельности. Особое внимание уделяется её участию в совещании передовых колхозников в Кремле 4 декабря 1935 года, где она проявила смелость, открыто озвучив проблемы сельского населения перед высшим руководством СССР, включая И. Сталина. Подчёркивается оперативная реакция властей на её выступление, выразившаяся в оказании Фарабскому району необходимой материально-технической помощи. Анализ фото- и видеодокументов позволил скорректировать распространённую историческую неточность.

Статья призвана восстановить имя Эне Гельдыевой в исторической памяти, предоставив комплексный анализ её биографии как элемента истории Туркменистана.

Эне Гельдыева, Туркменистан, советская история, раскрепощение женщин, женское движение, Кремлёвское совещание 1935 года.

Author, Abstract, Key words

Rustem Hojageldiyev – Lecturer at the Department of History of Turkmenistan, Magtymguly Turkmen State University (31, Great Saparmurat Turkmenbashi Avenue, Ashgabat 744000, Turkmenistan);

ORCID ID: 0000-0003-3493-7160

hojageldiyevrustem@gmail.com

This article explores the biography of Ene Geldyeva (1906–1993), a significant 20th-century Turkmen public figure whose name remains underrepresented in modern historical accounts. The work examines key phases of her life, framing them as a reflection of the profound social and political changes in Turkmenistan during the Soviet era, particularly the emancipation of women in the East and their integration into state-building efforts. It details Geldyeva's remarkable journey from a challenging childhood in a low-income family and a forced marriage to active public and political involvement.

Special attention is given to her participation in the meeting of advanced collective farmers in the Kremlin on December 4, 1935. During this meeting, she courageously articulated the problems faced by the rural population directly to the highest leadership of the USSR, including I. Stalin. The article highlights the swift official response to her address,

which resulted in crucial material and technical assistance for the Farap district. Furthermore, an analysis of photographic and video evidence has helped correct a common historical inaccuracy.

This article aims to restore Ene Geldyeva's name to historical prominence by offering a comprehensive analysis of her life as a vital component of Turkmenistan's history.

Ene Geldyeva, Turkmenistan, Soviet history, women's emancipation, women's movement, 1935 Kremlin meeting.

References

1. Ayrieva N.A. XII syezd partii I podgotovka partiyno-sovetskih kadrov v TASSR. [The XII Party Congress and the Training of Party and Soviet Cadres in TASSR.]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1973, no. 4, pp. 16-23. (In Russian)
2. Atanyyazov S. Sakarili. [Sakar people]. Ashgabat, 1996. 216 p. (In Turkmen)
3. Turkmen-Soviet Encyclopedia. Vol. 2. Ashgabat, 1979. 476 p. (In Turkmen)
4. Karadzhaeva G.A. Iz istorii prosveshcheniya zhenshchiny-turkmenki. [From the History of Education for Turkmen Women.]. Ashgabat, 1984. 136 p. (In Russian)
5. Palvanova B. Oktyabr i zhenshchiny Turkmenistana. [October and the Women of Turkmenistan.]. Ashgabat, 1967. (In Russian)
6. Poladova O. Zhenshchiny Sovetskogo Turkmenistana v bor'bezapod'yem ekonomiki i kul'tury respublik. [Women of Soviet Turkmenistan in the Struggle for the Rise of the Republic's Economy and Culture.]. Ashgabat, 1975. 126 p. (In Russian)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Historical discourse

DOI: 10.54770/20729286-2025-3-319

И.Б. Булегенова, И.С. Карабулатова

Искажение историко-культурной памяти в современной киносказке как инструмент геополитического влияния в период новейшей истории (1995-2025 гг.)

I.B. Bulegenova, I.S. Karabulatova

Distortion of historical and cultural memory in the modern film narrative as a tool of geopolitical influence in the period of modern history (1995-2025)

Сегодня наблюдается переосмысление фольклорно-мифологического наследия, и поэтому киносказка, реализующаяся как сказочно-фэнтезийный кинодискурс, зачастую направлена на «тонкую» геополитическую интерпретацию этнокультурного ценностного кода в новых реалиях, что трактуется как инновационный, нейро-эстетический творческий подход к перестройке речеповеденческой матрицы общества через кинематограф и такие другие типы художественного творчества, как театральное искусство,¹ опера² и т.д. По мнению Ю.В. Балакиной, посредством популярной геополитики конструируется воображаемая идентичность⁴ на основе межсемиотического перевода за счет семантических сдвигов в экранизациях сказок, мифов, преданий как неких хранилищ этнокультурной исторической памяти в их метамодернистской пост-интерпретации в жанрах фантастики и фэнтези.⁵ Известная писательница Джоан Роулинг, начиная с первой книги поттерианы в 1997 г., включает в повествование неких фантастических существ – раритетных эндемиков украинских сталебрюхов, которые нуждаются в защите и охране со стороны западного цивилизованного мира. Этот образ фэнтезийных динозавров был перенесен и на киноэкран, в том числе и в последних картинах франшизы «Фантастические твари, и где они обитают» (2016, реж. Д. Йейетс), «Фантастические твари: Тайны Дамблдора» (2022, реж. Д. Йейетс), где геополитический подтекст встроен в сказочно-фэнтезийное повествование.

Киносказка и фэнтези апеллируют к ценностному коду языка и культуры, трансформируя личность кинореципиента, при этом знание устного народного творчества помогает адаптировать устойчивые мифологемы к современной повседневной жизни благодаря ассоциативной силе воображения при восприятии сказочного кинодискурса. В этой связи образы «геополитических врагов» имеют выраженную эмоциональную окраску, что диктуется самими условиями психолого-информационной войны⁶, потому что осуществляется интенсивный поиск новых ключевых символов культурной памяти в современных условиях.⁷

Сказочно-фэнтезийный дискурс оперирует матрицами этносоциокультурного поведения, которые подвергаются сильной трансформации под воздействием внешних факторов нейротаргетинга и социальной инженерии.⁸ Использование мифологических, сказочных образов в современной психолого-информационной войне (типа: орочья правда, эндемичные украинские сталебрюхи / украинские драконы-железобрюхи и др.) базируется на фундаментальной концепции остранения В.Б. Шкловского.⁹ Эта система позволяет оперировать данными разнообразных творческих экспериментов с повествовательными формами культурной памяти, смещая акценты в фокусировке повседневности за счет специфики повествования, трансформируя хронотоп в сторону нестандартных сюжетных и композиционных параметров для усиления влияния на восприятие обыденности, выступая речеповеденческой матрицей в интерпретации сказочно-фэнтезийного кинодискурса.

В современной психолого-информационной войне учитывается важность ключевых параметров этнокультурного ценностного кода патриархальных традиционных обществ, к которым относятся страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Китай, Россия и Казахстан. В связи с этим использование жанра сказок и фэнтези приобретает новый масштаб, определяемый исследователями как геополитическое фэнтези.¹⁰

Так, в украинской экранизации сказки А.С. Пушкина «Руслан и Людмила: перезагрузка» (2018, реж. О. Маламуж), казахстанском фэнтези «Жезтырнак» (2024, реж. А. Матжанов) авторы продвигают идеи «жесткого» феминизма за счет трансформации женских образов, вошедших в ядро ценностного кода этноса, приближая к транснациональному пониманию общечеловеческой картины мира,¹¹ унифицируя этнокультурный идеал женщины, стирая его уникальные черты.

В то же время, с момента своего появления в Китае в 1920-х годах, кинодискурс сам по себе начал воплощать сказку на экране,¹² позиционируясь, прежде всего, как культурный феномен прошлого.

Следует отметить, что кинематограф появился в Китае благодаря русско-китайской интеграции в 1904-1905 годах, постепенно набрав популярность под влиянием китайской культуры «театра теней» благодаря рекламе искусства «живых фотографий», или «электрических теней» (电影, diànyǐng, дяньинь), что изначально актуализировало дискурс киносказки в китайской аудитории. Благодаря такому позиционированию даже в местном документальном кино был отдан приоритет фиксации и репрезентации примеров народного творчества в виде шаманских ритуалов, религиозных песнопений и т.д. (например, кинохроника «Тайлаган, публичное жертвоприношение иркутских бурят-монголов», 1904 г., реж. П. Копцев). Кроме того, первые эксперименты китайского кинематографа также коррелировали с форматом китайского сценического искусства, восходящего к китайской мифологии, с четкой регламентацией сложившегося репертуара ролей, в котором было четыре амплуа героев с распределением по конкретным характеристикам, сочетающим символизм и условность изображаемого действия по возрасту, профессии, полу, социальному статусу. В этом плане показательна одна из первых картин «Чжуан-цзы испытывает свою жену» (1913, режиссеры Б. Поласки, Ли Минвэй) с использованием традиционного распределения ролей в китайском театре, в котором мужчина исполнял главную женскую роль. В этом новаторском фильме мужчина играет женскую роль в соответствии с китайской сценической традицией.¹³ В то же время исследователи указывают на прогрессивный характер этого фильма, поскольку впервые в этом фильме женщина появилась в эпизодической роли горничной.¹⁴

На заре своего рождения кинодискурс использовал сказочные сюжеты, которые впоследствии легли в основу таких жанров, как мистический триллер и фильм ужасов, которые обрели новую жизнь в современных условиях киносказки и фэнтези («Вампиры средней полосы», 2021 – 2022; «Чебурашка», 2023; «Последний богатырь», 2017 – 2024; «Царевна-лягушка», 2025; «Баксы», 2008; «Бременские музыканты», 2024; «По щучьему веленью», 2023 и т.д.). Культура сценической традиции пропаганды продолжилась в современном дискурсе фэнтезийного мюзикла. Так, в мюзикле «Последнее испытание» (2024, композитор А. Круглов, либретто Е. Ханпире) провозглашается своеобразный манифест современного времени: «Героям – подвиг! Подонкам – повод! Юнцам посулим боевую славу! Надежду – нищим! Голодным – пищу! И каждый из них обретёт то, что ищет! Всё даст им война!». При этом образ черного мага Рейстлина Маджере, который настроен ликвидировать любые «нечистые расы», имеет отсылку к фашиствующим лидерам разных эпох, что является особо актуальным в условиях противостояния

России с недружественными странами и взаимными обвинениями в применении практик фашизма как общепризнанного маркера Зла в цивилизационном масштабе.

Современное кинотворчество обладает рефлексивными функциями, поэтому кинематографический нарратив можно рассматривать как «зеркало», отражающее внутренний мир человека, его стремления и мечты.

Помимо «прямых» экранизаций народных сказок, фильмы разных лет активно используют разнообразные сказочные мотивы, отсылки, образы, что позволяет осуществлять прямую коммуникацию с подсознанием реципиента фильма, в результате чего исследователи относят сказочный кинодискурс к потенциально опасным дискурсам, требующим пристального внимания со стороны регулирующих органов.¹⁵

Сказочно-фэнтезийный дискурс опирается на визуальное воздействие в сочетании с повествовательными приемами, актуализирующими социальные и геополитические проблемы, а также осмысление ценностей семьи и взаимоотношений человека с окружающим миром. Эпоха метамодерна обозначила приоритет стратегий ментальной войны, в которой основное поле для сражений представляет внутренняя картина мира человека.

Нейроэстетический посыл сказочно-фэнтезийного кино имеет свою когнитивную специфику, обусловленную изначальной целевой установкой измерения воздействия красоты на реципиента прекрасного / ужасного. Сама стилистика фэнтези и сказки отличается насыщенностью нюансировки в деталях, яркостью цветовой палитры, разнообразием фантастических элементов. Нейротворчество в стилистике сказочно-фэнтезийного кинодискурса использует поликодирование и многомерность изложения, что позволяет потенциально синтезировать его с различными образовательными и пропагандистскими процессами, а эмоциональность передачи информации в кинодискурсе сказки придает достоверность, закрепляя целевую направленность и убедительность. Эта особенность получила широкое распространение в современной психолого-информационной войне и в ситуации информационного обеспечения разного рода конфликтов между странами¹⁶. Рассмотрим уровни нейроэстетики, по которым проводятся идеи современной пропаганды в первой мировой цифровой войне.

Обширный нарратив сказочно-фэнтезийного кинотекста охватывает большое архетипическое пространство, поскольку сказки являются средоточием мифологических элементов, накопленных за тысячи лет, которые могут активизировать коллективную память региона или нации.¹⁷ Метамодернистский подход позволяет осуще-

ствить перенос идей одной эпохи в другую. Так, в современной киносказке «Царевна-лягушка» (2025, реж. А. Амиров) превращение лягушки в прекрасную девушку происходит благодаря тому, что лягушка ловит ртом выпущенный мяч для гольфа, поцелованный главным героем. И вот уже каноническая сказочная стрела русской сказки превращается в современный мяч для гольфа западного мира. В то же время постоянное «забывание» главной героиней причины влюбленности в Ивана Царевича и поиск смысла любви подспудно ставит вопрос о привлекательности «западного флёра» в русской картине мира, актуализируя спор «западников» и славянофилов.

Сказочность, по мнению исследователей, является основополагающим принципом в таких жанрах, как мифология, фольклор, легенды, сказки, эпические произведения.¹⁸ Кинодискурс позиционируется как пример синтетического искусства, сочетающего слово, музыку, визуализацию, поэзию и пластику как режиссерских, так и сценарных решений фильма¹⁹.

Современный сказочно-фэнтезийный кинодискурс перегруппировывает известные мифологические и сказочные объекты за счет приписывания им инновационных, нехарактерных черт, открывая эти объекты заново для декодирования и атрибутирования, вследствие чего реципиент испытывает радость узнавания в состоянии стимуляции дофаминовой системы. В связи с этим современная пропаганда конструирует новую картину мира на основе как бы хаотичного набора объектов, предметов и их признаков, подстегивая эмоции возбуждения и удовольствия. Так, центральной фигурой в этом сложном полидискурсивном метаграфическом пространстве является киногерой, воплощенный на экране, являющийся информационной мишенью киносказки. В связи с этим исследователи подчеркивают, что существует фиксация на восприятии персонажа в зависимости от его внешности и голосовых характеристик, что влияет на перцепцию действий героя в сознании реципиентов на паравербально-невербальном уровне. Именно этот прием был показан в кинофильме «Плутовство»/ «WagtheDog»/ «Хвост виляет собакой» (1997 г., реж. Б. Левинсон) как метод социального инжиниринга.

Нейроэстетика сказочного и фэнтезийного киноискусства как нельзя лучше реализует задачи современной пропаганды, используя визуализацию метафор для беспрепятственного подключения к архетипам бессознательного, в связи с чем предпочтительной становится интенсивная гиперболизация, которая также активирует стимуляцию выброса дофамина как индикатора предвкушения удовольствия. Киносказка и фэнтези продолжают традицию использования легенд и мифов с социальными целями насаждения морали и нравственности, благодаря чему историко-культурный капитал

прошлого встраивается в систему современного повествования средствами кино» как воспоминания о мифологическом прошлом, когда герои воплощали качества, недоступные пониманию простых смертных»²⁰.

Эволюция общества трансформирует сами мифы как историко-культурные артефакты, поскольку возникает необходимость подвести архетипическую платформу под новую реальность современных сообществ, в которых возникают новые социальные ценности, в результате чего происходит интеграция истории прошлого с новыми формами повествования, являясь действенной иллюстрацией трансформации мифологизации исторического факта в логосе, а через него в художественной литературе, кино и современных игровых дискурсах «цифровых двойников» реальности²¹.

Возникающий контраст между привычным образом архетипического образа и его новым воплощением отсылает к прототипическим условиям выживания в новой и/или агрессивной среде окружающего мира, демонстрируя вариативность возможной опасности. Вместе с тем контрастность помогает разделить фон и фигуру на нем, поэтому появляется четкая контрастность в позиционировании положительных и отрицательных героев в киносказке и фэнтези. Например, Кошей Бессмертный – всегда в черных и темных одеждах, также как и Баба Яга. Даже корона на голом черепе Кошеля выполнена из металла стального цвета (2017, «Последний богатырь», реж. Д. Дьяченко), также как и в киносказках знаменитого советского режиссера киносказок А. Роу. При этом в цветных иллюстрациях советского периода к сказкам А. С. Пушкина, где присутствует образ Кошеля Бессмертного, он изображен в виде скелета в золотой короне и парчовых одеждах. Такая подача создавала контраст между «тленом» материальных богатств и бесхитростностью извечных сил Добра. Современные положительные образы Василисы Премудрой, Ивана Царевича, Ильи Муромца представлены в светлой одежде с яркими элементами (красная лента, красные сапоги, белая рубаха, светлые волосы и т.п.). Эти устойчивые мифологические образы, реализующиеся в современном сказочно-фэнтезийном кинодискурсе, беспрепятственно преодолевают защитные барьеры человеческого сознания, благодаря коллективному эмоциональному интеллекту, продуцируемому нашим бессознательным посредством использования коллективной языковой картины конкретного этноса, активируя предвкушение наслаждением знакомых эпических битв Добра и Зла.

Китайские исследователи отмечают, что «персонажей фильма можно рассматривать как инструменты для понимания медиакультуры. Считается, что символы состоят из двух элементов: означающего и эксплицируемой информации. Вместе они составляют язык

фильма, обладающий как внутренним, так и внешним выражением».²² Так, сюжеты фильмов о Царе обезьян объединены сценами, имеющими символическое значение: чаще всего рассматривается его 500-летнее заточение в Пятипалой горе. Пятипалую гору можно рассматривать как символ Будды Чжулай, а золотое кольцо, которое носил молодой монах, – знак теократического наказания за бунт Сунь Укуна против верховенства Неба. Я.А. Комлева и М.А. Кравцова видят параллель между китайской культурой и христианской мифологией: запретный плод персика, который Сунь Укун съел в романе, является архетипом, встречающимся во многих культурах и отсылающим к саду Адама и Евы.²³ Ян Юань отметил «матричное» построение взаимоотношений персонажей в фильме «Король обезьян» (2015, реж. Тянь Сяо Пэн) и других фильмах, основанных на этом мифологическом сюжете²⁴. Так, в ряде киносказок о Сунь Укуне этот центральный образ для историко-культурной памяти всей Юго-Восточной Азии подан с западными чертами шута в клоунской маске, отражая динамику публичной политики США к Китаю в 60-70-х годах XX века²⁵. Возникающая четко очерченная контрастность предметов с символическим значением усиливает геополитические цели такого кинодискурса на основе нейроэстетического принципа контраста.

Соответственно, присутствие сказочно-мифологических элементов в современном кинодискурсе сказки и фэнтези включает в себя эту верхнеуровневую модель истории супергероя как ролевой модели для реципиента, что становится важным в эпоху исторических сломов эпох и перемен. Так, в киносказке «Финист. Первый богатырь» (2025, реж. Д. Дьяченко) подчеркивается демонстративная трансформация черт положительного героя Финиста в отрицательного, усиливая негативную русскую этноидентичность у реципиента. Это происходит за счет позиционирования героя как слабого, сомневающегося, но с большим самомнением и гордыней, хвастающегося победами над заведомо слабыми противниками, любующегося своими внешними данными и одеждой. Такой нелицеприятный портрет русского богатыря конструируется с помощью устойчивых штампов западного кино, зафиксированных в таких фэнтезийных кинофильмах, как «Мумия» (1999, реж. С. Соммерс), «Дикий Дикий Запад» (1999, реж. Б. Зонненфельд), «Первый мститель» (2011, реж. Дж. Джонстон), «Капитан Марвел» (2019, реж. А. Боден, Р. Флек), «Железный человек» (2008, реж. Дж. Фавро), «Невероятный Халк» (2008, реж. Л. Летерье), «Тор» (2011, реж. К. Брана), «Локи» (2021, реж. Дж. Бенсон, А. Мурхед, К. Фарахани, К. Херрон, Д. де Леуу) и др. Использование спецэффектов, характерных для диснеевских киносказок, нацелено на нивелирование этнокультурной специфи-

ки национального фольклора, поэтому главный киногерой Финист показан в костюмах с псевдорусской орнаменталистикой в стилизации, близкой к азиатскому Востоку. Кроме того, происходит изменение локуса проживания и совершения подвигов героя, отличных от русской фольклорной картины мира. Соответственно, возникающий метамодернистский хаос нацелен на переструктуризацию внутренней картины мира кинореципиента, подтверждая, что основным «полем войны» в новейший период времени является система этнокультурного ценностного кода, воспроизводящаяся в историко-культурной памяти как отдельного индивидуума, так и всего этноса.

Контрастность сложного метаграфа пропагандистской нейроэстетики сказочно-фэнтезийного дискурса включает в себя встроенные графы таких решений, как свет, цвет, панорама, элементы звука, движение, что позволяет создать полноценный сценический образ нереального пространства, обладающего, тем не менее, реальной силой воздействия на кинореципиента. Эмоциональность воздействия возникает в результате сочетания различных видов искусства с использованием цифровых средств, создающих иллюзию адекватного отражения реальности.²⁷

Концентрация внимания на действиях главных героев в киносказке и фэнтези трансформирует восприятие остальных киноперсонажей в качестве фона, благодаря которому образ киногероя становится более реалистичным и значимым, подчеркивая значимость роли личности в создании мифологических событий как актов истории, а предугадывание его поступков также задействует дофаминовую систему поощрений в мозге реципиента, направляя развитие эмоционального интеллекта в определенном векторе²⁸. Такой изоляционистский выборочный подход обусловлен эволюцией ресурсов головного мозга, выступая «мягкой силой» пропаганды в сказочно-фэнтезийном кинодискурсе современности. Сама по себе компетенция выделения главного среди схожих объектов на нейролингвистическом уровне также подкрепляется дофаминовой системой вознаграждения, способствуя на «глубинном» уровне трансформации внутренней картины мира реципиента.

Вместе с тем, распознавание на элементарном уровне не включает в мозг нейробиологические системы поощрения и наказания, требуя повышения уровня сложности для включения дофаминовых «наград»²⁹. В связи с этим нейроэстетические уровни воздействия сказочно-фэнтезийного кинодискурса при декодировании балансируют на грани между очевидно простыми понятиями прошлого и сложными пост-интерпретациями настоящего, поддерживая между ними оптимальное соотношение для усиления интереса и вовлеченности у целевой аудитории, формируя у последней дофаминовую

зависимость³⁰. В общественном сознании этот процесс иллюстрируется мониторингом динамики ассоциативных пространств, связанных с тем или иным киноперсонажем. Например, в ходе ассоциативных экспериментов в студенческой среде Китая в 2023-2024 гг. было выяснено, что популярный в Юго-Восточной Азии образ СуньУкуня – Царя обезьян – подвергается «расшатыванию» матрицы социально одобряемого поведения мифологического киногероя в ракурсе пропаганды в сторону негативизации, вследствие чего наблюдается серьезная поляризация в оценках персонажа (табл.1). Такие ассоциаты, как «герой», «Китай», «анимация», «история» и «божество», неоднократно встречаются в ответах респондентов с преимущественно положительной оценкой. Более того, среди ассоциаций слово «герой» оценивается как в положительном, так и в отрицательном значении (герой и антигерой), что свидетельствует о расширении ассоциативного поля образа Царя обезьян из известного кинофэнтези «Путешествие на Запад» (2013, реж. С. Чоу, Д. Квок).

Ассоциативные оценки мифологического кинообраза Царь обезьян					
Значение	оценка		Значение	оценка	
	(+)	(-)		(+)	(-)
英雄/ yīngxióng/ герой(суперге- рой)	175	25	恶魔/è mó/ демон	0	124
中国/zhōngguó/ Китай	124	0	法力/fǎ lì/ волшебная сила	5	87
动画/dòng huà/ анимация	86	14	巫术/wūshù/ колдовство	4	86
喜欢/ xǐhuān/ нра- вится	84	0	山/shān/ гора	25	48
国产/guóchǎn/ родной, местный	83	11	力量/ lìliàng/ сила	23	40
希望/ xīwàng/ на- деяться	78	0	故事/gùshi/ сказка	20	30
心中/ xīnzhōng/ в сердце	24	1	唐僧/ tángsēng/ танский монах	14	28

历史/lishǐ/ история	23	9	火眼金睛/ huǒyǎnjīnjīng/ огненные глаза и золотистые зрачки	12	20
封印/fēngyìn/ запечатывать	16	24	和尚/ héshàng/ монах	10	20
期待/ qīdài/ ждать	16	20	混沌/ hùndùn/ Хаос	0	20
长生不老/ chángshēngbùlǎo/ бессмертный	16	0	金箍棒/ jīngūbàng/ золотой обруч	8	15
无所不能/ wúsuǒbùnéng/ божество	14	2	傻丫头/shǎyātóu/ глупая девчонка	4	14
七十二变/ qīshíèrbiàn/ семьдесят две трансформации (Сунь Укуня)	8	4	黑魔法/hēimófǎ/ черная магия	0	10
形象/ xíngxiàng/ образ	8	2	伪装成朋友的敌人/wěizhuāngchéngpéngyǒude-dírén/ враги, маскирующиеся под друзей	0	6

Табл.1. Ассоциативные оценки мифологического героя Сунь Укуня в кинореализации

Разработка новой концепции лингвоинформационной передачи эмоционально заряженных образов в пространстве сказочно-фэнтезийного фильма предполагает рассмотрение его как многоуровневой сущности, выступающей в качестве синтеза когнитивного, аксиологического и мотивационного (деятельностного) компонентов посредством перевода концептуальных понятий сказочно-фэнтезийной мифологии в кинодискурсе, который ориентирован на успешное внедрение трансформированных стереотипов в общественное сознание. В связи с этим этнокультурная речеповеденческая матрица становится полностью объяснимым конструктом с четким механизмом воспроизводства, а потому переходит из области абстрактной метафизики в область реального моделирования.³¹

Соответственно создаются вариативные линии интерпретации, которые могут быть описаны с помощью вероятностного матема-

тического прогнозирования с составлением сложных графовых систем.³²

«Веер» эмоциональных оценок, присущих конкретному социальному коллективу, позволяет уйти от абсолютной симметрии, которая воспринимается как нечто искусственное, чужеродное и неживое, а потому не представляет интереса вследствие своей предсказуемости. В связи с этим материал для анализа увеличивается в геометрической прогрессии, и поэтому возникает необходимость решить еще ряд проблем: что в данном случае становится отправной точкой, какой аксиоматический ряд берется за основу, как полученные результаты могут быть использованы для теоретических построений в понимании сценического искусства с точки зрения политической психолингвистики.³³

Именованные сущности, выраженные киноперсонажами, а также географическими, историческими и социальными локусами в киносказке, ассоциируются с определенными триггерными зонами в общественном сознании целевой аудитории, выступая решаемыми задачами коллективного киноавтора как проводника «мягкой силы». В том, как исследователь, практик кинодискурса определяет сам феномен киносказки и/или фэнтези, т.е. независимо от того, исходит ли он из принципов драматургии или априори считает, что опыт в кинематографе является основополагающим, моделируются вероятностные принципы реализации эмоционального воздействия через реализацию роли актером в сказочном кинодискурсе. В связи с этим необходимо различать маркеры в паре «реальный актер – проецируемый киногерой/образ» и в специфике работы режиссера с актерской группой, сценарной группой и т.д. В рамках наших задач важно, чтобы на прагматическом уровне были отмечены эмоционально нагруженные единицы, коммуникативные стратегии» настойчивости» и «суггестивности» киногероя.

И соответственно ведущую роль в нейроэстетике сказочно-фэнтезийного дискурса играет визуальная метафора как ведущий маркер невербальной коммуникации³⁴. В языке пропаганды метафора занимает центральное место благодаря тому, что помогает выразить эмоции посредством символов и знаков, тренируя коллективный эмоциональный интеллект. Например, такие голливудские фантастические фильмы со сказочно-мифологической составляющей, как «Водный мир» (1995, реж. К. Рейнольдс), кинофраншиза «Люди Икс» (2000 – 2024), сериал «Матрица» (1999-2021, реж. Л. и Э. Вачовски), рассматривают конец света через искаженную призму религиозных апокалиптических интерпретаций, хотя и игнорируют некоторые характерные черты апокалиптических текстов с негативной эмоциональной составляющей. Эмотивная значимость колоро-

нимных метафор³⁵ играет ключевую роль в интерпретации цвета, выступая маркером «мягкой силы» воздействия на эмоциональную сферу кинореципиента, управляя его системой социально регулируемого поведения.

Сказочно-фэнтезийный кинодискурс геополитической пропагандой акцентирует внимание на следующих основных стратегиях: 1) моделирование «приглушенного» фатализма, в котором глобальная катастрофа предотвращается с помощью человеческой изобретательности, научного прогресса и героизма; 2) позиционирование человека-мессии, который борется с природой, машинами или инопланетянами; 3) устранение/игнорирование/обесценивание божественного элемента, но не религиозной символики или языка; 4) ссылка на связь науки с эсхатологией, а также на предполагаемое спасение через светское эсхатологическое использование науки и героизма; 5) переструктурирование архетипических образов и придание им новых непривычных черт. Использование визуальных метафор при этом помогает собрать воедино разные смыслы за счет расширения эмоционально-ассоциативного поля, в котором включены индивидуальный и коллективный эмоциональный опыт на уровне эпигенетики, а также культурно-исторический капитал.

Соответственно эмотивный потенциал рассматриваемого кинодискурса базируется на таких нейроэстетических принципах, как: 1) группирование по заранее заданным параметрам кино персонажей, деталей фона и локациям, аудиально-звуковым и световым решениям; 2) четкое структурирование «ядра» и «периферии» кинопространства; 3) повышение уровня сложности для декодирования реципиентом с применением историко-культурных отсылок; 4) использование четких симметричных конструкторов в моделировании (типа оппозиции «свой – чужой»); 5) расширение пространства для гиперболизации в изображении киногероев, локаций и их деталей; 6) насыщенность цвето-световых решений эмотивности; 7) расширение метафоричности и ассоциативности на невербальном, паравербальном и вербальном уровнях; 8) отслеживания маркеров «глубинного» реагирования на предъявленный тип кинодискурса.

Эти основные нейроэстетические принципы актуализируют вероятностные возможности геополитического и социального инжиниринга в ментальных войнах XXI века за счет применения нейрогуморальных систем поощрения и наказания, действующих на «глубинном» уровне, вызывая симпатию и/или антипатию у целевой аудитории.

Сказочно-фэнтезийный дискурс, как правило, затрагивает религиозно-мировоззренческий аспект, рассматривая миф как форму религии, которая выполняет аналогичные функции эмоционального

контроля над массовым сознанием, поскольку фильмы стремятся «овладеть человеческим сознанием, чтобы контролировать тотальную, суетливую жизнь нашего сознания. Фильмы могут обладать семиотическим потенциалом в удовлетворении нашей потребности в трансцендентности, предлагаемой мифологией, обеспечивая сакральное или магическое вмешательство в качестве нового вида ритуальной игры в техногадание».³⁶

Перенос акцент с религии на миф в сказочно-фэнтезийном кинодискурсе, коллективный киноавтор моделирует актуальность и коммерческий успех конкретного фильма. Например, фильм-фэнтези «Властелин колец» основан на отсылках к скандинавской мифологии. Точно так же образ Гарри Поттера привлекает внимание зрителей благодаря западноевропейскому сюжету, полному магии и колдовства. Действие фэнтезийного сериала «Сумеречная сага» разворачивается в современном американском городе, но связанная с ним восточноевропейская мифология о существах-призраках (вампирах) привлекает широкую аудиторию. Китайские мифы, казахский фольклор, как и западные волшебные истории, создают особое пространство с имитацией реализма для создания собственных киногероев и повествования о кинокультуре. «Мягкая сила» сказочно-фэнтезийного дискурса использует игровое повествование, в котором острота сюжета подчеркнута сложными характеристиками киноперсонажей с затрагиванием острых социальных тем, чтобы удовлетворить потребности в эмоциональных переживаниях целевой аудитории.

Нейроэстетическая природа эмотивности современного сказочно-фэнтезийного кинодискурса является ключом для применения новых возможностей социального инжиниринга посредством поликодового воздействия на психоэмоциональную сферу реципиента, позволяя понять способы доступа к внутренней мифологической картине мира с помощью нейролингвистических систем поощрения и наказания, присущих всему живому как скрытого базиса «мягкой силы» кино в современных нейрокогнитивных информационных войнах. Нейроэстетические принципы современного сказочно-фэнтезийного кинодискурса наглядно иллюстрируют влияние «глубинного» механизма восприятия кинообразов, что позволяет говорить о расширении возможностей использования нейрокогнитивных связей в социальном инжиниринге как факторе геополитики. При полномасштабном масштабировании эмотивного потенциала сказочно-фэнтезийного кинодискурса как транслятора прогнозируемых и моделируемых эмоций необходимо учитывать оригинальные художественные приемы, вербальные средства (кинотекст), невербальные средства воздействия, включая эстетические элементы, отде-

ленные от изображения пространственно-временным промежутком реальности и воображения, а также специфически ограниченный аудиовизуальный язык и этнокультурную коннотацию. В связи с этим возникает необходимость совершенствования методологии анализа смыслов в сказочно-фэнтезийном кинодискурсе, основанной на семантических сетях, фреймах, смысловых сетях продуцирования правил, которые так или иначе ограничены на сегодняшний день. Сложноорганизованная мультимодальная структура сказочно-фэнтезийного кинодискурса актуализирует поиск адекватной системы принятия решений и помощи в сортировке, упорядочении и категоризации данных для системного анализа.

Кинодискурс сказки и фэнтези, позволяя сохранить основные концепты мифологизированной картины мира, трансформирует их в контексте глобализации, делая акцент на универсальных чертах фольклорных героев, нивелируя этнокультурную специфику. В то же время существует проблема использования творческого подхода к интерпретации фольклора и фэнтези в кинодискурсе, который предполагает интеграцию качественно новых интерпретационных стратегий представления фольклора и мифа, основанных на принципах нейроэстетики.

Реформирование геополитической карты мира в XXI веке в условиях агрессивной нейрокогнитивной информационной войны корректирует реализацию эмоционального воздействия с использованием возможностей искусственного интеллекта. Новая художественная реальность сказочно-фэнтезийного кинодискурса обладает мощным суггестивным эффектом благодаря обращению к константам ценностного этнокультурного кода, воспринимаемым безоговорочно на уровне коллективного бессознательного. Соответственно, эмотивный потенциал сказочно-фэнтезийного кинодискурса рассчитывается на основе анализа ресурсных нейроэстетических стратегий киносказки и фэнтези в преломлении вероятностного прогнозирования развития и трансформации концептуальной картины мира реципиента как многоуровневой системы, представляющей интерес для политической психолингвистики и геополитологии.

Полученные данные открывают возможности для использования bigdata в исследованиях цифрового кино, мифолингвистике и цифровых политических технологиях в таких областях, как быстрое распознавание архетипа и его модифицированных трансформаций в кинодискурсе, определение эмоционального прогноза развития политики «мягкой силы» средствами киноиндустрии, что позволит не только ускорить принятие решений в стратегически важных областях внутренней и внешней геополитики, но и работать на опережение, что является важным фактором в социально-экономической

и геополитической ситуации противостояния с недружественными странами с акцентом на вирулентность широко распространенных архетипов в цивилизационных контекстах Востока и Запада. Однако подкрепление данными таких естественных и точных наук, как нейроэстетика, когнитивистика, психофизиология и математика, дает четкое представление о степени влияния эмоциональных техник на трансформацию речевого и поведенческого профиля рецепиента и его ценностной матрицы.

Примечания Notes

1. *Chen Bo, Dyatlova O.E.* (2023). Problems of interpretation of wang Shifu's Chinese drama in soviet translation and theatrical practice. *The New Philological Bulletin*, 3 (70), 330-340.

2. *Loseva, R. V., Karabulatova, I. S., Okolysheva, E. M., Karabulatov, M. N.* (2024). Linguistic semiotic markers of gender in modern vocal and musical discourse as a reflection of the neurocognitive information war in the cultural space. *Bulletin of the Adygea State University. The Series «Philology and Art Criticism»*, 2024. № 1(332). Pp. 45-61. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-1-332-45-60.

3. *Reingold, N. I.* (2021). Inter-semiotic translation and types of semantic shifts in film adaptations and remakes. *Innovations and tradition of the Russian school of translation*. Moscow: Russian State University for the Humanities, pp.248-278.

4. *Khachmafova, Z.R., Karabulatova, I.S., Unarokova, R. B., Tseeva, Z.A., Zhang, L., & Loseva, R.V.* (2023). Gender semiology in folklore traditions: Russia, China and Adygea. *Amazonia Investiga*, 12(69), 260-269. <https://doi.org/10.34069/AI/2023.69.09.23>

5. *Шкловский, В. Б.* (1983). О теории прозы. – Москва: Советский писатель, 1983. – 382 с.

6. *Tally, R.T.* (2016). Tolkien's Geopolitical Fantasy: Spatial Narrative in *The Lord of the Rings*. In: Fletcher, L. (eds) *Popular Fiction and Spatiality. Geocriticism and Spatial Literary Studies*. Palgrave Macmillan, New York. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56902-8_9

7. *Lee, S.* (2016). Dracula, Vampires, and Kung Fu Fighters: *The Legend of the Seven Golden Vampires* and Transnational Horror Co-production in 1970s Hong Kong. In: Siddique, S., Raphael, R. (eds) *Transnational Horror Cinema*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/978-1-137-58417-5_4

8. *Qin, M., Karabulatova, I.S., Ruan, J.* (2023). Chapter Nine. The Cinematographic and Newspaper Discourse of Harbin in the Early Twentieth Century: Reflection of the Feeling of the Loss of the Homeland of the Russian Elite in the Chinese Provinces. *The Paris Peace Conference and Its Consequences in Early-1920s Europe*. Edited by Sorin Arhire, Tudor Roșu and Călin Anghel. This book first published 2023, Cambridge Scholars Publishing, p.150-190.

9. Medetbekova, K. K. (2017). The history of cinema in mainland China. Chelyabinsk: South Ural State University (National Research University), 2017: 95.

10. Ruan Yu., Karabulatova I.S. (2021). The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1501–1510. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501 http://ejournal52.com/journals_n/1630573364.pdf

11. Karabulatova I.S. (2020). Problems of creating a digital library for evaluating potentially dangerous texts (POT) in modern news discourse. Issues of modern linguistics and the study of foreign languages in the era of artificial intelligence. Collection of scientific papers of the International Scientific Forum dedicated to the World Science Day for Peace and Development. Moscow: RUDN Publishing House, 2020. pp. 3–12.

12. Khabarov, A.A. (2024). Information warfare as a cognitive-discursive phenomenon of the new geopolitical reality. In the book: *Information warfare in the context of a special military operation. The experience of linguistic analysis*. Vyunov A.S., Veretennikov A.S., Golubtsova E.V., Grechushnikova T.V., Imas A.V., Kalinin O.I., Lelyukayeva E.M., Mavleeva D.V., Muravleva V.R., Podolko A.S., Popova L.E., Prikhodko M.V., Serezenko V.M., Serbin V.A., Solopova O.A., Stepanenko E.A., Khabarov A.A. Collective monograph. Moscow: Flinta, 2024. pp. 62–88.

13. Tang, H. and Gong, X. (2021). A Study of the Inherited Relations between Classical Mythology and the Making of Chinese Animation Films. *Advances in Applied Sociology*, 2021, vol.11, pp. 415–429.

14. Savchuk I.P., Karabulatova I.S. (2021). Mytholinguistic interpretation of the sacred geopolitonym SIBERIA as an «Overton window» in the military film discourse//Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History. 2021. No. 1 (272). pp. 116–125.

15. Qin, M. (2023). Cognitive-pragmatic analysis of discursive implications of dramatic conflict in the translated film comedy space by E. Ryazanov: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 5.9.8. / Qin Meng; [Place of defense: Federal State Educational Institution of the Peoples' Friendship University of Russia; Dissovet PDS 0500.006]. - Moscow, 2023. - 25 p.

16. Del Prete Mainer V. (2019). Modern Heroes: Classical Mythology and Classical Values in the Contemporary Acquis, the Case of Captain America. *Journal of Comparative Literature and Aesthetics* Vol. 42, Summer 2019, p. 75., pp.: 74–83, <https://jcla.in/wp-content/uploads/2020/10/Myth-2-Vanessa-Mainer.pdf>

17. Na, Junyuan, Guan, Xiujuan, Karabulatova, I.S. (2024). Game toponymy: the impact localization of Chinese video games on their translation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024, 9 (890). P. 134–142.

18. Tang, H. and Gong, X. (2021). A Study of the Inherited Relations between Classical Mythology and the Making of Chinese Animation Films. *Advances in Applied Sociology*, 2021, vol.11, p. 417.

19. Komleva, Ya.A., Kravtsova, M.A. (2019). Wu Chengen's novel «Journey to the West» and Christian Mythological Parallels. 76th Scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University [Electronic resource] : materials of the conference. At 3 p.m. 2, Minsk: BSU, 2019. – pp. 181-184.

20. 杨越洋. 经典神话文本改编动画电影的叙事策略研究 (2015-2021). 天津美术学院. 2022/ yángyuèyáng. Jīngdiǎn shénhuà wénběn gǎibiān dònghuà diànyǐng de xùshì cèlüè yánjiū (2015-2021. Tiānjīn měishù xuéyuàn. 2022 [Yang Yuen. A study of the narrative strategy of animated films adapted from classical mythological texts (2015-2021). Tianjin Academy of Fine Arts. 2022].

21. Юнблюд, В.Т., Воробьева, Т.А. (2018). Советско-китайский раскол в американской политике разрядки международной напряженности (1968-1973 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2018, № 1, с. 47-57

22. Favareau, D. (2018). Semiotic Square. In: Shackelford, T., Weekes-Shackelford, V. (eds) Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-16999-6_3831-1

23. Balgabayeva, A.E., Karataeva, T.O., Karabulatova, I.S., Aitzhanova, R.M., Aigula, Zhumadullayeva, A.A. & Zharylgapova, D.M. (2024). Digital Literacy as a Meta-Cognitive Component of Younger Students' Intellectual and Creative Potential in Foreign Language Lessons. *Rupkatha Journal*, 2024, 16, 1. <https://doi.org/10.21659/rupkatha.v16n1.01g>

24. Talanov M., Karabulatova I.S., Erokhin V., Vallverdú J. (2025). Sociomorphic neuromodeling in academic emotionology as an integration of neurocognitive and psycholinguistic knowledge in artificial intelligence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 1, pp. 134-151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.11>

23. Frenzel, A.C., Pekrun, R., Goetz, Th. et al. (4 more authors) (2016). Measuring teachers' enjoyment, anger, and anxiety: The Teacher Emotions Scales (TES). *Contemporary Educational Psychology*, 148-163. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.05.003>

25. Rinke, A. (2014) Performing drug addiction on film. In: Reynolds, James and Zontou, Zoe, (eds.) *Addiction and performance*. Newcastle upon Tyne, U.K.: Cambridge Scholars Publishing. pp. 43-66. ISBN 9781443856577

26. Park, SB., Oh, K.J. & Jo, G.S. (2012). Social network analysis in a movie using character-net. *Multimed Tools Appl* 59, 601–627 (2012). <https://doi.org/10.1007/s11042-011-0725-1>

24. Gapanyuk, Yu.E., Terekhov, V.I., Ivlev, V.Y., Kaganov, Yu.T., Karabulatova, I.S., Oseledchik, M.B., Semenov, D.V. (2024). Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach. In: Samsonovich, A.V. and Liu, T. (eds). *Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023. Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICA Society*. Zug, 2024. P. 356-366. doi: 10.1007/978-3-031-50381-8_37

25. Карабулатова, И. С. (2010). Имидж страны и имя: политическая психолингвистика/Имидж страны/ региона как стратегия интеграции

России и АТР в XXI веке: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ответственный редактор: Кузьмин А. В. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский университет, 2010, с. 84 – 86.

27. Goots E.N. (2023). Associative Potential of Lexemes – Designations of Emotions. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 22, 1, 53-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.5>

28. Bulegenova, I.B., Karabulatova, I.S., Kenzhetayeva, G.K., Beysembaeva, G. Z., & Shakaman, Y.B. (2023). Negativizing emotive coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic comparison. *Amazonia Investiga*, 12(67), 265-282. <https://doi.org/10.34069/AI/2023.67.07.24>

29. Lindvall T., Bounds J.D., Lindvall Ch. (2016). *Divine Films Comedies: Biblical Narrative, Film Sub-Genres, and the Cosmic Spirit*, Routledge Studies in Religion and Film, 2016, p.6 (212 p.)

Авторы, аннотация, ключевые слова

Бүлегенова Индира Бектурсыновна (Астана, Казахстан) – старший преподаватель кафедры иностранной филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

ORCID: 0000-0001-6430-5557

indirabulegen@gmail.com

Карабулатова Ирина Советовна (Харбин, Китай – Москва, Россия) – доктор филологических наук, профессор, Хэйлунцзянский университет

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Институт перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ORCID: 0000-0002-4228-3235

radogost2000@mail.ru

Сказочный кинодискурс формирует и трансформирует общественно-политическое сознание общества, перекодируя лингвокогнитивную матрицу реципиентов вследствие использования компрессии в эмотивной подаче информации. Впервые ставится задача выявления поликодовых эмотивных маркеров сказочно-фэнтезийного кинодискурса, в котором содержится «веер» скрытых и явных этносоциокультурных и информационных конструктов/деструктов пролонгированного характера, эволюционирующих в метамодернистской ситуации Постправды, что является трансформированным

типом современной пропаганды с применением цифровых средств нейроэстетики. Сказка в цифровую эпоху переживает новый расцвет благодаря возможностям искусственного интеллекта, которые позволяют визуализировать фантастическо-сказочные элементы. Это сближает современный сказочно-фэнтезийный кинодискурс с ранее наработанными практиками фольклора и художественной литературы, демонстрируя значимость мифолого-мистического компонента в современной психолого-информационной войне гибридного типа. Гипотеза: сказочно-фэнтезийный кинодискурс обладает мощным эмотивным потенциалом воздействия, который трансформирует концептуальную ценностную матрицу кинореципиента благодаря мультимодальному и поликодовому представлению информации. Кроме того, авторами впервые обозначается проблема автоматизации выявления лингвосемиотических маркеров персуазивной эмотивности в сказочном кинодискурсе. По мнению авторов, это позволяет решать междисциплинарные задачи верификации особенностей трансформации этнокультурного ценностного кода в ситуации «мягкого» воздействия переводного кинодискурса в современной пропаганде на основе сложных метаграфов.

Эмотивный потенциал, поликодовые маркеры, цифровая гуманитаристика, сказочно-фэнтезийный кинодискурс, современная психолого-информационная война

Authors, Abstract, Key words:

Indira Bektursynovna Bulegenova – Senior Lecturer of Department of Foreign Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0000-0001-6430-5557

indirabulegen@gmail.com

Irina Sovetovna Karabulatova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Research Center for Digital Humanities, Heilongjiang University, Harbin, China, Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Leading Scientist at the Institute for Advanced Research in Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4228-3235

radogost2000@mail.ru

The fabulous film discourse forms and transforms the value system in the minds of the recipients, due to its powerful impact due to the use of compression information. For the first time, the task is to formalize the automatic identification of polycode markers of a fabulous film discourse, which contains a «fan» of hidden and explicit ethno-sociocultural and informational constructs and deconstructs of a prolonged nature, evolving in a metamodern situation of post-Truth, being a transformed type of modern propaganda using digital means of neuro-aesthetics. The fairy tale in the digital age is experiencing a new flourishing thanks to the capabilities of artificial intelligence, which make it possible to visualize fantastic and fairy-tale elements, which brings modern fairy-tale film discourse closer to previously developed practices of folklore and fiction, demonstrating the importance of fairy-tale and mystical components in the ethnocultural value code included in the modern picture of the world. Hypothesis: any film discourse has an emotive impact potential that transforms the conceptual value matrix of the recipient due to the multimodal presentation of information. This full-scale task is being set for the first time by researchers. In addition, the authors for the first time identify the problem of automating the identification of linguistic and semiotic markers of invasive emotivity in a fabulous film discourse. According to the authors, this makes it possible to solve interdisciplinary tasks of verifying the peculiarities of the transformation of the ethnocultural value code in the situation of the «soft» impact of translated film discourse in modern propaganda based on complex metagraphs.

Emotive potential, polycode markers, digital humanities, fabulous film discourse, modern psychological and information warfare

References (Articles from Scientific Journals)

1. Balgabayeva, A.E., Karataeva, T.O., Karabulatova, I.S., Aitzhanova, R.M., Aigul A. Zhumadullayeva, A.A. & Zharylgapova, D.M. (2024). Digital Literacy as a Meta-Cognitive Component of Younger Students' Intellectual and Creative Potential in Foreign Language Lessons. *Rupkatha Journal*, 16, 1. <https://doi.org/10.21659/rupkatha.v16n1.01g>
2. Bulegenova, I. B., Karabulatova, I. S., Kenzhetayeva, G. K., Beysembaeva, G. Z., & Shakaman, Y. B. (2023). Negativizing emotive coloronyms: A Kazakhstan-US Ethno-Psycholinguistic comparison. *Amazonia Investiga*, 12(67), 265-282. <https://doi.org/10.34069/AI/2023.67.07.24>
3. Chen Bo, Dyatlova, O.E. (2023). Problems of interpretation of wang Shifu's Chinese drama in soviet translation and theatrical practice. *The New Philological Bulletin*, 3 (70), 330-340.
4. Del Prete Mainer V. (2019). Modern Heroes: Classical Mythology and Classical Values in the Contemporary Acquis, the Case of Captain Ameri-

- ca. *Journal of Comparative Literature and Aesthetics*, 42, Summer 2019, 75, 74-83, <https://jcla.in/wp-content/uploads/2020/10/Myth-2-Vanessa-Mainer.pdf>
5. Goots E.N. (2023). Associative Potential of Lexemes – Designations of Emotions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 22, 1, 53-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.5>
6. Khachmafova, Z. R., Karabulatova, I.S., Unarokova, R.B., Tseeva, Z.A., Zhang, L., & Loseva, R. V. (2023). Gender semiology in folklore traditions: Russia, China and Adygea. *Amazonia Investiga*, 12(69), 260-269. <https://doi.org/10.34069/AI/2023.69.09.23>
7. Loseva, R. V., Karabulatova, I. S., Okolysheva, E. M., Karabulatov, M. N. (2024). Linguistic semiotic markers of gender in modern vocal and musical discourse as a reflection of the neurocognitive information war in the cultural space. *Bulletin of the Adygea State University. The Series «Philology and Art Criticism»*, 1, 332, 45-61. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-1-332-45-60.
8. Na, Junyuan, Guan, Xiujuan, Karabulatova, I. S. (2024). Game toponymy: the impact localization of Chinese video games on their translation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024.9 (890). P. 134–142.
9. Ruan Yu., Karabulatova I.S. (2021). The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). *Bylye Gody*, 2021. 16(3), 1501-1510. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501 http://ejournal52.com/journals_n/1630573364.pdf
10. Savchuk I. P., Karabulatova I. S. (2021). Mytholinguistic interpretation of the sacred geopolitonym SIBERIA as an «Overton window» in the military film discourse. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 1, 272, 116-125.
11. Tang, H. and Gong, X. (2021). A Study of the Inherited Relations between Classical Mythology and the Making of Chinese Animation Films. *Advances in Applied Sociology*, 11, 415-429.
12. Tang, H. and Gong, X. (2021). A Study of the Inherited Relations between Classical Mythology and the Making of Chinese Animation Films. *Advances in Applied Sociology*, 2021, 11, 417.
13. Talanov M., Karabulatova I.S., Erokhin V., Vallverdú J. (2025). Sociomorphic neuromodeling in academic emotionology as an integration of neurocognitive and psycholinguistic knowledge in artificial intelligence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 24, 1, 134-151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.11>
14. Frenzel, A. C., Pekrun, R., Goetz, Th. et al. (4 more authors) (2016). Measuring teachers' enjoyment, anger, and anxiety: The Teacher Emotions Scales (TES). *Contemporary Educational Psychology*, 148-163. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.05.003>
15. Park, SB., Oh, KJ. & Jo, GS. (2012). Social network analysis in a movie using character-net. *Multimed Tools Appl* 59, 601–627 (2012). <https://doi.org/10.1007/s11042-011-0725-1>

16. Yungblud, V.T., Vorobyeva, T.A. (2018). The Soviet-Chinese Split in the American Policy of defusing international tension (1968-1973). *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 2018, 1, 47-57 (in Russian)

Articles from Proceedings and Collections of Research Papers

17. Karabulatova, I.S. (2010). Imidzhstrany limya: politicheskaya psikhologiyevistika. In: *The image of the country/region as a strategy for the integration of Russia and the Asia-Pacific region in the 21st century: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Responsible editor: Kuzmin A.V. Ulan-Ude: East Siberian University, 84 – 86 (in Russian).

18. Karabulatova I.S. (2020). Problems of creating a digital library for evaluating potentially dangerous texts (POT) in modern news discourse. Issues of modern linguistics and the study of foreign languages in the era of artificial intelligence. Collection of scientific papers of the International Scientific Forum dedicated to the World Science Day for Peace and Development. Moscow: RUDN Publishing House, 3-12.

19. Komleva Ya.A., Kravtsova M. A. (2019). Wu Chengen's novel «Journey to the West» and Christian Mythological Parallels. 76th Scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University [Electronic resource]: materials of the conference. Minsk: BSU, 2019, part 2, 181-184 (in Russian).

20. Reingold, N.I. (2021). Inter-semiotic translation and types of semantic shifts in film adaptations and remakes. *Innovations and tradition of the Russian school of translation*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 248-278.

(Monographs)

21. Gapanyuk, Yu. E., Terekhov, V.I., Ivlev, V.Y., Kaganov, Yu.T., Karabulatova, I.S., Oseledchik, M.B., Semenov, D.V. (2024). Principles of Creating Hybrid Intelligent Information Systems Based on the Granular-Metagraph Approach. In: *Samsonovich, A.V. and Liu, T. (eds). Biologically Inspired Cognitive Architectures 2023. Proceedings of the 14th Annual Meeting of the BICASociety*. Zug, 356-366.doi: 10.1007/978-3-031-50381-8_37

22. Khabarov, A. A. (2024). Information warfare as a cognitive-discursive phenomenon of the new geopolitical reality. In the book: *Information warfare in the context of a special military operation. The experience of linguistic analysis*. Vyunov A.S., Veretennikov A.S., Golubtsova E.V., Grechushnikova T.V., Imas A.V., Kalinin O.I., Lelyukayeva E.M., Mavleeva D.V., Muravleva V.R., Podolko A.S., Popova L.E., Prikhodko M.V., Seredenko V.M., Serbin V.A., Solopova O.A., Stepanenko E.A., Khabarov A.A. Collective monograph. Moscow: Flinta, 62-88.

23. Lee, S. (2016). Dracula, Vampires, and Kung Fu Fighters: *The Legend of the Seven Golden Vampires* and Transnational Horror Co-production in 1970s Hong Kong. In: Siddique, S., Raphael, R. (eds) *Transnational Horror*

Cinema. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/978-1-137-58417-5_4

24. Lindvall T., Bounds J. D., Lindvall Ch. (2016). *Divine Films Comedies: Biblical Narrative, Film Sub-Genres, and the Cosmic Spirit*, Routledge Studies in Religion and Film, 2016, p. 6 (212 p.)

25. Qin, M., Karabulatova, I.S., Ruan, J. (2023). Chapter Nine. The Cinematographic and Newspaper Discourse of Harbin in the Early Twentieth Century: Reflection of the Feeling of the Loss of the Homeland of the Russian Elite in the Chinese Provinces. *The Paris Peace Conference and Its Consequences in Early-1920s Europe*. Edited by Sorin Arhire, Tudor Roşu and Călin Anghel. This book first published 2023, Cambridge Scholars Publishing, p.150-190.

26. Favareau, D. (2018). Semiotic Square. In: Shackelford, T., Weekes-Shackelford, V. (eds) *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-16999-6_3831-1

27. Rinke, A. (2014) Performing drug addiction on film. In: Reynolds, James and Zontou, Zoe, (eds.) *Addiction and performance*. Newcastle upon Tyne, U.K.: Cambridge Scholars Publishing. pp. 43-66. ISBN 9781443856577

28. Shklovsky, V.B. (1983). *O teorii prozy*. Moscow: Sovetskiy pisatel'. Tally, R.T. (2016). (in Russian)

29. Tolkien's Geopolitical Fantasy: Spatial Narrative in The Lord of the Rings . In: Fletcher, L. (eds) *Popular Fiction and Spatiality. Geocriticism and Spatial Literary Studies*. Palgrave Macmillan, New York. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56902-8_9

(Thesis and Thesis Abstract)

30. Medetbekova, K. K. (2017). The history of cinema in mainland China. Chelyabinsk: South Ural State University (National Research University), 2017, 95.

31. Qin, M. (2023). Cognitive-pragmatic analysis of discursive implications of dramatic conflict in the translated film comedy space by E. Ryazanov: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 5.9.8. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 25.

32. 杨越洋. 经典神话文本改编动画电影的叙事策略研究 (2015-2021). 天津美术学院. 2022/ yángyuèyáng. Jīngdiǎn shénhuà wénběn gǎibiān dònghuà diànyǐng de xùshì cèlüè yánjiū (2015-2021. Tiānjīn měishù xuéyuàn. 2022 [Yang Yuen. A study of the narrative strategy of animated films adapted from classical mythological texts (2015-2021). Tianjin Academy of Fine Arts.2022].

М.А. Максименко

Система образов индустриального прошлого Шотландии второй половины XIX в. в зеркале литературы

М.А. Maksimenko

The image system of Scotland's industrial past in the second half of the 19th century in the mirror of literature

Размышляя на тему образов прошлого в исторической памяти, Л. П. Репина отмечала, что множественность идентичностей, а также наличие конкурентных версий исторической памяти и альтернативных воспоминаний требуют самого пристального внимания исследователей¹. В XIX веке было немало поводов для трансформации исторической памяти: открытие новых железнодорожных путей, появление большого количества металлургических предприятий, рост городского населения и сокращение сельского. Острее всего на индустриальные изменения реагировали те, кто принадлежал к профессиям интеллектуального труда: поэты, писатели, адвокаты, художники. Как верно отметил В. А. Шнирельман, образы прошлого необычайно многообразны².

Основными источниками для исследования данной проблемы стали работы шотландских поэтов и писателей. Благодаря анализу данных трудов удалось восстановить красноречивые образы индустриальных перемен в шотландской литературе.

Историография данного вопроса представлена в основном исследованиями, тематика которых так или иначе связана с историей литературы. У. Дональдсон создал труд о популярной литературе викторианской Шотландии³, в котором уделил внимание и развитию прессы. Р. Хастон изучал вопросы становления шотландской литературы и общества, но в 1600–1800 гг.⁴ К. Понд в своем исследовании раскрыл влияние индустриализации на викторианскую прозу через нетривиальную тему путешествующих незнакомцев⁵. Ш. Мэтисон исследовала особенности путешествий в XIX в., через призму философии и литературы в произведениях Ч. Диккенса⁶.

При исследовании таких явлений одним из главных вопросов, который интересует ученых, остается тема исторического романа. Историки, к примеру, С. Г. Малкин изучил нравы Хайленда через призму исторических романов В. Скотта⁷. Автор делает интересные выводы о процессах развития Шотландии в XIX в. несмотря

на то, что хронологическими границами его исследования являются XVII–XVIII вв.⁸. С другой стороны, в центре внимания современной историографии находятся вопросы, связанные с образом Российской империи, или же представлениями о Востоке по материалам прессы шотландских изданий, в частности, «Эдинбург ревью»⁹. Таким образом, тема изучения представлений и образов в период индустриальных изменений остается все еще актуальным. В целом, большинство работ, связанных с исследованием восприятия жизни в Шотландии через изучение источников личного происхождения, или художественных произведений относятся к периоду, предшествующему индустриальной революции.

Несмотря на существующие разногласия по вопросу хронологических рамок начала и конца индустриальной революции в Шотландии, неоспоримым остаются факты, характеризующие высокий темп роста промышленности, населения и экономики страны в целом. Верно подмечают авторы монографии О. и С. Чекланд, что такое стремительное развитие страны одновременно разрушало и обновляло старый образ жизни, а также способствовало сближению экономики Шотландии с могущественной экономикой Англии, а также формированию общей национальной идентичности¹⁰. Однако, ориентируясь на высокие показатели темпов шотландской промышленности, исследователи зачастую обходят стороной вопрос об образах, чувствах и переживаниях людей прошлого. Другими словами, проблемы истории повседневности или интеллектуальной истории являются необходимым дополнением исследований процесса индустриализации.

Самый знаменитый историк индустриальной революции в Шотландии, К. Уотли в своей монографии о том писал, что Рондо Кемерон и другие утверждали, будто современники не подозревали о том, что они переживают такой катаклизм¹¹. Несмотря на то, что ни Роберт Бернс, ни Вальтер Скотт не комментировали это событие, не следует пренебрегать увлечениями первого и его посещения металлургического завода Керрон и страх последнего перед растущим ропотом рабочего класса¹². Исследователи творчества В. Скотта, писали о том, что то, как обходится промышленная революция с рабочим людом, вызывало у него ужас и отвращение¹³. Однако, прямых подтверждений данному утверждению в источниках немного. В такой переломный для Шотландии период интеллектуалы стремились обращаться к историческому прошлому, что часто связывают с началом «романтизма», сторонники которого пытались объяснить настоящее, используя образы прошлого.

Во второй половине XIX в. обсуждение технологического прогресса и процесса индустриализации приобрело небывалую по-

пулярность. Несомненно, данные образы можно охарактеризовать двойственностью: интерес и тяга к познанию нового, сопровождаемая страхом к неизведанному.

Судьба Шотландии тревожила душу и ум поэта Александра Смита, который в самом начале своей карьеры работал с отцом в торговле. Влияние набирающей темпы индустриализация второй половины XIX в. нашло свое отражение в поэме «Глазго». Автор писал о «диком поезде, бросающемся в горы, который визжит, пересекая ручеек...»¹⁴. Индустриальная революция представлена в образах неестественного, чужеродного вмешательства, так сильно контрастирующего с природой. В другом романе под названием «Домохозяйство Альфреда Хагарда» автор сравнивает два шотландских города. В одном из них, Хоксхеде, шла непрекращающаяся промышленная деятельность, (где развивалась железная индустрия, кораблестроение, работали хлопковые заводы и др.)¹⁵. А вот в городе Грейсли, напротив, развивалась только ткацкая сфера¹⁶. Этим сопоставлением автор демонстрирует контраст между успешным, развивающимся и наращивающим мощь во всех сферах индустрии городом Хоксхед и небольшим ткацким городком Грейсли, возможностей у которого было не так много. С другой стороны, автор описывал те качества, которые присущи жителям небольшого ткацкого городка. Автор достаточно схоже описал шотландскую действительность XIX в. В этот период в Шотландии была развита хлопчатобумажная, тяжелая промышленность и др., и многие города специализировались только на одной отрасли (часто в силу географического положения). Места, где свое развитие получило сразу несколько отраслей промышленности, а также работали заводы – часто отличались высокими темпами урбанизации. В этом произведении можно выделить схожую параллель с действительностью – различные темпы индустриализации, наряду с региональной неравномерностью развития промышленных отраслей. Это классический пример утвердившегося образа «старое и новое», где на примере местных показателей развития индустрии укреплялась вера в прогресс, а также пиетет к сохранившим свою самобытность и красоту поселкам.

Роберт Льюис Стивенсон в своем труде «Эдинбург: живописные заметки» опубликованном впервые в 1878 г. стремился передать современное ему состояние города. Хотя нередко автор пользовался историческими описаниями в отношении более значимых, на его взгляд, мест Эдинбурга: «Дворец Холируд остался в стороне от развивающегося Эдинбурга, и теперь он стоит серый и безмолвный в рабочем квартале, среди пивоварен и газовых заводов»¹⁷. В основе высказываний автора – антитеза, базирующаяся на исторической фактологии. Для создания контрастных стилистических приемов Л.

Стивенсон использует историко-литературный тезаурус, символизм и реализм, характеризующий вторую половину XIX в.

Л. Стивенсон подчеркивал, что когда фонари начинают мерцать вдоль улицы, а в высоких окнах загорается слабый свет – вас охватывает чувство, что это тоже кусочек природы в самом сокровенном смысле; а эта мечта, воплощенная в каменной кладке и живом камне – не кулисы театра, а город в своей повседневной реальности, связанный железной дорогой и телеграфом со всеми столицами Европы и населенный типичными горожанами, которые ведут бухгалтерские книги, посещают церковь и продали свою бессмертную долю газете¹⁸... Эти горожане, по его мнению, с их кэбами и трамваями, поездами и афишами совершенно не вписываются в общую картину...¹⁹ Для Л. Стивенсона достижения индустриализации представляются декоративными элементами среди воспетой им природы. Его, как простого горожанина, интересует в большей степени не то, как изменилась повседневность шотландского города, а то насколько быстро это случилось. При сравнении частей старого и нового города (Эдинбурга) автор пользуется стилистикой, полной элегических, романтических приемов, что только усиливает его пиетет к прошлому. Схожесть труда А. Смита и Р. Стивенсона в том, что концепт «старого» и «нового» имеет историческую базу, хотя у Р. Стивенсона система образов является более широкой, и затрагивает не только индустриальные достижения, но и повседневность, урбанизацию, а также природу.

Романтизм остается если не центральным, то сопутствующим образом произведений Л. Стивенсона: проезжая по улицам черного лабиринта, он отмечает несколько снесенных старых уголков²⁰.

В тоже время автор стремится подчеркнуть динамизм происходящих изменений: туннель к станции Скотленд-стрит, вид поездов, вырывающихся из его темной пасти, с двумя кондукторами на тормозе, мысль о его длине и многочисленных массивных зданиях и открытых проездах наверху, безусловно, произвели огромное впечатление на молодой ум²¹.

Как человек, заставший индустриальные перемены, Л. Стивенсон выражает беспокойство о будущем облике родных мест. Он отмечал, что мы можем срубить деревья, мы можем зарыть траву под мертвыми камнями мостовой; мы можем проехать по оживленным улицам через все наши спальные кварталы, и мы можем забыть истории и игровые площадки нашего детства; Но у нас есть кое-что, что даже неистовое рвение строителей не в силах полностью уничтожить, пока у нас есть холмы и залив, у нас есть славное наследие, которое мы оставим нашим детям²².

В произведении Ч. Диккенса «Домби и сын» повествуется о влиянии развития железной дороги не только на процесс хаотич-

ного разрушения, но, более конкретно, на процессе пространственной реорганизации²³. С переходом к капиталистической современности, которую железная дорога здесь олицетворяет, сады Стэгтса были полностью воссозданы, чтобы воспроизвести господствующий способ производства²⁴. Ш. Мэтисон подчеркивает, что железная дорога представляет собой и сама участвует в процессе пространственной реструктуризации, характерной для более широких последствий капиталистической современности, вступившей в силу в середине XIX века²⁵.

Если сопоставить работу Ч. Диккенса и Л. Стивенсона, то работа последнего представляет собой целостный исторический нарратив, отличающий его от классически английского произведения Диккенса «Домби и сын»²⁶ широкой структурой интеллектуальных образов, в которую включены культурный контекст, архитектура, природа, повседневность, рабочие отношения, система путей сообщений, а также языковая динамика. Более того, работы шотландских авторов имеют интертекстуальные аллегории, подчеркивающие шотландскую национальную идентичность. Интересны аллюзии автора насчет набирающих популярность профессий строителя и архитектора. В тексте он не раз выражал недовольство слишком плотной застройкой, неправильно расположенным направлением домов.

К примеру, описывая кварталы Ньюингтон и Морнингсайд (шотландские виллы), он подчеркивал, что это не дома (поскольку не соответствуют потребностям человека), это не здания, так как созданы без соблюдения пропорций с соседним зданием, они не принадлежат ни к какому стилю искусства, а являются формой бизнеса, о которой можно сожалеть²⁷. И тут он задает вопрос «Выигрывает ли трудолюбивый жадный строитель больше на уродстве, чем на приличном коттедже такой же площади?»²⁸. Он также обращает внимание на то, что есть смелые и безвкусные здания, «эта опасность угрожает благополучию города»²⁹. «Если бы население Эдинбурга было живым автономным организмом, оно восстало бы, как один человек и совершило бы ужасную ночь поджогов»³⁰.

Для Стивенсона историко-культурный контекст является первостепенным, а прогресс выступает в роли фонового ландшафта, отображающего современные реалии. Интересно, что строители и архитекторы, как представители научно-технологических изменений эпохи, воспринимались автором в негативном свете. Таким образом, система поздневикторианских образов индустриализации состоит из концептов, противопоставляющих старое и новое, город и деревню, природу и урбанизм, повседневность и рабочее время.

Интересно, что для конца XIX в. характерно появление в Шотландии школы кайльярда (что в переводе означает «капустная грядка»). Некоторые исследователи подчеркивали более дилетантский характер

данной литературы. Хотя, более объективным кажется мнение, что аудитория школы кайльярда ставила в неудобное положение тех, кто отстаивал высокие культурные стандарты, поскольку впечатляющее число читателей из среднего класса проявляло больший интерес к моральным и консервативным чувствам национальных сказаний³¹. Важно отметить, что это направление оставалось за пределами всеобщего признания. Данное явление в культуре еще раз подчеркивает контраст между урбанистической и сельской литературой, а также классовые противоречия. Многообразие образов литературных памятников конца XIX в. свидетельствует о создании собственной национальной литературы о шотландской идентичности.

Поэма «Город страшной ночи» Джеймса Томсона была написана около 1870–1873 гг. и наполнена отчаянием, безысходностью, в связи с чем получила прозвище «лауреата пессимизма», а сама поэма признана самым безрадостным произведением английской литературы³². Его труд является классическим поздневикторианским памятником эпохи.

Все в мыслях мрачных и тоскливых снах;
Ключей домашних связка, и зело
Свободно платью - твердое при этом,
Как панцирь с металлическим отсветом;
И ноги, что ступают тяжело³³

Прямых впечатлений о технологическом прогрессе в тексте встречается немного, но позиция Дж. Томсона отчетливо видна при анализе его работы: пугающая индустриализация, из-за которой будущее видится мрачным и безысходным.

Помимо шотландских литературных памятников культуры, путешествие Ж. Верна в Шотландию осенью и зимой 1859-1860 гг. позволяет восстановить не только структуру повседневности горожан, но и определить восприятие научно-технического прогресса. Интересно, что данный автобиографичный источник был введен в научный оборот достаточно поздно – в 1989 г.

В своем произведении автор стремился подчеркнуть шотландские контрасты – это и особенности развития города и деревни, Хайленда и Лоуленда, урбанизацию и природу. Больше всего писателя интересовала культурная специфика региона. «Этот рудник принадлежал мистеру С. и наряду с изрядной добычей каменного угля поставлял газ для освещения замка и парка. Аллеи последнего были украшены пилястрами с изящными газовыми фонарями на них. В Англии, как и в Шотландии, не найдется ни одной мало-мальски приличной фермы, которая не освещалась бы благодаря разработке угольных месторождений. В этой такой щедрой земле достаточно просверлить дыру, и тут же забьет неиссякаемый источник тепла и света»³⁴. Казалось бы, текст Жюль Верна имеет субъективные коннотации, поскольку воодушевленность

путешествующего новым местом неизбежна. Однако, радость и вдохновение достижениями прогресса сменяется унынием:

«Глазго был точной копией Ливерпуля по характеру и атмосфере. Множество общественных зданий, претендующих на монументальность, почерневшие от туманов и угольной пыли, представляли собой довольно грустное зрелище»³⁵.

Один из центральных образов – противопоставление старого и нового был описан Ж. Верном через приму урбанизма. Он подчеркивал, что в торговой части города туристы увидели действительно очень красивые улицы: банки, общественные здания, музеи, приюты, убежища, больницы, Биржа, библиотека, клубы, залы для собраний и другие постройки встречаются здесь во множестве. Здания изобилуют массивными, часто неудачно расположенными колоннами³⁶. «Порт Глазго отличается большой коммерческой активностью. Огромные пакгаузы протянулись вдоль набережных Клайда, и хранят горы и горы товаров».

Следует отметить, что «образ другого» в работе Ж. Верна раскрывается в большей степени через культурный компонент, подчеркивая местный колорит, языковое разнообразие и национальную идентичность. Автор сравнивает шотландские города с другими центрами мира, подчеркивая их принадлежность к общей системе индустриальной эпохи. Таким образом, создается своего рода система типизации урбанистического и индустриального пространства XIX века.

Таким образом, система образов индустриального прошлого Шотландии второй половины XIX в. представляется неоднозначной. С одной стороны, восприятие выстроено на противопоставлении старого и нового, города (как новой цитадели урбанизации) и древни (как бастиона сохранившейся природы), рабочего времени и досуга, а также на социальном конфликте (выделении беднеющих слоев населения, рабочего класса, среднего и высшего). С другой стороны, объединяющим фактором данной системы образов является общий локус о непонятном и пугающем настоящем. Шотландская литература, по сравнению с английской, изобилует романтическими и элегическими приемами. Это связано с большим вниманием авторов к национальной идентичности.

Примечания Notes (Endnotes)

1. *Ретина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти //Новое прошлое / The New Past. 2016. №1. С.84–85.

2. *Шнирельман В. А.* Социальная память и образы прошлого//Новое прошлое / The New Past. 2016. №1. С. 123.

3. *Donaldson W.* Popular literature in Victorian Scotland. Language, fiction and the press. 1986. 186 p.

4. *Houston R.A.* Scottish Literacy and the Scottish Identity: Illiteracy and Society in Scotland and northern England, 1600-1800. 1985. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=7xpedVRweWAC&dq=literature+in+Scotland+industrial+revolution&hl=ru&source=gbp_navlinks_s (дата обращения 26.08.19).

5. *Pond K.* Strangers and the Enchantment of Space in Victorian Fiction, 1830–1865. 2024. Routledge. 256 p.

6. *Mathieson C.* Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. [https://www.google.ru/books/edition/Transport in British Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0](https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0) (дата обращения 11.08.2025)

7. *Малкин С.Г.* Горная Шотландия конца XVII — первой половины XVIII века и исторические романы Вальтера Скотта. // Новая и новейшая история. М., 2010. № 2. С. 59

8. *Малкин С.Г.* Горная Шотландия конца XVII — первой половины XVIII века и исторические романы Вальтера Скотта. // Новая и новейшая история. М., 2010. № 2. С. 59–71.

9. *Малкин С.Г.* Горная Шотландия конца XVII — первой половины XVIII века и исторические романы Вальтера Скотта. // Новая и новейшая история. М., 2010. № 2. С. 59–71.

10. *Checkland, O., Checkland, S.G.,* Industry and Ethos: Scotland, 1832–1914. Edinburg. 1984. 232 p. [Электронный ресурс] URL: https://www.google.ru/books/edition/Industry_and_Ethos/-MPTw6QQJ-4C?hl=ru&gbpv=1&dq=O.+Checkland+and+S.+Checkland,+Industry+and+Ethos:+Scotland+1832%E2%80%931914&pg=PA218&printsec=frontcover (дата обращения 31.05.2021). P. 3

11. *Whatley, C. A.* The Industrial Revolution in Scotland / C. A. Whatley. – Cambridge, 1997. P.6

12. *Whatley, C. A.* The Industrial Revolution in Scotland / C. A. Whatley. – Cambridge, 1997. P.6

13. *Дайчес Д.* Вальтер Скотт и его мир. М.: Радуга, 1987. с. 63

14. *Smith A.* City poems. Cambridge, 1857. P. 56

15. *Smith A.* Alfred Hagart's Household. Boston, 1865. P. 5

16. *Smith A.* Alfred Hagart's Household. Boston, 1865. P. 5

17. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.5.

18. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.19

19. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.19

20. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.33

21. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.128

22. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.130-131

23. *Mathieson C.* Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction

Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. [https://www.google.ru/books/edition/Transport in British Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0](https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0) (дата обращения 11.08.2025)

24. *Mathieson C.* Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMC-gAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения 11.08.2025)
25. *Mathieson C.* Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMC-gAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения 11.08.2025)
26. *Диккенс Ч.* Домби и сын. СПб., 1909–1910. 833 с.
27. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.133
28. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.133
29. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.135
30. *Stevenson R. L.* Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.135
31. *Cook R. Z.* Scotland as We Know It. Representations of National Identity in Literature, Film and Popular Culture. 2008. Edinburgh. P.29
32. *Томсон Дж.* Город страшной ночи. Поэма / Пер. с англ. Валерия Вотрина. - М., 2012. С.4
33. *Томсон Дж.* Город страшной ночи. Поэма / Пер. с англ. Валерия Вотрина. - М., 2012. С.68–69
34. *Верн Ж.* Путешествие в Англию и Шотландию задом наперед. 1989. https://librebook.me/puteshestvie_v_angliiu_i_shotlandiiu_zadom_napared/vol1/29 (дата обращения 15.08.2025)
35. *Верн Ж.* Путешествие в Англию и Шотландию задом наперед. 1989. https://librebook.me/puteshestvie_v_angliiu_i_shotlandiiu_zadom_napared/vol1/29 (дата обращения 15.08.2025)
36. *Верн Ж.* Путешествие в Англию и Шотландию задом наперед. 1989. https://librebook.me/puteshestvie_v_angliiu_i_shotlandiiu_zadom_napared/vol1/29 (дата обращения 15.08.2025)

Автор, аннотация, ключевые слова

Максименко Марина Андреевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной истории и международных отношений, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

ORCID: 0000-0003-4698-4220

mmaksimenko@sfsedu.ru

Впервые в отечественной историографии рассматривается проблема отражения индустриальных представлений в зеркале литературы. В статье представлены результаты сравнительного анализа литературных источников писателей второй половины XIX в., затрагивавших темы промышленного прогресса и урбанизации. Особое

внимание в статье уделено работам известных шотландских писателей А. Смита, Дж. Уилсона, Р. Стивенсона, а также работе Ж. Верна и его впечатлениям о посещении Шотландии. В статье уделяется внимание выявлению системы индустриальных образов, характерных для представителей литературной профессии второй половины XIX в. Разбор малоизвестных публикаций позволил определить их противоречивость и неоднозначность. Особое внимание уделяется таким категориям, как город и деревня, природа и урбанизм, старое и новое, а также социальному конфликту как неизбежному результату технологических преобразований. Автор приходит к выводу, что главной особенностью системы образов об индустриализации является их противоречивость. Идентичность социокультурного контекста исследуемых работ позволила определить, что авторы обращают внимание на формирование новой городской социальной структуры, выделяя представителей низшего, рабочего, среднего и высшего классов. Учитывая исторический контекст, автор делает вывод о том, что постоянное обучение новым достижениям науки сочеталось со страхом неизвестности и даже опасности, идущей от технологических достижений.

Индустриализация, история Шотландии; история идей, интеллектуальная история; историческая память; Александр Смит; Джон Уилсон; Вальтер Скотт, Роберт Льюис Стивенсон, Чарльз Диккенс.

Author, Abstract, Key words

Marina A. Maksimenko – PhD in History, Senior Lecturer at the Department of Foreign History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

ORCID: 0000-0003-4698-4220

mmaksimenko@sfedu.ru

For the first time in Russian historiography, the problem of reflecting industrial ideas in the mirror of literature is being considered. The article presents the results of a comparative analysis of literary sources of writers of the second half of the 19th century, dealing with the themes of industrial progress and urbanization. The article pays special attention to the works of famous Scottish writers A. Smith, J. Wilson, R. Stevenson, as well as the work of J. It is also true to his impressions of visiting Scotland. The article focuses on identifying the system of industrial images typical of the literary profession in the second half of the 19th century. The analysis of little-known publications allowed us to

determine their inconsistency and ambiguity. Special attention is paid to such categories as city and village, nature and urbanism, old and new, as well as social conflict as an inevitable result of technological transformations. The author comes to the conclusion that the main feature of the system of images about industrialization is inconsistency. The identity of the socio-cultural context of the studied works allowed us to determine that the authors pay attention to the formation of a new urban social structure, highlighting representatives of the lower, working, middle and upper classes. Taking into account the historical context, the author concludes that constant learning of new scientific achievements was combined with the fear of the unknown and even the danger coming from technological advances.

Industrialization, history of Scotland; history of ideas, intellectual history; historical memory; Alexander Smith; John Wilson; Walter Scott, Robert Louis Stevenson, Charles Dickens

References

1. Repina L. P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoy i kul'turnoj pamyati // Novoe proshloe / TheNewPast. 2016. №1. S.84–85.
2. Shnirel'man V. A. Social'naya pamyat' i obrazy proshlogo // Novoe proshloe / The New Past. 2016. №1. S. 123.
3. Donaldson W. Popular literature in Victorian Scotland. Language, fiction and the press. 1986. 186 p.
4. Houston R. A. Scottish Literacy and the Scottish Identity: Illiteracy and Society in Scotland and northern England, 1600-1800. 1985. Rezhim dostupa: [https://books.google.ru/books?id=7xpedVRweWAC&dq=literature+in+Scotland+industrial+revolution&hl=ru&source=gbs_navlinks_s\(dataobrashcheniya 26.08.19\)](https://books.google.ru/books?id=7xpedVRweWAC&dq=literature+in+Scotland+industrial+revolution&hl=ru&source=gbs_navlinks_s(dataobrashcheniya 26.08.19)).
5. Pond K. Strangers and the Enchantment of Space in Victorian Fiction, 1830–1865. 2024. Routledge. 256 p.
6. Mathieson C. Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. [https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0\(dataobrashcheniya 11.08.2025\)](https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0(dataobrashcheniya 11.08.2025))
7. Malkin S. G. Gornaya Shotlandiya konca XVII — pervoj poloviny XVIII veka i istoricheskie romany Val'tera Skotta. // Novaya i novejshaya istoriya. M., 2010. № 2. S. 59
8. —71
9. Malkin S. G. Gornaya Shotlandiya konca XVII — pervoj poloviny XVIII veka i istoricheskie romany Val'tera Skotta. // Novaya i novejshaya istoriya. M., 2010. № 2. S. 59–71.

10. Malkin S. G. Gornaya Shotlandiya konca XVII — pervoj poloviny XVIII veka i istoricheskie romany Val'tera Skotta. // Novaya i novejschaya istoriya. M., 2010. № 2. S. 59–71.

11. Checkland, O., Checkland, S. G., Industry and Ethos: Scotland, 1832–1914. Edinburg. 1984. 232 p. [Elektronnyj resurs] URL: https://www.google.ru/books/edition/Industry_and_Ethos/-MPTw6QQJ-4C?hl=ru&gbpv=1&dq=O.+Checkland+and+S.+Checkland,+Industry+and+Ethos:+Scotland+1832%E2%80%931914&pg=PA218&printsec=frontcover (data obrashcheniya 31.05.2021). P. 3

12. Whatley, C. A. The Industrial Revolution in Scotland / C. A. Whatley. – Cambridge, 1997. P.6

13. Whatley, C. A. The Industrial Revolution in Scotland / C. A. Whatley. – Cambridge, 1997. P.6

14. Dajches D. Val'ter Skott i ego mir. M.: Raduga, 1987. s. 63

15. Smith A. City poems. Cambridge, 1857. P. 56

16. Smith A. Alfred Hagar\’s Household. Boston, 1865. P. 5

17. Smith A. Alfred Hagar\’s Household. Boston, 1865. P. 5

18. Stevenson R. L. Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.5.

19. Stevenson R. L. Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.130-

131

20. Mathieson C. Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction

21. Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (data obrashcheniya 11.08.2025)

22. Mathieson C. Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction

23. Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (data obrashcheniya 11.08.2025)

24. Mathieson C. Travelling bodies in the mid-nineteenth-century railway journey // Transport in British Fiction

25. Technologies of Movement, 1840-1940. Ed. by A. E. Gavin and P. S. Bray. https://www.google.ru/books/edition/Transport_in_British_Fiction/EmMMCgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (data obrashcheniya 11.08.2025)

26. Dikkens Ch. Dombi i syn. Spb., 1909–1910. 833 s.

27. Stevenson R. L. Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.133

28. Stevenson R. L. Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.133

29. Stevenson R. L. Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.135

30. Stevenson R. L. Edinburgh. Picturesque Notes. N.Y., 1896. P.135

31. Cook R. Z. Scotland as We Know It. Representations of National Identity in Literature, Film and Popular Culture. 2008. Edinburgh. P.29

32. Tomson Dzh. Gorod strashnoj nochi. Poema / Per. s angl. Valeriya Votrina. - M., 2012. S.4

33. Tomson Dzh. Gorod strashnoj nochi. Poema / Per. s angl. Valeriya Votrina. - M., 2012. S.68–69

34. Vern Zh. Puteshestvie v Angliyu i Shotlandiyu zadom napered. 1989.
https://librebook.me/puteshestvie_v_angliiu_i_shotlandiiu_zadom_napered/vol1/29(data obrashcheniya 15.08.2025)

35. Vern Zh. Puteshestvie v Angliyu i Shotlandiyu zadom napered. 1989.
https://librebook.me/puteshestvie_v_angliiu_i_shotlandiiu_zadom_napered/vol1/29(data obrashcheniya 15.08.2025)

36. Vern Zh. Puteshestvie v Angliyu i Shotlandiyu zadom napered. 1989.
https://librebook.me/puteshestvie_v_angliiu_i_shotlandiiu_zadom_napered/vol1/29 (data obrashcheniya 15.08.2025)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Source analysis

DOI 10.54770/20729286-2025-3-355

И.Н. Стрекалов

«Эта премия должна быть дана за гигантский, самоотверженный подвиг...»: документы обсуждения кандидатур на Ленинскую премию по киноэпопее «Освобождение» (1971-1972 гг.)

Strekalov Ilya Nikolaevich

“This prize should be given for a gigantic, selfless feat...”: documents from the discussion of candidates for the Lenin Prize for the film epic “Liberation” (1971-1972)

Киноэпопея «Освобождение» в постановке режиссёра Юрия Озерова, руководившего большим творческим коллективом, стала первым эпическим полотном о Великой Отечественной войне в советском кинематографе после периода «малокартинья» последних лет правления И. В Сталина (когда выходили такие киноэпопеи, как «Сталинградская битва», «Третий удар», «Падение Берлина»). Фильмы эпопеи «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин» и «Последний штурм» выходили на киноэкраны страны и мира, начиная с 1970 года, ознаменовавшегося 25-летием Победы СССР над фашистской Германией. К осени 1971 г. все они были закончены производством. Киноэпопея создавалась как «ответ» советских кинематографистов западным на их «суперфильмы», такие как «Самый длинный день» или «Битва в Арденнах», вышедшие в 1960-е гг. Чиновников идеологических структур, военно-политических органов власти и творческих киноработников возмутило, что в подобных дорогостоящих и масштабно поставленных картинах отсутствует какое бы то ни было упоминание о роли Красной Армии в разгроме фашизма. На высоком уровне – ЦК КПСС – было принято решение о создании собственного эпического фильма, показывающего решающий вклад Советского Союза в победе над гитлеровской Германией. И такой фильм был создан к началу 1970-х гг. в Первом творческом объединении киностудии «Мосфильм».

Политическое, идеологическое значение кинокартины для власти и общества было совершенно очевидно. Режиссёру-постановщику Ю. Озерову, оператору И. Слабневичу, художнику А. Мягкову,

соавторам сценария Ю. Бондареву и О. Курганову присудили Ленинскую премию в области киноискусства в апреле 1972 г. Вручение высшей государственной награды СССР знаменовало собой официальное признание их труда партией и правительством.

Однако история выдвижения кандидатов на премию полна неожиданных поворотов. Список кандидатов сложился не сразу. В нём было намного больше лиц.

22 сентября 1971 г. собрался худсовет киностудии «Мосфильм». Вопрос о выдвижении киноэпопеи как таковой не обсуждался, все осознавали, что это – самое крупное кинематографическое достижение студии на тот момент времени. Не то было, когда приступили к обсуждению списка тех конкретных творческих работников, кто выдвигается на премию. Изначально круг потенциальных кандидатов несколько отличался от итогового: в нём находились не только режиссер-постановщик и соавтор сценария Ю. Озеров, авторы сценария Ю. Бондарев и О. Курганов, художник А. Мягков, оператор И. Слабневич, но и главный пиротехник В. Сухорецкий, актёры Н. Олялин и В. Санаев. Также в список включили исполнителя роли А. Гитлера, Фрица Дица, и исполнителя одной из главных ролей в фильме «Белорусский вокзал» А. Смирнова, Анатолия Папанова.

При составлении официального письма в Комитет по премиям кандидатуры Папанова и Дица отпали. Киностудия «Мосфильм» 30 сентября 1971 г. в Комитет по премиям ходатайствовала о присуждении награды оставшейся «восьмёрке» из коллектива киноэпопеи¹. Были и другие варианты. Союз писателей РСФСР 11 октября вынес постановление за подписью С. В. Михалкова о выдвижении на премию практически той же пятёрки авторов, что в итоге её и получила, за исключением художника А. Мягкова – вместо него предлагался актёр Николай Олялин².

В Союзе кинематографистов СССР имелись серьёзные разногласия по этому вопросу. Разные секции творческих работников обсуждали кандидатуры и приходили к разным выводам. Так, если секция художественной кинематографии поддержала «Мосфильм», то секция кинодраматургии одобрила... только две кандидатуры: режиссёра Ю. Озерова и оператора И. Слабневича.

На заседании секретариата Союза в октябре 1971 г. завязалась дискуссия, суть которой заключалась в том, что сама по себе драматургия сценария этого фильма оценивается невысоко. Замысел картины, её посыл, работа отдельных актёров в отдельных эпизодах, техническая и организационная работа – да, всё это есть, но фильм, снятый в жанре исторической хроники, воспроизводит именно историю, в нём нет героев, которым можно было бы сочувствовать, сопереживать, нет судеб, за развитием которых можно было бы сле-

дять, проблем, над которыми можно было бы размышлять. В конечном итоге были убраны и актёры, и пиротехник, и проголосовали за утверждение основной пятёрки авторов картины, в которую входили Озеров, Бондарев, Курганов, Слабневич, Мягков. Подверглась сомнению кандидатура главного пиротехника В. М. Сухорецкого как человека, являющегося автором технических, а не творческих решений, за которые и присуждается Ленинская премия.

Колебания по кандидатурам оставались. Члены Комитета по Ленинским и Государственным премиям смотрели всю киноэпопею в течение трёх дней, с 9 по 11 февраля 1972 г. 14 февраля прошло обсуждение кандидатур, на котором председатель Кинокомитета СССР А. В. Романов предложил окончательно исключить актёров Н. Олялина и В. Санаева. Министр культуры СССР Е. А. Фурцева предложила исключить пиротехника. Режиссёр Юлия Солнцева, вдова известного мастера кино Александра Довженко, высказала сомнение в том, что О.И. Курганов достоин премии: «Он ничего значительного в литературе не сделал, ничего блестящего. Мы знаем профиль этого человека. На Государственную премию он мог бы, может быть, претендовать, но на Ленинскую премию...»³.

Казалось бы, О.И. Курганов – соавтор сценария киноэпопеи, как можно было исключить его из списка кандидатов на премию? Очевидно, здесь имелись в виду два обстоятельства. О первом из них, не называя при этом вещей своими именами, говорили участники заседания Президиума Комитета 10 апреля 1972 г. Н.С. Тихонов заметил, что «есть какая-то зацепка» относительно Курганова. Председатель Кинокомитета А.В. Романов сразу пресёк этот разговор и заявил: «Слухи лучше не выносить ни на пленум, ни на секции»⁴. Какие это могли быть «слухи»? Дело в том, что в 1949 г. Оскар Иеремеевич подвергся обвинению по поводу... своего социального происхождения. По национальности он был евреем, а в те годы проводилась кампания по борьбе с космополитизмом. Курганов работал в «Литературной газете», и на имя М.А. Суслова в августе 1949 г. поступило письмо из парторганизации издания (а затем – аналогичным образом и от «Правды»). Существо обращений состояло в том, что Курганов скрыл своё буржуазное социальное происхождение (его отец был крупным арендатором и заводчиком в Белоруссии, а сам Оскар Иеремеевич в молодости исключался из комсомола). Кроме того, Курганов якобы совершил плагиат, включив в свою книгу «Американцы в Японии» материал, предназначенный к публикации в «Литературной газете»⁵. В конечном итоге его освободили от должности редактора раздела международной жизни в газете. Как бы то ни было, с наступлением «оттепели» Оскар Иеремеевич сумел вернуться к писательской и журналистской деятель-

ности, по его пьесам ставили работы в театрах, по его сценариям снимали документальные фильмы.

И здесь же – второй повод исключить Курганова из кандидатов на премию: к моменту появления «Освобождения» он, в отличие от Ю. Бондарева, не написал ни одного сценария, по которому был бы поставлен художественный кинофильм. В мире кинематографистов его знали слабо. Бондарев уже тогда прозвучал своим именем в кино в связи с фильмом «Тишина» Владимира Басова.

Однако выкидывать кандидатуру Курганова в силу того, что он был одним из авторов сценария, т. е. занимал одно из центральных мест в работе над эпопеей, в Комитете не стали. 18 апреля на заседании Секретариата ЦК КПСС под председательством М.А. Суслова вопрос о кандидатах на Ленинскую премию, стоявший под 5-м номером по повестке дня, был рассмотрен без прений – проект постановления о присуждении премии приняли единогласно⁶. Конечно, это было большое событие. Ю. Озерова поздравляли коллеги по киностудии. В личном архиве режиссёра-постановщика сохранилось письмо, написанное от руки именитым советским режиссёром Г.В. Александровым в адрес обладателей Ленинской премии, в котором было сказано: «Спасибо за богатырскую творческую победу, которую вы одержали на фронте идеологической борьбы с буржуазными фальсификаторами и извратителями истории Отечественной войны, и ярко показали правду о той роли Советской Армии и её военачальников в разгроме гитлеровского фашизма»⁷.

28 апреля 1972 г. в Свердловском зале Кремля состоялось вручение Ленинских премий. Озеров сказал: «Нет слов, чтобы выразить огромную благодарность Центральному Комитету партии и правительству за великую награду. Мы расцениваем эту награду как одобрение нашей линии в киноискусстве. Мы считаем, что советский кинематограф должен делать фильмы большие, масштабные, идейные, политические, и запускать их на мировой экран, как спутник»⁸.

Однако и другие члены коллектива получили награды за работу над картиной. Второй режиссёр Ю.М. Кун удостоился Ордена Трудового Красного знамени; директор картины Л.В. Канарейкина получила специальный приз за организацию производства фильмов по киноэпопее на V Всесоюзном фестивале в Тбилиси в 1972 г. Фриц Диц, исполнитель роли Адольфа Гитлера, получил высокую государственную награду ГДР – патристический орден «За заслуги» («Vaterländische Verdienstorden» – VVO) в серебре. Эта награда была вручена ему за выдающиеся достижения в области театра и кино.

Предлагаемые вниманию читателей документы являются выдержками из стенограмм заседаний художественного совета киностудии «Мосфильм», секретариата Союза кинематографистов

СССР, секций Пленума и Президиума Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. В необходимых местах сделаны грамматические и пунктуационные исправления, в квадратных скобках даются поправки к некоторым, очевидно, неверно записанным словам. Эти тексты позволяют увидеть ход дискуссий по кандидатурам на Ленинскую премию по киноэпопее «Освобождение» как по вертикали (от «низовых» предложений студии к «высшим» решениям руководства Комитета по премиям), так и по горизонтали (среди разных творческих работников и чиновников, участвовавших в обсуждении). Они ещё раз свидетельствуют о том, что ход решения вопроса о присуждении премии не был предопределён заранее, что отношение к киноэпопее «Освобождение» среди её современников было весьма разным и сложным. Тем не менее, эти же документальные материалы не отменяют и выводов, и дальнейшего развития событий, связанного с эпопеей, а именно – большого признания этого фильма как грандиозного военно-патриотического фильма, максимально охватывающего события Великой Отечественной войны наступательного, освободительного, победного этапа, как кинокартины, не имеющей аналогов ни в советском, ни в российском кинопроизводстве.

№1

Стенограмма заседания художественного совета киностудии «Мосфильм». Вопрос о выдвижении кинофильмов и работников студии «Мосфильм» на Ленинскую премию. 22 сентября 1971 года. Фрагмент.

<...> В.И. СОЛОВЬЁВ⁹. <...> Предложение о выдвижении фильма «Освобождение» на Ленинскую премию принимается единогласно.

Теперь нам надо обсудить список товарищей, которых выдвигают на эту высокую награду.

Партком предложил выдвинуть на соискание Ленинской премии авторов сценария «Освобождения» - Ю. Бондарева¹⁰, О. Курганова¹¹ и Ю. Озерова¹². Озерова и как постановщика-режиссёра [режиссёра-постановщика] фильма. Кроме того, главного оператора фильма – Слабневича¹³, главного художника фильма – Мягкова¹⁴ и главного пиротехника фильма – Сухорецкого В.¹⁵ И, кроме того, главных исполнителей – актёров Олялина Н.¹⁶ и Санаева В.¹⁷

Вот этот список обсуждался на парткоме и рекомендован.

У кого есть какие соображения по этому поводу?

Г.В. АЛЕКСАНДРОВ¹⁸. Санаеву нужно дать. Это великолепный актёр. И потрясающе сыгран в фильме роль Гитлера; актёра,

сыгравшего её, следовало бы представить к Ленинской премии, но это как-то несовместимо. Вот я и не знаю, как с этим быть.

(Голоса с места: Были случаи уже, когда за подобные роли актёры получали национальные премии.

- Это имело место и в Чехословакии.

- Было и в ГДР.

- Почему нельзя давать наград за исполнение отрицательных ролей?)

В.С. БЕЛЯЕВ¹⁹. Диц²⁰ сыграл крупную роль, оставившую самое яркое впечатление. Ему можно дать премию за актёрское исполнение.

Г.В. АЛЕКСАНДРОВ. Сам он – коммунист.

С.П. АНТОНОВ²¹. Я хочу принципиально поставить вопрос. Я лично усмотрел перекося. С одной стороны, предлагается выдвинуть на премию всё высшее ядро фильма, вплоть до главного пиротехника, а с другой стороны, нет достаточного упора на основное ядро артистов.

Мы выставляем 4 картины. Из 4-х полнометражных серьёзных картин набрали только 2-х актёров. Я не все картины видел. Как зритель, я не обошёл бы актёра Папанова²², не обошёл бы актёра, который играл Гитлера.

С МЕСТА. Актёра Дица.

С.П. АНТОНОВ. Я хочу поставить вопрос принципиально. Этот вопрос имеет и пропагандистское значение. Народ увидит, кого наградили Ленинскими премиями. Наградили главного пиротехника. Может быть, он и должен быть награждён, но реакция здесь будет не та, а вот если зритель узнает, что наградили любимого актёра, например, Санаева, то он будет реагировать совсем по-другому, и это вполне понятно.

Л.О. АРНШТАМ²³. Михаил Ульянов²⁴ играет [маршала Г. К.] Жукова изумительно, но он уже награждён Ленинской премией.

И.А. СОФИЕВА²⁵. Он получил Ленинскую премию в 1966 году, прошло уже пять лет.

Л.О. АРНШТАМ. Ленинская премия даётся один раз.

А.Б. СТОЛПЕР²⁶. Правильно сказал С. П. Антонов – четыре картины, огромное количество актёров, многие играют хорошо, а найти грани – кто лучше, кто хуже, часто бывает очень трудно. Н в этих картинах крупная картина драматурга, режиссёра, оператора, они определяют всю картину. Это тот случай, когда, может быть, правильнее наградить Ленинской премией автора, режиссёра и оператора, потому что то, что делают актёры, всё это значительно, но это меньше того, что сделали режиссёр, драматург и оператор. И прав Антонов, что за одну картину давать 10 Ленинских премий, видимо, нельзя.

В.И. СОЛОВЬЁВ. Для того, чтобы не сложилось такого странного впечатления, что то, что предлагает наша партийная организация, – это есть жёстко ограниченные рамки, и мы именно на это обречены, – я хочу сказать, что партком решил, что этот список послужит для начала нашего разговора.

Здесь было высказано несколько предложений.

А.Б. Столпер предлагает сузить круг лиц, могущих быть награждёнными Ленинской премией, оставив драматурга, режиссёра-постановщика и оператора.

А.Б. СТОЛПЕР. При глубочайшем уважении к пиротехнике, которая сделана в этих картинах, я категорически и принципиально возражаю. Мы награждаем Ленинской премией за творческое решение – литературное, режиссёрское и т. д. Мне кажется, что давать Ленинскую премию пиротехнику – это слишком много, хотя мне как режиссёру, снимающему военные картины, может быть, и хотелось бы этого.

В.И. СОЛОВЬЁВ. Я напомним предложение С.П. Антонова расширить список за счёт включения в него актёров.

С.П. АНТОНОВ. Я называл актёров Папанова и Дица.

В.И. СОЛОВЬЁВ. Может быть, ещё у кого-нибудь есть желание выступить, в таком случае, прошу.

Желающих выступить больше нет. Будем заканчивать обсуждение.

Итак, у нас есть три предложения: первое – сформулированное нашей партийной организацией; второе – сформулированное Александром Борисовичем Столпером и третье – с добавкой актёров Дица и Папанова. Я ничего не пропустил? Других предложений нет?

А.Б. СТОЛПЕР. Я целиком за то, чтобы включить в кандидатуры на Ленинскую премию Папанова.

Л.О. АРНШТАМ. Надо проголосовать предложение С.П. Антонова.

В.И. СОЛОВЬЁВ. Предлагается проголосовать предложение парткома с добавлением тов. Антонова.

Это будет выглядеть таким образом: авторов сценария – Ю. Бондарева, О. Курганова, Ю. Озерова, режиссёра Ю. Озерова, гл. оператора Слабневича, гл. художника Мягкова А. и артистов – В. Санаева, Н. Олялина, Папанова и Дица.

Насчёт Сухорецкого давайте решим этот вопрос отдельно. Кто за то, чтобы включить пиротехника Сухорецкого в список выдвигаемых нами на соискание Ленинской премии? – Девять. Кто за то, чтобы не включать в список? – Семь. Значит, включается в список.

Теперь проголосуем в целом.

Кто за то, чтобы тот список, который я огласил (включая и т. Сухорецкого), принять и направить в Комитет на соискание Ленинских премий? Кто против? Кто воздерживается? Принимается единогласно.

Таким образом, мы закончили свою работу.

Спасибо всем за участие в ней.

Заседание закрывается.

Архив киноконцерна «Мосфильм». Ф. 2453. Оп. 8. Д. 82. Лл. 22-29. Машинопись.

№2

Стенограмма заседания секретариата Союза кинематографистов СССР по выдвижению кандидатур на соискание Ленинской премии 1972 года. 7 октября 1971 г. Извлечение.

<...> 1. Выдвижение кандидатур на соискание Ленинской премии.

Г.Б. МАРЬЯМОВ²⁷. <...> Конкретно, секция художественной кинематографии, рассмотрев вопрос о выдвижении на Ленинскую премию, вынесла решение, поддерживающее решение киностудии «Мосфильм». Они предлагают выдвинуть «Освобождение». Речь идет о четырёх фильмах: «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара» и «Битва за Берлин» - фильм, который делится на два. <...>

А.В. КАРАГАНОВ²⁸. Есть ли еще какие-то предложения на обсуждение нашего секретариата? Других предложений нет. Таким образом, поступило одно предложение. Кто хочет высказаться по его сути?

А.М. ЗГУРИДИ²⁹. Я думаю, из числа последних работ, это наиболее значительное произведение. Действительно, коллективом проделана огромнейшая работа по созданию такого монументального произведения. Поэтому, мне кажется, мы должны поддержать мнение секции и студии и выдвинуть его со своей стороны.

А.В. КАРАГАНОВ. Больше суждений нет? - Нет.

Возражения есть? - Нет.

Значит, фильмы серии «Освобождение» выдвигаются на Ленинскую премию от имени Союза кинематографистов. Теперь – вопрос о персональном выдвижении.

Г.Б. МАРЬЯМОВ. Секция художественной кинематографии предлагает следующие кандидатуры: Бондарев Ю.В., автор сценария, Курганов О.И. - автор сценария, Озеров Ю.Н. - автор сценария и режиссер-постановщик, Слабневич И.М. - оператор, Мягков А.В. - главный художник и Сухорецкий – художник-пиротехник.

Секция киносценарии персонально выдвигает режиссера Ю.Н. Озерова и кинооператора И.М. Слабневича. Только две кандидатуры.

КАРАГАНОВ А.В. Прошу высказываться по персональному составу.

ЗГУРИДИ А.М. По-моему, в секции драматургии происходит что-то странное – невозможно в таком произведении игнорировать авторов. Мне кажется, что это было бы совершенно неверно, это возможно было бы разве только за какую-то вину. Я думаю, что нам нужно внимательно подойти к этому вопросу и поддержать кандидатуры драматургов, как это делает студия «Мосфильм».

В отношении остальных мне трудно судить, потому что я не все четыре серии видел, а потому я бы просил высказаться Санаева. Мне кажется, что, как бы ни была хорошо работа, но выдвигать пиротехника и не выдвигать ни одного актера – это совершенно неверно.

Вопрос чрезвычайно серьезный. Картина эта поражает режиссерской работой, но, всё-таки, я думаю, что актеры сыграли не меньшую роль, чем пиротехник. Что касается пиротехника, я бы думал, что его нужно всячески поощрить, наградить, но никак нельзя выдвигать его на Ленинскую премию. Поэтому я думаю, что эта кандидатура заслуживает особого обсуждения.

ДОБРОДЕЕВ Б.Т.³⁰ По поводу позиции секции киносценарии. На секции был очень подробный, очень продолжительный разговор. Были высказаны разные точки зрения, но почему большинство склонилось к этому решению? Тут речь идет не о личных мотивах или умалении роли киносценариев, а просто мы считали, что, с нашей точки зрения, в данном случае – с точки зрения большинства – всё-таки, драматургия в этой картине – наиболее уязвимое место. И не случайно бросили реплику, что запутались в актерах, потому что персональной стороне дела было уделено наименьшее внимание. Мы считали, поскольку речь идет о Ленинской премии, т. е. по самому крупному счету, что мы были бы неправы, если бы по линии драматургии признали ее заслуживающей внимания. Это было мнение большинства.

МАРЬЯМОВ Г.Б. Мне не хотелось бы высказываться по поводу выдвижения этой картины, но мне кажется, что роль автора такова, что вряд ли он не имеет голоса, когда выдвигаются основные создатели этого фильма. Тут даже не стоит такой вопрос, но мне хотелось высказаться по существу о людях, выдвигаемых на соискание этой премии. Я думаю, что выдвижение авторов этого фильма, если выдвигается фильм в целом, просто совершенно необходимо, потому что мы считаем, что первоосновой фильма всегда является литера-

турный сценарий. В данном случае получилась значительная картина (я не хочу уточнять формулировки, фильм был оценен), большой политический фильм, фильм, который играет большую роль в политической пропаганде во всем мире. Я знаю отношение к этому фильму во многих странах, в частности, социалистических, где эту картину очень поддерживают. И в Латинской Америке, и в ряде капиталистических стран и социалистических, например, в ГДР, я слышал от руководителей кинематографии, что фильм, собравший самое большое количество зрителей, был «Освобождение». Это ведь естественно – интерес немцев к подобного рода картине. Важно, что до людей дошло, и в сердцах людей эта картина что-то сохранила с точки зрения той правды, которую она несет. Это картина, которая существует как ответ на те фальсификации истории, которые сейчас в области оценки второй мировой войны существуют в мире. Мы знаем картины, сделанные англичанами, американцами, - и «Самый длинный день»³¹, и «Битва за Америку»³², и картина, сделанная об Арденнах³³, - где полностью игнорируется наша роль в победе над фашистской Германией.

Этого нельзя не учитывать; как нельзя отрывать художественное содержание от политики, так и политику – от художественного содержания. Нельзя сказать, что картина значительная, играет большую роль, и вместе с тем – что в художественном отношении она представляет себе минус. Так не бывает. В этом – диалектика художественного произведения.

Да, здесь есть художественные просчеты. В картине, художественно и формально высоко сделанной, есть некоторые просчеты, если хотите, даже идейного содержания, но отрывать одно от другого невозможно.

Я должен сказать, что создать такую картину без авторов, без колоссального их труда было бы совершенно невозможно. Трудно взвешивать талант авторов, которые работали над этой картиной, и что могло бы получиться, если бы были более талантливые авторы. У нас есть в секции драматургии более талантливые авторы, профессионалы – никто из них не брался за это, о чем можно только пожалеть. Но отобрать материал, провести огромную работу, довести до экрана, сделать сцены, где и Сталин, и Гитлер, и Черчилль, и Жуков – это колоссальный труд. Пусть кинодраматурги помыслят, что такое – сделать такие сцены, которые звенят, если не своей силой, то правдивостью, убедительностью, заставляют задуматься людей. Первые две картины посмотрело 60 млн. людей.

Меня поразила позиция наших драматургов, тт. Метальникова³⁴ и Добродеева, которые представляют секцию. Я понимаю их аргументы, подтекст, понимаю, что не лучшее сделано в этом отно-

шении в области кинодраматургии, но картина сделана своеобразно. Не знаю, как работают другие драматурги. Конечно, сюжет, диалог они умеют сделать лучше, не знаю, как они в этом жанре...

(Б. Т. Добродеев – Зачем иронизировать?)

Я не иронизирую, но разрешите мне как члену коллектива сказать, что вы заняли ошибочную позицию. Мне кажется, что авторы должны быть выдвинуты, если выдвигать фильм. Если вы считаете, что фильм не надо выдвигать, никто не скажет, что аргументом являются ее авторы, это я понял бы.

Что касается остальных людей, я думаю, что режиссер в этой картине проделал большой подвиг: шесть лет он снимал такие вещи, на которые меня поражало, как хватает человеческих сил, потому что снимал не учебные занятия, а подчас там стреляли и настоящими зарядами, и подойти на 20 или 30 метров – это был вопрос жизни, потому что на расстоянии в 30 метров воздушная волна не убивала, а приблизиться на 15 метров было равносильно смерти.

Я должен сказать, что Игорь Слабневич показал себя как оператор самым блестящим образом, особенно в батальных съемках, особенно учитывая условия, в которых они снимались. Некоторые талантливые операторы частенько снимают, когда есть интерьер, экстерьер и когда есть все, чтобы умеющему и талантливому оператору снять, но в таких условиях, например, в последней картине, где снят штурм, где снята сцена с прожекторами, – это действительно талантливо. Или сцена в метро, бои за Рейхстаг, чтобы это выглядело не бутафорски – это уже заслуга Игоря Слабневича, и он действительно заслуживает выдвижения его на Ленинскую премию.

В отношении пиротехника. Он в этой картине сыграл огромную роль, это блестящий мастер, нужно поклониться этому человеку, но тут правильно Александр Михайлович говорил, что ему нужно дать орден, нужно его поощрить, но не выдвигать на Ленинскую премию. Я не помню – он отмечен или нет, но мне кажется, что мы, как творческий союз, должны ограничиться тем списком, который предлагает секция кинодраматургии, за этим исключением.

КОТОВ П.Д. Я думаю, что Секретариат должен поддержать секцию московских кинодраматургов, где подробным образом в течение полутора часов обсуждали этот вопрос. Я не буду рассказывать, почему и как, но кинодраматурги исходили из того, что Ленинская премия дается за произведение киноискусства. Рассматривая подробно вопрос об «Освобождении», секция считала, что наибольший, гигантский труд внесен режиссерами, поэтому они выдвигаются на Ленинскую премию и поэтому секция не склонна выдвигать автора сценария.

Также рассматривался вопрос о кинооператоре, который тоже внес колоссальный вклад в эту картину. Когда рассматривался вопрос о кинодраматургии, то там было настолько убедительно доказано, что, если считать, что автор достоин выдвижения на Ленинскую премию, то сразу встает вопрос, а где же актеры? Сценарий так построен, что ни одного героя нельзя выдвинуть, тогда где же кинодраматургия? Раз человек внес меньший вклад в произведение киноискусства, его и не выдвигают.

Какой вывод? Там подробно разбирались многие недостатки, но в целом фильм достоин. Достоин режиссер и оператор. А драматурги показали, что они недостойны.

Б.А. МЕТАЛЬНИКОВ. Я выдвигал драматургов, но мы остались в меньшинстве, я выдвигал и на секции. Так не бывает, что на пустом месте создается значительное произведение. Это произведение выходит за рамки обычного фильма, к нему нужно подходить с другими критериями.

Здесь не может быть драматургии, где работает авторская фантазия. Речь идет о реконструкции истории. Историческим персонажам, которые действуют, невозможно было приписывать другие слова, создавать искусственные драматургические конструкции, которые наиболее выгодны.

Я считаю, что вклад здесь равномерный. Я не считаю, что операторскую или режиссерскую работу можно рассматривать отдельно. Я считаю, что все здесь находится на одном уровне. Поэтому я спокойно голосую за эту группу, которую, к сожалению, предложила не наша секция.

Б.И. ВОЛЧЕК³⁵. Я не хочу повторять товарищей, которые подерживали предложение секции художественной кинематографии. Я хочу сказать несколько слов по поводу того, что, если допустить исключение из представленного списка авторов, то мне кажется, что мы сами подкладываем под свое предложение мину, потому что всякий серьезный человек, который будет рассматривать это представление, поймет, что это сделано из каких-то несерьезных побуждений. Я не представляю себе, чтобы выдвижение на Ленинскую премию общепризнанного произведения могло бы обойтись без автора. Поэтому, когда я присутствовал на секции художественной кинематографии, у меня не возникало сомнений, что первый, кто выдвигается, это авторы.

На этой секции возник вопрос относительно актеров. Персонально шел разговор по поводу Олялина и Санаева. Поскольку решается вопрос большинством голосов, было принято решение присоединиться к рекомендации «Мосфильма», где есть только та группа людей, которая представлена. Я считал бы правильным пред-

ложение Згуриди относительно включения в этот список двух актеров – Олялина и Санаева. Это было бы правильно, потому что точно так же, как законно возникает вопрос об авторах, так же возникает вопрос и об основных исполнителях в этом фильме. Мне кажется закономерным выдвижение этих двух кандидатур.

А.М. ЗГУРИДИ. Разрешите добавить в отношении актеров. Я думаю, что мы здесь никак не ошибемся. В Комитете всегда, как вам известно, обсуждают общее значение персоны, которая выдвигается. Возьмите такого актера, как Санаев. Ведь это прекраснейший актер, и если есть такая возможность сделать его лауреатом Ленинской премии, отказываться от этого не нужно. Надо придаться к случаю и сделать это. Мы знаем его работу, за всю жизнь человек заслужил это, да еще и здесь сделал вклад, я бы всячески поддержал его.

ТАЛАНКИН И.В.³⁶ В принципе, мне кажется, что, когда очень большой состав, когда очень много народа выдвигается на Ленинскую премию, то это уже усреднение. Прекрасный мастер – пиротехник, ему нужно дать орден, тогда почему нет директора картины, который проделал самую гигантскую работу по линии организации. Она действительно совершила подвиг, женщина подняла пять батальных фильмов, сумела организовать эдакое – войска и пр. Но премия дается не за освоение методов, а за искусство, это идет по рубрике искусства, и с этим нужно считаться. Так что, если идти по этой линии, чтобы не забыть всех, мне кажется, что это не совсем верно. Нужно не забывать, что сделана не одна картина, а сделано пять фильмов, эпопея из пяти фильмов, и нужно подумать о тех людях, которые сняли эту вещь. Я понимаю, когда идет разговор об авторах, что нельзя выдвигать на Ленинскую премию без авторов, режиссеров, оператора, но насчет пиротехника я скажу откровенно, что меня это смущает. Значит, что же -Ленинскую премию за то, что были хорошо организованы взрывы?

(С МЕСТА: Получается, что здесь хорошо, а в десятках других картин – плохо).

Тогда надо выдвигать и гримера, который делал прекрасные гримы Сталина, Рузвельта, Черчилля. Если по этой линии начинать разбираться, то почему выдвигать пиротехника, а почему не выдвигать гримеров, почему не выдвигать директора картины? Я серьезно говорю, наверное, они достойны быть в этом списке.

Я предлагаю Секретариату подумать об этом, чтобы мы не попали в такое положение, что вот, навалили огромный список. Это не значит, что я хочу умалить значение пиротехника, но почему выдвигать пиротехника? Потому что на экране рвется много снарядов? Мы отстаиваем свою позицию, а не позицию Мосфильма, должна быть позиция Союза кинематографистов. По-моему, позиция Мосфиль-

ма – неверная. Если идти по этой линии, то почему мы забываем других не менее, а может быть, более достойных работников?

А.В. КАРАГАНОВ. Я хотел бы высказать несколько соображений. Для того, чтобы точно определить персональный состав выдвигаемых, надо точно представить себе природу этого фильма. С моей точки зрения, это историческая эпопея в жанре исторической хроники. Отсюда актер, при всем том, что там есть великолепные актерские работы (наряду с Санаевым, Олялиным я назвал бы и Ульянова), по самой структуре произведения, хороший ведущий актер там – неизбежно эпизодическая фигура. Там есть одна сквозная фигура, это Лариса [Голубкина³⁷], но она фактурно работает, такая девчонка, которая проходит от начала до конца. Более серьезная – кандидатура Олялина, прекрасно работает Санаев, но это – эпизодические фигуры. Ульянов – эпизодическая фигура, при том, что Жукова играет так, как никогда Жукова не играли.

Исходя из природы фильма, я думаю, что резонное предложение – выдвинуть авторов, оператора и художника. Что касается остальных, для меня существуют серьезные сомнения, типа тех, которые выдвинул Игорь Васильевич, потому что, если мы представляем широкий список, мы тем самым отягощаем всю кандидатуру в целом.

Насколько я понимаю, со стороны секретарей Союза нет возражений против выдвижения Бондарева, Курганова, Слабневича и Мягкова. Может быть, только изменить порядок: Озеров, Бондарев, Курганов – и дальше Слабневич и Мягков. Эти кандидатуры бесспорно выдвигаются.

Встретила возражения кандидатура пиротехника Сухорецкого. Это было бы не очень оправданно, исходя из того, что мы выдвигаем произведение искусства.

(Б.А. Метальников – Но одновременно сказать, что Союз должен специально отметить работу этого человека, чтобы не забыть о нём).

Он получил орден Октябрьской революции наряду с Райзманом³⁸, Калатозовым³⁹ и другими. С учетом того, что тов. Сухорецкий прекрасно поработал, и работа его отмечена, есть предложение его здесь не выдвигать.

Возражения есть? Нет. Значит, его мы не выдвигаем.

Вопрос относительно актеров: как поступить в этом случае.

А.М. ЗГУРИДИ. Выдвинуть Олялина и Санаева. Это гигантская работа – пять фильмов.

Б.А. МЕТАЛЬНИКОВ. О Санаеве речь может идти по большей совокупности.

А.В. КАРАГАНОВ. На Комитете по совокупности не рассматривают. Там это работает только по такому принципу: два пишем, три в уме. Люди, которые обсуждают, учитывают, что было такое, но официально этот вопрос не принимается к рассмотрению.

Как же мы поступим? Александр Михайлович предлагает двух человек.

Г.Б. МАРЬЯМОВ. Киностудия «Мосфильм» выдвинула актеров Санаева и Олялина. Ульянова не могли выдвинуть – он уже лауреат Ленинской премии. С точки зрения принципа выдвижения кандидатур на премию желательно было бы их иметь как можно меньше. Поэтому, учитывая, что «Мосфильм» выдвинул актеров и это будет фигурировать при рассмотрении, мы могли бы их кандидатуры не выдвигать, исходя из специфического жанра картины. Это историческая хроника, где нет сквозных героев такого плана, где мы могли бы говорить о создании яркого, значительного актерского образа.

Следующий этап – нужно писать творческие характеристики. О Санаеве можно очень много сказать, он блестящий актер, но в данном случае можно сказать, что сделано прекрасно несколько блестящих эпизодов, но можно ли за это выдвигать на Ленинскую премию?

ТАЛАНКИН И.В. Санаев – прекрасный актер, который заслуживает очень высокой награды, чего я не могу сказать об Олялине. Что это – лучшая роль? Лучший актёр – Диц, который играет Гитлера. Прекрасно играет Ульянов, особенно в последней картине. Я не говорю о внешнем сходстве, но внутренне он играет так сильно, что просто поражаешься, а Олялин проходит через всю картину, ну и всё. Он больше как персонаж.

КАРАГАНОВ А.В. Он, пожалуй, сильнее сыграл в «Беге» бессловесную роль.

ТАЛАНКИН И.В. Получаются несопоставимые вещи. Эта премия должна быть дана за гигантский, самоотверженный подвиг – создана эпопея, которая приносит в мире грандиозную пользу, а если идти по другой линии, тогда нужно сопоставить, кто сколько в это дело вложил.

КАРАГАНОВ А.В. Есть ли среди секретарей Союза товарищи, которые настаивают на том, чтобы выдвинуть актеров или нет?

Мы не хотим недооценивать работу Санаева, и по критериям искусства надо сказать, что Санаев в последние годы просто расцвел и стал гигантский актер, но в данном случае в силу эпизодической роли это далеко не основная его работа, и потому возможно ли выдвигать его на Ленинскую премию?

Касаясь лучшей работы актеров в этом фильме, конечно, Ульянов прекрасно играет, но я думаю, что нам не нужно перегружать список количеством кандидатур.

Значит, мы утверждаем список в составе: Озеров, Бондарев, Курганов, Слабневич, Мягков. <...>

РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 4. Д. 340. Лл. 4-23. Машинопись.

№3

Стенограмма заседания Пленума Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. 15 февраля 1972 года. Извлечения.

<...> С.А. ГЕРАСИМОВ⁴⁰ (секция театра и кино). <...> В области кинематографии существует одна кандидатура – это художественный широкоформатный фильм «Освобождение». Это огромная эпопея, состоящая из пяти фильмов.

На секции театра и кино встал вопрос о списочном составе кандидатов. После долгой дискуссии было решено оставить в списке следующие кандидатуры: на первое место вывести режиссера Ю.Н. Озерова, который является и соавтором сценария, и режиссером. Затем идут два сценариста – Ю.В. Бондарев и О.И. Курганов. Затем – оператор И.М. Слабневич и художник А.В. Мягков.

Пиротехник Сухорецкий В.М. и два исполнителя ролей Олялин Н.В. и Санаев В.В. из списка у нас ушли, по причинам понятным. Если говорить об актерах, то так, кроме этих двух актеров Олялина и Санаева, занято много актеров первого класса, и если мы их не включаем в список, то для народа может быть непонятно, почему остались именно эти две кандидатуры. Поэтому мы и этих двух актеров из списка исключили.

Вот всё, что я могу доложить.

ТИХОНОВ Н.С.⁴¹ У кого есть вопросы?

ГРИБАЧЕВ Н.М.⁴² У меня вопрос относительно пиротехника. Я не знаю, как пиротехнику делали. Если это делала армия, то одно дело, а если это все проделал пиротехник Сухорецкий, то тут его заслуга велика. Это уж совсем другое дело. В пяти фильмах так поставить все эти сцены – это огромное дело.

ГЕРАСИМОВ С.А. По этому вопросу у нас дискуссия была. Но если учитывать все технические усилия, проделанные членами коллектива, то можно назвать еще 3-4 членов коллектива, которые тоже много потрудились при съемках фильма.

Следовательно, помимо пиротехника можно еще 3-4 кандидатуры выдвинуть.

Кроме того, вопрос очень сложный – выдвинуть пиротехника на Ленинскую премию.

Д.А. ШМАРИНОВ⁴³. Изобразительная секция тоже обсуждала этот вопрос. Считать пиротехника в этом фильме только техниче-

ским исполнителем нельзя. Это художник-пиротехник. Его работа определяет очень большую образную сторону фильма. Вспомните это красное кольцо вокруг Берлина. Пиротехнические эффекты – это образное дело. Назвать его художник-пиротехник – это было бы справедливо.

С.А. ГЕРАСИМОВ. Мы менее всего склонны дезавуировать его.

Т.Н. ХРЕННИКОВ⁴⁴. <...> Относительно пиротехника мы вопрос не обсуждали. Но работа пиротехника, как любой компонент художественного полотна, связана с режиссерской работой и делается по режиссерскому плану. Тогда нужно тащить в этот список всех остальных людей за все компоненты фильма. Пиротехника присутствует во всех фильмах, связанных с войной, но почему-то там не возникал вопрос о премировании пиротехников. В «Войне и мире» тоже огромные бои. Не стоит возвращаться к этому вопросу. Музыкальная секция оставила в списке по фильму «Освобождение» режиссера и автора сценария, сценаристов, художника и оператора.

ШОСТАКОВИЧ Д.Д.⁴⁵ Тихон Николаевич правильно сообщил о мнении музыкальной секции. Но сейчас я еще раз просмотрел и сравнил список кандидатов, выдвинутый С.А. Герасимовым, и список, который имеется у нас на руках. Если идут разговоры о том, чтобы выдвинуть пиротехника, то я должен сказать, что нужно включить в список и композитора Левитина, который сделал интересную работу.

ТИХОНОВ Н.С. Я предлагаю голосовать. Сначала проголосуем список, предложенный театральной секцией. Кто за предложение театральной секции? (Единогласно).

Затем, есть предложение к этому списку добавить пиротехника Сухорецкого. Голосую это предложение. Кто за добавление к списку этой кандидатуры? (14 человек) [Из 44 человек присутствующих]

Следовательно, кандидатура пиротехника Сухорецкого отпадает. <...>

РГАЛИ. Ф. 2936. Оп. 4. Д. 340. Лл. 76-80. Машинопись.

№4

Стенограмма заседания секции театра и кино Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. 14 февраля 1972 года. Фрагмент.

<...> С.А. ГЕРАСИМОВ. <...> В области кинематографии мы имеем в этот раз одну кандидатуру:

«Освобождение» - киноэпопея из 5 фильмов:

1. «Огненная дуга»,
2. «Прорыв»,
3. «Направление главного удара»,
4. «Битва за Берлин»,
5. «Последний штурм».

А.В. РОМАНОВ⁴⁶. Список нужно освободить от актеров. Санаев сыграл в эпизодической роли, а Олялин играет во всех картинах, но исполнитель он не блестящий.

Е.А. ФУРЦЕВА⁴⁷. И потом, там много актеров.

А.В. РОМАНОВ. Зоненберг [Зайденберг⁴⁸] значительно выразительнее его играет. Вопрос встанет и о [В.С.] Давыдове⁴⁹. Все равно будут противопоставлять. Актеров, видимо, надо из списка исключить.

Е.А. ФУРЦЕВА. Пиротехника тоже нужно исключить.

Ю.И. СОЛНЦЕВА⁵⁰. Но у пиротехника работа грандиозная!

А.В. РОМАНОВ. Но по фильму мы его от Кинокомитета премировали, отмечали.

С.А. ГЕРАСИМОВ. Награждать в нашем Комитете за пиротехнику – странновато.

Н.Н. ЧУШКИН⁵¹. Озеров – режиссер и автор сценария.

А.В. РОМАНОВ. Озеров должен стоять на первом месте. Он понес все беды и невзгоды по этому фильму.

С.А. ГЕРАСИМОВ. Бондарев – писатель. Бывает так: какой-то литератор в прозе не отличился, а через кинематограф стал лауреатом Ленинской премии, и это вызывает в писательской среде бунт. Но это тот случай, когда Бондарев заслуживает. Бондарев – крупный писатель.

Ю.И. СОЛНЦЕВА. Но здесь он меньше работал, чем Курганов.

П.А. МАРКОВ⁵². Но когда мы должны были присудить Бондареву Государственную премию, мы ссылались на эту работу.

Е.А. ФУРЦЕВА. Может быть, это исключительный случай, мы положительно отнесемся к писателю в сценарии, но нужно иметь в виду, что это очень крупное кинематографическое произведение и, может быть, хотя вклад Бондарева и не столь велик, но все равно, работа в коллективе, поддержка друг друга – все это очень ценно, и я не считала бы возможным вычеркнуть писателя. Это поднимает и сам фильм, что участвовали и писатели в этом. Если бы писатели и возразили, я самую горячую защиту оказала бы ему.

А.В. РОМАНОВ. Первым в списке поставить Озерова как автора сценария и режиссера, затем Бондарева и Курганова – как вторых авторов сценария, потом Слабневича – оператора и художника Мягкова.

Ю.И. СОЛНЦЕВА. Художник великолепный.

А.В. РОМАНОВ. А три кандидатуры (Сухорецкий В.М. - гл. пиротехник, Олялин Н.В., Санаев В.В. - исполнители ролей) снять из списка. (Предложение принимается).

Ю.И. СОЛНЦЕВА. По поводу Курганова. Он ничего значительного в литературе не сделал, ничего блестящего. Мы знаем профиль этого человека. На Государственную премию он мог бы, может быть, претендовать, но на Ленинскую премию....

Е.А. ФУРЦЕВА. Это трудный вопрос.

А.В. РОМАНОВ. Весь фильм шел на уровне руководства Министерства обороны.

Ю.И. СОЛНЦЕВА. В тексте сценария есть ужаснейшие места. Как можно было допустить такую безвкусицу.

С.И. РОСТОЦКИЙ⁵³. Что бы мы ни говорили, но кино – искусство коллективное: кто-то что-то сказал, кто-то что-то сделал – все это так связано!

В списке нужно назвать все 5 фильмов, из которых состоит эта киноэпопея «Освобождение»: 1. «Огненная дуга», 2. «Прорыв», 3. «Направление главного удара», 4. «Битва за Берлин», 5. «Последний штурм». (Принимается).

Ю.И. СОЛНЦЕВА. По поводу «Освобождения». Мне хотелось бы, чтобы наше командование было выведено более импозантно. Иногда простоватость принимается за народность. Командование в фильме выглядит гораздо более простоватым, чем оно есть на самом деле. Я помню Жукова: это необыкновенно импозантная, интеллектуальная личность. Здесь мы сделали грандиозную ошибку, что командование в фильме выглядит простоватым, а вся отрицательная часть (наши враги) сделаны более интеллектуальными. Как смотрел Озеров!

Е.А. ФУРЦЕВА. Очень правильное общее замечание. Когда делаются фильмы о войне, об этом у нас не думают. Тенденция так изображать наше командование широко распространена на Западе. Они считают, что русские победили только количеством, животами, силой. Эту тенденцию нужно преодолевать. Сил у нас было не больше, чем у противника. Как могло разгадать наше командование наступление врага на Курской дуге? Это были тончайшие психологические решения.

С.А. ГЕРАСИМОВ. Таким образом, в списке по фильму «Освобождение» у нас остается 5 кандидатур: Озеров, Бондарев, Курганов, Слабневич, Мягков.

Проголосуем: кто за оставление в списке кандидатуры киноэпопеи «Освобождение» с таким составом участников? (Единогласно). <...>

РГАЛИ. Ф. 2916. Оп. 2. Д. 637. Лл. 35-39. Машинопись.

Стенограмма заседания секции театра и кино Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР. 10 апреля 1972 года. Фрагмент.

С.А. ГЕРАСИМОВ. <...> В области кинематографии в списке одна кандидатура:

«Освобождение» - киноэпопея. Фильмы - «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин», «Последний штурм».

Какое мнение?

Ю.И. СОЛНЦЕВА. Текст и литературная основа уязвимы.

С.Ф. БОНДАРЧУК⁵⁴. Я не знаю, что сделал Курганов, но это не та фигура, которая может идти на Ленинскую премию.

С.А. ГЕРАСИМОВ. Прежде всего, по кандидатуре самой киноэпопеи «Освобождение». Никаких возражений нет?

А.Ф. БОРИСОВ⁵⁵. На вокзале один человек спросил меня: что-то случилось с одним из этих людей, и очень нехорошее?

С.А. ГЕРАСИМОВ. Мы можем попросить от имени секции, чтобы сотрудники Комитета внесли ясность в этот вопрос.

А.В. РОМАНОВ. Курганов был награжден вместе с другими кинематографистами⁵⁶.

С.А. ГЕРАСИМОВ. Проголосуем: кто за сохранение в списке киноэпопеи «Освобождение»? (Единогласно).

Вопрос списочного порядка может быть поставлен, но нет ясности в вопросе, соответствует ли кандидатура Курганова масштабу лауреата Ленинской премии. Оставим вопрос открытым. <...>

РГАЛИ. Ф. 2916. Оп. 2. Д. 638. Лл. 17-18. Машинопись.

Примечания

Notes

(Endnotes)

1. Архив киноконцерна «Мосфильм» Ф. 2453. Оп. 10. Д. 598. Лл. 96-97.

2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2916. Оп. 2. Д. 639. Л. 7.

3. Там же. Л. 37.

4. РГАЛИ. Ф. 2916. Оп. 2. Д. 611. Л. 11.

5. Подробнее см.: Сталин и космополитизм. 1945-1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 465-467, 484-485.

6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 44. Д. 9. Л. 247.

7. Письмо художественного руководителя творческого объединения «Время» киностудии «Мосфильм» Г. Александрова лауреатам Ленинской премии за киноэпопею «Освобождение». 22 апреля 1972 г. // Личный архив Ю. Н. Озерова (г. Москва, Россия).

8. РГАЛИ. Ф. 2916. Оп. 3. Д. 611. Л. 15.

9. Василий Иванович Соловьёв (1925-2012) – советский и российский сценарист, заслуженный деятель искусств РСФСР, работал главным редактором киностудии «Мосфильм» (1968-1971 гг.). Вместе с С. Ф. Бондарчуком являлся автором сценария фильма «Война и мир».

10. Бондарев Юрий Васильевич (1924-2020) – советский и российский писатель, секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат Государственных премий СССР. Автор выдающихся литературных произведений («Тишина», «Батальоны просят огня», «Горячий снег», «Берег», «Выбор» и др.).

11. Курганов (Эстеркин) Оскар (Яков) Иеремеевич (1907-1997) – журналист, публицист, писатель. В годы Великой Отечественной войны – фронтовой корреспондент газеты «Правда». Автор ряда литературных произведений (сборник «Разные годы», «Челюскинская эпопея», «Дело Хинта. Ночь у Сталина. Навстречу гибели»), сценариев к кинофильмам («Освобождение», «Солдаты свободы», «Допрос», «Челюскинцы»).

12. Озеров Юрий Николаевич (1921-2001) – режиссёр-постановщик киностудии «Мосфильм», народный артист СССР (1977). Поставил такие фильмы, как «Сын», «Кочубей», «Фуртуна», «Большая дорога», а также киноэпопеи «Освобождение», «Солдаты свободы», «Битва за Москву», «Сталинград».

13. Слабневич Игорь Михайлович (1921-2007) – советский кинооператор и кинорежиссёр. В качестве оператора снял фильмы «У твоего порога», киноэпопеи «Освобождение», «Солдаты свободы», «Сталинград», а также фильм «Москва слезам не верит». Режиссёр-постановщик фильмов «По законам военного времени» и «Третье поколение».

14. Мягков Александр Васильевич (1923-2002) – художник-постановщик, работал над фильмами «Я шагаю по Москве», киноэпопеями «Освобождение», «Солдаты свободы», «Битва за Москву».

15. Сухорецкий Владимир Михайлович (1925-2015) – главный пиротехник киностудии «Мосфильм». Прошёл Великую Отечественную войну сапёром. Работал над пиротехническими эффектами в фильмах «Илья Муромец», «Освобождение», «Солярис», «Солдаты свободы».

16. Олялин Николай Владимирович (1941-2009) – советский и российский актёр, режиссёр, сценарист. Народный артист Украины. Снялся в таких фильмах, как «Освобождение», «Обратной дороги нет», «Джентльмены удачи» и др.; поставил фильмы «Неотстрелянная музыка», «Тёплая мозаика ретро и чуть-чуть», «Воля».

17. Санаев Всеволод Васильевич (1912-1996) – советский и российский актёр театра и кино. Народный артист СССР (1969). Снялся в таких фильмах, как «Волга-Волга», «Сердца четырёх», «Освобождение», «Возвращение святого Луки», «Чёрный принц», «Версия полковника Зорина», «Белые росы».

18. Александров (Мормоненко) Григорий Васильевич (1903-1983) – советский кинорежиссёр, ученик С. М. Эйзенштейна. Народный артист СССР. Снял фильмы «Волга-Волга», «Цирк», «Весёлые ребята», «Весна», «Скворец и Лира».

19. Беляев Владимир Сергеевич (1919-1984) – советский кинодраматург, писатель. Работал главным редактором киностудии «Мосфильм».

20. Диц Фриц (1901-1979) – немецкий актёр театра и кино, известный советскому зрителю по исполнению роли Адольфа Гитлера в ряде фильмов («Освобождение», «Семнадцать мгновений весны», «Солдаты свободы»).

21. Антонов Сергей Петрович (1915-1995) – советский писатель, лауреат Сталинской премии. Автор повестей «Порожний рейс», «Алёнка», «Разорванный рубль», «Разнотравье». По его произведениям поставлены фильмы «Дело было в Пенькове», «Дожди», «Порожний рейс», «Пришёл солдат с фронта».

22. Папанов Анатолий Дмитриевич (1922-1987) – советский актёр театра и кино, народный артист СССР. Известен по ролям в постановках Театра Сатиры, а также по кинофильмам «Живые и мёртвые», «Бриллиантовая рука», «Белорусский вокзал», «Время желаний», «Холодное лето пятьдесят третьего».

23. Арнштам Лео Оскарович (1905-1979) – советский режиссёр и сценарист, народный артист РСФСР, лауреат Сталинских премий. Снял такие фильмы, как «Зоя», «Бессмертный гарнизон», «Глинка», «Софья Перовская» и др.

24. Ульянов М. А. (1927-2007) – советский и российский актёр театра и кино. Народный артист СССР. Известен по исполнению роли маршала Г. К. Жукова во многих фильмах. Также создал яркие образы в картинах «Добровольцы», «Председатель», «Братья Карамазовы», «Тема», «Без свидетелей», «Ворошиловский стрелок». Режиссёр фильма «Самый последний день». Многие годы являлся художественным руководителем Театра Евг. Вахтангова.

25. Софиева Ирина Александровна (1930-2021) – редактор киностудии «Мосфильм», заслуженный работник культуры РСФСР, руководитель информационно-методической группы Главной редакции «Мосфильма». Работала над такими фильмами, как «Десять дней одного года», «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Иваново детство».

26. Столпер Александр Борисович (1907-1979) – советский кинорежиссёр, сценарист. Народный артист СССР. Снял такие фильмы, как «Живые и мёртвые», «Возмездие», «Четвёртый», «Повесть о настоящем человеке».

27. Марьямов Григорий Борисович (1910-1995) – оргсекретарь правления Союза кинематографистов СССР, редактор, драматург. Заслуженный деятель искусств Грузинской ССР. Являлся редактором всех фильмов киноэпопей Ю. Н. Озерова.

28. Караганов Александр Васильевич (1915-2007) – кинокритик, киновед, заслуженный деятель искусств РСФСР. Секретарь правления Союза кинематографистов СССР.

29. Згуриди Александр Михайлович (1904-1998) – советский и российский кинорежиссёр, сценарист. Снял фильмы «Рикки-Тикки-Тави», «Чёрная гора». Один из основоположников советского научно-популярного кино.

30. Добродеев Борис Тихонович (1927-2022) – советский сценарист, заслуженный деятель искусств РСФСР. Работал редактором на киностудии «Мосфильм». Стоял у истоков биографической документалистики в советском кино. Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Ленинской премии. Автор сценариев к фильмам «Первый учитель», «Карл Маркс. Молодые годы», «Особо важное задание», «Софья Ковалевская», «Раскол».

31. «Самый длинный день» - американский фильм 1962 г. режиссёра Дэррика Занука, посвящённый высадке англо-американских войск в Нормандии летом 1944 г.

32. Очевидно, здесь ошибка в названии: имеется в виду фильм «Битва за Британию» (1969 г.) режиссёра Гая Хэмилтона, рассказывающий о воздушной битве между наступающими немецкими и обороняющимися английскими лётчиками в 1940 г.

33. Имеется в виду «Битва в Арденнах» - американский военный фильм 1965 г. режиссёра Кена Эннакина о военных событиях 1944 г. на Западном фронте.

34. Метальников Будимир Алексеевич (1925-2001) – советский и российский режиссёр, сценарист. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Автор сценариев к фильмам «Простая история», «Алёшкина любовь», «Чайковский».

35. Волчек Борис Израилевич (1905-1974) – советский режиссёр, сценарист, оператор. Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинских и Государственной премии СССР. Работал оператором-постановщиком у режиссёра М. И. Ромма («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Мечта», «Секретная миссия»), поставил фильмы «Сотрудник ЧК», «Командир счастливой “Щуки”».

36. Таланкин Игорь Васильевич (1927-2010) – советский режиссёр и сценарист. Народный артист СССР. Поставил фильмы «Дневные звёзды», «Чайковский», «Отец Сергей», «Звездопад», «Бесы».

37. Голубкина Лариса Ивановна (р. 1940) – советская и российская актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР. Долгие годы служила Центральному Театру Советской Армии. Снялась в таких фильмах, как «Гусарская баллада», «Сказка о царе Салтане», «Освобождение», «Место встречи изменить нельзя».

38. Райзман Юлий Яковлевич (1903-1994) – советский режиссёр и сценарист. Народный артист СССР. Снял такие фильмы, как «Коммунист», «Твой современник», «Частная жизнь».

39. Калатозов (Калатозишвили) Михаил Константинович (1903-1973) – советский режиссёр. Народный артист СССР. Снял такие фильмы, как «Валерий Чкалов», «Верные друзья», «Летят журавли», «Я – Куба», «Красная палатка».

40. Герасимов Сергей Аполлинариевич (1906-1985) – советский режиссёр, драматург, педагог. Народный артист СССР. Снял такие фильмы,

как «Молодая гвардия», «Тихий Дон», «Журналист», «У озера», «Любить человека».

41. Тихонов Николай Семёнович (1896-1979) – советский поэт, участник литературной группы «Серапионовы братья», очеркист и автор рассказов. Председатель Советского комитета защиты мира, член Всемирного Совета мира. Председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР (1956-1979).

42. Грибачёв Николай Матвеевич (1910-1992) – советский писатель. Герой Социалистического Труда. Председатель Верховного Совета РСФСР (1980-1990).

43. Шмаринов Дементий Алексеевич (1907-1999) – советский и российский художник-график, иллюстратор. Народный художник СССР.

44. Хренников Тихон Николаевич (1913-2007) – советский и российский композитор. Народный артист СССР. Профессор Московской консерватории. Автор опер, балетов, симфоний, музыки для кинофильмов.

45. Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906-1975) – советский композитор, пианист, дирижёр. Народный артист СССР. Секретарь Союза композиторов СССР. Автор «Седьмой симфонии», прозвучавшей в блокадном Ленинграде в годы Великой Отечественной войны.

46. Романов Алексей Владимирович (1908-1998) – председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР (1963-1972 гг.), кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР.

47. Фурцева Екатерина Алексеевна (1910-1974) – министр культуры СССР (1960-1974).

48. Зайденберг Борис Ильич (1929-2000) – советский и украинский актёр театра и кино, заслуженный артист РСФСР. Сыграл в таких фильмах, как «Освобождение», «Будни уголовного розыска», «Экипаж машины боевой».

49. Давыдов Владлен Семёнович (1924-2012) – советский актёр театра и кино. Народный артист РСФСР. Один из ведущих актёров МХАТа. Сыграл в таких фильмах, как «Встреча на Эльбе», «Кубанские казаки», «Человек-амфибия», «Освобождение», «Солдаты свободы», «Зависть богов».

50. Солнцева (Пересветова) Юлия Ипполитовна (1901-1989) – советская актриса и режиссёр. Народная артистка СССР, лауреат Сталинской премии. Работала вместе с супругом, режиссёром А. П. Довженко над фильмами «Щорс», «Мичурин», «Прощай, Америка!». Самостоятельно поставила картины «Поэма о море», «Повесть пламенных лет», «Зачарованная Десна».

51. Чушкин Николай Николаевич (1906-1977) – театровед, старший научный сотрудник Комиссии по изучению и изданию трудов К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Автор книги «Качалов – Гамлет».

52. Марков Павел Александрович (1897-1980) – советский театральный критик, режиссёр, теоретик театра. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

53. Ростоцкий Станислав Иосифович (1922-2001) – советский режиссёр, сценарист. Народный артист СССР. Поставил такие фильмы, как «Дело было в Пенькове», «Доживём до понедельника», «А зори здесь тихие...».

54. Бондарчук Сергей Фёдорович (1920-1994) – советский актёр и режиссёр. Народный артист СССР. Поставил такие фильмы, как «Судьба человека», «Война и мир», «Они сражались за Родину», «Красные колокола», «Тихий Дон».

55. Борисов Александр Фёдорович (1905-1982) – советский актёр театра и кино, режиссёр, сценарист, певец. Народный артист СССР.

56. Очевидно, имеется в виду – был выдвинут на соискание Ленинской премии. Ответ Романова звучит как возражение на предыдущие реплики, в которых имелись в виду факты биографии О. И. Курганова.

Автор, аннотация, ключевые слова

Стрекалов Илья Николаевич – кандидат исторических наук, докторант исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

ORCID: 0000-0002-0877-0435
strekalov4@gmail.com

Киноэпопея «Освобождение» является одним из наиболее знаковых и выдающихся кинофильмов о Великой Отечественной войне, созданных в советском кинематографе. Впервые в истории кинематографисты показали события от Курской битвы до взятия Берлина, с 1943 по 1945 годы, в достаточно полном масштабе и с огромным размахом. Значение киноэпопеи понималось абсолютным большинством современников. Ветераны Великой Отечественной войны и военачальники уделили особое внимание фильму. Особый интерес правительственных учреждений в сфере культуры был связан со справедливой оценкой труда кинематографистов. В статье на основании ранее неизвестных документов Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР автор демонстрирует ход дискуссий и обсуждений, связанных с выдвижением кандидатов на получение Ленинской премии СССР за создание кинофильма «Освобождение» режиссёра-постановщика Юрия Озерова. Предлагаемые документальные материалы показывают, каким был круг кандидатов, чем руководствовались участники обсуждений при утверждении или отклонении тех или иных кандидатов. В научный оборот впервые вводятся фрагменты стенограмм, находящихся на хранении в архиве киноконцерна «Мосфильм» и в Российском государственном архиве литературы и искусства. Они позволяют понять отношение творческих ра-

ботников органов власти к кинофильму «Освобождение». Источники показывают, что круг кандидатов на премию был намного шире, вскрывают мотивы, которыми руководствовались участники обсуждения при его ограничении. Автор приходит к выводу о том, что отношение к авторам киноэпопеи было сложным и неоднозначным, несмотря на общее официальное признание значения кинофильма в обществе после его премьеры.

Киноэпопея, военный фильм, военно-патриотическое кино, Юрий Озеров, «Освобождение», Ленинская премия, советская культура.

Author, Abstract, Key words

Strekalov Ilya Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Doctoral student of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University.

ORCID: 0000-0002-0877-0435

strekalov4@gmail.com

The film epic “Liberation” is one of the most significant and outstanding films about the Great Patriotic War created in the Soviet Cinema. For the first time in history, the cinematographers showed the events from the Battle of Kursk to the capture of Berlin, from 1943 to 1945, on a fairly full scale and with a huge scope. The significance of the film epic was understood by the vast majority of contemporaries. Veterans of the Great Patriotic War and military leaders paid special attention to the film. The special interest of government agencies in the sphere of culture was connected with a fair assessment of the cinematographers’ activity. In the article, based on previously unknown documents of the Committee for Lenin and State Prizes of the USSR, the author demonstrates the course of discussions and deliberations related to the nomination of candidates for the Lenin Prize of the USSR for the film “Liberation” directed by Yuri Ozerov. The proposed documentary materials show what was the range of candidates, what guided the participants of the discussions when approving or rejecting these or those candidates. Fragments of transcripts kept in the archive of the Mosfilm Studios and the Russian State Archive of Literature and Art are introduced for the first time. They allow us to understand the attitude of creative workers of the authorities to the film “Liberation”. The sources show that the circle of candidates for the prize was much wider, revealing the motives that guided the participants in the discussion in limiting it. The author concludes that the attitude towards the authors of the film epic was complex and am-

biguous, despite the general official recognition of the importance of the film in society after its premiere.

The film epic, patriotic war cinema, war film, Yuri Ozerov, “Liberation”, Lenin Prize, Soviet culture.

Автор благодарит генерального директора киноконцерна “Мосфильм” Карена Георгиевича Шахназарова и заведующую архивом киноконцерна Римму Эдуардовну Карпову за предоставленную возможность ознакомления с документами по истории создания киноэпопеи “Освобождение”.

Л.Б. Манджикова

Архивные документы органов управления калмыцким народом как источники по изучению процесса интеграции калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему в XIX в.¹

L.B. Mandzhikova

Archival documents of the Kalmyk people's governing bodies as sources for studying the process of integration of Kalmyk society into the All-Russian state system in the 19th century

В 1771 г. значительная часть калмыков покинула пределы российского государства и приняла подданство Китайской империи. После многочисленных попыток вернуть их высочайшим указом Екатерины II от 19 октября 1771 г. Калмыцкое ханство как «элемент автономии калмыцкого народа»¹ было упразднено. С этого времени российское правительство усилило надзор над оставшимися калмыками, которые потеряли свой военный потенциал и не могли «влиять на политическую обстановку и все больше превращались из субъекта международных отношений в объект внутренней политики Российского государства»².

Российское правительство приняло решение об изменении политического курса по отношению к калмыкам, которое выражалось в лишении самостоятельности Калмыцкой степи и проведении политики интеграции калмыцкого общества в российскую государственную систему. Процесс вливания калмыцкого общества проходил на протяжении десятков лет и начинался с ограничения самостоятельности калмыцких владельцев, постепенным установлением российской властью надзорных функций по отношению к управлению калмыцким народом. Таким образом, изменился тип взаимоотношений между центральной властью и калмыцким об-

¹Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6) =The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

ществом. Систему протектората сменила система подданства³. Во второй половине XVIII в. завершился начальный этап преобразований калмыцкого управления. Однако мероприятия проводились без системного подхода, не было госпрограмм, разработанных с учетом произошедших изменений в калмыцком обществе. Кроме того, на эти процессы оказали влияние проводимые в российском государстве административные реформы в системе управления, которые призваны были урегулировать взаимоотношения верховной власти с органами власти по управлению инородцами, в том числе калмыками.

К началу XIX в. калмыки вошли в общероссийскую политико-административную систему, Калмыцкая степь была приравнена к области и в таком положении стала составной частью Астраханской губернии.

Впервые был создан областной орган управления, который именовался Астраханской Комиссией калмыцких дел (1826–1836 гг.) (далее – АККД). Данный орган управления был создан в соответствии с «Правилами для управления калмыцким народом», утвержденными Александром I в марте 1825 г. (далее – Правила 1825 г.)⁴ и выполнял распорядительно-исполнительные функции. В его компетенцию входило административное и хозяйственное управление калмыцким народом, а также выполняла некоторые судебные функции. Правилами 1825 г. регламентировались взаимоотношения АККД с Главным приставом, который призван был защищать интересы калмыцкого народа, осуществлять надзорные функции за деятельностью наместников, Зарго (Суд). Также Главный пристав обязан был информировать МВД об обстановке в улусах, в случае появления заразной болезни должен был принимать меры по борьбе с ней⁵. Калмыцкая знать (нойоны и зайсанги) осуществляли управление улусами и аймаками.

С принятием нового законодательного акта – «Положения об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г.⁶ в управлении Калмыцкой степью происходят кардинальные перемены: во-первых, центральное управление Калмыкией оставалось в ведении МВД; во-вторых, астраханский военный губернатор стал уполномоченным по управлению калмыцким народом; в-третьих, за Калмыцкой степью оставалось право «особого управления, отдельное от управления губернского»⁷; в-четвертых, Комиссия калмыцких дел была преобразована в Совет Астраханского калмыцкого управления (1836–1848 гг.) (далее – САКУ); в-пятых, упраздняется должность Главного пристава; в-шестых, создается институт попечительства и вводится должности Главного попечителя и попечители улусов⁸.

Полномочия Главного попечителя значительно возросли, он не был подконтрольным центральному органу, руководил деятельностью САКУ и улусными управлениями; осуществлял надзор за владельцами, налоговым сбором; отвечал за развитие торговли и промышленности, наем на рыбные промыслы; за пребывание в улусах лиц некоренной национальности. САКУ предварительно рассматривал поступившие документы, и в случае определения преступления как тяжкие уголовные мог назначить следствие. Также мог назначить проведение следственных мероприятий в случае выявления фактов злоупотребления чиновниками. САКУ имел право в зависимости от характера преступления и статуса нарушителей законов направлять на рассмотрение дела в Зарго (Суд), улусные суды или в губернское правление. САКУ должен был в кратчайшие сроки рассматривать дела, принимать решения и отчитываться в письменном виде вышестоящему должностному лицу.

В рассматриваемый период был создан новый тип аппарата управления калмыцким народом, и установленная попечительская система управления, в большей степени стала системой управления, а не надзора. Административные реформы в российской государственной системе управления продолжались как в центральных органах, так и на местах. Уже через год после создания САКУ полномочия по управлению калмыцким народом перешло в ведение Министерства государственных имуществ (далее – МГИ) и управляющий Астраханской палатой государственных имуществ (далее – АПГИ) назначается Главным попечителем калмыцкого народа⁹. Также управляющий АПГИ находился в подчинении астраханского военного губернатора, который осуществлял руководство жизнедеятельностью народов, проживающих на территории Астраханской губернии, в том числе калмыцким и «олицетворял собой единство калмыцких земель с Астраханской губернией»¹⁰.

Из вышеизложенного следует, что управление Калмыцкой степью находилось в ведении: 1) ведомства государственного имущества; 2) военного губернатора, осуществлявшего административно-полицейский надзор; 3) Главного попечителя.

Переход к попечительской системе управления привел к росту численности чиновников, усилению бюрократизма, увеличению документооборота. К управлению стала привлекаться калмыцкая элита, которой были «чужды и непонятны принципы и формы организации российской государственной знати»¹¹. Также для нее были характерны незаинтересованность и непонимание ее предназначения в управлении, а также незнание российских законов. Калмыки жили по своим законам. Важно отметить, что калмыцкое делопроизводство велось на двух языках – русском и старокалмыцком, что стало возможным благодаря наличию у калмыков собственной письменности, известной как *тодо бичиг* («Ясное письмо»).

И это создавало сложности в работе, так как не хватало переводчиков и толмачей. Нужно было решать кадровые вопросы, и уже в 1843 г. в состав чиновников вошли 6 калмыков, являвшихся внештатными табельными чиновниками, в должность переводчиков¹². В последующие годы количество чиновников со знанием калмыцкого языка возрастало в связи с поступлением на службу выпускников класса калмыцкого языка Санкт-Петербургской медицинской школы. Специалистов направляли на службу по требованию АПГИ. Также решению кадровых вопросов способствовало открытие в 1847 г. Астраханского калмыцкого училища.

Создание училища было регламентировано Положением об управлении калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. (далее – Положение 1847 г.)¹³, которое учитывало последние изменения, «сообразные с местными потребностями и пользами калмыков»¹⁴, и после тщательного изучения предыдущего опыта вовлечения калмыцкой знати к управлению, целесообразности слияния калмыцкого управления с общегубернским и его вливания в общероссийскую государственную систему управления. Данным законодательным актом САКУ было упразднено, его заменило Ордынское отделение АПГИ (1848–1867 гг.). В отличие от предыдущих органов управления калмыцким народом, полномочия Ордынского отделения были расширены. К прежним функциям были включены полномочия по переводу калмыков на оседлый образ жизни и заселения дорог.

Согласно Положению 1847 г., управление Калмыкией продолжало осуществляться МГИ. Данный законодательный акт детально определял структуру управления калмыцким народом, задачи и функции каждого звена управления. Также, для эффективности управления были введены ряд новых руководящих должностей, включая советника, чиновника по особым поручениям и депутата от народа, избираемого из числа калмыцкой знати, владеющего русским языком, сроком на три года. Кроме того, были созданы новые штатные единицы, такие как врач, фельдшер, ветеринар, письмоводитель, переводчик, толмач и писец¹⁵.

Новшества произошли и в системе местного самоуправления Калмыкии, связанные с введением улусных и аймачных сходов. Эти собрания по принципам действия и представительства, напоминали по своей структуре и функциям сословно-представительный орган власти.

Организация местного самоуправления, основанная на цензовом представительстве, имела черты, схожие с крестьянским самоуправлением¹⁶. Тем самым правительство стремилось сблизить калмыцкое управление с общероссийским и подготовить калмыцкое общество к коренным преобразованиям в социально-политической жизни Калмыцкой степи.

Установленная организация управления Калмыцкой степью оказалась приемлемой и после преобразования в 1867 г. АПГИ в Астраханское Управление государственных имуществ (далее – АУГИ).

Система управления калмыцким народом осталась в целом неизменной, однако Ордынское отделение АПГИ было преобразовано в Управление калмыцким народом (далее – УКН). В 1902 г. управление калмыками полностью перешло в ведение Астраханского губернского правления, а Калмыцкая степь – в ведение МВД. УКН действовало вплоть до Февральской революции 1917 г. в России. К концу XIX в. – началу XX в. завершился процесс интеграции калмыцкого общества в общероссийское пространство, и исчезли особенности в управлении Калмыкией.

Изучению истории преобразований калмыцкой системы управления способствовали документы, созданные в ходе функционирования органов управления калмыцким народом XIX в. и находящиеся на хранении в Национальном архиве Республики Калмыкия. Эти документы стали составной частью следующих архивных фондов:

- И-2 «Комиссия калмыцких дел» (1825–1836 гг.), в фонде числится 111 ед. хр.;
- И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» (1836–1849 гг.), в фонде числится 389 ед. хр.;
- И-6 «Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ (1832–1881 гг.), в фонде числится 189 ед. хр.;
- И-9 «Управление калмыцким народом» (1836–1917 гг.), в фонде числится 6 179 ед. хр.

Из предисловий к описям фондов можно почерпнуть сведения об истории фондообразователей, структуре организаций, функциях структурных подразделений, видовом составе документов. Наиболее полный состав документов представлен в фонде Управления калмыцким народом, хотя, как и другие архивные фонды, он потерял значительную часть документов в годы гражданской и Великой Отечественной войн, в период проведения макулатурных кампаний.

По сохранившимся архивным документам исследователи изучали историю Калмыкии, их обобщающие данные вошли в фундаментальные научные труды, монографии, научные статьи. Наиболее изучен фонд И-9 «Управление калмыцким народом». Остальные три архивных фонда (И-2, И-3, И-6) слабо изучены и рассматривались в аспекте истории государственных учреждений, развития чиновничества, некоторых отраслей народного хозяйства (здравоохранения,

образования, землеустройства, рыболовства и др.), судопроизводства, религии.

Исследование состава и содержания вышеперечисленных архивных фондов, их анализ позволили проследить некоторые процессы интеграции калмыцкого общества в общероссийское пространство.

Среди архивных документов особое место занимают дела, связанные с вопросами землеустройства Калмыцкой степи. Административные границы калмыцких кочевий и их юридический статус были впервые установлены указом от 19 мая 1806 г. «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской», который стал первым законодательным актом в этой области. Данным правовым документом за калмыцким народом было закреплено исключительное право использования земли для проживания и ведения традиционной хозяйственной деятельности. Также государство приняло на себя юридические обязательства по их охране¹⁷. Однако эти меры не могли уберечь калмыцкие земли от вторжения крестьян и захвата территорий¹⁸, а также набегов других народов, проживавших в соседних регионах. Так, например, в самих заголовках архивных дел «Материалы спора крестьян села Безопасного Ставропольского округа и калмыков за участки земли в Большедербетовском улусе между реками Большая и Малая Кегульта и в районе Воровской балки (документы по межеванию земли, журналы заседаний, донесения, рапорты)»¹⁹, «План селения Цацы и переписка с гражданским губернатором о мероприятии по охране калмыцких улусов»²⁰, «Дело об отводе земельного участка из Калмыцкой степи к рыбным промыслам»²¹, «Переписка с гражданским губернатором о мерах борьбы с грабежом в калмыцких улусах»²², «О похищении у Хошеутовских калмыков трухменами 75 лошадей, 25 верблюдов и 24 голов рогатого скота»²³ и в других делах обозначены проблемы, связанные с землевладением и землепользованием. Также в рассматриваемых архивных фондах сохранилась довольно обширная переписка по вопросам охраны калмыцких улусов²⁴, об аренде земли²⁵, отводе земель под строительство почтовых станций²⁶, молитвенных домов для казаков²⁷ и других объектов.

Известно, что в целях урегулирования вопроса о незаконном захвате и пользовании калмыцких земель чужаками, а также недопущении прецедентов дальнейших посягательств на них в «Положении об управлении калмыцким народом» 1834 г. была прописана отдельная глава, которая так и называлась «О мерах к отвращению самовольных водворений в улусах»²⁸.

Архивные документы, содержащие сведения о строительстве деревянных и глинобитных домов в Калмыцкой степи ²⁹ свидетель-

ствуют о государственной политике российского государства в решении вопроса об оседлении калмыков и не менее значимой задачи – реализации госпрограммы по заселению дорог путем переселения крестьян и их расселения вдоль трактов. Исследование показало, что при строительстве домов привлекались крестьяне Пензенской, Нижегородской, Владимирской и других губерний³⁰. Их быт, совместная работа должны были послужить образцом для калмыков, их переходу на оседлый или хотя бы на полuosедлый образ жизни.

Не менее важным являлся вопрос об отношении калмыцкой знати к российскому дворянству, который можно рассмотреть на примере прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о награждении его бронзовой медалью на Владимирской ленте за предоставление 250 подвластных калмыков для участия в Отечественной войне 1812 г.³¹. Прощение было отклонено на том основании, что не было официальных документов «считать калмыцких владельцев в числе дворян»³². Однако калмыцкие владельцы Дондуковы, принявшие христианскую веру, имели княжеский титул, и самые знатные калмыцкие владельцы также вошли в состав российского дворянства.

Российские награды калмыки получали не только за боевые заслуги, за пожертвования, но и в области здравоохранения. Так, например, Джалов, эмчи-гелюнг Эркетеневского улуса, лекарь из числа священнослужителей, за особый вклад в борьбу с заразным заболеванием получил серебряную медаль «За прививание оспы». По документам прослеживается путь, который прошел эмчи Джалов до получения заслуженной награды. Сначала он прошел обучение по привитию оспы у русского казенного лекаря, затем, получив аттестат, он направился в улусы и привил 1408 человек, которые благополучно излечились³³. Интересен тот факт, что Джалов – самовыдвиженец и его обращение о награждении долгое время рассматривалось в различных инстанциях: Оспенном комитете, Вольном экономическом обществе, губернскими органами управления, Комиссией калмыцких дел и в конечном итоге эмчи Джалов был награжден серебряной медалью, которую носили в петлице на зеленой ленте. Такой же наградой был награжден гелюнг Болдан Минганов, подвластный Церен Убуши, владельца Харахусо-Эрдениевского улуса³⁴.

Особо следует остановиться на вопросе о приведении социальной структуры калмыцкого народа в соответствие с общероссийской сословной системой, проводимой российской администрацией, и в соответствии с разделом «Особенные права нойонов, зайсангов и лам» Положения 1847 г.

В фонде Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ имеются архивные дела, содержащие сведения

об изменении в государственном устройстве Калмыцкой степи. Так, например, изменился правовой статус зайсангов, их низведению до статуса управляющих аймаком, необходимости подтверждения ими наследственных и иных прав на владение улусами и аймаками. В фонде представлены дела об утверждении в наследственном праве нойонов над улусами; в звании родовых, аймачных и безаймачных зайсангов³⁵.

Формирование новых социальных категорий, таких как безулусных нойонов, аймачных зайсангов (владеющие аймаками и получивших права потомственного почетного гражданина), безаймачных зайсангов (наделенные правом личного почетного гражданина), отражало продолжающийся процесс адаптации калмыцкого общества к российской сословной системе³⁶.

В архивных делах имеются сведения о появлении наемного труда в Калмыцкой степи и зарождении слоя наемных рабочих, главным образом речь идет о традиционном для калмыков отходничестве на рыбные промыслы³⁷.

На основе изучения состава и содержания архивных фондов органов управления калмыцким народом XIX в. можно заключить, что процесс интеграции калмыцкого общества в общероссийскую систему управления был постепенным и затронул все сферы жизнедеятельности калмыцкого народа. Через изучение истории калмыцкого народа, сословной структуры калмыцкого общества, хозяйственного и бытового устройства калмыков, гибкой политики в отношении религиозных верований, принятие ряда законодательных актов по управлению Калмыцкой степью шло постепенное вливание калмыцкого народа в российское государство.

Примечания

Notes

(Endnotes)

1. *Горяев М.С., Команджаев А.Н.* Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 7(126). Вып. 22. С. 115.

2. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. 2009. С. 443.

3. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. 2009. С. 444.

4. Правила для управления калмыцкого народа. 10 марта 1825 г. (№ 30290) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. I. Т. XXXX. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1830. С. 155–161; Государственное строительство Калмыкии.

XVII–XXI вв. Сб. док-в и мат-лов. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 399 с.

5. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. 2009. С. 483.

6. Положение об управлении калмыцким народом. 24 ноября 1834 г. (№ 7560а) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. II. Т. XXII. Ч. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1848. 951 с.

7. Государственное строительство Калмыцкой АССР. XVII–XXI вв. Сборник документов и материалов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 163.

8. *Бурчинова Л.С.* Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С. 22.

9. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. С. 2009. 496.

10. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. С. 2009. 496.

11. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. С. 2009. 499.

12. *Бугаев А.И.* Чиновничество Калмыкии в середине XIX века // Молодежь в науке. Сборник научных трудов молодых ученых. КИГИ РАН. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 159.

13. Положение об управлении калмыцким народом. 23 апреля 1847 г. (№ 21144) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXII. Ч. 1. СПб.: Тип. II. Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1848. С. 349–372; Государственное строительство Калмыцкой АССР. XVII–XXI вв. Сб. док-в и мат-лов. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 193–228.

14. Государственное строительство Калмыцкой АССР. XVII–XXI вв. Сб. док-в и мат-лов. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 193.

15. Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док-в и мат-лов. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 208.

16. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. 2009. С. 501–502.

17. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т.1. 2009. С. 469.

18. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-2. Оп. 2. Д. 4; НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 164.

19. НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 293.

20. НА РК. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 3.

21. НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 72.

22. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 128.

23. НА РК. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 4.

24. НА РК. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 3.

25. НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 163.

26. НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 163.

27. НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 286.

28. Государственное строительство Калмыцкой АССР. XVII–XXI вв. Сборник документов и материалов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 189–190.

29. НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20, Д. 21, Д. 22, Д. 23, Д. 31, Д. 32, Д. 48, Д. 49, Д. 77, Д. 78.

30. НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–17об.; НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 22. Л. 40–41; Л. 44–45; Л. 48–49; Л. 148.

31. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 19. Л. 5.

32. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 23. Л. 132.

33. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 141.

34. НА РК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 251.

35. НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 59; НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 73; НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 74; НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 75.

36. *Команджаев А. Н.* Социальная структура калмыцкого общества в XIX – начале XX вв. // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология, 2010. № 2. С. 153–165; *Батыров В. В., Команджаев Е. А.* Роль зайсангов в калмыцком обществе в XIX в.: сборник трудов конференции // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы VII Междунар. Науч.-практ. конф. (Чебоксары, 4 дек. 2015 г.) /редкол.: О.Н. Широков [и др.] Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № 4(7). С. 31–34.

37. НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 171; *Команджаев А. Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. С. 133.

Автор, аннотация, ключевые слова

Манджикова Лариса Бадмаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН
ORCID: 0000-0003-3902-2664
0862larisa@gmail.com

В статье исследуется процесс интеграции калмыцкого общества в общероссийское государственное пространство через изучение состава и содержания архивных документов, созданных в период деятельности органов управления калмыцким народом XIX в.

Исследования показали, что архивные документы являются письменными источниками по изучению наиболее важного, но довольно сложного периода в истории калмыцкого народа: 1) уход большей части калмыков из российского государства и ликвидация Калмыцкого ханства (1771 г.) повлекли за собой лишение самостоятельного развития Калмыцкой степи, смены системы протектората на систему подданства; 2) изменения во всех сферах жизни калмыцкого народа, связанных с проведением административных реформ

в российской государственной системе управления, в т. ч. повлиявшие на социальный статус и прав калмыцкой знати, их отношение к российскому дворянству и необходимости подтверждения законных прав на владение улусами, аймаками; 3) появление новых прослоек в структуре калмыцкого общества: чиновников в качестве переводчиков и толмачей, наемных работников; 4) проведение госполитики по постепенному переходу калмыков на оседлый образ жизни, через строительство деревянных домов для калмыков, пожелавших перейти к оседлости и крестьян-переселенцев, которые должны были стать образцом ведения оседлого земледельческого хозяйства.

Таким образом, исследование показало, что постепенно калмыцкое общество вливалось в общероссийскую государственную систему, и происходил процесс взаимопроникновения культурных, хозяйственных и других сторон жизнедеятельности разных народов, связанных общей историей российского государства.

Калмыцкая степь, калмыцкое общество, интеграция, оседлость, административная реформа, архивные документы.

Author, abstract, keywords

Mandzhikova Larisa – PhD in History, Senior Researcher, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0003-3902-2664
0862larisa@gmail.com

The article examines the process of integration of Kalmyk society into the Russian state space through the study of the composition and content of archival documents created during the period of activity of the Kalmyk people's governing bodies in the nineteenth century.

The study shows that archival documents serve as written sources for insights into the most important but rather difficult period in the history of the Kalmyk people associated with: 1) the exodus of most Kalmyks from Russia and the annexation of the Kalmyk Khanate (1771) which put an end to any independent development of the Kalmyk Steppe, the shift from the protectorate system to that of citizenship; 2) changes in all spheres of the Kalmyk people's life related to the implementation of administrative reforms in the Russian state management system, including those that affected the social status and rights of the Kalmyk nobility, their attitude towards the Russian nobility and the need to confirm the legal rights to own uluses, aimags; 3) the emergence of new strata in the structure of Kalmyk society: officials as translators and interpreters, hired workers; 4) implementation of state policy for the gradual transition of

Kalmyks to a sedentary lifestyle through the construction of wooden houses for Kalmyks who chose to get settled and displaced peasants supposed to become a model of sedentary agriculture.

Thus, the study attests to the Kalmyk society gradually merged into the all-Russian state system, and there was a process of interpenetration of cultural, economic and other aspects of life inherent to different ethnic communities connected by the common history of the Russian state.

Kalmyk Steppe, Kalmyk society, integration, settlement, administrative reform, archival documents.

References **(Articles from Scientific Journals)**

1. Goryaev M. S., Komandzhaev A. N. Organizatsiya upravleniya kalmytskim narodom posle uprazhdeniya Kalmytskogo khanstva (1771–1825 gg.) [Organization of Administration of the Kalmyk People after the Abolition of the Kalmyk Khanate (1771–1825)]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2012, no. 7(126)/22, p. 115. (In Russian).

2. Komandzhaev A. N. Sotsial'naya struktura kalmytskogo obshchestva v XIX – nachale XX vv. [The Social Structure of Kalmyk Society in the 19th – early 20th Centuries]. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya*, 2010, no. 2, pp. 153–165. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Batyrov V. V., Komandzhaev E. A. Rol' zaysangov v kalmytskom obshchestve v XIX v. [The Role of Zaisangs in Kalmyk Society in the 19th Century]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya* [Priority Directions of Science and Education Development]. Cheboksary, Interactive Plus Publ., 2015, pt. 4(7), pp. 31–34. (In Russian).

4. Bugaev A. I. Chinovnichestvo Kalmykii v seredine XIX veka [Bureaucracy of Kalmykia in the Middle of the 19th Century]. *Molodezh' v nauke* [Youth in Science]. Vol. 1. Elista, Dzhangar Publ., 2004, p. 159. (In Russian).

(Monographs)

5. Batmaev M. M., Belousov S. S., Sanchirov V. P. et al. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Kalmykia from Ancient Times to Present Days]. Elista, Gerel Publ., 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russian).

6. Burchinova L. S. *Istochnikovedcheskie voprosy izucheniya istorii Kalmykii (Vtoraya polovina XIX v.)* [Source Studies of the History of Kalmykia (The Second Half of the 19th Century)]. Elista, Kalmyk Book Publ., 1980. 118 p. (In Russian).

7. Komandzhaev A. N. *Khozyaystvo i sotsial'nye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskiy opyt i sovremennost'* [Economy and Social Relations in Kalmykia at the End of the XIX – Beginning of the XX Century: Historical Experience and Modernity]. Elista, Dzhanger Publ., 1999. 262 p. (In Russian).

Н.Д. Николаева

**Женщины династии Рюриковичей в семиотическом
пространстве княжеского некрополя
(конец XI – 70-е гг. XII вв.)**

N.D. Nikolaeva

**Women of the Rurik dynasty in the Semiotic space of the Princely
necropolis
(late 11th–70s of the 12th centuries)**

Как известно, культура Древней Руси эсхатологична по своей природе. Представление о конце времен служило нравственным ориентиром, напоминанием о вечности и ответственности человека перед Господом. Особый смысл виделся в поступках людей, наделенных властью. Ведь именно правители должны были играть при жизни и после завершения земного пути особую роль в спасении народа от гнева Божьего, а также – нести ответственность за Русскую землю. В связи с этим, место и обстоятельства завершения земного пути человека, наделенного властью, имели чрезвычайно важное символическое значение. Т.В. Жданова обозначила погребальный обряд правителя, равно как и сам нарратив о смерти, одной из ключевых позиций для исследования княжеского статуса в целом¹. Ученые ставят практики погребений на одну ступень с интронизацией, дарообменом и общественными пирами, указывая на их очевидную связь в вопросах форм презентации власти, легитимации и обоснования претензий представителей династии на наследственные права. Выражаясь словами Ю.Н. Кежи, каждая из практик была «проявлением роли и значения правителя в жизни древнерусского социума»². А захоронения властных элит позволяли «обозначить общие контуры династических стратегий и символических практик [...] эпохи Средневековья»³. Вполне логично, что выводы о семиотике системы погребений властных элит, в первую очередь, делаются на основе анализа нарративов о захоронениях мужчин. В основном, именно они формировали властные стратегии Рюриковичей.

Однако, на наш взгляд, следует обратиться к проблеме места в семиотической системе погребений женщин династии. Они являлись неотъемлемой частью системы брачного института и матримониальных планов. Как справедливо отмечено А. Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским, кровное родство априори не могло быть предметом сознательного выбора, родство же по браку подразумевало выбор, который предполагал его превращение в последующих поколениях в кровную связь, предопределявшую судьбу наследников и потомков⁴. Кроме того, захоронения представительниц династии Рюриковичей редко удостоивались внимания летописца, и именно этим данные сведения ценны. Средневековый книжник, создавая свой нарратив, стремился вписать в него только ключевые позиции, что было связано с особым характером древнерусской литературы. Ее задача состояла в том, чтобы показать, как выбрать правильный земной путь, ведущий к посмертному спасению души. В этом контексте справедливо замечание А.Н. Ужанкова: в восприятии древнерусского книжника «“познание” мира сводилось к Богопознанию [...] “познание” мыслится не как постижение сущности Бога, [...] а выявление смысла, который имеет Бог для человека»⁵.

Относительно хронологических рамок данного исследования также следует сделать несколько замечаний. Нижняя граница будет охватывать рубеж XI–XII вв.; верхняя – завершаться рубежом 1160–70-х гг. Рубеж XI–XII вв. – время начала трансформации погребальных практик властных элит Руси, которые будут происходить на протяжении всего XII столетия. В этот период усложняется система княжеских погребений – расширяется их география и развивается храмовое и монастырское строительство, изначально предназначенное для выполнения функций семейных усыпальниц. В XII в. только в Киеве и его окрестностях такой статус получили, к примеру, Андреевский (Янчин), Михайловский Златоверхий, Берестовский, Кирилловский монастыри. Данные археологических раскопок на средневековых русских памятниках XII в., выражаясь словами Т.Е. Самойловой, «демонстрируют резкую смену архетипа в области мемориальных сооружений»⁶: аркосолии – арочные ниши для установки саркофагов – сразу планируются при возведении сакральной постройки. Такие планировки В. В. Седов связал со складывавшимся на Руси XI–XII вв. культом «святых» или «блаженных» князей, по причине которого останки усопших политических лидеров уподоблялись мощам святых. Исследователь рассматривает погребения князей как некий идеологический механизм, связывающий власть князя с божественным порядком⁷. Данные процессы можно обозначить, как «христианизация» княжеского погребального обряда, что вполне соответствует тенденциям эпохи. С одной стороны, речь идет о распространении христианства в Русских землях. Как отмечает Д.Г. Хрусталева, именно в XII в. на Руси увеличивается число

епархий и наблюдается систематическая политика князей по усилению церковной организации путем каменного храмового строительства на Руси, в которой ключевую роль принадлежит Владимиру Мономаху⁸. С другой – в условиях усиливавшихся процессов децентрализации Руси возрастала необходимость в дополнительных средствах легитимации власти представителей той или иной ветви Рюриковичей, коими и стали практики погребения. В первую очередь, означенные выше тенденции проявляли свое действие в среде великих киевских князей, стоявших у «руля» власти. И именно женщинам, связанным с великокняжеским престолом, будет посвящено данное исследование.

Определившись с географией и говоря о верхней хронологической границе, нельзя проигнорировать динамику развития самого статуса «великий князь киевский». Литоралью в этом процессе, на наш взгляд, является конец 1160-начало 1170-х гг. Андрей Боголюбский стал тем правителем, который, завладев Киевом и приняв титул «великий князь», не стал править в этом городе лично и даже не передал этот престол своему старшему родственнику или старшему сыну. В этом случае произошло отделение понятия «старшинство» среди князей Рюриковичей от места. Номинально Киев оставался старейшим престолом, однако особый политический вес стали приобретать правители Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси.

Таким образом, цель данного исследования состоит в определении места и роли в семиотической системе погребений Рюриковичей женщин – представительниц династии, являвшихся женами или дочерьми князей киевских, время политической активности которых было заключено в хронологических границах конца XI – 70-х гг. XII вв.

Как уже говорилось выше, очень немногие женщины династии были удостоены внимания летописца в вопросе о месте захоронения. Если сужать выборку в рамках означенной хронологии и географии, она будет крайне невелика, и в ней сразу следует отметить одну особенность: ряд представительниц династии были похоронены в семейных монастырях, в то время, как другие нашли свое последнее пристанище в иных обителях, не имевших статуса семейных усыпальниц либо изначально не задумывавшихся таковыми.

Захоронения представительниц династии Рюриковичей в семейных усыпальницах

Вторая супруга Всеволода Ярославича (ум. 1111 г.) и Янка Всеволодовна (ум. 1112 г.)

Меньше всего вопросов, пожалуй, вызывают захоронения неназванной по имени супруги князя Всеволода Ярославича и его дочери

Янки в Андреевском монастыре. Эта организация появилась благодаря князю, вероятнее всего, была названа в честь его патронального святого – захоронение здесь жены и дочери Всеволода было более, чем логично. Другой вопрос – почему именно эти женщины удостоены внимания летописца? Ведь подобных сведений нет даже о предыдущей жене Всеволода – «Мономахине», представительнице византийской императорской династии.

Итак, супруга Всеволода и его дочь, Янка, умирают в 1111 и 1112 гг., соответственно. Ответ на вопрос о том, почему летописец упоминает о смерти Янки Всеволодовны отчасти лежит на поверхности. Янка внесла значительнейший вклад в развитие семейного Андреевского монастыря, который даже вошел в летописи под названием «Янчин». При этом, важно еще отметить, что Янка приняла постриг, причем будучи девицей. Как справедливо заметили Т.И. Афанасьева и Т. Лебер, в случае, когда постриг принимает незамужняя девушка, происходит ее символическое обручение с Христом, она выбирает небесного жениха вместо земного⁹. Чтобы понять значимость этого события и его связь с упоминанием о смерти княжны, следует обратиться к контексту эпохи.

Начало XII в. – время наиболее активных антиполовецких кампаний русских князей, в которых были формальный и реальный лидеры – Святополк Изяславич и Владимир Мономах. Последний, по словам летописца, уступил после смерти своего отца, Всеволода Ярославича, великокняжеский престол своему двоюродному брату лишь во имя соблюдения порядка престолонаследия¹⁰, что в условиях борьбы с половцами было системообразующим компонентом. Собственно, идея единения русских князей против Степи, противостояния носителей христианской религии «неверным» – лейтмотив политической «доктрины», выстраиваемой Мономахом на рубеже XI–XII вв.¹¹ А.В. Лаушкин отметил, что именно в этот период в русской книжности становится устойчивым употребление слов «хрестьянин» и «хрестьяньски» для обозначения жителей Руси и проявляется в оппозиции «мы – степняки»¹². Также важно обозначить, что дети Владимира Мономаха от второго брака, заключение которого приходится на 90-е гг. XI в.¹³, входят в летописи исключительно под христианскими именами.

Возвращаясь к вопросу о значимости пострига Янки в девичестве и упоминания о ее смерти, мы должны отметить, что в сложившихся условиях – децентрализация Руси, половецкая угроза и княжеские распри – элитам необходимо было формировать дополнительные практики легитимации власти. В случае со Всеволодовичами-Мономашичами это было подчеркивание почитания христианской веры, приближенности посредством дел и поступков этой семьи к Богу. Случай с Янкой как нельзя лучше встраивался в доктрину ее брата, Владимира, о противостоянии степнякам.

Сквозь эту же призму можно рассмотреть упоминание о смерти супруги князя Всеволода Ярославича, скончавшейся на год раньше Янки. О ней известно немного, однако в рассматриваемом контексте крайне примечателен сюжет под 1097 г. В разгар конфликта между Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем, причиной которого стало ослепление теребовльского князя Василька, именно жена Всеволода вместе с митрополитом Николой становится посредником в переговорах между князьями. Их речь была обращена именно к Владимиру, который являлся пасынком для вдовы Всеволода, и содержала ключевую идею – о необходимости единения русских князей во имя сохранения Русской земли перед лицом половецкой опасности: «Молимсѧ кнѧже тобѣ и брато ма твоима не мозѣ те погубити Русьскои землѣ аще бо возметь рать межю собою погани имуть радоватисѧ и возмутъ землю нашю»¹⁴. Владимир, услышав обращение, последовал ему, так как почитал супругу Всеволода «яко мѣръ» и митрополита, «тако же та санъ стѣльскый». По сути, речь идет о встраивании поведения супруги Всеволода в политико-идеологический контекст, формируемый Мономахом. Упоминание о ее смерти соответствует той же логике, что и в случае с Янкой Всеволодовной.

Мария (Марица) Владимировна (ум. 1146 г.)

Еще одна представительница династии Рюриковичей, место погребения которой вошло в летописный нарратив, дочь Владимира Мономаха, Мария (Марица), о судьбе которой нам известно немного. Очевидно, ранее 1116 г. на Руси появился некий «царевич Леон», который выдавал себя за византийского императорского наследника. На тот момент уже князь киевский Владимир Мономах признал его настоящим сыном императора Романа Диогена, женил на собственной дочери и поддержал его властные претензии относительно византийских городов на Дунае. По сути, брак между Марицей и Леоном был частью взаимовыгодного политического союза. Сам Владимир Всеволодович по линии матери приходился внуком императору Константину IX Мономаху. Поддержка киевского князя укрепляла позиции Леона. При этом, в случае успеха военной кампании, Владимир получал подконтрольные территории на Дунае. Однако политические чаяния союзников не привели к желаемому результату. В 1116 г. Леон был убит под Доростолом¹⁵. Владимир Мономах не прекратил военные действия, однако они не увенчались успехом.

Результатом матримониального союза стала не только война, но и рождение сына Леона и Марицы, который вошел в русскую летописную традицию под именем «Василько Маричичъ», «Василько Леонович». Как отметили А.Ф. Литвина и Ф.И. Успенский, употребление патронима и матронима демонстрирует, что, с одной стороны, родственники по линии отца не принимали участия в жизни

ребенка, а с другой – что княжич не был лишен права на связь с отцовским родом¹⁶. Также важно обозначить, что в летописи подчеркивается связь Василька еще и с дедом: в сообщении о гибели «Леоновича» (погиб в 1135 г., в ходе междоусобицы) он назван «внукъ Володимерь»¹⁷. Сама же Марица в 1146 г. скончалась и была погребена «в своей церкви, в ней же и пострижеса»¹⁸. Идентифицировать, что это за церковь крайне сложно.

Неточное, но все же упоминание о месте захоронения дочери Владимира Мономаха наталкивает на мысль о нетривиальном жизненном пути Марицы и о весьма своеобразной реализации функций матримониального союза. Из летописных данных следует, что мужа Марицы, Леона, признавали истинным наследником византийского престола («Леонъ царевичъ зать Володимерь»). В этом случае матримониальный союз русской княжны и представителя императорской династии Византии воспринимался (или, как минимум, транслировался) властной элитой Руси как чрезвычайно значимый и высокий по статусу. При этом, Марица после смерти мужа принимает постриг, что не было обязательством для княгинь вдов. Х. Рюс отметил, что постриг после смерти или разрыва с мужем принимали, в первую очередь, овдовевшие императрицы, так как новый брак означал для них «умаление прежнего высокого политического положения»¹⁹. Безусловно, Марица не имела статуса императрицы, но ее брак был обусловлен весьма амбициозными геополитическими планами, а ее муж считался прямым потомком, наследником, византийского императора.

Мария (Агафья) Мстиславна (ум. 1179 г.)

Мстиславна (по предположению исследователей имя княжны – Мария или Агафья) – дочь Мстислава Великого, ставшая женой Всеволода Ольговича, князя из черниговской ветви Рюриковичей. Этот брак примечателен тем, что невеста и жених были представителями двух линий династии, враждующих за великокняжеский престол. Вопрос о дате брака Марии (Агафьи) и Всеволода является дискуссионным. Однако ключевым событием, вероятно, предварявшим свадьбу, был конфликт между Всеволодом Ольговичем и его дядей, Ярославом Святославичем, состоявшийся в 1127/1128 г. Брак дочери Мстислава и Всеволода был гарантом политического союза князей в условиях децентрализации Руси и, как следствие, результатом образования весьма неожиданных альянсов между Рюриковичами²⁰.

Последующие события недвусмысленно указывают на этот политический подтекст. В 1139 г. Всеволод Ольгович добился власти в Киевском княжестве, хотя его отец никогда не здесь не правил, а дед Святослав в период триумvirата незаконно и на непродолжительное время занял старейший престол. Власть в Киеве Всеволод получил

после своего тестя Мстислава Великого и его брата Ярополка Владимировича, согнав с великокняжеского стола еще одного сына Мономаха, Вячеслава, имевшего весьма шаткие позиции ввиду своей бездетности. О праве Всеволода Ольговича на Киев прямо говорят слова его шурина, сына Мстислава, Изяслава. Последний, несмотря на желание киевлян видеть его на престоле, признает Всеволода как зятя, старшего брата, равного отцу: «Изаславъ же събравъся на поли и хр^стяныя и поганыя и ре^чимъ бра^те Всеволода есми имѣль въ правду брата старишаго занеже ми брать и за ть старѣи мене яко вѣ^ѣ»²¹. В подобном признании есть достаточно серьезная заслуга супруги Всеволода – как реальная, так и символическая. Как свидетельствует летопись, именно Мстиславна поддерживала коммуникацию между мужем и своими родными братьями²². И именно брак с ней позволил Всеволоду символически оказаться Мстиславичам ближе, чем родственники по отцу – в частности, тот самый бездетный Вячеслав.

Собственно, в период киевского княжения Всеволода в окрестностях столицы появляется Кирилловская церковь. Сам Всеволод Ольгович был похоронен в Вышгороде, в церкви Бориса и Глеба, вероятно, по причине незавершенности строительства Кирилловской церкви. Закончила это дело жена князя, о чем сказано в летописной статье 1179 г., повествующей о ее смерти: «Престависа княгини Всеволожая приѣмши на са чернечкоюу скимоу и положена бы^ѣ в Києвѣ оу с^тго Кюрила юже бѣ сама создала»²³. Место погребения жены Всеволода в этом контексте было чрезвычайно значимым с позиции формирования родового некрополя черниговских Рюриковичей в Киевской земле, символически закрепляющей властные претензии этой династической линии. Тем паче, что в год смерти княгини киевским князем являлся Святослав Всеволодович (который, напомним, также будет похоронен в Кирилловской церкви) – сын Мстиславны и Всеволода Ольговича.

Захоронения представительниц династии Рюриковичей в монастырях, изначально не имевших статус семейных усыпальниц

Евпраксия Всеволодовна (ум. 1109 г.)

Евпраксия – дочь Всеволода Ярославича и супруга императора Священной Римской империи Генриха IV, которая возвратилась на Русь после неудачного замужества и грандиозного скандала. Напомним, что поводом к последнему стало выдвинутое против императора его женой обвинение в аморальном поведении. Евпраксия в 1094 г. бежала от мужа под защиту Матильды Тосканской, а на соборе в Констанце, затем в Пьяченце произнесла обличительные речи в адрес своего супруга и получила полное освобождение от грехов, дарованное Папой

Римским Урбаном II. Затем она вернулась в Киев, где в декабре 1106 г. приняла постриг²⁴, а в 1109 г. умерла и получила последнее пристанище в Киево-Печерском монастыре²⁵.

Нетривиальность сюжета с местом захоронения Евпраксии обусловлена особым статусом Киево-Печерской обители. С одной стороны, нам известен далеко не один конфликт братии монастыря с киевскими князьями, ввиду чего здесь крайне редко хоронили представителей династии. С другой – авторитет этого монастыря был чрезвычайно высок, и особое значение он приобрел в контексте антиполовецкой борьбы русских князей рубежа XI–XII вв. Вопрос о Киево-Печерской обители как месте захоронения Евпраксии не единожды затрагивался в науке. В историографии высказывались предположения о крупных вложениях дочери Всеволода в этот монастырь, а также – о воле ее отца, в последние годы своей жизни отдалившегося от высшей греческой иерархии и, выражаясь словами М. Д. Приселкова, сблизившийся «с национальным киевским церковно-политическим направлением»²⁶. Однако сведения источников не дают возможности подтвердить эти концепции.

Х. Рюс сделал весьма интересное замечание, указав на то, что Евпраксия была похоронена у двери, с юга. Он связал это с традицией византийских императоров находиться во время службы в южной части собора Святой Софии. Со ссылкой на М. Б. Свердлова, Х. Рюс указывает, что захоронение в южной части становилось символом постоянного присутствия княжеской элиты в храме во время богослужения. Таким образом, по мнению ученого, подчеркивалось возвращение Евпраксии к «“киевским корням” и “православной вере”[...] [ее стремление – прим. Н.Н.] похоронить за монастырскими стенами “латинское прошлое”»²⁷.

Однако, если обратиться к работам М. Б. Свердлова, следует отметить, что захоронение в церкви представителей правящей элиты Руси исследователь видит, как сочетание нескольких традиций. Это западно-христианская практика захоронения в центре церкви (она, по мнению ученого, и стала основой «киевской» традиции) и не связанная с погребальными обрядами византийская практика пребывания императора во время богослужения в южной части храма²⁸. Также следует отметить, что Киево-Печерский монастырь приобрел статус центра национального христианства (об этом, со ссылкой на М. Д. Приселкова, пишет и сам Х. Рюс), и было бы крайне странно, если бы захоронение Евпраксии выражало некую преемственность с византийской традицией.

Наконец, лейтмотив летописного повествования, где сообщается о постриге и смерти Евпраксии, напрямую связан с антиполовецкой борьбой. Под 1106 г. после упоминания о нашествии степняков содержится рассказ о постриге здесь князя Святослава Давыдовича (Николы Святоши), пострадавшего от междоусобных распрей, с участием по-

ловцев; а также – рассказ о смерти старца Яня, жене которого небесный заступник Земли Русской Феодосий Печерский предсказал место захоронения рядом с его гробом. Под 1107 г. сказано о привычке князя киевского Святополка Изяславича ходить на поклон к гробу Феодосиеву перед военными предприятиями. Удачный поход против степняков охарактеризован как результат молитвы Богородицы и Феодосия. 1108 г. знаменуется прославлением Феодосия посредством распространения его Жития и внесения его имени в Синодик. Наконец, под 1109 гг. читаем о том, что в Киево-Печерской обители находит последнее пристанище Евпраксия Всеволодовна.

В связи с перечисленным выше представляется более вероятной идея подчеркивания статуса Евпраксии, особенно в условиях антиполовецкой борьбы. Как бы то ни было, Евпраксия получила отпущение грехов от самого Папы Римского Урбана II – высшего церковного иерарха в западнохристианском мире и идейного вдохновителя Первой крестовоной кампании, которая была, по сути, инициирована византийским императором Алексеем Комнином, и цель ее состояла в освобождении главной святыни всего Христианского мира, Иерусалима, из рук «неверных». Более того, по возвращении на Русь Евпраксия Всеволодовна приняла постриг, тем самым, не понижая свой статус императорской супруги, с одной стороны, и, следуя Христу, отказываясь от благ земной жизни – с другой. По своей сути, ситуация очень схожа с рассмотренными выше случаями Янки и супруги Всеволода. Статус и поведение Евпраксии соответствовали идеологической доктрине Владимира Мономаха, сопряженной с идеей о значимости христианской веры, приближенности посредством дел и поступков семьи Мономаха к Богу. Тем более, что, в означенный период разрыва отношений Мономаха и братии Киево-Печерского монастыря еще не произошло²⁹, а авторитет этой обители играл «на руку» Владимиру.

Евфимия Владимировна (ум. 1138 г.)

Внимания летописца в плане указания места захоронения была удостоена дочь Владимира Мономаха Евфимия. В Лаврентьевском летописном своде сказано: «Престависа Соуфимья Володимерна и положена бы^с на Берестовѣмь оу сѣго Спѣса»³⁰. В Ипатьевском своде указание на место захоронения Евфимии отсутствует, но известие о ее кончине помещено летописцем первым среди событий, произошедших за год³¹.

Из средневековых русских источников о судьбе Евфимии Владимировны, помимо смерти, известно лишь то, что в 1112 г. в состоялся ее брак с венгерским королем Калманом Книжником³². Почему дочь Мономаха снова оказалась в Киеве, где скончалась и была похоронена, свидетельствует «Венгерский хроникальный свод» (XIV в.). Согласно ему, супруги расстались; основанием для этого был адюльтер Евфимии, следствием которого стало рождение ее сына Бориса.³³

Русские летописи, как и более ранние, чем Венгерский хроникальный свод, иностранные источники, умалчивают об этой истории. Среди исследователей до сих пор нет единого мнения о том, была ли действительно измена.

В контексте данной статьи особое внимание привлекает само место захоронения. Евфимия Владимировна была первой представительницей династии Всеволодовичей-Мономашичей, нашедшей покой в Спасо-Преображенском монастыре, в селе Берестово, под Киевом. Позднее здесь будет упокоен сын Владимира, Юрий (1157 г.), и его внук – Глеб Юрьевич (1173 г.).

Само село упоминается в летописях, начиная с X в., и связано с именем Владимира Святого. Здесь в 980 г. еще язычник Владимир держал своих наложниц, и здесь же, в 1015 г., уже князь-христианин умер, собираясь в поход против своего сына Ярослава. Собственно, в 1051 г., Берестово появляется на страницах летописи, как любое сельцо Ярослава Владимировича, и здесь же мы обнаруживаем упоминание о церкви Святых Апостолов в этом селе. Из летописного текста 1072 г. мы узнаем, что в Берестове уже есть монастырь Святого Спаса с игуменом Германом во главе. Именно в Берестове в 1073 г. изначально утверждаются князья–триумвиры Святослав и Всеволод, нарушившие отцовское завещание и выступившие против старшего брата Изяслава. И именно в Берестове, в разгар киевских беспорядков 1113 г. принимает свой устав Владимир Мономах. Весь этот набор летописных фактов позволил исследователям прийти к выводу о развитии села Берестово на протяжении конца X – начала XII вв. как загородной княжеской резиденции. А также – сделать предположение о том, что именно благодаря Владимиру Мономаху здесь была возведена церковь Святого Спаса³⁴. Князь желал символически укрепиться в этой загородной резиденции, что было крайне важно в условиях нарастающей децентрализации Русских земель.

Итак, Евфимия была похоронена в сакральной постройке, в которую, вероятно, финансово «вложился» ее отец. Однако момент отсутствия ее символической связи с семейным Андреевским монастырем (в котором, к слову, практически в тот же временной промежуток, в 1139 г., был похоронен князь киевский, брат Евфимии, Ярополк Владимирович) весьма симптоматичен. Похороны Евфимии Владимировны в загородной укрепленной резиденции могут встраиваться в логику системы захоронений в том случае, если эта представительница рода совершила нечто неприемлемое в понимании средневекового общества – к примеру, адюльтер. Весьма вероятно, что упоминание о смерти Евфимии было связано с вопиющим случаем нарушения функционирования системы матримониальных связей, и ее судьба интересовала летописца именно поэтому. В доказательство следует отметить, что Евфимия Владимировна –

единственная из рассматриваемых в данной статье женщин – представительниц династии Рюриковичей, относительно которой летописные известия ограничиваются только упоминанием о браке и смерти. К слову, в эту логику встраивается и абсолютное невнимание летописцев к персоне сына Евфимии Бориса. Пожалуй, из рассмотренных выше случаев только о Марице Владимировне мы знаем так же мало, однако ее сын упоминается в летописи и его связь с родом отца подчеркивается.

Ольга Юрьевна (ум. 1182 г.)

Еще одна представительница династии Рюриковичей, которая была удостоена внимания летописца в вопросе о месте последнего пристанища – Ольга Юрьевна, дочь Юрия Долгорукого и по совместительству жена галицкого князя Ярослава Осмомысла.

Политическая подоплека брака Ольги и Ярослава вполне ясна, если обратиться к контексту эпохи. Владимир Володаревич, отец Ярослава, князь Галицкий, поддерживал Юрия Долгорукого в борьбе с его племянником Изяславом Мстиславичем за киевский стол. Союз детей служил подтверждением взаимной лояльности князей. В браке Ольги и Ярослава родился только один сын – Владимир. При этом у князя был еще сын Олег, появившийся на свет от его любовницы Настасьи и вошедший в русские летописи под отчеством «Настасьич». Ярослав открыто признавал бастарда Олега своим наследником, очевидно пренебрегая родившимся в законном браке сыном Владимиром. Такая ситуация в семье Ярослава Осмомысла была осложнена как политическими конфликтами внутри княжества, так и за его пределами.

В контексте рассматриваемого вопроса чрезвычайно важен очередной виток обострения отношений внутри семьи Ярослава и, одновременно, с его боярством и с киевским престолом, который произошел в 1170-1171 гг. В это время великим князем киевским на недолгий срок стал брат Ольги, Глеб Юрьевич. Осмомысл, при этом, оказал военную помощь изгнанному из Киева Мстиславу Изяславичу и, более того, открыто объявил своим наследником Олега Настасьича. В 1173 г. Ольга Юрьевна с сыном Владимиром бежали в Польшу³⁵. Недовольные Осмомыслом бояре, по сути, использовали ситуацию в семье князя в качестве предлога выступить против него. Ярослава Владимировича вместе с незаконнорожденным сыном Олегом заключили под стражу, его сторонников убили, а Настасью заживо сожгли на костре³⁶. Более того, с князя взяли обещание жить с законной женой. Правда, эта обязательство не получило должного исполнения: уже через год Владимир был вынужден снова бежать от своего отца³⁷. Сама же Ольга Юрьевна нашла прибежище у своих братьев, в родных для нее землях. В 1178 г. княгиня стала крестной матерью своей племянницы, дочери Всеволода Большое Гнездо³⁸. Умерла она в 1182 г. и была погребена в Богородичной церкви

г. Владимира. О смерти Ольги в летописной статье сказано: «Престависѧ бл҃говѣрная княгыни Сѡлга нареченная чернечьскы Юсоуѣросинья быѥ в стѣи Бѣи в Володимери»³⁹.

Именно из сообщения о кончине княгини мы узнаем о принятии ею пострига и об имени, которое Ольга получила в монашестве. Княгиня стала монахиней при жизни мужа, и в летописном сообщении о смерти она названа благоверной. Значение слова «благоверный» для средневековой Руси сводится к определению «преданный истинной вере / исповедующий истинную веру»⁴⁰. Любопытно и само имя, которое Ольга Юрьевна берет в монашестве – Евфросинья. В данном контексте нельзя не обратить внимания на современницу Ольги Евфросинью Полоцкую, внучку князя Всеслава, которая отказалась от брачного союза и приняла постриг. Имя этой княжны связано с основанием в Полоцке мужского и женского монастырей, с появлением на Руси эфесской иконы Божьей Матери и с совершенным ею перед смертью паломничеством в Иерусалим, где Евфросинья и нашла свое последнее пристанище. Нельзя не обратить внимания и на некое символическое пересечение судеб Ольги Юрьевны и Евфросиньи Полоцкой: в 1173 г. Ольга вместе с сыном бежала из Галича, и в этот же год умерла Евфросинья. Такое совпадение может быть неслучайным, что подтверждается еще одним интересным наблюдением. Как отметили А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, среди потомков Юрия Долгорукого не единожды встречается имя Евфросинья, на основании чего «можно допустить, что перед нами своего рода семейный культ св. Евфросиньи», сочетающий почитание св. Евфросиньи Александрийской и Евфросиньи Полоцкой⁴¹. Дочь князя Бориса Юрьевича носила такое имя в быту, а внучка Всеволода Юрьевича Большое Гнездо получила такое имя в крещении.

Итак, союз Ольги и Ярослава, заключенный по политическим соображениям, был вопиющим случаем пренебрежения основными функциями и механизмами матримониальных связей, где именно Ярослав выступал главным виновником. История данного брака – пример того, как, с одной стороны, не должен работать матримониальный союз; а с другой – история про достойное поведение женщины в этом союзе, отстаивавшей политические права своего сына и принявшей монашество, отказавшись от благ земной жизни. Вполне вероятно, что именно данные обстоятельства и стали поводом для внесения в летопись свидетельства о месте погребения этой Рюриковны.

В заключении следует отметить, что в рамках означенной хронологии и географии представительницы династии Рюриковичей получали несколько строк в летописи о своей смерти и месте захоронения в нетривиальных с точки зрения средневековой морали и системы мировосприятия случаях. Это были примеры нарушения функционирования

одного из ключевых институтов средневекового общества – системы матримониальных связей. Зачастую эти прецеденты «умножались» на актуальную политическую повестку эпохи, где роль женщины – представительницы династии становилась принципиально важной в плане символического закрепления властных претензий той или иной ветви Рюриковичей. Особенно это было значимо ввиду усиливавшихся процессов децентрализации Руси и поиска политическими элитами эффективных средств легитимации власти. И именно погребения, в условиях продолжавшегося процесса христианизации, стали таким средством. Более того, именно XII в. обозначается исследователями как эпоха, в которой преобладающими были внутрдинастические матримониальные союзы Рюриковичей⁴². Это стало следствием разрастания самой династии и, соответственно, возможностью заключать браки между Рюриковичами и «Рюриковнами», не нарушая церковные запреты. В этих условиях политико-символический диалог между представителями одной династии должен был приобрести определенные формы выражения. И практика погребений супруг и дочерей Рюриковичей, зачастую относящихся к той же династии, что и князья, становилась одной из них.

Примечания Notes (Endnotes)

1. *Жданова Т.В.* Видимый и невидимый миры русских князей (восприятие власти древнерусским обществом через призму погребальной практики) IX-XV вв. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2017. С. 4.
2. *Кежа Ю.Н.* Места княжеских погребений в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 16.
3. Там же. С. 17.
4. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2020. С. 7.
5. *Ужанков А.Н.* Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт наследия, 2022. С. 6.
6. *Самойлова Т.Е.* Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006. С. 582.
7. *Седов В.В.* Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточно-христианские реликвии / ред. А. М. Лидов. М.: Пресс-традиция, 2003. С. 447–481.
8. *Хрусталева Д.Г.* Колдовство на Руси: политическая история от крещения до «Антихриста». М.: АСТ, 2022. С. 44.
9. *Афанасьева Т.И., Лебер Т.* Женский постриг и женское монашество в Древней Руси и на Балканах // Slověne. 2020. Vol. 9, № 1. С. 90.

10. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 208.
11. Будовниц И.У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. 1947. Т. 22. С. 42–100; Мильков В.В. Этико-политическая программа Владимира Мономаха // Философский журнал. 2020. № 4. С. 134–147.
12. Лаушкин А.В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестьянин» и «хрестьяньски» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. 2006. Вып. 6. С. 36.
13. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 607–608.
14. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 237–238.
15. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 283.
16. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М.: Индрик, 2006. С. 141.
17. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 298.
18. Полное собрание русских летописей. Том 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 315.
19. Рюсс Х. Евпраксия-Адельгейда: биографический этюд // *Rossica Antiqua*. 2010. Т. 2. С. 104.
20. Абуков С.Н. Внутридинастическая брачная политика Владимира Мономаха и его сына Мстислава в первой трети XII в. // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 11. № 5 (39). С. 10–11.
21. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 323.
22. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 309.
23. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 612.
24. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 257–258
25. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 260
26. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. С. 155–157.
27. Рюсс Х. Евпраксия-Адельгейда: биографический этюд // *Rossica Antiqua*. 2010. Т. 2. С. 108, 112.
28. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 499
29. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. С. 179.

30. Полное собрание русских летописей. Том 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 305
31. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 301.
32. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 273.
33. Венгерский хроникальный свод // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. Западноевропейские источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 364
34. *Раннопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Строй-издат, 1993. С. 46.
35. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 564.
36. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 564.
37. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 571.
38. Полное собрание русских летописей. Том 2. Ипатьевская летопись. Стб. 613.
39. Полное собрание русских летописей. Том 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 389.
40. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Том 1. М.: Русский язык, 1988. С. 172.
41. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. С. 178.
42. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Брак и власть между Западом и Востоком: матримониальный портрет династии Рюриковичей //Средневековая Европа: Восток и Запад. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2015. С. 35.

Автор, аннотация, ключевые слова

Николаева Наталья Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Института истории и международных отношений ФАГОУ ВО «Южный федеральный университет»

ORCID: 0000-0002-0841-3294

natp@sfedu.ru

Цель данной статьи состоит в определении места и роли женщин–представительниц династии Рюриковичей в семиотической системе погребений конца XI – 70-х гг. XII вв. Новизна заключается в обращении к системе женских погребений династии как к самостоятельному объекту исследования на основании двух ключевых тезисов – о женщинах как

принципиально значимой части матримониальных стратегий властных элит Средневековья и о крайней избирательности русского книжника в вопросе об упоминании мест и обстоятельств женских захоронений. В данном исследовании производится анализ нарративов о представительницах династии, которые являлись женами или дочерьми князей киевских. В статье осуществлена выборка представительниц династии Рюриковичей, места захоронений которых упомянуты в летописи, в рамках означенной хронологии и географии; сделано первичное разделение упоминаний на две большие группы – захоронения в семейных монастырях и в обителях, не имевших статуса семейных усыпальниц; проанализирован отдельно каждый случай внутри больших групп. На основании анализа был сделан ряд итоговых выводов. Летописец упоминал о местах захоронения представительниц династии Рюриковичей в нетривиальных случаях с точки зрения средневековой морали и системы мировосприятия. Это были примеры нарушения функционирования одного из ключевых институтов средневекового общества – системы матримониальных связей. Чаще всего, эти прецеденты встраивались в актуальную политическую повестку эпохи, где роль женщины – представительницы династии становилась принципиально значимой в плане символического закрепления властных претензий той или иной ветви Рюриковичей.

Рюриковичи, матримониальные союзы, полицентризм, XII век, легитимация власти, семиотика погребений, династические стратегии.

Author, Abstract, Key words

Natalia D. Nikolaeva – Candidate of History, Associate Professor Southern Federal University 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006 Russia.

ORCID: 0000-0002-0841-3294

natp@sfsedu.ru

The purpose of this article is to investigate the role and significance of women from the Rurik dynasty within the semiotic system of burials during the late 11th and 70s of the 12th centuries. The novelty of this study lies in its focus on the female burials of the dynasty as a distinct object of research, based on two positions: about women as an essential component of matrimonial strategies among medieval elites, and the extreme selectiveness of Russian chroniclers in recording information about women's graves. This study analyzes chronicle texts about representatives of the dynasty who were wives or daughters of princes of Kiev. The author has selected news about

women whose burial sites are mentioned in the chronicles, within the indicated chronology and geography. The information about burials has been divided into two large groups: those in family monasteries and those in monasteries without the status of a family tomb. Based on the analysis, several final conclusions were reached. The chronicler referred to the burial sites of women from the Rurik Dynasty in non-trivial cases, from the perspective of medieval morality and worldview. These were instances of disruptions to the functioning of matrimonial ties and strategies. Most often, these events were embedded in the political agenda of the time, where the role of a woman from the dynasty became crucial in symbolically consolidating the power claims of a particular branch of the Rurik family.

Rurikids, matrimonial alliances, polycentricity, 12th century, legitimation of power, semiotic analysis of burials, dynastic tactics.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Abukov, S.N. (2015) Vnutridinasticheskaya brachnaya politika Vladimira Monomaha i ego syna Mstislava v pervoj treti XII v. [The intra-dynastic marriage policy of Vladimir Monomakh and his son Mstislav in the first third of the 12th century]. Bulletin of Kurgan State University. Series: Humanities, no 5 (39), pp. 9–12. (In Russian)
2. Afanas'eva, T.I., Leber, T. (2020) ZHenskij postrig i zhenskoe monashestvo v Drevnej Rusi i na Balkanah. Slověne [Female tonsure and female monasticism in Ancient Russia and the Balkans], no 9 (1), pp. 81–109. (In Russian)
3. Budovnic, I.U. (1947) Vladimir Monomah i ego voennaya doktrina [Vladimir Monomakh and his military doctrine]. Historical notes, 22, 42–100.
4. Kezha, YU. N. (2022) Mesta knyazheskih pogrebenij v domongol'skoj Rusi [Places of princely burials in pre-Mongol Russia]. Ancient Russia. Issues of medieval studies, no 1 (87), pp. 16–35. (In Russian)
5. Laushkin, A.V. (2006) K voprosu o razvitii etnicheskogo samosoznaniya drevnerusskoj narodnosti («hrest'yanin» i «hrest'yan'ski» v pamyatnikah letopisaniya XI–XIII vv.) [On the development of the ethnic identity of the Ancient Russian people ("Khrestyanin" and "Khrestyansky" in the chronicle monuments of the XI–XIII centuries)]. Medieval Russia, no 6, pp. 29–65. (In Russian)
6. Litvina, A.F., Uspenskij, F.B. (2015) Brak i vlast' mezhdz Zapadom i Vostokom: matrimonial'nyj portret dinastii Ryurikovichej [Marriage and power between the West and the East: a matrimonial portrait of the Rurik dynasty]. Medieval Europe: East and West. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, pp. 11–42. (In Russian)
7. Mil'kov, V.V. (2020) Etiko-politicheskaya programma Vladimira Monomaha [Vladimir Monomakh's Ethical and political program]. Philosophical Journal, no 4, pp. 134–147. (In Russian)

8. Rjuss, H. (2000), *Evpraksiya-Adel'gejda: biograficheskij etjud* [Eupraxia-Adelheid; biographical sketch]. *Rossica Antiqua*, no 2, pp. 54–112. (In Russian)
9. Samojlova, T.E. (2006) *Svyashchennoe prostranstvo knyazheskogo groba* [The sacred space of the Princely coffin]. *Hierotopia. Creation of sacred spaces in Byzantium and Ancient Russia*, pp. 579–611. (In Russian)
10. Sedov, V.V. (2003) *Pogrebeniya «svyatyh knyazej» i arhitektura knyazheskih usypal'nic Drevnej Rusi* [The burials of the "holyprinces" and the architecture of princelytombs of Ancient Russia]. *Eastern Christianrelics*, pp. 447–481. (In Russian)

(Monographs)

11. ZHDanova, T. V. (2017) *Vidimyj i nevidimyj miry russkih knyazej* (vospriyatie vlasti drevnerusskim obshchestvom cherez prizmu pogrebal'noj praktiki) IX – XV vv. [The visible and invisible worlds of Russian princes (the perception of power by Ancient Russian society through the prism of funeral practice) of the IX – XV centuries]. *National Development*, Saint-Petersburg, 262 p. (In Russian)
12. Litvina, A.F., Uspenskij, F. B. (2006), *Vybor imen u russkih knjazej v X–XVI vv. Dinasticheskaja istorija cherez prizmu antroponimiki* [The choice of the name of the Russian princes in the 10th-16th centuries. Dynastic history through the lens of anthroponymy]. *Indrik*, Moscow, 740 p. (In Russian)
13. Litvina, A.F., Uspenskij, F.B. (2020) *Dinasticheskij mir domongol'skoj Rusi* [he Dynastic World of Pre-Mongol Russia]. *Izdatel'stvo Olega Abyshko*, Saint-Petersburg, 432 p. (In Russian)
14. Nazarenko, A. V. (2001) *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah. Mezhdisciplinarnye ocherkikul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX–XII vekov* [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary essays on cultural, commercial, and political relations of the 9th–12th centuries]. *Languages of Russian Culture*, Moscow. 780 p. (In Russian)
15. Priselkov, M.D. (2003) *Ocherki po cerkovno-politicheskoi istorii Kievskoj Rusi X–XII vv.* [Essays on the Church and political history of Kievan Rus in the X–XII centuries]. *Nauka*, Saint-Petersburg, 245 p. (In Russian)
16. Rappoport, P. A. (1993), *Ancient Russian architecture* [Drevnerusskaja arhitektura]. *Stroj-izdat*, St.Petersburg, 287 p. (In Russian)
17. Sverdlov, M.B. (2003) *Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII vv.* [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia of the VI – first third of the XIII centuries]. *Academic project*, Saint Petersburg, 734 p. (In Russian)
18. Uzhankov, A.N. (2022) *Kartina mira drevnerusskogo knizhnika. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury* [The picture of the world of the Ancient Russian scribe. Categories of Russian medieval culture]. *Institut naslediya*, Moscow, 212 p. (In Russian)
19. Hrustalev, D.G. (2022) *Koldovstvo na Rusi: politicheskaya istoriya ot kreshcheniya do «Antihrista»* [Witchcraft in Russia: a political history from baptism to the "Antichrist"]. *AST*, Moscow, 319 p. (In Russian)

Научное издание

Новый исторический вестник

Редактор С.С. Ипполитов
Компьютерная верстка М.В. Филатов

Свидетельство о регистрации СМИ
№ 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 29.06.2025
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,51
Тираж 500 экз.

Издательство «Смелый дизайн»
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67.
Телефон (985) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru